

ГАНУТ

1 9 4 1

На страницах этого сборника вас ожидают встречи с людьми несравненного мужества и воинского умения.

Защитники полуострова Ханко, много дней и ночей сражавшиеся во вражеском окружении на небольшом клочке земли, правдиво поведают вам суровые были грозного сорок первого года.

Многих из тех, чьи имена упомянуты здесь, уже нет среди нас. Оставленные ими фронтовые записи, письма и дневники звучат как завет живущим: больше всего на свете любите родную страну, храбро и самоотверженно защищайте ее от всех и всяких вражеских посягательств!

ГАНГУТ

1 9 4 1

СБОРНИК ВОСПОМИНАНИЙ
О ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЕ
ПОЛУОСТРОВА ХАНКО
В ПЕРВЫЕ ДНИ И МЕСЯЦЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ЛЕНИЗДАТ
1974

Составитель К. К. Грищинский

СУРОВЫЕ БЫЛИ ВОЙНЫ

Людам старшего поколения, вынесшим на своих плечах безмерную тяжесть войны, особенно памятен грозой 1941-й.

Это был год невероятного напряжения всех наших моральных и физических сил, год тяжелых военных неудач и первых вдохновляющих побед над озверелым, вымуштрованным, самоуверенным фашистским войском.

В послевоенное время вышло много книг, освещающих этот период войны, повествующих о беспримерном мужестве, о героизме наших людей, вставших грудью на защиту социалистического Отечества.

Немало написано и о славной обороне полуострова Ханко. И все же эта тема далеко не исчерпана. С интересом прочитал я вышедшую недавно книгу воспоминаний генерала С. И. Кабанова. Прочитал и подумал о том, что хорошо бы наряду с мемуарами известного военачальника, стоявшего во главе обороны Ханко, издать воспоминания других защитников полуострова, бывших командиров, политработников и рядовых бойцов.

И вот передо мной именно такая книга — сборник воспоминаний «Гангут. 1941». Я беру ее в руки не без волнения. С большим интересом воспринимается этот коллективный рассказ ветеранов-гангутцев, писателей и журналистов о том, как жил и строил оборону, как

отважно сражался и готовился к новым нелегким боям гарнизон бесстрашного Гангута.

Мне не довелось побывать на Ханко в ходе боевых действий. Однако в моей памяти ярко запечатлелось посещение военно-морской базы весной и летом 1940 года. В то время на полуострове ускоренным порядком возводились крупные береговые батареи. Они сооружались среди скал, на крутых, обрывистых островах. Не так просто было доставлять на эти позиции цемент, песок, пушки, боеприпасы. Однако строители — краснофлотцы и красноармейцы — справились с этой трудной и ответственной задачей. В невиданно короткий срок была создана прочная оборона на сухопутной границе — в том месте, где во времена Петра Первого русские моряки перетаскивали свои деревянные суда через перешеек в самой узкой части полуострова. Конечно, приходилось доделывать многое уже в ходе войны. Но в целом в течение сорокового и в начале сорок первого годов гарнизон базы сделал все, что было в его силах, чтобы построить ряд убежищ и укреплений, способных выдержать удары с моря, с воздуха и с суши.

К моменту нападения фашистской Германии на Советский Союз база Ханко у входа в Финский залив была уже крепким орешком для противника. Гангутцы встретили во всеоружии суровые испытания первых дней войны. Они выдержали трудный боевой экзамен с честью. Командование базы и весь ее гарнизон отчетливо понимали, что отступать с полуострова некуда. И они стояли насмерть, защищали свои позиции до самой последней возможности.

На всем протяжении огромного советско-германского фронта наши люди самоотверженно защищали свою социалистическую Родину. Полуостров Ханко был одним из наиболее трудных участков фронта. После того как мы вынуждены были оставить Таллин и острова Моон-зунда, отважные гангутцы дрались с врагом на маленьком пятачке земли. Их ближайшим тылом был Кронштадт, находящийся на расстоянии двухсот с лишним миль от Ханко.

Свыше полумиллиона снарядов и мин выпустил по территории базы враг. Однако он ничего не добился. А гангутцы нанесли противнику ощутимый урон: они вывели из строя свыше пяти тысяч его солдат и офицеров. На дно залива были отправлены два неприятель-

ских миноносца, сторожевой корабль, шесть торпедных катеров, около ста мелких судов. Враг потерял пятьдесят три самолета и семь береговых батарей.

Сегодня, спустя три десятилетия, как незабываемая клятва звучат слова, обращенные гангутцами к защитникам Москвы в самые суровые и тревожные часы боев. «Здесь, на уютной каменистой земле, — писали они, — мы, граждане великого Советского Союза, не испытываем одиночества. Мы знаем, что Родина с нами, Родина в нашей крови, в наших сердцах... Мы будем бороться до самой победы, никогда не дрогнут наши ряды!»

Не случайно в ту пору, когда весь мир с неослабным вниманием следил за исходом сражения, развернувшегося в предместьях советской столицы, «Правда» в передовой статье писала: «Этот доблестный, героический подвиг защитников полуострова Ханко в грандиозных масштабах должна повторить Москва!»

Сто шестьдесят четыре дня, вплоть до декабря 1941 года, герои-гангутцы противостояли превосходящим силам противника. Снабжение Ханко в зимних условиях в глубоком тылу врага до чрезвычайности осложнилось бы. К тому же необходимо было сосредоточить как можно больше сил для обороны Ленинграда. Взвесив все эти обстоятельства, Ставка Верховного главнокомандования решила эвакуировать гарнизон военно-морской базы Ханко. Это была очень сложная операция. Она требовала мужества и несравненного героизма. Финский залив был буквально засыпан минами. Начался ледостав. Не удивительно, что в ходе эвакуации ханковцы понесли немалые потери. Тем не менее, из двадцати семи тысяч человек более двадцати двух тысяч к началу декабря 1941 года прибыли в Кронштадт и вскоре приняли участие в обороне Ленинграда.

Воспоминания, заметки и очерки, включенные в сборник «Гангут. 1941», представляют собой коллективный рассказ о днях обороны Ханко, о славных и подчас трагических судьбах его защитников.

Это придает книге особый характер.

Когда многие люди рассказывают об одних и тех же событиях, свидетелями которых они были, неизбежны повторы. Они есть и здесь, в этом сборнике. О начале Великой Отечественной войны и оборонительных работах на Ханко, об отражении вражеских атак на суше,

на море и в воздухе, о высадке наших десантных отрядов на острова, о контрбатарейной борьбе, о подвигах прославленных героев-гангутцев можно прочесть в ряде материалов книги. Но я не нахожу в этом изъяна. Каждый из авторов воспоминаний увидел по-своему боевые будни гарнизона Ханко и по-своему их нарисовал. Между тем общая, коллективно созданная картина приобрела объемный характер. Впечатляющая сила ее возросла.

Мемуарная литература становится у нас все более популярной. О событиях военных лет, исключительных по своему характеру, хочет знать молодое поколение советских людей.

Воспоминания участников войны — это драгоценные сокровища народной памяти. Это то наше духовное наследие, которое мы обязаны высоко ценить.

Сборник «Гангут. 1941» не залежится на полках библиотек. Он будет с интересом прочитан и пожилыми, и молодыми людьми. Он побудит их о многом задуматься, он многое для них прояснит.

*Герой Советского Союза
Н. Г. Кузнецов*

ЭТО БЫЛИ ДНИ НАПРЯЖЕННОГО ТРУДА
И БОЕВОЙ УЧЕБЫ. РОСЛИ НАШИ УКРЕПЛЕ-
НИЯ, КРЕПЧЕ СТАНОВИЛАСЬ ОБОРОНА ПО-
ЛУОСТРОВА, ЗАКАЛЯЛИСЬ, МУЖАЛИ ЛЮ-
ДИ. ВМЕСТЕ С ВОЕННЫМ ОПЫТОМ К НАМ
ПРИХОДИЛА ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЗРЕЛОСТЬ.

*Из воспоминаний гвардии майора
в отставке И. П. Хорькова, бывшего
командира роты 335-го стрелкового
полка*

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

*Лето сорокового года ●
Новая советская военно-
морская база ● Первые
сводные отряды на Хан-
ко ● Полки занимают
свои рубежи ● На учеб-
ных полях и стрельби-
щах ● Фронт оборони-
тельных работ*

Г. Р. КЕТЛЕРОВ,
генерал-майор запаса,
бывший начальник шта-
ба 8-й отдельной стрел-
ковой бригады

НАКАНУНЕ БОЛЬШИХ СОБЫТИЙ

Погода в районе Ханко пе-
ременчива. Утром — безмя-
тежная тишина. В полдень —
внезапные порывы ветра, на-
гоняющего низкие, тяжелые
тучи. Затем небо снова про-
ясняется, начинает пригревать
солнце.

На самой оконечности по-
луострова стоит городок Хан-
ко (в старину его называли
Ганге). Он построен в конце
XVIII века как шведская кре-
пость, стерегущая вход в Бот-
нику и в Финский залив.

Одноэтажные домики окру-
жены кустами шиповника, еля-
ми и дубами. В центре горо-
да — десятка два-три камен-
ных зданий. Самое высокое из
них — водонапорная башня, с
которой на много миль вокруг
виден полуостров и Балтий-
ское море.

Весной 1940 года на полу-
остров Ханко, арендованный
у Финляндии, были перебро-
шены транспортными самоле-
тами наши сводные отряды,
состоявшие из военных моря-
ков и бойцов-пехотинцев. Пер-
вый такой отряд прибыл на
Ханко 22 марта 1940 года.
Для доставки остальных во-
инских подразделений был
использован морской транс-
порт.

Сначала я занимал на
Ханко должность начальника
оперативного отделения, а за-
тем начальника штаба 8-й от-
дельной стрелковой бригады.
Это воинское соединение, сфор-
мированное в марте 1940 года,

было хорошо вооружено и обучено.

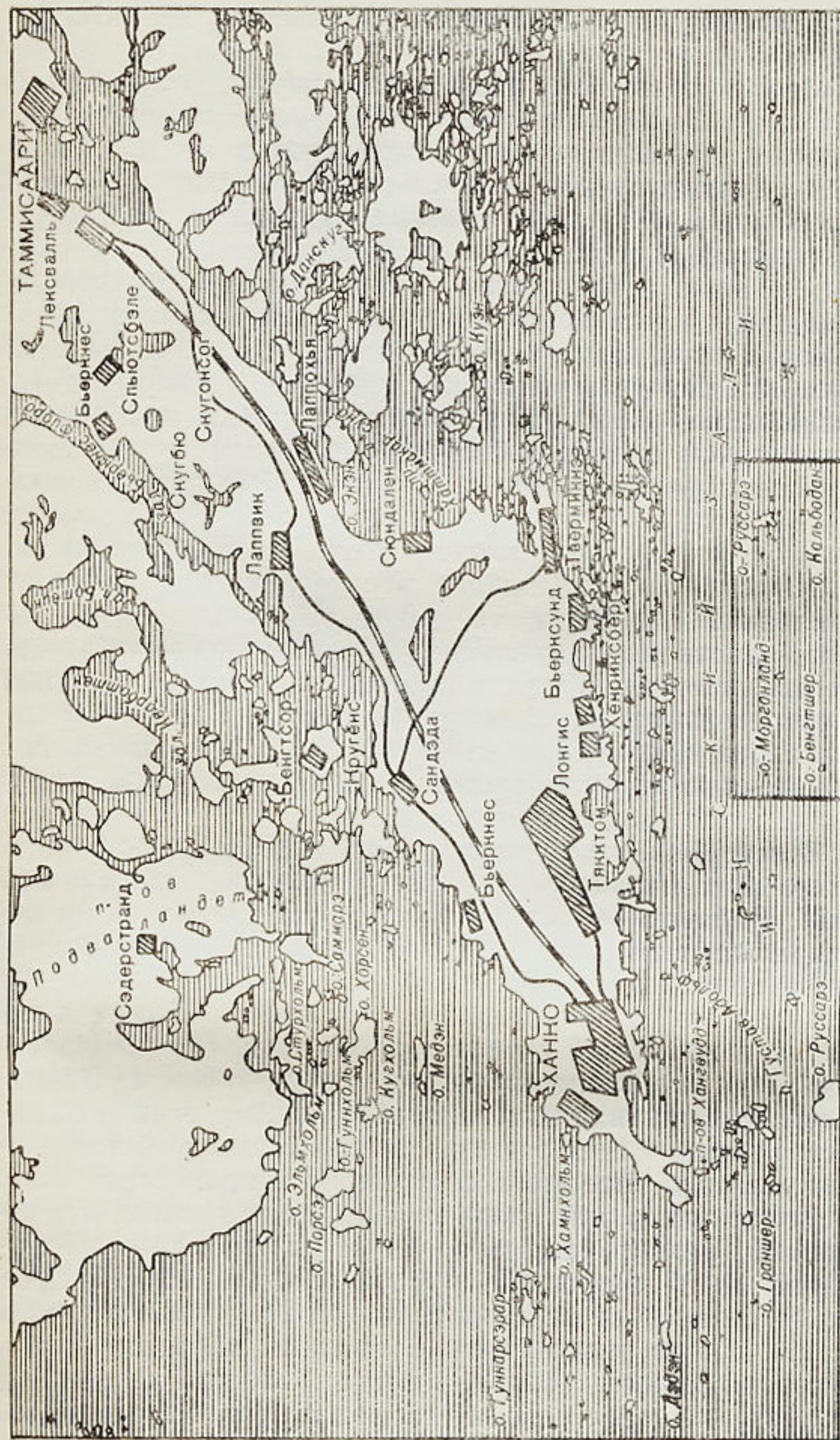
К концу мая в штабе бригады был полностью отработан план обороны отведенных ей участков. Сосредоточив все боевые силы и средства соединения на сухопутном направлении, мы предусматривали глубокое оперативное построение войск, чтобы обеспечить решительное поражение противника, если он попытается наступать с суши. Имелось в виду также не допустить высадки на территории базы морских и воздушных десантов. Для этого войскам надлежало защищать не только перешеек, по которому проходила граница с Финляндией, но и ряд островов, расположенных к северу и востоку от полуострова.

Разумеется, сухопутный участок границы мог стать наиболее вероятным направлением удара для захвата Ханко. Поэтому командование приняло решение основные силы 270-го и 335-го стрелковых полков развернуть на перешейке и одновременно частью их подразделений обеспечить оборону наших островов. Огневые позиции 343-го артиллерийского полка, размещенного в глубине полуострова, должны были создаваться с учетом боевых задач, которые ставились стрелковым частям.

При возникновении боевых действий входившие в состав бригады зенитный артиллерийский дивизион, танковый и саперный батальоны намечалось развернуть в средней части полуострова.

Командир бригады генерал-майор В. В. Крюков определил районы, время и место строительства оборонительных сооружений, наметил боевые порядки войск и средств усиления, уточнил их задачи и утвердил порядок взаимодействия между ними.

Командование и политотдел особое внимание уделяли деятельности партийных и комсомольских организаций, политическому обеспечению мероприятий по строительству укреплений и боевой подготовке войск, а также проведению массово-политической работы среди личного состава. Много сил и энергии этому важному делу отдали политработники под руководством комиссара бригады А. Е. Халезова и начальника политотдела Г. П. Романова. Это были хорошие организаторы, опытные политработники, пользовавшиеся авторитетом у командиров и бойцов. Их можно было встретить всюду: в порту, куда прибывали войска, на островах и Петровской просеке, где мы рыли окопы и траншеи, в лет-

Район Ханко.

них лагерях, на стрельбищах и, конечно же, на полях учений.

Лето и осень 1940 года были для нас очень напряженными. Закончились рекогносцировки, планирование обороны, полевые учения и перевозка войск из Ленинграда, пополнение их вооружением и техникой. Были построены необходимые полевые укрепления на сухопутной границе и островах, отремонтированы дороги, усилены старые и построены новые мосты, оборудованы командные и наблюдательные пункты. Много потрудились связисты. Немало было сделано органами тыловой службы: накапливались боеприпасы, разворачивались медицинские учреждения, многое делалось для обеспечения войск продовольствием и вещевым имуществом.

В октябре 1940 года на Ханко прибыл новый командир 8-й отдельной бригады — полковник Н. П. Симоняк. До этого он был инспектором пехоты управления боевой подготовки Ленинградского военного округа. Николая Павловича Симоняка мы знали как опытного командира, участника гражданской и советско-финской войн. Он многие годы прослужил в армии. Познакомившись с планом обороны сухопутной границы полуострова, полковник Симоняк не стал вносить в него изменения. Намеченные штабом способы боевых действий войск также остались прежними.

В мае 1941 года командиром военно-морской базы Ханко был назначен генерал-майор береговой службы С. И. Кабанов (в сентябре ему было присвоено звание генерал-лейтенанта). Высокообразованный и всесторонне подготовленный военный специалист, он проявил незаурядные организаторские способности. Бывая в частях и в штабе 8-й стрелковой бригады, Сергей Иванович почти все вопросы обычно решал на месте. Внимательно выслушивая командиров, он вносил, если требовалось, поправки в их решения, давал ясные и обстоятельные указания. Все это в спокойном, товарищеском тоне.

Тогда же, в мае, полуостров Ханко посетил командующий Ленинградским военным округом генерал-лейтенант М. М. Попов. С группой генералов и офицеров штаба он пробыл на территории базы несколько дней и за это время ознакомился с планом обороны Ханко, объехал военные городки, побывал в летних лагерях, на учениях, осмотрел систему оборонительных сооружений.

Наступал июнь 1941 года...

Работы по завершению и строительству оборонительных рубежей шли полным ходом. На северном побережье полуострова и прилегающих к нему островах сооружались деревоземляные и долговременные огневые точки из камня, устанавливались проволочные заграждения и другие препятствия. На перешейке заканчивалось рытье большого противотанкового рва; вдоль него и в глубину ставились гранитные надолбы, проволочные и минные заграждения.

Все мы сознавали, что надо торопиться с завершением этих фортификационных работ. Большую тревогу вызывала осложнявшаяся внешнеполитическая обстановка. Советский посол в Хельсинки С. И. Зотов побывал у нас на Ханко, проинформировал командование военно-морской базы о том, что немцы по морю перебрасывают войска в финские порты.

То же подтверждалось и данными войсковой разведки, зафиксировавшей резко усиливавшееся передвижение гужевых и автомобильных транспортных средств в районе Таммисаари. Наблюдательные посты, установленные в приграничной полосе, доносили в штабы бригады и военно-морской базы о том, что по другую сторону границы все чаще появляются финские офицеры, тщательно просматривающие с помощью биноклей нашу территорию.

Поступавшие в штаб базы разведсводки информировали наше командование о том, что развертывание финских и немецких войск в Финляндии продолжается. Об этом свидетельствовали многочисленные факты. Станция Таммисаари была забита воинскими эшелонами. На расположенных вблизи Ханко финских аэродромах стояли немецкие самолеты. В порт Турку прибывали транспорты с немецкими войсками, танками и артиллерией. В районе Або-Аландских островов было отмечено появление кораблей германского военно-морского флота.

Хотелось верить, что все эти действия — всего лишь демонстрация силы, преследующая определенные политические цели. Однако трезвое размышление и зрелый боевой опыт многим из нас подсказывали: надо быть готовыми ко всему. И мы были готовы.

Курс на Гангут ● Пробиваясь сквозь торосы ● Памятные места ● Моряки обследуют фарватеры ● Благодарность наркома ● „Вест“ идет в Мариенхамн ● Тревожные вести

С. Ф. МЕНЬШИКОВ,
капитан 1-го ранга в отставке, бывший флагманский штурман военно-морской базы Ханко

В АБО- АЛАНДСКИХ ШХЕРАХ

В первых числах марта 1940 года я получил приказание немедленно прибыть в Кронштадт. Вызов поступил от начальника штаба флота контр-адмирала Ю. А. Пантелеева и начальника Гидрографического управления ВМФ Я. Я. Лапушкина.

Адмиралы задали мне вопросы, связанные с ледовой обстановкой в Финском заливе, а затем распорядились, чтобы гидрографическая служба тотчас приступила к срочному навигационному оборудованию глубоководного фарватера для проводки каравана транспортных судов к полуострову Ханко.

Это задание командования флота было выполнено за пять суток.

В предстоящем переходе из Ленинграда на Ханко должны были участвовать транспортные суда «Днепр», «Вторая пятилетка», «Волголес», «Луначарский», «Эльтон», вспомогательный ледокол «Трувор». Флагманом шел ледокол «Ермак».

Зима стояла суровая. Лед на заливе был толстый, торосистый. Пробиваться сквозь него с караваном судов было трудно. Надо учесть также, что в составе этого каравана были два старых транспорта — «Луначарский» и «Эльтон». Но мы рассчитывали справиться с заданием. Командовал «Ермаком» один из опытейших ледокольных капита-

нов Балтики Михаил Яковлевич Сорокин. Мне, флагманскому штурману отряда судов, было хорошо работать с ним. Мы знали друг друга с 1916 года. Сорокин в то время был командиром гидрографического судна «Азимут», а я — его штурманом...

Но вернемся к нашему походу на Ханко. Это было вскоре после войны с Финляндией. Главный фарватер севернее острова Сескар еще не был разминирован. Нам пришлось вести суда по очень узкому проходу южнее этого острова, где отмели подходят к фарватеру довольно близко.

В узкости, куда вошел «Ермак», еще стоял тяжелый лед, и ледокол был вынужден то и дело разворачиваться на обратный курс, чтобы выводить на буксире застрявшие транспорты. Если бы во время этих разворотов «Ермак» сел на камни, то всему нашему каравану судов не оставалось бы ничего иного, как ждать, пока в проход южнее Сескара не войдут ледоколы «Святогор» и «Ленин», вызванные из Арктики. Это — в лучшем случае, а в худшем — каравану, затертому во льдах, пришлось бы дожидаться весны, начала навигации.

Но все обошлось благополучно. Проложив многомильный путь через весь Финский залив, наши транспортные суда доставили на Ханко принятые на борт войска, а также большое количество различных грузов и боезапаса.

За несколько дней до прихода на Ханко «Ермака» с караваном судов на эту военно-морскую базу прибыл самолетом ее командир — капитан 1-го ранга С. Ф. Белоусов. Он хорошо знал меня. В бытность свою флагманским штурманом Балтийского флота Сергей Филиппович часто навещал гидрографические суда и не раз беседовал со мной.

Флаг-штурман обычно подчинялся начальнику штаба базы. Однако Белоусов изменил этот порядок. По его распоряжению я должен был подчиняться непосредственно ему. Он приказал отвести для работы флагштурмана комнату возле своего кабинета. Что же, это понятно: деловые ежечасные контакты командира и штурмана очень важны.

В один из первых дней моего пребывания на Ханко Сергей Филиппович сказал мне:

— Сегодня на катере пройдем по району базы, надо ознакомиться с изменениями, которые произошли на

Гангуте с восемнадцатого года. Помнится, в главной гавани есть построенная с вашим участием северная стенка. Цела она, как вы думаете?

— Должно быть, цела. Что с ней станет...

Морскую службу я начал в старом русском флоте, с тех пор как весной 1910 года был определен юнгой на гидрографическое судно. В водах, омывающих Ханко, плавал вначале рядовым матросом, затем рулевым. Над сооружением пристани, о которой теперь напомнил мне Белоусов, я действительно в свое время работал. В 1914—1918 годах мне довелось исполнять должность военного лоцмана в Або-Аландском шхерном районе. Порты Або, Ганге, Мариенхамн и подходы к ним мне были хорошо известны.

Но я немного отвлекся. Вместе с Белоусовым мы обошли на катере гавань и порт Ханко, чтобы определить наиболее удобные места базирования прибывающих кораблей. В это время штаб флота известил командование базы о том, что на Ханко направляется 3-я бригада подводных лодок. С ней вместе должна была прибыть и плавбаза «Иртыш».

— Поставить их там, где отметка, в зюйд-остовом углу, — тут же, на катере, отдал распоряжение Белоусов. — К прибытию бригады гавань углубить, расширить и удлинить причальную стенку.

Мы вошли в гавань, где когда-то стояли спортивные финские яхты. Причалы здесь были уже расширены. Командир базы осмотрел стоянку и принял решение поставить в ней торпедные катера капитана 2-го ранга В. С. Черокова.

Осмотрев рейды, якорные стоянки и проливы между островами, мы определили, что западнее острова Руссарэ финны проложили новый глубоководный фарватер. В хорошем состоянии, как удалось выяснить, был и старый русский десятиметровый фарватер, который финны почему-то не использовали.

По приказанию Белоусова наш старый фарватер был восстановлен, и я по нему вскоре провел на рейд Твярминнэ и обратно прибывшие из Ленинграда учебные корабли «Комсомолец» и «Свирь».

Командир базы иногда поручал мне и некоторые чисто организационные дела.

— Сергей Федорович, — как-то обратился он ко мне, — с Большой земли прибыли пушки для береговых

батарей. Выгружать их в порту, затем грузить в баржу и опять выгружать — не слишком ли много ненужных операций? Сходите на Руссарэ, выясните, нельзя ли транспорт приткнуть где-нибудь к берегу и выгрузить орудия стрелой.

Я побывал на острове, нашел подходящее место для швартовки судна, привел туда транспорт «Волголес». Его пятнадцатиметровой грузовой стрелой пушки были подняты и перенесены на берег.

Командир базы распорядился организовать теоретические и практические занятия с командным составом кораблей и катеров, прибывших на Ханко. Требовалось изучить шхерные фарватеры. Я собрал весь командный состав и по несколько раз обошел с ними все шхерные проходы, благо летом у нас на Балтике стоят белые ночи...

Конечно, легче было работать с подводниками, хорошо подготовленными во всех отношениях. С командирами подлодок я прошел по шхерному району два-три раза, и они его освоили. А вот командный состав катеров теорию знал хуже. Да и в шхерах катерникам пришлось быть впервые. Между тем узкие проходы, крутые повороты шхерных фарватеров требуют от командиров идущих на большой скорости торпедных катеров мгновенных решений.

Командир 2-й бригады торпедных катеров капитан 2-го ранга В. С. Чероков сделал все для того, чтобы занятия по изучению района плавания шли организованно. Составленный нами план учебы утвердил командир базы.

Обычно я приходил в штаб бригады утром и по карте информировал Черокова о том, какой фарватер мы изучаем, каковы особенности плавания по нему. Он проверял, занесли ли подчиненные в конспекты все, что мною сообщено, и только после этого выходил с нами в море. Вначале мы шли по фарватеру малым ходом. В это время мои слушатели делали в блокнотах записи и зарисовки, а я давал пояснения или отвечал на вопросы. Итоги похода подводились в штабе. Вскоре все командиры торпедных катеров сдали зачет и уже самостоятельно ходили в шхерах.

Ожидалось прибытие к нам командующего Балтийским флотом вице-адмирала В. Ф. Трибуца. Белоусов и Чероков решили его «прокатить» на торпедном катере

по шхерным дорогам, которые гангутцы знали к тому времени хорошо. Предложение пройти на катере по шхерам комфлота принял. Перед походом он оделся, как и катерники, во все непромокаемое. Из-под козырька фуражки видны были только глаза. Вместе с Белоусовым Трибуц поднялся на борт головного торпедного катера. Чероков и представители штаба флота разместились на следующем.

Дав полный газ, торпедные катера рванулись вперед. Вдоль бортов мелькали береговые скалы. Вода хлестала по палубе.

Катера подошли к причалу на острове Хесте-Бюссе. Только здесь командующий смог снять головной убор и вытереть вспотевший лоб платком. Он выглядел, как после бани, но походом остался очень доволен. Поблагодарив Черокова и меня за обучение катерников, Владимир Филиппович сказал, что на Ханко предполагает скоро побывать «сам хозяин» — нарком Военно-Морского Флота адмирал Н. Г. Кузнецов. При этом, хитровато щурясь, Трибуц сказал:

— Надо бы и его «прокатить»...

Николая Герасимовича Кузнецова, который действительно вскоре прибыл на Ханко, мы тоже пригласили на борт торпедного катера. Все звено, в составе четырех торпедных катеров, вихрем прошло по извилистым шхерам, окружающим полуостров. Нарком выразил удовлетворение действиями командиров. Командованию бригады он объявил благодарность за отличную подготовку торпедных катеров.

* * *

На Западе второй год шла война. Обстановка в бассейне Балтийского моря становилась все более тревожной. Финляндия явно сближалась с фашистской Германией.

Во время очередного посещения Ханко вице-адмирал Трибуц сказал начальнику штаба базы:

— Меньшиков хорошо знаком с Аландскими шхерами. Пусть он доставит в Мариенхамн катер для нашего консула.

Для похода по заданию командующего контр-адмирал Я. Я. Лапушкин выделил гидрографическое судно

«Вест». Мне должен был помогать старший лейтенант Л. Н. Горбунов, тоже гидрограф. Мы отправились в порт Турку, рядом с которым находилась главная база финского военного флота.

Хорошо зная финские порядки той поры (суда могли следовать по фарватерам без лоцмана, но они все равно были обязаны по прибытии в порт платить лоцманский сбор), мы миновали входную лоцманскую станцию, и «Вест» на рассвете вошел в порт Турку. Корабль быстро развернулся и стал на швартовы у пирса.

На берегу возник переполох. Первым к «Весту» прибежал страшно встревоженный командир порта по фамилии Скугстрем.

— Откуда и зачем прибыли? — едва переводя дыхание, спросил он меня сначала по-фински, потом по-шведски и, наконец, по-русски.

Как можно спокойнее и вежливее я отвечал:

— Идем из Ханко в Мариенхамн, чтобы доставить нашему консулу катер. Но там, господин Скугстрем, есть только однотонная грузовая стрела. Вот мы и зашли к вам в Турку, чтобы снять наш пятитонный катер с палубы и спустить его на воду.

Однако это не успокоило командира порта. Он топтался на месте и бормотал про себя какие-то ругательства. В этот момент у пирса остановилась легковая автомашина. Выскочивший из нее господин подбежал к Скугстрему.

— Что вы ковыряетесь, шляпа? — заорал он на него по-шведски. — Спустите побыстрее катер, и пусть они убираются к черту!

Не знаю, кто был этот человек. Во всяком случае, командир порта тотчас стал выполнять его приказание. Портовый кран быстро поднял с палубы «Веста» катер и

Гидрограф Л. Н. Горбунов.
Рис. Б. Пророкова.

опустил его на воду. Мы взяли суденышко на буксир и покинули Турку. К Мариенхамну шли опять без лоцмана.

В Мариенхамне мы сдали советскому представительству катер и, покинув этот порт, снова вошли в Аландские шхеры.

На полуострове за время нашего отсутствия произошли штатные изменения. Ушел учиться в Военно-морскую академию командир базы капитан 1-го ранга С. Ф. Белоусов. Временно командовал ею генерал-майор береговой службы А. Б. Елисеев. Начальником штаба базы стал капитан 2-го ранга П. Г. Максимов.

Мне предстояло снова уходить в плавание. В Ботнический залив отправлялся пассажирский теплоход «Сибирь». В мою задачу входило: обогнув опушку Аландских шхер и миновав шведские внутренние шхеры, зайти в глубь залива. Плавание это было не напрасным. Нам удалось зафиксировать интенсивное движение немецких транспортных судов между шведским портом Лулео и германскими портами.

Вернувшись из похода в Ботнику, я узнал о том, что на полуостров прибыл новый командир военно-морской базы Ханко — генерал-майор береговой службы С. И. Кабанов. Представляясь Сергею Ивановичу, я доложил ему о навигационной обстановке в районе полуострова. Генерал внимательно выслушал меня, задал несколько вопросов относительно произведенных нами работ и затем, обращаясь к присутствующему при докладе начальнику штаба базы, коротко заключил:

— Все, что сделано гидрографами, принесет пользу нашему делу. Но следует уже сейчас начать подготовку навигационного обеспечения на случай военных действий. В воздухе пахнет порохом...

*Гремят на полигоне
выстрелы ● Крыша над
головой ● Когда на гим-
настерках проступает
соль ● Именные часы от
адмирала ● На танко-
опасных направлениях*

И. О. БОНДАРЕНКО,

*полковник в отставке,
бывший начальник ар-
тиллерии 335-го стрел-
кового полка*

ГРАНИЦА НА ПРОЧНОМ ЗАМКЕ

Артиллерийские подразделе-
ния 335-го стрелкового пол-
ка были доставлены железно-
дорожными эшелонами из-под
Выборга в Ленинград. В Мор-
ском торговом порту нас при-
нял на борт пароход «Вторая
пятилетка».

7 апреля 1940 года кара-
ван в составе нескольких
транспортов, сопровождаемый
двумя ледоколами, отправился
из Ленинграда на Ханко. На-
вигационная обстановка была
тяжелой, и поход длился бо-
лее двух недель. К месту на-
значения суда прибыли лишь
24 апреля.

Полковая артиллерийская
батарея, противотанковая арт-
батарея и взвод 120-милли-
метровых минометов (в то
время это было новое оружие)
прибыли на сухопутную гра-
ницу в район Лаппвика вместе
со стрелковыми батальонами.
Временно артиллеристы поста-
вили свои палатки в лесу.

Нам уже приходилось вое-
вать в условиях лесисто-боло-
тистой местности, когда совет-
ские артиллеристы участвова-
ли в прорыве сильно укреп-
ленной линии Маннергейма.
Используя свой боевой опыт,
мы сразу же организовали на
полуострове плановые занятия
с личным составом артилле-
рийских подразделений и их
командирами. В расписание
этих занятий были включены
боевые стрельбы из орудий,
минометов и стрелкового ору-
жия, не была забыта строевая

и физическая подготовка. Много времени приходилось уделять уходу за лошадьми (вся наша артиллерия была на конной тяге).

Артиллеристы рыли окопы, сооружали капониры и блиндажи, строили конюшни, сараи и казармы. От зари и до темна кипела напряженная работа. Лишь после вечерней поверки у бойцов появлялась возможность на короткое время собраться у костра, переброситься парой слов с товарищами. Любителей побалагурить всегда хватало. Неутомимым острословом был разведчик полковой артбатарей красноармеец Михаил Дудин. О чем бы ни заходил разговор, он всегда находил в запасе веселый анекдот, каламбур.

Как-то вечером я подошел к костру, от которого доносился особенно шумный говор и смех. Конечно же, среди собравшихся был Дудин. Я присел рядом с красноармейцами и незаметно перевел беседу на тему о наших бытовых нуждах, в частности, упомянул, что предстоит наладить выделку дранки (нечем было покрывать казармы и конюшни, стены которых были почти полностью возведены).

— Товарищ командир, — обратился ко мне с напускной серьезностью Дудин, — предоставьте мне краткосрочный отпуск в Ленинград, а я вам гарантирую, что мы быстро создадим мастерскую для выделки дранки.

Я внимательно посмотрел на лукаво улыбающегося бойца и ответил:

— Идет. Отпуск будет обеспечен. Организуйте работу!

На следующий день, заглянув на территорию артиллерийских подразделений, я с изумлением увидел, что мастерская, которую пообещал создать Дудин, уже действует. Плотники сбили прочный станок, закрепили на нем нож, откованный кузнецами из стальной вагонной рессоры, которая была найдена, вероятно, в грудe металлолома. Душой всего дела был Миша Дудин. Работа шла полным ходом. Рядом высился штабель готовой дранки объемом в три-четыре кубометра. В следующие дни производительность мастерской стала возрастать.

Я сдержал слово и предоставил расторопному разведчику отпуск на десять суток.

Должен сказать, что я не знал о литературном даровании красноармейца Дудина, пока в руки мне не по-

пало письмо от Ленинградского отделения Союза советских писателей. Обращаясь к командованию части, литераторы-ленинградцы просили создать по возможности благоприятные условия для творческой работы молодого, талантливого поэта.

Мы перевели Дудина из команды артиллерийских разведчиков в полковую библиотеку: где еще могли быть у нас лучшие условия для творческой работы! Однако сам он отнесся к этому переводу без энтузиазма. Он по-прежнему жил в землянке, со своими друзьями из команды артиллерийских разведчиков, и даже выкраивал время, чтобы вместе с ними работать на строительстве укреплений.

По сигналу «Отбой!» в полку все затихало. Бойцы засыпали, едва коснувшись подушки. Бодрствовали лишь часовые и дневальные. Каждый новый день был заполнен напряженным физическим трудом и боевой учебой. На гимнастерках бойцов и младших командиров, занятых на работах, выступала соль. Однако никто из артиллеристов-ханковцев не роптал. Люди самоотверженно выполняли свой долг. Каждый понимал: надо врасти в землю, закрыть границу на прочный замок.

В районе перешейка и на прилегающих к полуострову с севера и востока островах летом 1940 года была проведена тщательная рекогносцировка местности. В комиссию, выполнявшую это задание, помимо представителей Наркомата обороны СССР и штаба Ленинградского военного округа командование взяло начальника штаба 8-й бригады капитана С. М. Путилова и меня. В помощь членам комиссии были приданы бойцы, умевшие хорошо пользоваться буссолью и теодолитом.

Комиссия определила места для строительства дотов и дзотов, решила, как эффективнее организовать систему артиллерийского, минометного и пулеметного огня. Результаты ее работы были одобрены командованием. Капитана С. М. Путилова и меня нарком Военно-Морского Флота адмирал Н. Г. Кузнецов наградил за активное участие в работах по рекогносцировке местности на Ханко именными часами. Были поощрены и другие товарищи.

Артбатареи и минометный взвод полка упорно совершенствовали на местности свое боевое умение. Во время этих учений полковые артиллеристы оборудовали

уже построенные огневые точки, улучшали основные и запасные огневые позиции.

Мне не раз приходилось отмечать умелые и точные действия командира взвода управления младшего лейтенанта В. Ф. Давиденко. Старательно проверял он маскировку наших наблюдательных постов, уточнял ориентиры. Под его руководством была создана подробная панорама переднего края возможного противника с нанесенными на ней укреплениями и военными объектами.

В случае войны враг мог бросить против нас танки. Организуя противотанковую оборону, мы прежде всего оборудовали огневые позиции двух 76-миллиметровых орудий на участке стрелковой роты лейтенанта И. Хорькова, затем поставили два таких же орудия на участке стрелковой роты лейтенанта В. Васильева. В случае прорыва неприятельских танков эти орудия должны были стрелять по ним прямой наводкой. На участке шестой роты, которой командовал лейтенант А. Салтан, я приказал установить две 45-миллиметровые пушки. Фланкирующим огнем они могли простреливать насквозь противотанковый ров, вырытый поперек перешейка, от залива к заливу. Ров находился в 800—900 метрах от границы. Его глубина составляла два с половиной метра, а ширина — от четырех до пяти метров.

Огневые позиции на острове Германсэ занял и оборудовал третий взвод противотанковых орудий.

В глубине полковой обороны, на участке первого батальона, находились огневые позиции третьего взвода 76-миллиметровых пушек. Там же были установлены четыре «сорокапятки» двухцелевого назначения — для противотанковой и для зенитной обороны.

Все огневые точки батарей были связаны между собой телефонными линиями. Кабель был предусмотрительно упрятан в специально отрытые ровики.

Так, работая рука об руку со стрелками, артиллеристы 335-го полка обеспечили в системе обороны полуострова мощный противотанковый заслон.

*В каменных карьерах
полуострова ● Для бу-
дущих дотов и надолб ●
По ту сторону загра-
ждений ● Суда подходят
к старой пристани ●
Укрепления Петровской
просеки*

Б. З. ЛЕВИН,

*полковник в отставке,
бывший бригадный ин-
женер 8-й отдельной
стрелковой бригады*

ОДЕТЫ ЖЕЛЕЗО- БЕТОНОМ

В задачу военно-строи-
тельного участка, которым я
руководил, входило создать
укрепленный район в полосе
обороны 8-й отдельной стрел-
ковой бригады.

Иными словами, в районе
сухопутной границы полуостро-
ва Ханко предстояло постро-
ить железобетонные и дерево-
земляные огневые точки, на-
блюдательные пункты, узлы
связи, вырыть ходы сообще-
ния и окопы.

В состав управления уча-
стка входили высококвалифи-
цированные специалисты,
имевшие немалый опыт стро-
ительства укрепленных райо-
нов: начальник технического
отдела военинженер 3-го ран-
га Л. В. Шлихтер, инженер-
фортификатор военинженер
3-го ранга Ф. Л. Гепнер, на-
чальник планово-производст-
венного отдела воентехник
1-го ранга А. М. Ананян, стар-
ший политрук Х. Н. Эдель-
штейн и начальник снабжения
участка техник-интендант 1-го
ранга Д. А. Авербух. Кроме
того, в распоряжение началь-
ника участка прибыли в ка-
честве стажеров слушатели
Военно-инженерной акаде-
мии Н. Ф. Захаров, А. Г. Афа-
насьев и красноармеец-одно-
годичник А. П. Андреев. Поч-
ти все названные мною това-
рищи в заключительный пе-
риод обороны Ханко стали
командирами стрелковых под-
разделений созданного тогда
219-го полка.

На полуострове спешно строились доты. Гремели взрывы в каменных карьерах. Грохотали камнедробилки, производившие щебенку для строительства. Шла работа и в песчаных карьерах. Арматурщики, плотники, бетонщики готовили опалубку и армировали закладываемые огневые точки. Не лишне при этом заметить, что рядовой состав строительных подразделений состоял в основном из призванных в армию ленинградских рабочих.

Многие из построенных нами укреплений были успешно использованы войсками в дни обороны полуострова. Но нельзя не упомянуть здесь об одной из наших неудач.

Первая очередь будущих дотов была подготовлена для бетонирования, когда грянула война. Места, где строились огневые точки, мы старались как можно тщательнее маскировать. Однако финны вели постоянное наблюдение за всем, что делалось на Ханко, с многочисленных вышек, сооруженных ими вокруг базы — на перешейке и на островах. Что противник знает, где находятся наши недостроенные огневые точки, подтвердилось в первые же дни войны. Артиллерийские батареи врага открыли яростный огонь именно по этим позициям.

Незаконченные доты были очень выгодно расположены на местности. И все же мы, инженеры и строители, пришли тогда к выводу, что лучше эти позиции не занимать. Командир базы согласился с нами. Время показало, что решение было правильным...

Обеспечение фортификационных работ строительными материалами было сложной задачей. Нам требовалось много металла, круглого леса, пиломатериалов, цемента. Если проблема хранения металла и леса не возникала, то с цементом дело обстояло иначе. Хранить его под открытым небом нельзя, а складов на тысячи тонн цемента, который доставляли на Ханко грузовые суда, у нас не было.

Помнится, прибыло как-то судно с пятью-шестью тысячами тонн цемента. Командир порта базы интендант 1-го ранга А. В. Колесников, к которому мы вынуждены были обратиться с просьбой предоставить необходимое хранилище, в ответ только развел руками: все пакгаузы загружены.

Начальник снабжения участка Д. А. Авербух произвел тщательную разведку побережья. Вблизи залива,

неподалеку от намечавшейся стройки, он обнаружил большой крытый сарай, вполне сохранившийся. В него можно было загрузить все шесть тысяч тонн цемента, и еще осталось бы свободное место. К сараю в свое время была подведена ветка железной дороги, которая давно не использовалась, но была исправной.

Мы с Авербухом отправились к начальнику военных сообщений военинженеру 1-го ранга И. К. Исаеву, чтобы договориться с ним об открытии законсервированной железнодорожной ветки и о подаче вагонов в порт для перевозки цемента. Однако достаточного числа вагонов и платформ он не мог предоставить. А намеченные сроки строительства, что называется, поджимали.

Мы еще раз обследовали участок побережья, на котором находился сарай, потом отошли покурить к воде. И тут наше внимание привлек большой деревянный пирс, уходящий далеко в залив.

— А нельзя ли прямо сюда подавать суда под разгрузку? — сказал Авербух.

Предложение снабженца казалось заманчивым. Однако у меня оно вызвало сомнение.

— Вероятно, можно было бы, но ведь неподалеку граница. Вход в эту зону судам запрещен. Да и позволят ли глубины...

Действительно, граница проходила чуть ли не через территорию пристани. Пирсом, как позже выяснилось, пользовался в дореволюционное время русский флот. С тех пор подходные фарватеры, идущие к пристани, не расчищались.

Командир военно-морской базы, которому мы доложили обо всех этих обстоятельствах, приказал немедленно обследовать и углубить фарватер, отремонтировать пристань и организовать здесь приемку большегрузных судов.

Все было сделано, и к новой пристани стали подходить суда. Удалось избежать дорогостоящих перевалочных операций и сэкономить время. Правда, при этом возник «пограничный вопрос». Дело в том, что контрольно-пропускной пункт, где производился досмотр судов по окончании выгрузки, находился в порту Ханко. Пустые суда приходилось переправлять туда для этой обязательной процедуры. Чтобы не терять время зря, начальнику погранзаставы было дано указание первое судно досмотреть своими силами. Следующие же

досматривал наряд пограничников, вызываемый с КПП перед концом разгрузки.

Приграничная пристань помогла доставить к Петровской просеке, где велись оборонительные работы, несколько тысяч кубометров круглого леса и пиломатериалов, более тысячи тонн металла, около шести тысяч тонн цемента. Выгруженные на берег тракторы были направлены для установки мощных каменных надолб туда, где создавалась противотанковая оборона полуострова.

Гангут укреплялся, одевался в железобетон. Много сделали для этого и военные строители.

*Тактические занятия
на льду залива ● Конеч-
ный пункт похода — по-
селок Лаппвик ● О тех,
кто командовал рота-
ми ● Плечом к плечу с
пограничниками ● Зана-
вески в землянках ● Та-
лантов не занимать ●
Днем и ночью стучат
топоры*

И. П. ХОРЬКОВ,
гвардии майор в отстав-
ке, бывший командир
роты 335-го стрелкового
полка

ПОЛКОВЫЕ БУДНИ

Весной 1940 года нас доста-вил на Ханко морской транс-порт «Вторая пятилетка». Ле-докол «Ермак», шедший впе-реди каравана судов, ломал плотный лед, которым еще был скован Финский залив.

В пути, случалось, караван останавливался, и тогда, что-бы не терять драгоценное вре-мя зря, командир полка при-казывал командирам батальо-нов выводить роты на лед и проводить с бойцами строевые и тактические занятия. Рота моя насчитывала сто пятьде-сят бойцов. И каких бойцов! Большинство красноармейцев имели за плечами опыт боев на Карельском перешейке.

Выгрузившись в порту Хан-ко, полк отправился в двадца-тидвухкилометровый поход в сторону границы, к поселку Лаппвик, где было определено место нашего постоянного рас-квартирования.

Марш мы совершили бы-стро и легко. Недавние учения и тренировки прились ве-сьма кстати. Два стрелковых батальона полка, артиллерий-ские и другие подразделения части, разбив лагерь, разме-стились на южной окраине по-селка. Третий стрелковый ба-тальон был переправлен че-рез небольшой пролив на острова Экен, Куэн и Гер-мансэ.

С первых же дней пребы-вания на Ханко мы возобно-вили занятия по боевой и по-литической подготовке. Нашим

наставником и руководителем был капитан Яков Сидорович Сукач. Об этом человеке хочется рассказать несколько более подробно.

Комбат казался неутомимым в работе. Внимательный, заботливый по отношению к окружающим его людям, он в то же время был очень требовательным человеком. Именно поэтому мы, молодые командиры, искренне уважали капитана, гордились тем, что служим под началом Сукача. Ему еще в 1936 году за отличную подготовку младших командиров в учебном подразделении была вручена высокая награда — орден Красной Звезды. Орден Красного Знамени Яков Сидорович получил за боевые заслуги на финском фронте зимой 1939/40 года.

Хотелось бы вспомнить моих коллег — лейтенантов Виктора Васильева и Андрея Салтана, командовавших, как и я, стрелковыми ротами. Они были хорошими воспитателями подчиненных и верными товарищами. Немногим старше нас по возрасту был командир пулеметной роты старший лейтенант Михаил Башелейшвили. Он успел уже приобрести значительный опыт командования подразделением и охотно помогал нам добрыми советами, делился с нами своими знаниями.

Весной 1941 года боевую подготовку стрелкового полка проверяла инспекторская комиссия Ленинградского военного округа. Ее возглавлял командующий войсками округа генерал-лейтенант Маркиан Михайлович Попов. На проверку был представлен наш второй батальон.

По боевой и политической подготовке комиссия проверяла роту, которой командовал я. Командиры взводов, отделений и рядовой состав показали хорошую выучку. Комиссия осталась вполне удовлетворенной тем, как была подготовлена рота. Ее признали лучшей по результатам проверки. Командующий округом вручил командирам взводов И. Н. Емельянову и Н. Г. Опанасенкоменные часы, мне — фотоаппарат. Всему личному составу батальона была объявлена благодарность. Многие бойцы и сержанты получили ценные подарки.

Для более надежного прикрытия сухопутной границы с Финляндией наша четвертая рота была усилена пулеметной ротой, выделена в отдельный гарнизон и размещена между первой и второй погранзаствами, на северной окраине поселка Лаппвик. Организуя карауль-

ную службу в гарнизоне, я установил тесный контакт с пограничниками.

Требовалось позаботиться также об отдыхе бойцов и командиров нашего небольшого гарнизона. От того, как организован досуг личного состава, в какой-то степени зависит состояние боевой и политической подготовки войск. Забота об отдыхе красноармейцев легла на плечи младшего политрука С. Л. Кузьмина, которого вскоре стали любовно называть комиссаром гарнизона. Благодаря его энергии и инициативе у нас вскоре состоялся первый концерт ротной художественной самодеятельности.

Коллектив певцов, танцоров, рассказчиков, музыкантов возглавил ротный запевала красноармеец-пулеметчик Николай Запорожец, всесторонне одаренный человек, обладающий организаторскими способностями и художественным вкусом (после войны он окончил пединститут и ныне работает учителем в Краснодарском крае). В состав самодеятельной группы вошла также Прасковья Кузьмина, жена Сергея Лаврентьевича. Она очень удачно выступала на нашей клубной сцене.

Часть забот о нашем воинском жилье взяли на себя жены командиров и политработников, прибывшие на Ханко. На окошках землянок появились занавески. На территории части наши шефы разбили клумбы, посадили цветы.

Неподалеку от наших землянок стояла финская кирха. Это помещение было превращено в красноармейский клуб. Здесь регулярно демонстрировались кинокартины, выступали самодеятельные артистические коллективы военно-морской базы и наш ротный коллектив. Иногда на сцене клуба выступали и профессиональные концертные бригады, приезжавшие с Большой земли. Побывал

Командир саперов
А. И. Репня.

Рис. Б. Пророкова.

в нашем скромном клубе и ансамбль песни и пляски Ленинградского военного округа.

Хорошо, весело проходили такие вечера. Нередко нашим гостем бывал командир 8-й отдельной стрелковой бригады генерал-майор В. В. Крюков, общительный, жизнерадостный человек, знавший цену коротким минутам отдыха между часами воинского труда.

А труд был нелегким. Он продолжался зачастую и днем и ночью. Не было ни увольнений из части, ни краткосрочных отпусков. Мы выполняли строгий приказ: не теряя ни минуты драгоценного времени, строить в районе сухопутной границы надежные оборонительные сооружения. Красноармейцы, побывав на концерте или в кино, тотчас вооружались лопатами, кирками и топорами, строились и шли на работу. Они возводили прочные деревоземляные огневые точки, рыли противотанковые рвы, траншеи и ходы сообщения, устанавливали многорядные проволочные заграждения, различные малозаметные препятствия.

Вскоре у нас уже были отлично оборудованные командные пункты, к которым связисты подвели телефонные провода. Укреплять границу стрелковым частям помогали саперы. Командовал ими Анатолий Иванович Репня. Начальник штаба 335-го стрелкового полка капитан С. М. Путилов (ныне генерал-майор в отставке) лично руководил всеми оборонительными работами.

Это были дни напряженного труда и боевой учебы. Росли наши укрепления, крепче становилась оборона полуострова, закалялись, мужали люди. Вместе с воинским опытом к нам приходила политическая зрелость. Многие красноармейцы и командиры вступили в партию. В марте 1941 года в политотделе полковой комиссар Г. П. Романов вручил билет члена ВКП(б) и мне. Подготовиться к вступлению в Коммунистическую партию помог мне младший политрук Сергей Лаврентьевич Кузьмин.

Порой воинского и политического становления стали для меня и моих боевых друзей те трудные дни.

**Здесь будет госпиталь ●
Сестра, ассистент, са-
нитарка в одном лице ●
Место рождения — Хан-
ко ● На медицинских
средах ● Внимание: идет
операция ● Предгрозо-
вая тишина**

А. С. КОРОВИН,
полковник медицинской
службы в отставке, быв-
ший ведущий хирург
военно-морской базы
Ханко

ВДАЛЕКЕ ОТ РОДНЫХ БЕРЕГОВ

В солнечное морозное утро 25 марта 1940 года советский пассажирский самолет приземлился на гангутском аэродроме. Из кабины вышли шесть человек: три военных врача, сестра, санитарка и счетовод будущего госпиталя новой балтийской базы.

Городок был полуразрушен. Деревянные домики, приспособленные под курортные пансионаты, никак не подходили для развертывания в них стационарного лечебного учреждения.

Жестокая зима 1940 года сковала Финский залив сплошным льдом. Корабли не ходили. Ящики с медицинским оборудованием в ожидании погрузки лежали несколько недель в Кронштадтском порту.

Медицинские работники, оставив на аэродроме свои чемоданы, принялись за поиски подходящих для госпиталя зданий. Только к вечеру им удалось найти свободное помещение. Это были пять миниатюрных домиков, объединенных общим двором. Военные и гражданские организации в ту пору еще не успели занять их.

Официальное открытие военно-морского госпиталя состоялось 1 апреля. Но о приеме больных пока не могло быть и речи. Медицинский персонал, медикаменты, аппаратура, мебель находились еще на Большой земле.

Тем временем большой караван судов в сопровождении ледокола «Ермак» двигался из Кронштадта к Ханко. Он вышел в начале апреля и находился в пути семнадцать дней, медленно и с большим трудом преодолевая льды. С этими кораблями прибыла новая группа медицинских работников во главе с врачами Сергеевым, Чаплей и Басюком. С ними оказалось и кое-какое медицинское имущество.

Госпиталь в тот же день развернул пятьдесят коек и начал прием больных. В городе появилась первая операционная сестра — Мария Калинина, которой пришлось принять на себя все заботы по устройству главной операционной и перевязочной. Молодая, энергичная девушка, она любила свое дело и неплохо знала его. Ей приходилось в те дни быть одновременно и сестрой, и ассистентом, и санитаркой. Калинина одинаково хорошо выполняла все эти обязанности.

* * *

В ночь на 11 июня произошло событие, о котором нельзя не упомянуть. В комнату для больных пришла вольнонаемная работница, недавно приехавшая из Ленинграда. У нее начались роды. Вскоре на Ханко родился первый советский гражданин.

Кадровый и вольнонаемный медицинский состав продолжал между тем прибывать. В июле открылось прямое железнодорожное сообщение между Ханко и Выборгом, и 2 августа с одним из первых поездов приехали через Финляндию врачи В. Я. Николаев, Н. Н. Белоголовов, А. И. Москалюк и С. И. Смирнов. Теперь на Ханко собрались представители почти всех медицинских специальностей.

В сентябре под госпиталь были заняты здания бывшей финской гимназии — довольно вместительные деревянные дома, расположенные в виде квадрата, с большим двором посередине. К тому времени госпиталь имел уже сто шестьдесят пять коек.

Строения находились в самом центре Ханко, недалеко от залива, на окраине тенистого городского парка. Рядом с ними возвышалась скалистая гора, а на самой вершине ее — водонапорная башня. Когда началась война, эта огромная башня стала для артиллеристов противника, обстреливавших город, удобным ориентиром.

Постепенно в госпитале появились рентгенокабинет, лаборатория, физиотерапевтическое оборудование. К октябрю 1940 года это было уже вполне современное клиническое учреждение с большим штатом врачей и обслуживающего персонала, с прекрасной операционной, с исключительно богатым запасом хирургических инструментов и всевозможного медицинского оборудования.

* * *

Мое назначение на Ханко состоялось в конце декабря 1940 года. В то время я служил начальником хирургического отделения либавского госпиталя.

Дорога Либава — Ленинград — Выборг — Ханко заняла более трех суток. Советский поезд пересекал территорию Финляндии два раза в неделю. На Ханко я приехал 11 января 1941 года. Крепко морозило. В обледеневших окнах низкой, занесенной снегом станции тускло мерцал электрический свет.

Впрочем, я вскоре сидел уже в теплом кабинете начальника морского госпиталя Юрия Всеволодовича Лукина. Прием был очень сердечным. Сразу исчезли и утомление после долгого пути, и чувство одиночества человека, впервые попавшего в незнакомые края.

На следующее утро я уже вышел на службу. Хирургическое отделение производило благоприятное впечатление. В операционной перевязочной висели бестеневые лампы, стены были покрыты масляной краской, полы устланы линолеумом. В палатах стояли добротные кровати с сетками. В столовой, освещенной зимним солнцем, белели накрахмаленные скатерти.

Состоялось первое знакомство с моими будущими товарищами по работе. Старший ординатор П. Т. Столбовой, как мне показалось, держал себя настороже с новым для него начальником, но постепенно между нами установились добрые отношения, и мы очень дружно работали до последних дней нашего пребывания на Ханко. Н. Н. Белоголовов, тоже старший ординатор, возглавлявший лоротделение госпиталя, был человеком остроумным, общительным. Мы сблизились довольно быстро.

Вскоре я принялся перестраивать работу отделения соответственно установкам школы А. В. Вишневского. Прежде всего дело коснулось обезболивания при операциях. Я не сторонник местной анестезии во что бы то ни

стало, но считаю, что около девяноста процентов операций вполне можно производить под новокаиновым обезболиванием, если, конечно, разумно и умело им пользоваться.

При лечении островоспалительных и некоторых других заболеваний видное место заняла так называемая новокаиновая блокада, терапевтический эффект которой общеизвестен.

Вначале этим нововведениям сопротивлялся П. Т. Столбовой. Чрезвычайно горячий спорщик, он не хотел признавать ни блокады, ни мази, ни местной анестезии. Однако в дальнейшем Петр Тарасович оценил новый метод и стал его горячим сторонником.

Каждую среду в госпитале проводились медицинские базовые конференции. Собирались начальники санитарных служб морских частей, ординаторы госпиталя и кое-кто из армейских врачей. Вначале они обычно слушали научный доклад на актуальную клиническую тему (например, о лечении ран, об открытом пневмотораксе, о шоке, об острой кровопотере). После доклада возникали прения. Затем начинались практические занятия по шинированию переломов, гипсовой технике, переливанию крови. Нередко войсковые врачи ассистировали при операциях.

Самым энергичным и горячим среди моих учеников был врач С. К. Бельмесов. Его часть находилась на острове Руссарэ, но он, пользуясь случайным транспортом, ежедневно преодолевал трудный путь по заливу и проводил в отделении первую половину дня. Степан Кузьмич старательно выполнял всю работу, которую я ему поручал.

С осени 1940 года до конца июня 1941-го на Ханко бесперебойно работали курсы медицинских сестер. Не зная аудитории, я шел на первые занятия с некоторым волнением. Но когда передо мной предстали немолодые женщины, вооруженные тетрадями и карандашами и полные строгого ученического внимания, мне стало легче.

Как ведущий хирург я делал общие обходы отделения три раза в неделю, привлекая к участию в них и штатных, и прикомандированных врачей. Метод обходов побуждал людей лучше работать. Ординаторы старались тщательнее следить за своими больными, чтобы в любое время быть в состоянии ответить на все возни-

кающие вопросы. Сестры кропотливо выводили температурные и пульсовые кривые и добивались полной чистоты в палатах.

В апреле госпиталь посетил начальник медико-санитарного отдела Балтийского флота бригадный врач М. Я. Кривошеин. Проверая боевую готовность отделения, он внимательно наблюдал, как санитары носили «раненых», как сестры принимали их, как врачи условно останавливали кровотечения.

В жизни госпиталя происходили все новые перемены. Открылись физиотерапия, приемный покой. Стали работать ванны и души. Лукин мечтал о дальнейших капитальных преобразованиях.

* * *

22 июня в четыре часа утра задребезжало оконное стекло в моей комнате. Стучал шофер. Думая, что это очередной вызов на экстренную операцию, я быстро встал, умылся и вышел из дома.

На госпитальном дворе собрался уже весь командный состав. Ю. В. Лукин, немного взволнованный и бледнее обыкновенного, стоял у ворот. Я подошел к нему.

— Знаете, на этот раз, кажется, все по-настоящему, — вполголоса сказал он, щуря свои миндалевидные глаза. — Будьте на месте и проверьте готовность отделения по боевой тревоге!

Я поспешил к себе. Ординаторы, сестры и санитарки были в сборе. Никто еще не знал толком, что случилось, но тревожное предчувствие уже наложило отпечаток на лица.

Отрывочные слухи просачивались из штаба базы, из редакции газеты, из радиоузла. Вскоре все уже знали, что этой ночью немцы вероломно напали на Советский Союз. Немецкие самолеты бомбили Ригу, Либаву, Севастополь, Киев, Одессу.

Между тем на финской границе царило спокойствие.

День был уже в полном разгаре. Утомленные семичасовым ожиданием, люди молча сидели во дворе, в помещениях, на ступеньках лестниц. Некоторые дремали.

Я вышел из госпитальных ворот, чтобы купить папирс. У проходной будки дежурил вооруженный краснофлотец. На улицах стояла какая-то особенная тишина.

Возле желтого каменного дома с покосившимся балконом висел репродуктор. Неожиданно из него донесся взволнованный голос, сразу приковавший к себе внимание всех, кто был поблизости. Говорил председатель Совнаркома СССР.

Стоя с потухшей папиросой в руках, я ловил слова, долетавшие из родной, далекой Москвы.

Значит, война...

В госпитале кипела работа. Шлепая босыми ногами по мокрым половицам, девушки таскали кровати, матрацы, белье, мыли полы, распаковывали ящики с перевязочным материалом.

Сестра Шура Гаврилова, накрыв последнюю кровать в изоляторе, медленно вышла в коридор. Она шаталась от бессонницы и долгой работы, но ее черные глаза горели решимостью. Подойдя к девушкам, установившим светомаскировку на окнах, она тихо сказала:

— Товарищи, мы не сможем участвовать в войне там, на Большой земле. Нас не отпустят отсюда, потому что здесь тоже будет война. Я предлагаю послать письма нашим отцам и братьям и сказать им, что мы будем драться до последнего вздоха. Мы напишем им, чтобы они не боялись за нас.

— Девушки, давайте проситься на передовую! Мы там принесем больше пользы, чем здесь! — воскликнула Людмила Туморина, шумно прыгая с подоконника на пол.

Желание уйти в действующие части охватило всех девушек госпиталя в первые же часы войны.

Многие настойчиво требовали отпустить их на сухопутную границу перешейка, где с часу на час ожидалось боевые столкновения.

Каждый из нас испытывал обостренное чувство ответственности за судьбу своей страны, за защиту того небольшого участка земли, который она доверила нам отстаивать.

ГАНГУТ ОКАЗАЛСЯ ЧЕРЕСЧУР КРЕПКИМ ОРЕШКОМ ДЛЯ ЗУБОВ ПРОТИВНИКА. ВСЕ ПОПЫТКИ ВРАГА ПРОНИКНУТЬ НА ТЕРРИТОРИЮ ПОЛУОСТРОВА ОКОНЧИЛИСЬ ДЛЯ НЕГО ПЛАЧЕВНО. НЕМАЛО ГИТЛЕРОВСКИХ ВОЯК ПОВИСЛО НА ПРОВОЛОЧНЫХ ЗАГРАЖДЕНИЯХ, НЕМАЛО ИХ ТРУПОВ УШЛО НА ДНО ЗАЛИВА.

Из статьи командира десантного отряда капитана Б. М. Гранина, напечатанной в газете «Красный Балтийский флот» в октябре 1941 года

**В ПЛАМЕНИ,
В ПОРОХОВОМ ДЫМУ**

КРАСНЫЙ БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ

10 июля 1941 года

ВСЕВОЛОД
АЗАРОВ

ТЕМ, КТО НА ХАНКО

Далекий различаю полуостров,
Там закипают волны
с трех сторон.
Песок береговой и камень
острый,
Задымленный багровый
небосклон,

Глухих и резких залпов перебранка.
Но прикрывает сердце верный
щит, —
Наш аванпост, отважный
лагерь Ханко
Непобедимой крепостью
стоит.

Враг обломает когти,
оборвется!
Какой десант уже отбит
назад?!
Я вижу вас, родные
краснофлотцы, —
Ваш легендарный боевой
отряд.

Вас вижу, командиры,
комиссары.
Неумолимо-грозно — в свой
черед —
Прямым уничтожающим
ударом
По вражьи́м гнездам батарея
бьет.

И в небе грозовом, для бурь
открытом,
Как молния, бесстрашно,
высоко —
Наперерез, вдогонку
«мессершмиттам»
Опять летят Антоненко,
Бринько.

Здесь, в небе, раскаленном
до предела,
Здесь, у замка залива,
под огнем
Вам Родина сражаться повелела,
И вьется красный флаг над рубежом.

Победа впереди — за все страдания
Отплатит извергам народов суд,
И люди благодарные в сказаньях
Тогда защиту Ханко воспоют!

Первые выстрелы, первые бомбы ● Черный день для наблюдателей противника ● Полуостров в огне ● За железобетонным щитом ● Артиллерийские дуэли ● Отбивая атаки противника ● Десантники штурмуют острова ● На суше, на море и в воздухе ● Обороняясь — наносить удары!

С. И. КАБАНОВ,

генерал-лейтенант артиллерии в отставке, бывший командир военно-морской базы Ханко и командующий обороной передового рубежа КБФ

ХРОНИКА ЛЕГЕНДАР- НОЙ ОБОРОНЫ

Днем 22 июня из Ханко в Ленинград ушел последний пассажирский поезд. Он был пустым. После того как состав проследовал через границу, финские солдаты и железнодорожники начали разбирать на своей стороне железнодорожный путь.

В тот же день, покинув базу, ушел в Таллин последний рейсовый турбоэлектроход «И. Сталин». Он увез две с половиной тысячи пассажиров (это были женщины и дети). А через тридцать минут, около семи часов вечера, фашистская авиация совершила первый налет на Ханко. Гитлеровцы бомбили базу торпедных катеров. К счастью, накануне все шесть катеров, которые еще оставались на базе, были рассредоточены.

Нападение оказалось безрезультатным, однако оно нам показало, что с противовоздушной обороной на полуострове не все благополучно. Несмотря на то, что все соединения и части были заблаговременно приведены в боевую готовность, истребители с аэродрома не поднялись, а зенитные батареи открыли огонь по вражеским самолетам лишь после того, как они уже сбросили бомбы. Стало очевидным, что организацию воздушного наблюдения, оповещения и связи надо улучшать.

Через три дня по финским аэродромам, использовавшимся гитлеровцами для налетов

на Ленинград, Кронштадт, Таллин и Ханко, нанесла удары авиация КБФ. Действия большой группы бомбардировщиков «ДБ-3» и «СБ», бомбившей аэродром Турку, прикрывали базировавшиеся на Ханко 1-я и 4-я эскадрильи 13-го авиационного истребительного полка, которыми командовали майор М. Т. Леонович и капитан Л. Г. Белоусов.

Еще до войны было известно, что на флангах базы финны установили тщательно подготовленные наблюдательные посты. Железобетонная вышка с оптическим дальномером была сооружена ими на острове Моргонланд. Еще одна вышка стояла на острове Юссарэ, восточнее бухты Твярминнэ. Множество деревянных вышек находилось вдоль сухопутной границы и на островах восточнее Ханко.

Мы решили ослепить врага. 25 июня, одновременно с ударом советской авиации по Турку, гангутские 130-миллиметровые батареи старшего лейтенанта В. А. Брагина и капитана Колина точным огнем налетом разрушили финские наблюдательные вышки на островах Моргонланд и Юссарэ. В течение нескольких минут все остальные вышки противника были сбиты огнем зенитных батарей участка ПВО и батарей 343-го артполка.

Лишив врага возможности вести наблюдение, мы развернули усиленные оборонительные работы на всех участках сухопутной границы, начав установку мощных минных полей и управляемых фугасов вдоль переднего края.

После нескольких часов затишья финские 152-миллиметровые батареи открыли яростный огонь по городу Ханко. Возникли пожары. В госпиталь поступили первые раненые. По моему приказу батареи Гангута вступили в контрбатареиную борьбу.

Через час-два авиация противника попыталась было нанести удар по порту, но фашисты просчитались. В небе их встретили наши истребители и мощный зенитный арт-огонь.

Борьба с артиллерией противника была нелегкой. Отдавая в аренду полуостров Ханко, финны сняли всюду, где только можно было, береговые и полевые пушки и установили их на подступах к базе. Тридцать одна батарея, в основном 152- и 203-миллиметрового калибра, были нацелены на Ханко. Позднее к ним при-

соединилось восемь 254-миллиметровых орудий двух броненосцев береговой обороны финского флота.

Обстреливать нашу территорию врагу было несложно. Расстояние от мыса Уддскатан до западной оконечности полуострова составляло всего двадцать два километра.

С севера, на расстоянии трех-четырех километров, над нашей обороной нависал огромный полуостров Подваландет, до отказа начиненный артиллерийскими батареями противника.

Начиная с 25 июня враг стал вести ожесточенные обстрелы города и всей территории базы. Артиллерийским силам его мы могли противопоставить только семнадцать артбатарей — вдвое меньше того, чем располагали финны. В дни особенно ожесточенных вражеских обстрелов на полуостров обрушивалось по шесть—восемь тысяч снарядов и мин.

В этих условиях гарнизон Ханко все свои усилия должен был направить на сооружение укреплений и убежищ. В ход пошли рельсы и шпалы, цемент, прутковое железо и лесоматериалы, завезенные для строительства, а также бревна и доски полусгоревших домов. Все, что хоть как-нибудь могло пойти в дело, использовалось для фортификационных работ.

Защитники полуострова строили резервные полосы обороны и отсечные позиции с окопами полного профиля и с большим числом пулеметных и артиллерийских дзотов, способных выдержать до двух прямых попаданий 152-миллиметровых снарядов. Всего за пятнадцать суток по проекту военинженера 1-го ранга С. Е. Киселева и под его наблюдением в городском парке был создан замечательный командный пункт, защищенный от бомб и снарядов трехметровой толщиной железобетона.

В августе пределы города покинул военно-морской госпиталь. Он разместился в трех подземных корпусах, с водопроводом, отоплением и прочими бытовыми удобствами. Помещения были надежно защищены от попадания 250-килограммовых бомб. В том же месяце для самолетов на аэродроме было сооружено девять дерево-земляных капониров с прочным железобетонным покрытием и блиндажи для летчиков. Полуостров был превращен в мощный опорный пункт с прочными фортификационными сооружениями.

Лето 1941 года было жарким, сухим. Лес, покрывавший более четырех пятых территории полуострова, горел от обстрелов. Тысячи бойцов, занятых строительством полос обороны и других боевых объектов, приходилось отвлекать на тушение пожаров. Зная об этом, противник действовал коварно — после возникновения пожара сразу же переходил на обстрел горевших участков фугасно-осколочными снарядами.

В ночь на 1 июля противник впервые атаковал нас. Нанося удар на правом фланге нашей обороны, южнее железнодорожной станции Лаппвик, он, несомненно, рассчитывал овладеть узлом дорог, ведущих в глубь полуострова. В тот же день десанты врага пытались высадиться и на острове Крокан. 8-я отдельная стрелковая бригада полковника Н. П. Симоняка решительно отразила вражеский удар на перешейке. На острове Крокан его гарнизон сбросил десант противника в море.

На всем протяжении сухопутной границы активизировались наши снайперы. Только 1 июля они истребили более двадцати автоматчиков противника.

Через два дня неприятель вновь предпринял попытку высадиться на наших северных островах, но успеха не достиг. Здесь мы впервые использовали в качестве штурмовиков истребители. Они помогли отразить вражеские десанты.

В ночь на 7 июля на левом фланге сухопутной обороны Ханко противник значительными силами атаковал батальон капитана Я. С. Сукача. Совместно с батареями 343-го артполка героин-пехотинцы отбили и эту атаку, уничтожив не менее двух вражеских рот.

На другой день после артиллерийской подготовки противник снова перешел в наступление в районе Лаппвика. В этом бою брошенные на наши позиции шведские добровольцы-шюцкоровцы понесли большие потери и в конце концов были отброшены на свой исходный рубеж. Мы расценили все эти попытки наступать на нас как силовую разведку врага. Теперь следовало ожидать либо нового, более концентрированного удара, либо большой паузы.

Полковник Н. П. Симоняк уверенно докладывал мне, что его 270-й и 335-й стрелковые полки, занимая надежно подготовленные к обороне позиции, смогут, если придется, отразить удар сил, даже более значительных, чем одна вражеская дивизия. Это были кадро-

вые части, участвовавшие в финской войне, хорошо укомплектованные и вооруженные. Кроме того, у 8-й бригады был солидный резерв: отдельный пограничный отряд, 287-й отдельный танковый батальон и сформированный из строительных батальонов 219-й стрелковый полк.

В ночь на 2 июля город и порт Ханко подверглись внезапному пятнадцатиминутному обстрелу с моря. Воздушная разведка, высланная на поиск вражеских кораблей, обнаружила к западу от острова Эрё броненосец береговой обороны, два миноносца и три сторожевых корабля. Поскольку у финнов миноносцев не было, напрашивался вывод, что это немецкие корабли.

Через два дня, тоже ночью, вражеский броненосец повторил обстрел города, вызвав пожары и новые разрушения. К сожалению, вылетевшие утром четырнадцать наших самолетов не нашли этот корабль. Они сбросили бомбовый груз на вражеские укрепления в районе перешейки.

В первых числах июля наша зенитная батарея на острове Медэн была обстреляна из минометов в тот момент, когда она открыла огонь по вражеским самолетам. Выяснилось, что стрельба минами велась с острова Хорсена, который за неделю до этого по моему приказу был оставлен. Я тогда недооценил его значение. Ошибку нужно было немедленно исправить.

В десантный отряд, сформированный для захвата Хорсена, вошли роты 8-го отдельного железнодорожного батальона, взвод 270-го стрелкового полка и взвод матросов-добровольцев с береговых баз подводок и торпедных катеров. Во главе этой части был поставлен командир 29-го отдельного артдивизиона капитан Б. М. Гранин. Штаб сектора береговой обороны разработал план боя.

Высадка, назначенная на 10 июля, прошла без потерь. Действия бойцов десантного отряда отличались смелостью и решительностью. Хорсен был очищен от противника за полтора часа. Десантники, развивая успех, с ходу захватили еще два вражеских острова — Кугхольм и Старкерн.

В один из этих июльских дней Ханко посетил командующий Балтийским флотом В. Ф. Трибуц. Он прибыл к нам на торпедном катере. Другой торпедный катер и два морских охотника сопровождали его. Все вокруг

гремело от артиллерийской канонады. Обозленный потерей трех островов, противник вел интенсивный обстрел Хорсена и наших аэродромов — сухопутного и морского. О боевой обстановке, в частности, о попытках противника провести силовую разведку, я сразу доложил командующему. Упомянул я и о том, что перед фронтом 8-й отдельной стрелковой бригады находятся два батальона противника. Какими силами враг располагает в глубине своей обороны, выяснить пока не удалось. По данным штаба флота, там располагалась целая дивизия.

Адмирал остался доволен положением дел. Собираясь в обратный путь, командующий флотом поставил перед гарнизоном базы задачу: активными действиями заставить противника усилить противостоящую Ханко группировку войск.

— Ведя боевые действия на Карельском перешейке и восточнее Ладожского озера, — пояснил Владимир Филиппович, — противник создал дополнительную угрозу Ленинграду. Ваша задача — оттянуть на себя как можно больше вражеских войск и тем самым облегчить положение защитников города Ленина.

11 июля командующий Балтийским флотом вернулся в Таллин. Мысль о выполнении поставленной перед нами задачи не давала мне покоя. Прежде всего надо было активизировать наши боевые действия на островах, в частности, отбросить врага подальше от острова Хесте-Бюссе. Так мы и решили. Однако противнику удалось упредить нас.

Во втором часу ночи 12 июля из района острова Эрё два финских броненосца открыли огонь по нашим артиллерийским батареям на острове Руссарэ и на мысе Уддскатан. Одновременно вражеские автоматчики высадились на Старкерне и, выбив с острова наше боевое охранение, ворвались на Хорсен.

Враг предвкушал легкую победу. Но его автоматчики были тотчас контратакованы отрядом наших десантников и выбиты отовсюду. Через сутки противнику вновь удалось захватить Старкерн. Однако вражеский десант был и здесь уничтожен. Группа истребителей, вылетевших с Ханко для поддержки наших бойцов, потопила еще на подходе к острову пять больших лодок с подкреплением, посланным на помощь неприятельскому десанту.

Как-то, наблюдая за островом Моргонланд, наши артиллерийские разведчики заметили на нем людей. Противник снова устроил на острове наблюдательный пост. Мой заместитель по политической части бригадный комиссар А. Л. Раскин возглавил группу бойцов и отправился с ней на Моргонланд. Застигнутые врасплох восемь вражеских солдат вместе с офицером без сопротивления сдались в плен. Наш отряд взорвал на острове телефонный узел связи, уничтожил оптический дальномер и все оборонительные постройки.

Командир торпедного катера
А. И. Афанасьев.

Рис. Б. Пророкова.

С моря нам по-прежнему досаждали своими обстрелами финские броненосцы. Свои удары по порту и городу Ханко они осуществляли только ночью и только на предельных дистанциях, боясь ответных ударов нашей крупнокалиберной артиллерии. О том, что были все основания опасаться ее, красноречиво свидетельствует такой факт. 17-я железнодорожная батарея капитана П. М. Жилина однажды заметила в море большой вражеский буксир, тащивший две тяжело нагруженные баржи. Дистанция до каравана составляла 187 кабельтовых (34,5 км). Однако это не смутило батарейцев. Вторым залпом своих орудий они накрыли головную баржу, а третьим и четвертым разбили и вторую. Досталось, понятно, и буксиру. Случай этот врагу, по-видимому, запомнился надолго. Так или иначе, но броненосцы в дневное время ни разу не рискнули приблизиться к полуострову...

В борьбе с прячущимися в шхерах броненосцами противника нам поневоле приходилось рассчитывать лишь на бомбардировочную авиацию и на постановку минных банок. Выполняя приказ штаба базы, катера охраны водного района — ОВРа начали ставить мины там, где воздушной разведкой было отмечено появление

Командир взвода десантников Я. Г. Гончаренко.

Рис. Б. Пророкова.

вражеских кораблей. К сожалению, запас морских мин на полуострове был невелик (у нас имелось всего четыреста малых немецких мин, на складах хранилось четырнадцать вагонов торпед). Возможности минирования были ограничены. Наши морские охотники брали на борт по две-три мины и ставили их на входах в фарватеры, на фарватерах и вне шхер — везде, где могли попытаться действовать вражеские корабли.

После войны стало известно, что в районе Або-Аландских шхер в сентябре 1941 года подрвался и затонул финский броненосец «Ильмаринен». Весьма вероятно, что он погиб на минах, которые были поставлены нашими моряками-балтийцами.

В ночь на 17 июля комендант сектора береговой обороны генерал-майор И. Н. Дмитриев доложил мне о начале активных действий против четырех восточных островов, главным из которых является остров Хесте. Для захвата этой группы островов был сформирован отряд десантников-добровольцев, в который вошли бойцы 30-го артдивизиона и двух железнодорожных батарей. Возглавил этот отряд Н. С. Кузьмин, начальник штаба сектора береговой обороны. Он так рвался в бой, что генерал И. Н. Дмитриев в конце концов отпустил его в десант.

Десантники столкнулись с очень сильным сопротивлением врага на острове Хесте. Помнится, там произошел такой эпизод. Группа солдат противника подняла руки, будто бы сдаваясь в плен. Когда же к ним направились наши матросы, «сдающиеся» внезапно отпрянули в стороны, а стоявшие за ними автоматчики открыли огонь. Впрочем, коварство не помогло врагу. Все острова, намеченные к захвату, — Хесте, Лонгхольм, Вракхольм и Грислом — были очищены от противника. Наша артбатарея, стоявшая на Хесте-Бюссе, была надежно

прикрыта размещенными на занятых островах гарнизонами гангутцев.

В результате разведки боем, опроса пленных и изучения захваченных секретных документов было установлено, что противник создал «особую ударную группу Ханко» в составе 13, 34 и 55-го пехотного полков, 11, 21 и 31-й пограничных рот, 12-й и 39-й артиллерийских рот, саперного батальона и отдельной саперной роты. С учетом ранее обнаруженного шведского добровольческого батальона и 10-го пехотного полка, стоявшего на полуострове Подваландет, общая группировка войск противника, очевидно, равнялась двум дивизиям.

В морском секторе обороны в первые месяцы войны нашим основным противником по-прежнему были броненосцы «Вяйнемаяйнен» и «Ильмаринен». Действия этих кораблей носили характер хорошо нацеленных ударов. Они открывали огонь как раз в то время, когда в порту Ханко становился под разгрузку тот или иной транспорт. Поскольку появления вражеских воздушных разведчиков над полуостровом мы не допускали, то напрашивался сам собой вывод о том, что противник располагает хорошим наблюдательно-корректировочным пунктом.

19 июля в оперативное подчинение командира базы прибыли два самолета «СБ». В тот же день, получив от меня боевое задание, они вылетели в район острова Хёгсор, где истребители обнаружили незадолго до этого стоявший на якоре вражеский броненосец. Корабль открыл по бомбардировщикам сильный зенитный огонь. Как-никак, восемь 105-миллиметровых универсальных пушек — не шутка! При таком обстреле поразить броненосец бомбой вещь сложная. Не удивительно, что оба наших «СБ» отбомбились, как смогли. В цель, конечно, не попали. Следующий их вылет оказался удачнее. На завтра эти самолеты обнаружили в море вражеский транспорт, идущий в охранении миноносца, должно быть, немецкого. Прямыми попаданиями двух «ФАБ-250» транспорт был потоплен, третья бомба попала в миноносец и подожгла его.

Нас интересовал вопрос: откуда корректировался огонь броненосцев? После опроса пленных, захваченных на Хорсене, Кугхольме и Старкерне, стало ясно, что артиллерийский корректировочный пост находится на маяке Бенгтшер, юго-западнее Ханко.

Вражеская артиллерия не прекращала обстрел полуострова. Особенно тяжелым был для нас день 29 июля. Все тридцать батарей противника обрушили свой огонь на порт, город и аэродром. В довершение всего полуостров Ханко дважды бомбила фашистская авиация.

27 июля мы получили радиogramму от товарищей К. Е. Ворошилова и А. А. Жданова. Они писали: «...вдали от основных баз, оторванные от фронта, в трудных условиях и под непрерывным огнем врага, храбрые гангутцы не только стойко держатся и обороняются, но смело наступают, наносят ощутительные удары белофиннам, захватывая острова, пленников, боевую технику, секретные документы. Ваша активность — лучший метод обороны... Передайте героическим защитникам базы нашу благодарность и искреннее восхищение их мужеством».

Эта высокая оценка наших действий еще более укрепила боевой дух гангутцев. Политотдел, возглавляемый П. И. Власовым, развернул активную политическую работу во всех соединениях и частях гарнизона. Командиры и политработники проводили с личным составом беседы, разъясняли бойцам стоящие перед ними задачи.

В последний день июля наши десантные силы заняли остров Гуннхольм. Бой за него продолжался более трех часов и был очень ожесточенным. Нашим бойцам хорошо помогли катера «МО». Взаимодействуя с истребителями, они не допустили на Гуннхольм вражеские подкрепления, не дали неприятелю возможности эвакуировать уцелевших солдат.

Наступление на острова продолжалось и в следующие дни. 4 августа был очищен от противника остров Фурушер. Гарнизон его боя не принял и бежал на соседние острова.

В конце первой недели августа вражеские торпедные катера, действуя из шхер восточнее Ханко, предприняли попытки блокировать полуостров. Советское судно «Хильда» и военный транспорт № 24 через три часа после выхода из порта Ханко были атакованы в открытом море четырьмя торпедными катерами, вышедшими из шхер восточнее Юссарэ. Но вражеская вылазка окончилась неудачей. Дежурное звено наших истребителей, поднятое по тревоге, потопило один торпедный катер и два других зажгло.

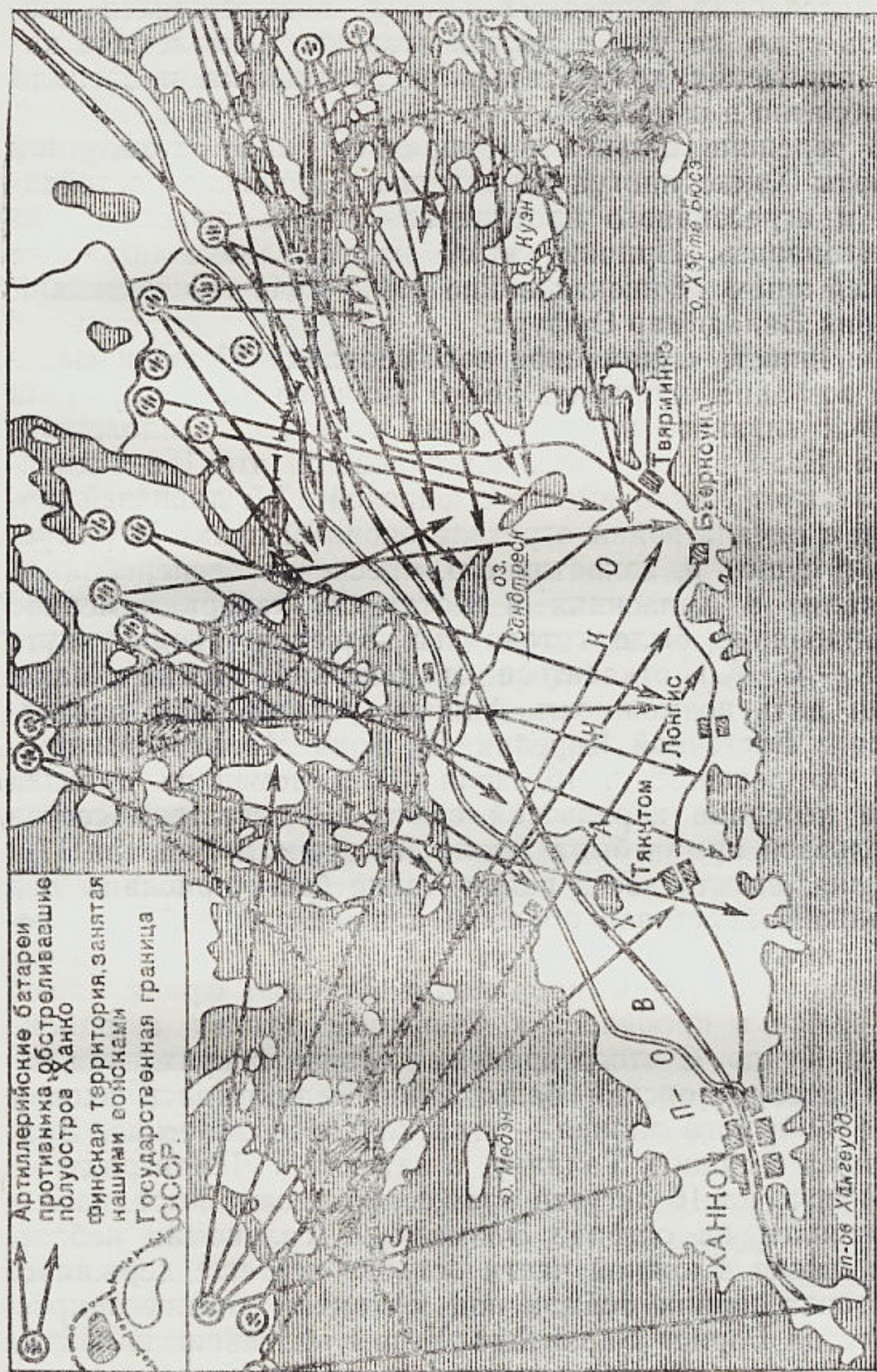

Схема обстрела вражескими батареями военно-морской базы Ханко.

Два самолета «МБР-2» сопровождали транспорты до самого Таллина. В пути ими были обнаружены четыре неприятельских торпедных катера, попытавшихся атаковать суда, но уже с другой стороны. Самолеты и катера охранения контратаковали противника и загнали его обратно в шхеры.

В середине августа на переднем крае сухопутной обороны Ханко наступило затишье. Прежнего настойчивого и агрессивного противника теперь почему-то не чувствовалось. Причину этого не так давно объяснил в своей книге «Финская война 1941—1944 гг.» немецкий историк Вальдемар Эрфурт.

Он пишет: «...немецкое командование 27 июня выразило желание направить 163-ю дивизию (немецкую) на участок главного удара финнов восточнее Ладожского озера. Если ранее немцы планировали, что 163-я дивизия атакует Ханко вместе с финской 17-й дивизией (которая с начала войны отрезала опорный пункт ВМС русских с суши) и, захватив его, обеспечит бесперебойное движение в Хельсинки и Котку, то теперь немецкое командование было готово на время (подчеркнуто мной. — С. К.) отказаться от действий против Ханко, чтобы дать возможность финнам усилить свое наступление в Восточной Карелии. 28 июня Маннергейм принял это решение, и 16 июля 163-я немецкая дивизия была передана карельской армии. В августе в состав карельской армии была также включена и финская 17-я дивизия; вместо нее в район Ханко были присланы два батальона береговой обороны и шведский добровольческий батальон».

7 августа немцы прорвали в Эстонии фронт нашей 8-й армии и пробились к Финскому заливу в районе бухты Кунда. С этого времени главная оперативная задача военно-морской базы Ханко — закрывать вход в устье Финского залива — утратила свое значение. Враг подошел с суши к Таллину, а затем и к Ленинграду.

В ночь на 16 августа вражеский десант высадился и закрепился на острове Эльмхольм. Только на небольшом мыске в южной части острова все еще держалась горсточка наших бойцов под командой старшего краснофлотца Бориса Бархатова. Утром противник направил подкрепления своему десанту, но наши истребители перехватили десять шлюпок и катеров на переходе к Эльмхольму и потопили их. Активно действовали катера

«МО». Под огнем пушек и наших артбатарей враг покинул Эльмхольм.

С Большой земли приходили невеселые вести. В ночь на 29 августа пал Таллин. С уходом флота из этой базы в Кронштадт подвоз на Ханко боезапаса, продовольствия и горючего прекратился. На Карельском перешейке финские войска вышли к границе 1939 года. В середине сентября фашисты прорвались к Ленинграду, но на южных подступах к городу были остановлены 42-й и 55-й армиями, морскими бригадами, дивизиями народного ополчения, огнем артиллерии Балтфлота и фортов Кронштадта...

Мы начали экономить на всем, в том числе и на питании. 1 сентября норма выдачи мяса была доведена до 33 граммов в день на человека. Масло отпускали только госпиталям и донорам. Труднее всего было экономить бензин. Строительство трех подземных корпусов госпиталя и девяти подземных ангаров с рулежными дорожками, создание двух командных пунктов (для штаба базы и сектора береговой обороны), двух сотен дзотов и множества других важных объектов требовало большого количества стройматериалов. А их нужно было доставлять к объектам автомашинами.

На участке фронта перед Ханко противник усилил антисоветскую агитацию. Вдоль переднего края были установлены мощные громкоговорители. День и ночь вражеские пропагандисты «вещали» через эту аппаратуру о благах капиталистического «рая» и передавали свои «последние известия» с фронтов. Разумеется, никто из защитников полуострова не верил этой брехне.

К 1 сентября на перешейке были полностью построены третья и четвертая полосы обороны. Теперь нам не были страшны никакие неожиданности. В тот же день противник попытался захватить остров Кугхольм, но десант был вовремя обнаружен и с большими для него потерями отбит.

На другой день с пятнадцати направлений начался обстрел полуострова — переднего края, города и порта. Не прекращая огня, на всем протяжении перешейка враг перешел в наступление мелкими группами. Наши артбатарей и минометы обрушили на атакующих ливень огня. Оставив на поле боя немало убитых, противник тут же отступил. Как оказалось, это была лишь демонстрация большого наступления. На самом деле

главный удар наносился по Гуннхольму. Высадка на него прикрывалась дымовыми завесами с соседних островов. Враг овладел северной половиной острова.

Бой продолжался всю ночь. На рассвете лихой атакой взвода младшего лейтенанта Ляпкова, поддержанной огнем артиллерии, шюцкоровцы с острова были выбиты. Потеряв в бою за Гуннхольм около шестидесяти солдат, они хотели спастись бегством. Но вылетевшие наперехват им советские истребители уничтожили остатки десанта на воде.

5 сентября, прикрывшись дымзавесой на более широком фронте, противник вновь попытался высадиться на Гуннхольм. Но и этот десант был уничтожен. В тот же день финны атаковали передний край нашей сухопутной обороны, но и тут получили должный отпор.

8 сентября противник начал боевые действия против левого фланга наших позиций, в районе Согарс, и опять был нами отброшен назад.

Активизируя свои боевые действия, противник, видимо, стремился скрыть ослабление группировки войск, выставленных против Ханко.

7 сентября приказом командующего Балтийским флотом военно-морской базе Ханко был подчинен гарнизон Осмуссаара. Комендантом его мы назначили капитана Е. К. Вержбицкого, а комиссаром — батальонного комиссара Н. Ф. Гусева. Им предстояло многое сделать для усиления обороны острова.

314-я батарея Осмуссаара, которой командовал капитан И. Т. Клещенко, была введена в строй совсем недавно, некоторые ее механизмы не были смонтированы, и она могла вести огонь только с ручной подачей снарядов. Боезапас ее составлял всего триста выстрелов. Что касается 130-миллиметровой батареи капитана Панкова, то на ней еще не была достигнута необходимая слаженность расчетов. Зато 509-я отдельная зенитная батарея, которой командовал лейтенант П. Л. Сырма, действовала отлично.

В штаб базы поступили разведданные о том, что в Або-Аландских шхерах, в непосредственной близости от Ханко, появились немецкий линкор «Тирпиц», карманный линкор «Адмирал Шеер», два легких крейсера и другие вражеские корабли. В связи с этим возникло опасение, что эти морские силы врага намереваются прорваться в Финский залив. Чтобы мы могли оказать им

противодействие, нам были присланы три торпедных катера «Д-3». Корабли противника вскоре покинули Або-Аландские шхеры, однако торпедные катера так и остались у нас на базе.

После взятия гитлеровцами островов Вормси, Муху и Сааремаа в наших руках остался лишь один остров Моонзундского архипелага — Хийумаа (Даго). Тогда же приказом командующего флотом я был назначен командующим обороной передового рубежа Финского залива.

Чтобы ознакомиться с состоянием наших сил на Хийумаа и уточнить на месте все вопросы, туда на одном из наших «МБР-2» вылетел начальник штаба базы капитан 1-го ранга П. Г. Максимов. Комендант северного укрепленного сектора (СУС) полковник А. С. Константинов получил указания, как действовать в случае попытки противника прорваться в Финский залив.

С 18 октября было произведено второе сокращение пайков защитникам Ханко. Мы стали строже экономить боезапас — отвечали одним выстрелом на сто, а то и на двести выстрелов противника. Еще более остро ощущался недостаток горючего. В частях пришлось оставить на ходу очень мало автомашин. На каждую из них отпускалось всего по пять литров бензина в сутки.

В начале октября было получено разрешение Военного совета КБФ составить план эвакуации гарнизона Хийумаа. На остров вылетели военком базы и начальник штаба. Вернувшись в тот же день обратно, они доложили, что над островом гитлеровцы разбросали с самолетов листовки, предупреждающие местное население о том, что 12 октября начнется высадка.

Хийумаа защищали два стрелковых и два строительных батальона, уже не раз участвовавших в боях на

Моторист гидрографического
мотобота Н. Линенков.

Рис. Б. Пророкова.

материке и на острове Вормси. В составе этих подразделений оставалось совсем немного бойцов. Однако они дрались стойко и мужественно. Батарея № 44 на мысе Тохфри, которой командовал старший лейтенант М. А. Катков, расстреляла весь боезапас и была взорвана расчетами вместе с ворвавшимися на позицию фашистами. Защитники Хийумаа, ведя упорные бои, отходили на последний рубеж обороны, к мысу Тахкуна. С разрешения Военного совета КБФ я приказал приступить к эвакуации наших людей с острова. Осмуссаару в этой операции предстояло быть промежуточным пунктом.

Бушевал шторм, но четыре гидрографических мотобота пришли с Ханко на Хийумаа. Экипажи этих маленьких суденышек совершили настоящий подвиг. Они приняли на борт бойцов и благополучно возвратились на Ханко.

Переброска гарнизона Хийумаа на Ханко была очень сложным делом. Стоя по грудь в воде и дожидаясь очереди на посадку, бойцы продолжали вести огонь по гитлеровцам. Противник пытался перехватить наши катера и мотоботы на море, но истребители и береговые батареи Ханко сорвали этот замысел. Несколько торпедных катеров, высланных фашистами вдогонку нашим караванам, были потоплены.

Последней с Хийумаа 22 октября пришла шхуна «Мария». Она доставила на полуостров Ханко шестьдесят бойцов и командиров, многие из них были ранены. Всего с Хийумаа было эвакуировано пятьсот семьдесят человек.

С падением Моонзундских островов гарнизоны Ханко и Осмуссаара остались на передовой позиции одни.

С десантом моряков на Ханко ● Отпуск откладывается ● „Превратим полуостров в неприступную крепость“ ● На самых опасных участках ● Во главе отряда, штурмующего Морганланд ● Часовой у дверей каюты: „Приказано не будить“ ● Двое на палубе ● Они уходили последними

ГРИГОРИЙ
ПРАВИЛЕНКО

КОМИССАР АРСЕНИЙ РАССКИН

Срочную службу Арсений Расскин начинал на подводной лодке «Революционер». Затем он был старшиной команды на Дальнем Востоке, секретарем партийной комиссии. В 1938 году его отозвали из Военно-политической академии имени В. И. Ленина — нужны были кадры — и направили на Черное море комиссаром только что созданной бригады подводных лодок. Потом Арсению Львовичу было поручено еще более сложное и ответственное дело — перегон с Черного моря на Тихоокеанский флот группы новых тральщиков. Не успели эти корабли приткнуться к причалам Владивостока, как Расскина откомандировали опять. Теперь ему был доверен ответственный пост комиссара эскадры на Балтийском флоте.

Однажды в Смольном его принял А. А. Жданов. Секретарь ЦК партии, знакомя Расскина с условиями мирного договора с Финляндией, подошел к географической карте и указал на отмеченную алой ленточкой границу на полуострове Ханко.

— Как? Полуостров наш? — удивленно спросил Расскин, рассматривая линию, пересекавшую перешеек у Лаппвика.

— Да, Ханко нами получен в аренду на тридцать лет, — подтвердил Андрей Александрович. — Там будет

создана военно-морская база, которая должна оберегать вход в Финский залив...

Жданов немного помолчал и добавил:

— Мы решили назначить вас комиссаром этой базы. Вы входите в комиссию, которая должна принять полуостров Ханко от Финляндии. Вы согласны?..

* * *

Вместе с командиром базы капитаном 1-го ранга С. Ф. Белоусовым Расскин подыскивал места для расквартирования войск, строительства складов, блиндажей, оборудования огневых позиций. Через некоторое время Белоусова сменил генерал-майор С. И. Кабанов. Работы в штабе базы и в политотделе становилось больше с каждым днем. Генерал был непримирим к условностям, строго взыскивал за малейшие упущения. Ханковцы упорно вгрызались в землю. Орудия, командные пункты, узлы связи, арсеналы — все надо было сделать неуязвимым. Намечалось упрятать под скалы даже краснофлотские столовые, камбузы, медпункты, бани...

Арсений Львович домой возвращался поздно, усталый, озабоченный.

— Неужели пораньше прийти нельзя? — спрашивала жена.

— Не получается, Люда.

— А как же отпуск?

— Ты знаешь, с отпуском я еще не решил... Да и обстановка неблагоприятная.

— Но ехать когда-то надо.

— Надо, надо. Завтра, Люда, все уточню...

Но это «завтра» откладывалось и откладывалось.

Наконец Расскины собрались, выехали.

Не предполагал комиссар базы, что еще в пути он узнает о начале войны, что на Большой земле оставит неустроенную семью и поспешит назад, на Ханко.

Уже на пути с аэродрома ему бросились в глаза грозные перемены. Городок, на улицах которого еще несколько дней назад беззаботно играли дети, как бы одичал: домики покосились, многие крыши снесены, там и тут взрывной волной сорваны окна и двери.

Сергей Иванович Кабанов обрадовался возвращению Расскина.

— Как тут? — спросил комиссар, стараясь прочесть ответ в усталых глазах командира базы.

— Как на войне, — генерал посуровел. — Зашевелились наши соседи. Штурмуют, а мы огрызаемся...

— Потери большие?

— Не так чтобы уж очень большие, но есть и убитые и раненые.

Подробный доклад начальника политотдела Петра Ивановича Власова о положении на передовой и моральном состоянии войск гарнизона несколько успокоил комиссара базы.

— Люди рвутся в бой. Летчики Антоненко и Бринько уже сбили первые фашистские самолеты, — говорил Власов. — На передовой появились снайперы, которые снимают с деревьев «кукушек». Многие комсомольцы подали заявления с просьбой принять их в партию...

— Очень хорошо, — задумчиво сказал Расскин. В тот же день он отправился на передовую, побывал в стрелковой бригаде Н. П. Симоняка, побеседовал с летчиками эскадрильи Л. Г. Белоусова, заглянул к артиллеристам и в дивизион катеров охраны водного района. Настроение у людей было боевое. Вызывало беспокойство лишь то, что еще не было завершено строительство оборонительных рубежей.

В политотделе был собран политсостав — моряки и армейцы. Комиссар расспрашивал их обо всем: о настроениях людей, о формах партийно-политической работы, использующихся в боевой обстановке, о результатах этой работы, о запасах продовольствия и наличии боеприпасов, о строительстве артиллерийских позиций, о рытье окопов и ходов сообщения. Как всегда, спокойно, без громких фраз комиссар давал указания. Он просил довести до каждого бойца слова генерала Кабанова: «Сегодня главное — укрепляться, строить убежища, блиндажи, пулеметные точки». Арсений Львович подчеркивал:

— Долг командира и бойца — сделать все для превращения Ханко в неприступную крепость.

Комиссар базы стал поистине душой обороны полуострова. Все его лучшие качества в полную меру проявились здесь в трудную для Родины пору. Расскин не знал покоя, усталости и страха. Его высокую, чуть сутулую фигуру в матросском бушлате видели то на островах, где наступали и оборонялись десантники, то на перешейке, то на кораблях, несших дозорную службу. Он постоянно искал новые пути повышения боевых и

моральных качеств войск. Базовую газету «Боевая вахта» Арсений Львович предложил переименовать в «Красный Гангут», вполне обоснованно считая, что прежнее название не отвечает задачам пропаганды в сложившейся обстановке.

Комиссар базы призвал журналистов делать газету так, чтобы каждое ее слово было острым, разящим. И «Красный Гангут» стала именно такой газетой.

Как-то вечером Расскину доложили, что на рейде стоит наш транспорт с боезапасом. Белофинны ведут по нему артиллерийский огонь. Разгрузку пришлось прекратить. Комиссар немедленно отправился в порт. Под разрывами снарядов он вбежал в блиндаж, где собрались люди, направленные на разгрузку.

— Засыпает снарядами, — смущенно пробормотал крановщик. — Работать невозможно...

— А если нужно? — резко спросил Расскин. — Ждать-то нельзя. К утру транспорт могут разбомбить.

— Да ведь как пойдешь под огнем? — мялся крановщик.

— А вот так и пойдем, — сказал комиссар и первым вышел из блиндажа. За ним последовали крановщик и все остальные краснофлотцы. Взрывоопасный груз был вывезен вовремя.

Усталый и запыленный, Арсений Львович явился на командный пункт только утром.

Позже Кабанову докладывали:

— Не появись в порту Расскин, стоять бы транспорту там до утра. И неизвестно, чем бы все это кончилось...

— На то он и комиссар, — отвечал Кабанов.

Расскин рвался на самые опасные участки боевых действий. Он просил генерала отпустить его в морской десант.

— Мне надо. Я ни разу не участвовал в такой операции, — говорил Арсений Львович.

— Я тоже не участвовал, — отвечал ему на это Кабанов. — Терплю.

— Мне десант нужен как школа боевого опыта, — настаивал комиссар. — В десантах побывали почти все работники политотдела. А я не знаю ни характера подобных операций, ни особенностей партполитработы в них. Какой же я комиссар базы? Мне крайне необходимо побывать хотя бы в одном таком деле.

Это прозвучало довольно убедительно, и командир базы сдался. Расскин возглавил диверсионную группу, отправившуюся на остров Моргонланд. В своем неизменном бушлате, вооруженный автоматом и гранатами, вместе с краснофлотцами прыгнул он за борт катера и в числе первых достиг острова.

Однако настоящего боя, о котором мечтал Расскин, здесь не произошло. Небольшой гарнизон Моргонланда сразу же капитулировал. Группа вернулась с пленными, и все же Расскин не был доволен вылазкой. Он мечтал о настоящем десанте.

— Не твое это дело, — гремел бас генерала. — Ты комиссар базы, а не командир взвода. У тебя под началом тридцать тысяч бойцов, а ты их готов бросить и пойти с одной ротой.

— Сергей Иванович, убеждать бойцов я должен не только словами, но и личным примером, — спокойно говорил комиссар.

— Тебя, упрямого, не убедишь, — генерал махнул рукой. — И все же имей в виду: больше в десант не пойдешь.

Командир базы не бросал слов на ветер. Когда спустя некоторое время комиссар собрался идти с десантом на остров Бенгтшер, генерал промолчал. Выход катеров был назначен на два часа. В полночь Расскин прилег немного отдохнуть, строго наказав вестовому разбудить его в половине второго, чтобы поспеть на катер, уходящий на выполнение боевого задания.

Командир базы дождался, пока измученный бессонными ночами комиссар уснул, затем отправил вестового отдыхать, запретив ему до утра появляться на флагманском командном пункте. Возле каюты, в которой спал Расскин, Кабанов поставил часового и приказал ему:

— Комиссара не будить!

Было ровно два часа, когда Арсений Львович проснулся. Он взглянул на циферблат часов, побледнел, схватил фуражку, кинулся к двери, но натолкнулся там на смущенного часового...

Десант, высаженный на остров Бенгтшер, погиб.

Арсений Львович тяжело переживал это. Он стал еще чаще бывать на островах, делая все возможное для укрепления их обороны.

В конце октября 1941 года стало известно решение Верховного главнокомандования о переброске гарнизона Ханко на защиту Ленинграда.

Эвакуация была не менее сложным делом, чем оборона. Комиссар инструктировал командиров и политработников, беседовал с ответственными за посадку на корабли. Его видели то в матросских кубриках, то на местах погрузки. С его ведома политработники назначались на необычные временные должности: комиссар верхней палубы, комиссар посадки, комиссар летучего отряда прикрытия.

Кабанов и Раскин покидали опаленные скалы Ханко 2 декабря. Они неторопливо взошли на пирс, затем поднялись на борт торпедного катера. Взревели моторы. Взломав тонкую ледяную корку припая, катера взяли курс на Кронштадт. Повернувшись лицом к Гангуту, командир и комиссар долго стояли на палубе концевой катера. Они оставляли Гангут последними...

Дивизионный комиссар А. Л. Раскин в январе 1942 года был назначен комиссаром Волжской военной флотилии, а через полгода был уже на Черном море в должности начальника Политического управления флота. Море это было ему родным: в Керчи он родился, в юные годы плавал по Черноморью на каботажных судах...

26 октября 1942 года Арсений Львович погиб.

Моряки похоронили комиссара в городе Потти (в то время там находились штаб и Политуправление Черноморского флота). В городском парке стоит гранитный обелиск с портретом Арсения Львовича и судовым якорем, символизирующим верность морю и неизменную любовь к нему.

Самолет приземляется на Ханко ● Командный пункт в расщелине скалы ● По первому сигналу армейцев ● С ювелирной точностью ● Хранится в музее штык...

И. Н. ДМИТРИЕВ,
генерал-майор в отставке, бывший комендант сектора береговой обороны полуострова Ханко

„МЫ В ФОРТЕ- ЦИИ ЖИВЕМ“

19 июня 1941 года. Сажу в своем служебном кабинете, разбираю почту. Вдруг дверь с шумом распаивается. Сначала появляется большой чемодан, за ним грузная фигура генерал-лейтенанта И. С. Мушнова. Вместо приветствия Иннокентий Степанович ворчливо говорит:

— Хватит тебе тут сидеть. Уступай место старшим.

— Пожалуйста, — отвечаю, хотя и не понимаю еще, в чем дело. О приезде Иннокентия Степановича никто меня своевременно почему-то не предупредил.

Генерал-лейтенант Мушнов — начальник артиллерийского управления Наркомата Военно-Морского Флота. В силу каких-то обстоятельств он назначен вместо меня.

Началась обычная сложная процедура передачи огромного хозяйства, знакомство с кадрами. Мы торопились. Мне предписывалось быстрее отбыть в Таллин. Приказом Главного Военного совета ВМФ, за подписями Н. Г. Кузнецова, А. А. Жданова и И. С. Исакова, я назначался комендантом сектора береговой обороны полуострова Ханко.

День 22 июня был для нас долгожданным. Инженеры, рабочие, служащие готовились в этот день к традиционным спортивным соревнованиям. Они проводились ежегодно и превращались в настоящий

праздник для всего нашего большого дружного коллектива. Утром сотни людей собрались на спортивной площадке. Многие пришли с семьями. Настроение у всех было приподнятое. И тут по радио прозвучали позывные Москвы... Война!

Вскоре я был уже в Таллине, а через некоторое время — на сторожевом корабле «Буря». Есть такое крылатое выражение: «С корабля — на бал». У меня получилось наоборот: с праздника — на корабль.

В море вышли ночью. Сторожевик «Буря» конвоировал в район острова Сааремаа гидрографические суда «Вест» и «Норд». Впереди шли катерные тральщики. Около семи часов утра я стоял на мостике, когда сигнальщик громко доложил:

— Справа, курсовой сто тридцать пять градусов, вижу перископ подводной лодки!

Мы вооружились биноклями, но обнаружить ничего не удалось. Море было все в пенистых барашках. Прошли считанные секунды, и раздался оглушительный взрыв. «Вест» на наших глазах подбросило кверху, и он сильно накренился на правый борт. Сигнальщик был, видимо, прав. Фашистский подводный корабль торпедировал наше судно.

В течение получаса весь личный состав «Веста» перевели на «Бурю». Краснофлотцы сняли с палубы пулемет, удалось спасти наиболее ценные приборы. Через несколько минут корабль затонул.

И опять я на главной базе флота — в Таллине. Провалился ночь на диване в одной из комнат штаба. В конце следующего дня вылетел на Ханко. Моим попутчиком в полете через залив был бригадный комиссар Арсений Львович Расскин.

СНАЙПЕРСКИЕ ЗАЛЫ

Наш прилет Ханко встретил «салютом». Мощно грохотали орудия, били минометы, раздавался треск пулеметов. Противник начал первый крупный штурм советской военно-морской базы. Ощетинившийся полуостров давал врагу отпор.

Петляя по каменистым, проселочного типа, дорогам, машина быстро доставила нас в штаб военно-морской базы. Он размещался тогда еще в двухэтажном каменном здании. В подвале был оборудован командный пункт.

Командир базы Сергей Иванович Кабанов встретил меня радушно. Высокий, косая сажень в плечах, он казался несколько грузным. Но это был очень подвижный человек. Говорил басом и как-то по-особому смеялся, заражая собеседников весельем.

— Приехали в самый раз, — сказал он мне. — Прямо на пироги.

— Какие пироги? — удивился я.

— А помните, у Пушкина в «Капитанской дочке»?

Мы в фортеции живем,
Хлеб едим и воду пьем;
А как лютые враги
Придут к нам на пироги,
Зададим гостям пирушку:
Зарядим картечью пушку.

Сергей Иванович басовито рассмеялся и продолжил: — Так вот «фортеция» наша ведет первый крупный бой. Включайтесь.

Я немедленно отправился на командный пункт сектора береговой обороны. Он размещался в расщелине скалы и был слишком тесен. «Строить как можно быстрее настоящий командный пункт», — с этой мыслью я поехал знакомиться со своим новым «хозяйством». Было оно солидным: два отдельных артиллерийских дивизиона, две отдельные железнодорожные батареи, отдельный железнодорожный батальон, различные службы. Позже сектору были приданы строители и некоторые другие части и подразделения.

Главнейшей задачей береговой обороны всегда считалась борьба с флотом противника. Но нашим батареям пришлось вести огонь главным образом по сухопутным целям. Береговики-ханковцы решали следующие задачи: контрбатарейная борьба, оказание помощи огнем 8-й отдельной стрелковой бригаде, поддержка десантников, обстрел важных железнодорожных узлов и промышленных пунктов, противодействие кораблям неприятеля.

Каждая наша батарея имела по два наблюдательных пункта. На них круглосуточно сидели наблюдатели, засекая огневые точки противника. Наблюдательные пункты были и в дивизионах. Как правило, размещались они на высоких зданиях, на специально построенных вышках, на верхушках могучих деревьев. Наблюдатели были

вооружены биноклями, стереотрубами. Все данные засечек тщательно фиксировались, уточнялись и анализировались. Была создана карта координат батарей противника с указанием их калибра, дальности и скорострельности. Душой всех этих дел был начальник артиллерии сектора Сергей Спиридонович Кобец.

На командном пункте сектора и на батареях висели карты отдельных районов переднего края. Обозначенные разноцветными карандашами квадраты получили условные наименования «Слон», «Верблюды», «Медведь», «Волк» и т. д. Все эти квадраты были заранее пристреляны. На каждую цель имелись исходные данные. Достаточно было на основании метеосводки внести «поправку дня», и по первому сигналу армейцев на противника обрушивались десятки тяжелых снарядов береговых батарей.

В наших газетах «Красный Гангут» и «Красный Балтийский флот» часто печатались письма, в которых командиры и бойцы выражали благодарность береговым артиллеристам за огневую поддержку. Особенно славились среди ханковцев 9-я тяжелая батарея, которой командовал капитан Н. З. Волновский, и 130-миллиметровая батарея капитана В. А. Брагина, размещавшаяся на гряде скал в районе Уддскатана, недалеко от порта. В скальном грунте строители оборудовали укрытия для орудий, погребов и командного пункта брагинцев. Боевая выучка расчетов этой батареи была доведена до автоматизма. Виктор Андреевич Брагин добился этого, умело организовав тренировочные занятия с личным составом. Невысокого роста крепыш с открытым русским лицом, он своей собранностью и организованностью располагал к себе с первого взгляда. Артиллерист по призванию, Брагин воспитал отличных комендоров.

Много и всегда по-снайперски стреляли брагинцы. На их счету были взорванные склады боеприпасов, уничтоженные минометы, наблюдательные пункты.

Сидим мы как-то ночью с Виктором Андреевичем на его командном пункте, попиваем чаек из большого алюминиевого чайника. И вот неожиданно раздается тяжелый, давящий гул. Два снаряда врезались в толщу камня, которым в первые дни войны был дополнительно обвалован КП. Уши заложило. Между тем Брагин, как будто ничего не случилось, кричит мне:

— Давайте, товарищ генерал, еще по кружечке. Глухота скорее пройдет...

Батарея Брагина несла минимальные потери. Вот что значит по-настоящему сделать укрытия! Хорошо оборудовали мы по примеру Брагина и командный пункт сектора. Находился он у большой отвесной горы.

Ханковцы проводили немало десантных операций. Нередко бывало так: высадятся десантники на остров, а продвижение вперед идет туго. Вот тогда-то и помогали им артиллеристы огнем. В таких случаях требовалась ювелирная точность, чтобы не накрыть своих.

По кораблям противника стрелять приходилось редко. Как-то в сумерках наш истребитель обнаружил в шхерах вражеский броненосец береговой обороны. Решили открыть огонь, корректируя его с самолета. Но наступал вечер, темнота не дала возможности летчику уточнить место броненосца. Стрельбу пришлось прекратить. Артиллеристы вели огонь по буксиру с баржей, курсировавшему между островами. Баржу потопили. Несколько раз стреляли по катерам, мотоботам. Часть из них тоже была потоплена. Был случай, когда на пределе дальности огня береговых батарей маячили два миноносца противника. После нескольких наших залпов они поспешно скрылись за горизонтом.

СВЕТЛЫЕ ГОЛОВЫ, ЗОЛОТЫЕ РУКИ

Когда сектору были приданы подразделения строителей, вырисовалась новая задача — предстояло их вооружить. Многие винтовки, полученные нами из Таллина, оказались без штыков. Вызываю начальника инженерной службы Н. С. Котова, спрашиваю:

— Нельзя ли наладить производство штыков?

— Можно, — отвечает Котов. — Металл есть, мастера у нас хорошие, штыки будут не хуже тульских.

В течение нескольких дней наша мастерская изготовила пятьсот штыков. И по своему внешнему виду, и по прочности они действительно не уступали тульским. Один такой штык, как боевая реликвия тех лет, хранится теперь в Центральном военно-морском музее.

На полуострове было много учебных винтовок. Краснофлотцы под руководством Котова сумели превратить их в боевые.

Верно говорит русская пословица: «Хочешь победить на войне — работай вдвойне». Собственными силами создали наши умельцы бронеавтомобиль, вооруженный пулеметами. Потом они соорудили «чудо на колесах» (так с легкой руки Кабанова прозвали ханковцы нашу подвижную железнодорожную батарею). Не помню, кто предложил идею ее создания, но она пришлась всем по душе. В запасе у нас имелось три 100-миллиметровых орудия. На шестидесятитонных платформах мы построили для них основания, оборудовали погреба для снарядов.

Замысел оправдал себя. Переходя с одной позиции на другую, эта батарея оказывала существенную помощь нашему переднему краю. Она вела контрбатарейную борьбу, поддерживала огнем десантников. Командовал ею старший лейтенант М. Е. Шпилев.

Более пятидесяти тысяч снарядов обрушила на противника береговая артиллерия Ханко. Она была надежной опорой героического советского гарнизона, действовавшего на самом дальнем правифланговом участке фронта битвы за Ленинград.

КРАСНЫЙ БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ

4 ноября 1941 года

Самые храбрые, самые стойкие ● Если ранен друг... ● „Не вышло с фронта — ударим с тыла!“ ● По команде политрука ● Увлекая за собой молодых бойцов

П. И. ВЛАСОВ,

бригадный комиссар, начальник политотдела военно-морской базы Ханко

**КОММУ-
НИСТЫ
ВСЕГДА
ВПЕРЕДИ**

Коммунист младший командир Константин Майоров добровольцем пошел в десант. В операции по захвату одного из вражеских островов он первым высадился на берег и смело повел в бой своих подчиненных. Когда путь атакующим преградил огонь белофинского пулемета, командир группы оставил часть бойцов в засаде, а с остальными двинулся в обход вражеской огневой точки. Вскоре шюцкоровец свалился от меткой пули, и пулемет оказался в руках Майорова. Враг побежал...

Пулеметчик Чернышев с четверьмя бойцами расчета попал во вражеское окружение.

— Что делать? — растерянно спросил у него один из бойцов.

— Сражаться! — твердо ответил Чернышев. — Уничтожим фашистов и пробьемся к своим.

Шюцкоровцы наседали. Их было более тридцати. Растерявшийся боец метался от камня к камню, стараясь лучше спрятаться, и был убит пулей наповал. Три смельчака во главе с Чернышевым организовали стойкую оборону. Командир этой маленькой группы был четыре раза ранен, но продолжал уничтожающий огонь по врагу. Умело руководя боем, отважный пулеметчик вырвался со своими товарищами из вражеской западни...

Правильная расстановка коммунистов и комсомольцев в бою не раз приносила нам победу. Вот один из таких примеров. Прежде чем идти на захват вражеского острова Эльмхольма, политрук В. А. Гончаренко собрал свой актив, чтобы подробно обсудить порядок высадки. Было предусмотрено все, вплоть до того, например, где сесть в лодке тому или иному бойцу, кому первому прыгать в воду. Столь расчетливый подход к делу оправдал себя. При высадке вражеской пулей был ранен пулеметчик Балакир, его место сразу же занял боец Ларин, хорошо владевший автоматическим оружием и не случайно находившийся рядом. У самого берега крутая волна бросила лодку на подводные камни. Не дожидаясь команды, краснофлотец Терентьев прыгнул за борт и резко столкнул баркас с опасной банки.

Преодолевая все трудности, десантники наконец достигли острова Эльмхольма.

— В воду, за мной! — командовал политрук и первым перевалился через борт. Вслед за ним бросились в воду краснофлотцы Терентьев, Ларин, Бархатов и другие. Завязался бой...

Война потребовала коренной перестройки работы партийных и комсомольских организаций. В центре их внимания встали вопросы воспитания личного состава, а также практическая помощь командованию в проведении боевых операций. Партийные собрания проходят у нас организованно, целеустремленно. Часто перед выходом на боевую операцию практикуются собрания на коротке. Каждый коммунист получает конкретное партийное задание. В своей работе комиссары и политруки опираются не только на партийно-комсомольский актив, но и на передовых беспартийных товарищей.

На катерах, которыми командует капитан 2-го ранга М. Д. Полегаев, хорошо известен боцман Викуа, участник многих боевых операций по высадке десанта на вражеский берег. Однажды произошел такой случай. Неприятель открыл сильный огонь по нашим «морским охотникам», приближавшимся к месту высадки. Наступил момент, когда надо было прыгать в воду. Но среди молодых бойцов произошло замешательство. Боцман не должен был идти с десантом, однако он схватил винтовку, ринулся с катера в воду и увлек за собой бойцов. Десантники выполнили боевую задачу и захватили в плен семь вражеских солдат.

Командир орудия В. Сорин в совершенстве освоил боевую технику. Как-то в бою его орудие получило серьезное повреждение, но сержант не растерялся. Под вражеским обстрелом он сумел организовать ремонт пушки и вскоре ввел ее в строй. Наводчик его расчета краснофлотец Уланов внес несколько рационализаторских предложений, повысивших эффективность боевой стрельбы. На батарее, где служит расчет сержанта Сорина, славится своей отличной выучкой наводчик Гончаров. А его сослуживец комендор Теренин изучил не только свою, но и смежную специальность так хорошо, что теперь во время стрельбы работает за двоих.

Важное значение в повышении боеспособности части имеет обобщение и распространение опыта передовиков. Беседы бывалых воинов с личным составом расчетов, отделений, взводов всегда поучительны. Большую пользу принесла бойцам встреча с краснофлотцем А. Ф. Марфиным, участником нескольких десантных операций. В частности, он призвал товарищей по батарее учиться приемам рукопашного боя.

— Штыком я заколол не одного фашиста, а сам при этом оставался неуязвимым, — говорил Марфин...

В условиях боевых действий в тылу врага важное значение имеет также агитационно-массовая и разъяснительная работа. Мы стремимся возможно чаще рассказывать личному составу о положении на фронтах, помогаем людям разобраться в сложностях международной политической обстановки, воспитываем у них лютую ненависть к врагу. В каждом отделении, боевом расчете, взводе, на огневой точке есть агитатор. «Боевые листки», витрины с портретами героев Отечественной войны и сводками Совинформбюро, местные радиопередачи — все это и многое другое широко используется для политического воспитания бойцов.

Пятый месяц гарнизон базы Ханко отбивает яростный натиск войск противника. Но решающие бои еще впереди. В этой священной борьбе коммунистам и комсомольцам красного Гангута принадлежит почетное место. Пусть каждый воин, глядя на них, скажет себе:

— И я буду бить врагов с таким же упорством и отвагой!

КРАСНЫЙ БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ

30 сентября 1941 года

*Два письма с переднего
края войны ● „О Ханко
вы еще услышите“ ●
Большевистская кре-
пость на Финском за-
ливе ● Гангутцы верны
боевым традициям*

ВСЕВОЛОД
ВИШНЕВСКИЙ

**„НЕ
ЧУВСТВУЕМ
СЕБЯ
ОТОРВАН-
НЫМИ“**

В Кронштадт регулярно приходят письма, газеты с Ханко. Высказывания товарищей с Ханко весьма замечательны. Приведу два письма:

«Большое спасибо за теплые письма. Вы, конечно, понимаете, что каждая весть с большой, родной, советской земли для нас несказанная радость, а вести от товарищей — тем более. Ханко свое дело делает. Долбит нас враг изо дня в день, но реальные результаты его «работы» ничтожны. Настроение у народа очень бодрое, одного ждут — когда прикажут наступать. Лезть противник пытается очень часто, правда, больших сил в бой не вводит, ну и уничтожаем его при каждой такой попытке. Надо правду сказать — разозлились наши на противника крепко. Дорвемся до боя, до их логовищ — дадим им. Работа у нас идет. Совершенствуем свою выучку, учитываем опыт других фронтов. К делу привлекли рационализаторов и изобретателей, сыплются всякие предложения. Завели свое издательство... У убитых финнов обнаружили наши листовки и пропуска... Газета наша местная идет, спрос на нее колоссальный, и авторитет ее необычайно высок. Сейчас готовим к печати сборник (10—12 рассказов) о героях Ханко. Перешлем Вам и в Военмориздат. Готовим также сборник стихов — труды местных поэтов...

Памятки, сборники стихов, сатирические листовки, изданные в ноябре 1941 года политотделом военно-морской базы Ханко.

Бывают потери. Хоронили товарищей, а фашисты-сволочи обстреливали, пришлось выждать. Злоба к противнику большая, дело не в обстрелах, не в снарядах, хотя бывают и 12-дюймовые, — дело в выдержке... На Ханко ее хватит. Бьем мы гитлеровцев в десятки раз крепче, чем они нас. О Ханко вы еще услышите.

Много мыслей о вас, о Ленинграде. Бейте сволочей-фашистов крепче. Пусть измотаются. Передайте привет моей семье... Ну, крепко жму руку. Ваш Власов».

Вот другое письмо. Оно получено от одного из лучших комиссаров Ханко.

«Большое спасибо за дружеский привет. Находясь вдали от основных баз флота, мы не чувствуем себя оторванными, обреченными, как нас пытаются уверить белофинны в своих листовках. Скоро три месяца, как на подступах к Гангуту идут упорные, ожесточенные бои. Враг напрягает все усилия, чтобы овладеть нашей крепостью. Но все попытки эти разбиваются. Врагу не удастся завладеть большевистской крепостью на Финском заливе. Гангутцы уже заслужили ненависть врагов своей стойкостью, смелостью и постоянным стремлением бить противника. Из захваченных нами писем белофинских офицеров мы узнали, что нас, бойцов Гангута, они называют «самыми отборными головорезами, которые не только не собираются уступать территорию Ханко, но даже позволяют себе захватывать финские острова». Весьма польщены таким отзывом. Ни тысячи снарядов и мин, ежедневно выпускаемых на нас, ни ожесточенные попытки сбросить нас в море не сломят нашей решимости отстаивать каждую пядь земли.

Можете не сомневаться, что гангутцы, свято храня славные боевые традиции русских моряков, впишут еще не одну славную страницу в летопись Великой Отечественной войны нашего народа. Передайте, пожалуйста, через «КБФ» привет всем защитникам города Ленина и морякам Краснознаменной Балтики. С товарищеским приветом! Арсений Расскин».

Просьбы выполняем незамедлительно. Дорогие гангутцы, шлем вам всем братский привет. Обнимаем каждого. Да будет вам удача и победа! Всегда балтийцы были в первых рядах. В трудные минуты сжимали зубы и кулаки и кидались упорно вперед, сшибая противника... Делаем так и нынче.

Вперед, братья и товарищи!

КРАСНЫЙ БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ

Август — ноябрь 1941 года

*Строки, написанные под
огнем ● Рушатся скалы,
а люди стоят ● 32 от-
битые атаки, 19 захва-
ченных у противника
островов ● Отважные
соколы Ханко ● Похва-
лялся враг, да не вы-
шло.. ● Сто шлюпок,
лайб и катеров с не-
приятельскими солда-
тами пошли ко дну*

ПЕТР
ЗВОНКОВ

РЕПОРТАЖ ИЗ КРЕПОСТИ

Под двенадцатью репорта-
жами о Ханко, напечатанны-
ми во флотской газете, стоит
подпись: «Старший политрук
П. Звонков. Специальный кор-
респондент газеты «Красный
Балтийский флот» на Ханко».

Написанные по горячим
следам событий, репортажи
П. Звонкова воспринимаются
как свидетельства документа-
листа. Журналист был в пер-
вой группе прибывших на по-
луостров советских бойцов и
командиров. Он был и среди
тех, кто до последнего часа от-
стаивал эту военно-морскую
базу.

Погиб Петр Иванович уже
после эвакуации гангутского
гарнизона. В суровую блокад-
ную зиму над Финским зали-
вом вражеские истребители
обстреляли наш самолет, в ко-
тором летел корреспондент га-
зеты «Красный Балтийский
флот» Звонков. Пули пробили
бензобак. Самолет упал на
лед. Погиб экипаж, а вместе
с ним и журналист Петр
Звонков.

* * *

Сутки напролет неумолчно
бьет по Ханко вражеская ар-
тиллерия, дробя гранитные
скалы, поджигая сосновый
бор. Воровски, по ночам, ве-
дут обстрел полуострова бро-
неносец и минометы противни-
ка. Временами над Ханко
появляются желтокрылые стер-
вятники. Но за последние
недели визиты фашистских

летчиков на Ханко заметно сократились. Еще бы! Морские соколы базы сбили с начала войны над Ханко двадцать пять вражеских самолетов. На стенке в порту, на пляже и в других местах полуострова валяются останки «юнкерсов» и «мессершмиттов».

Гангутцы отбили у противника ряд островов, имеющих важное значение в обороне Ханко. Их стремительные, смелые, сильные удары до смерти будут помнить зарвавшиеся враги.

Младший политрук Николай Тарасов с группой краснофлотцев подходил на катере к острову Хесте. Противник открыл по десанту сильный огонь. В тот момент, когда должна была начаться высадка на берег, Тарасова ранило. И все же младший политрук первым прыгнул в воду и устремился к берегу. За ним бросились краснофлотцы.

— Вперед, за Родину!

Начинается горячая схватка. Политрук впереди. Пулеметным, винтовочным огнем, штыком и гранатой балтийцы разят врага. Остров Хесте взят.

Краснофлотец Юсмаат Меметов столкнулся с двумя вражескими солдатами. Шюцкоровцы подняли руки, но в это же время притаившиеся сзади автоматчики открыли огонь. Из-за камней выскочило еще несколько солдат противника. Краснофлотец Меметов один схватился с десятерыми. Первым делом он уложил пулеметчика и вывел из строя пулемет. Отлично работал балтиец штыком и прикладом. На помощь ему подоспели товарищи. Доблестные воины уничтожили фашистских молодчиков всех до одного.

Краснофлотец Суббота во время высадки десанта был ранен в ногу. Превозмогая боль, он ринулся в атаку и заколол штыком пятерых фашистских солдат.

Комендоры советского Гангута меткими залпами батарей не дают врагу покоя ни днем, ни ночью. От прямых попаданий взлетели в воздух многие укрепления. На границе в пункте Лаппвик две роты противника пытались прорваться на нашу территорию. Огонь артиллерии помог пехотным частям уничтожить врага.

В тяжелых условиях, под непрекращающимся обстрелом, несут круглосуточную вахту сигнальщики, катерники, пожарники.

Главный старшина Гобец под пулями противника восстановил телефонную связь. Старший сержант Акин-

фиев вместе с шофером Олейником и бойцом Попковым потушили пожар, предотвратив взрыв склада с боеприпасами. Дальномерщики Алексеев и Кузьмин обнаружили хитро замаскированную вражескую батарею. Краснофлотец Монашко точно засек пеленг двух батарей противника, что дало возможность быстро подавить их.

Рука об руку с гарнизоном самоотверженно работает гражданское население полуострова, обеспечивая бойцов всем необходимым, помогая им громить врага.

2 августа 1941 г.

* * *

Обычно здесь холода наступают не раньше декабря. Нынче на Ханко зима пришла рано. Уже выпал обильный снег, запорошив улицы, поляны, скалы. И в то же время в лесу нередко встретишь березы, на ветвях которых еще держатся желтые листья. Не по-ноябрьски ярко светит солнце, хотя оно уже и не греет, как в июле или августе. А незамерзшее море по-прежнему гонит на угрюмый берег длинную, зловещую волну.

И как волна дробится о гранитные камни берега, так разбиваются все попытки врага сломить упорство гарнизона, обороняющего полуостров. Почти пять месяцев храбрые ханковцы стойко защищают крепость. За это время фашистские войска тридцать два раза пытались прорвать линию обороны. Но все атаки врага отбиты. Между тем гангутцы захватили у противника девятнадцать островов, улучшив тем свои позиции.

Зима не застала ханковцев врасплох. Помня старую русскую пословицу, они еще летом начали подготовку к зиме. Построили для всего личного состава надежные землянки, в которых бойцы могут отдохнуть, согреться и обсушиться. Автопарк заранее начали переводить на древесное топливо. Наладили массовое изготовление лыж. Каждый краснофлотец, красноармеец, командир и политработник имеет лыжи. Причем лыжи ханковской марки не хуже заводских. Своевременно проведен учет теплой одежды. Все валенки, полушубки, ватники, требующие ремонта, починены. Организована пошивка варежек, теплых шапок-ушанок. Самая лютая зима не страшна доблестным защитникам Ханко — так хорошо они к ней подготовились.

Истекшей ночью противник предпринял очередную попытку прорвать один из участков нашей обороны. Целая флотилия мелких судов — катеров, лайб, шлюпок — двинулась к нашему берегу. Метким артиллерийским и пулеметным огнем бойцы 30-го артдивизиона капитана С. Ф. Кудряшова расстроили коварные планы врага. Атака была отбита.

Воздушные бойцы красного Гангута одержали еще одну победу. Лейтенанты В. Ф. Голубев и Г. Д. Цоколаев сбили фашистский самолет. Объятый пламенем стервятник упал поблизости от места расположения одной из частей базы и затонул на глазах у краснофлотцев.

Туда ему и дорога! Отважные соколы Ханко с начала войны сбили уже сорок семь вражеских самолетов.

Ученик П. А. Бринько летчик А. Ф. Лазукин заметил в море, на подступах к полуострову, два вражеских катера. После первого же захода истребителя один катер, пробитый пулеметной очередью, загорелся. Потом был подбит и второй катер. Он потерял управление. Летчик Васильев принудил большой фашистский катер выброситься на камни.

Крупный успех принес сегодняшний день и бойцам саперного взвода, которым командует лейтенант А. И. Репня. Саперы досрочно закончили строительство важного оборонительного объекта. Недавно они пробрались на вражескую территорию и подорвали неприятельскую вышку, с которой фашисты вели наблюдение за действиями наших войск. Этой операцией, проведенной, что называется, под носом у врага, руководил младший сержант Киселев.

Очередной удар по гитлеровцам нанесли комендоры железнодорожной батареи капитана П. М. Жилина. Разведка доложила, что в одном из пунктов враг концентрирует свои войска. Последовал приказ рассеять их. Жилинцы немедленно накрыли противника огнем своих орудий.

Ханко — краснофлотский город. Здесь все связано с флотом. Из трех прохожих двое обязательно одеты в морскую форму. Стоят на карауле пожарные в бескозырках с ленточками. На железнодорожных путях поыхивает паровоз. Его ведет машинист-краснофлотец. В сапожной мастерской постукивает молоточком мат-

рос. Идет повозка, и в ней сидит краснофлотец. В кино демонстрируется новая картина «Маскарад», и в зале сидят тоже краснофлотцы, крепкие парни в бушлатах.

16 ноября 1941 г.

* * *

Дружная семья гангутцев сегодня отмечает славную дату — сто пятьдесят дней героической обороны полуострова Ханко.

Генералы противника устанавливали разные сроки взятия Ханко. Вначале они похвалялись взять полуостров в трехдневный срок. Не вышло. Вражеские части, пытавшиеся наступать на перешейке, были разбиты и отброшены.

После этого фашисты объявили, что им потребуется не более трех недель, чтобы сбросить советский гарнизон в море. Они предприняли несколько последовательных атак на флангах обороны, пытались высаживать десанты с моря. Опять ничего не получилось. Группы захватчиков были истреблены.

Маннергейм требовал от своих подручных взятия Ханко к 1 августа, потом — к 1 сентября. Краснофлотцы, красноармейцы, командиры и политработники, как один, поднялись на защиту крепости. Они не дали захватчикам продвинуться ни на один вершок.

В конце октября гитлеровское радио объявило, что с большевиками на Ханко будет покончено через неделю. Опять ничего не получилось.

Рассчитывая дезорганизовать оборону, запугать гарнизон, фашисты буквально поливают полуостров и окружающие его острова артиллерийским, минометным и пулеметным огнем. Четырнадцать крупных батарей, привезенных из Германии, вместе с финской артиллерией ведут по полуострову непрекращающийся огонь.

В исключительно трудных условиях протекает боевая работа летчиков. Они взлетают и садятся на аэродром под обстрелом. Хорошо зная территорию полуострова, враг всегда имеет перед собой рассчитанную цель. Более трех тысяч снарядов разорвалось на взлетно-посадочной полосе. Комендантская команда аэродрома, возглавляемая воентехником Колонкиным и политруком Королевым, непрерывно заделывает воронки. И в этих условиях летчики умудряются взлетать, садиться, сби-

вать вражеских стервятников, топить фашистские катера, катера, истреблять живую силу противника.

Сокрушительные удары наносят врагу артиллеристы Ханко. Их огнем уничтожено семь батарей, несколько солдатских казарм, десятки дотов, дзотов, наблюдательных вышек и прочих военных сооружений противника. Более ста катеров, шлюпок, лайб с солдатами отправили они ко дну. По всему полуострову гремит слава о батареях капитанов В. А. Брагина и П. М. Жилина.

Умело согласовывает свои действия со стрелковыми частями соединение катеров «морских охотников» под командованием капитана 2-го ранга Михаила Даниловича Полегаева. Артиллерийским и пулеметным огнем эти небольшие, но грозные корабли громят скопления вражеских сил, расчищают путь для атак нашей пехоты. Под защитой катерников гангутцы выбрасывают десанты в тыл противника.

Защитники Ханко своими силами ремонтируют танки и бронемашины. Они наладили выпуск гранат, мин и штыков.

Максимально используются местные продовольственные ресурсы. С огородов снят урожай овощей и картофеля. Заготовлено немало грибов, ягод. Бригада бойцов, возглавляемая Егоровым, выловила тридцать пять центнеров рыбы.

Коммунисты и комсомольцы, ряды которых удвоились за дни героической обороны, цементируют, сплачивают, вдохновляют и ведут в бой советских воинов. Здесь никто не ноет, не хнычет. Людям тяжело, но держатся они крепко, геройски.

18 ноября 1941 г.

*Чем объяснить неудачи
зенитчиков? ● Обломок
„юнкерса“ в противо-
газной сумке ● То недо-
лет, то перелет ● Бое-
вая тревога в часы тре-
нировки ● Фашистский
самолет падает в за-
лив ● Блиндажи среди
валунов*

С. А. ТОМИЛОВ,
капитан 1-го ранга в от-
ставке, бывший работник
политотдела военно-мор-
ской базы Ханко

УРОКИ СТОЙКОСТИ

Нашим зенитчикам почему-то никак не удавалось сбить хотя бы один «юнкерс».

Собрав работников политотдела, комиссар базы А. Л. Расскин высмеял слухи о «непробиваемой броне» немецких самолетов. Эти слухи были давно опровергнуты летчиками: они уверенно сбивали фашистские бомбардировщики.

— Что ж, дорогие товарищи, — сказал бригадный комиссар, — в неудачах зенитчиков мы сами виноваты. В мирное время они на учениях стреляли по цели, буксируемой тихоходным самолетом. Бить по скоростным машинам, по пикировщикам их никто не учил. Эту ошибку надо исправлять.

Все выступавшие на совещании говорили о том, что личный состав зенитных артиллерийских батарей должен научиться воевать по-новому. В ходе боев предстоит организовать эту учебу. Многое тут будет зависеть от политотдельцев.

Мне выпало отправиться в 93-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион капитана И. Т. Ковальчука. В свою противогазную сумку я положил кусочек легкого металла — обломок сбитого недавно летчиками «юнкерса». Убежденный в том, что брони на немецком бомбардировщике нет, я, естественно, рассматривал этот обломок как свой главный козырь в предстоящих беседах с расчетами зенитных установок.

На одной из батарей, вытащив из сумки кусочек дюраля, я сказал:

— Вот видите — это не броня. А между тем перед вами кусочек металла с фюзеляжа «юнкерса».

Высокий сержант мягко возразил мне:

— Не от фюзеляжа, а от хвостового оперения. Фюзеляж «юнкерса» бронирован...

— Откуда вам это известно?

Сержант сдержанно пояснил, что до службы в армии он работал на авиазаводе. Как ему помнится, почти такой же металл использовался в хвостовом оперении самолетов.

Честно говоря, моя уверенность в том, что сбереженный мною кусочек дюраля действительно был отломан от фюзеляжа, поколебалась. Может, сержант был прав? Я бросил обломок на песок. Но другой сержант, задумчиво погладив свои аккуратные усики, поднял его, повертел в руках и, обратившись к зенитчику, возразившему мне, заметил:

— Вася, ты вот считаешь, что это часть хвостового оперения. Значит, если метко стрелять, то все-таки можно отбивать у «юнкерсов» хвосты?...

Мне пришлось по душе эта реплика, и я решил собрать всех сержантов батареи, чтобы продолжить начатый разговор. Сержанты собрались, но беседа как-то не получалась. Зенитчики помалкивали. Потом сержант с усиками обронил:

— Может быть, дело в том, что мы долго копаемся у орудий?

Мой вопрос, видимо, попал в точку.

— Трубочные подводят, — сказал высокий, которого я про себя назвал главным маловером. — Ошибаются при установке данных, быстро и точно работать ключом не умеют. А ведь ошибка на одно деление — это уже недолет или перелет...

— Дальномерщик у нас новый, — вставил третий сержант. — Глаз у него еще не наметан.

— Что же следует сделать?

Ответил на вопрос лейтенант, помощник командира батареи. Он сказал, что нужны сто, тысяча тренировочных занятий. При подготовке исходных данных для стрельбы, изготовке орудий к бою, зарядании их, установке данных трубочными, определении дистанции нельзя терять ни одного мгновения.

В этот момент с батарейного наблюдательного пункта послышалось:

— Воздух!

Удар гонга — и расчеты стремглав бросились к орудиям. Все пришло в движение. Резкие команды, лязг орудийных замков, доклады с боевых постов.

Низко над деревьями шел «юнкерс». Батарея открыла огонь. Она успела дать несколько залпов, прежде чем прозвучала команда «Дробь!». Самолет скрылся невредимым.

— Вот так всегда, — с досадой сказал один из зенитчиков.

Я спросил у лейтенанта, который только что ратовал за тренировочные занятия, почему он их не проводит.

— А когда проводить, если мы все время в боевой готовности? Нам запрещено отвлекать личный состав на работы и на занятия.

То же самое сказали мне и в штабе дивизиона: какая, мол, может быть боевая подготовка на войне!..

Однако капитан И. Т. Ковальчук согласился изменить создавшееся положение. Он дал указание собрать командный состав штаба. Было принято решение сочетать боевую работу зенитчиков с учебными занятиями. Результаты не замедлили сказаться: противовоздушные батареи Ханко стали стрелять более метко и вскоре отвадили гитлеровских стервятников от налетов на базу.

Как-то ранним утром я и замполит командира дивизиона побывали на небольшом мыске у залива, где находилась тщательно замаскированная счетверенная пулеметная установка. Шли тренировочные занятия. Сержант давал вводные пулеметчикам, показывая на чайки, промышлявших рыбу. Птицы то медленно планировали, то вдруг стремительно садились на воду. По такой цели нелегко было наводить пулемет. Бойцы расчета старательно выполняли все команды. Пот с них лил ручьями.

Во время этой тренировки раздалась боевая тревога. Вдоль берега, прижимаясь к высокому лесу, летел черный «юнкерс».

— Приготовиться — бронебойными! — скомандовал сержант.

Пулеметы резанули по самолету в упор. Он вздрогнул, качнулся, потом клюнул носом и, резко войдя в пике, упал в воду. Все мы, как замороженные, смотрели

на то место, куда только что свалился фашистский стервятник.

— Вот тебе и бронированный!..

О победе пулеметного расчета сержанта Пустоева узнала вся база. Пулеметчиков поздравляли. Потом водолазы подняли со дна залива сбитый «юнкерс» и доставили его в порт. К останкам гитлеровского стервятника повалили любопытствующие, в том числе и зенитчики. Никакой брони на «юнкерсе», конечно, не было. Так пришел конец слухам о неуязвимости немецких бомбардировщиков.

* * *

Через некоторое время меня из политотдела послали комиссаром в 29-й отдельный артиллерийский дивизион, которым в ту пору командовал капитан Л. М. Тудер.

В дивизионе было пять батарей. Двое суток я потратил на то, чтобы побывать на каждой из них. На третьей в часть приехал начальник политотдела полковой комиссар П. И. Власов. Он сразу же попросил меня доложить, какое мнение составил я о воинском коллективе. Но что можно узнать за двое суток? Так я и ответил Петру Ивановичу.

Он покачал головой и назидательно заметил:

— Двое суток на войне — огромный срок.

Затем начальник политотдела сам заговорил о личном составе дивизиона, его командирах и политработниках. Я был поражен тем, как он хорошо знает артиллеристов, положительные качества и недостатки отдельных людей.

Не успел П. И. Власов уехать, как в штаб дивизиона позвонили с батареи В. А. Брагина. Туда приехал командир базы. Батарея стояла на открытом скальном мысе Ганге-Удд, самой западной точке полуострова. Схватив со стола фуражку, я побежал на мыс.

Вокруг орудийных дворигов теснились гладкие валуны. Между ними накопилось немного земли, нанесенной ветрами. Вкопаться было не во что. Но это ничуть не смутило генерала С. И. Кабанова.

— Брагин, ты укрылся скорее от солнца, чем от бомб и снарядов, — мрачно заключил он, осмотрев строящиеся блиндажи, затем повернулся к Тудеру и ко мне: — Почему нарушается мой приказ? Все должно глубоко уйти под землю. А у вас что?.. Приказываю за-

рыться основательно, надежно, крепко. Никаких оговорок не принимаю.

Дав сроку трое суток на возведение пяти блиндажей с верхним перекрытием из двух накатов бревен и двухметровой подушкой из камня и земли, командир базы уехал.

— За три дня не построить, — сказал Брагин, провожая взглядом машину генерала. — Ведь тут Сахара!

— Кабанова не знаешь? — рассердился командир дивизиона. — Не выполним приказа — будет плохо. Надо что-то придумать.

На мысе не было ни земли, ни мелкого камня. Дивизион располагал двумя грузовыми машинами и несколькими конными подводами. Все они были заняты на строительстве узла связи и командного пункта. Одну машину, по моему настоянию, все же дали Брагину. Вечером старший политрук батареи Рыжов собрал коммунистов и боевой актив. Людей попросили высказаться, как лучше организовать работу, где взять материалы. Старшина припомнил, что видел на побережье камень-щебняк, который годится для засыпки верхних перекрытий блиндажей. Кто-то знал в ста метрах от строительства место, откуда можно было носить землю.

После собрания мы с Рыжовым сняли кителя и взялись за работу вместе с бойцами первой смены, Брагин с помощником пошли во вторую. Блиндаж для первого орудия удалось построить к утру, для второго — к обеду. К вечеру и третье орудие имело укрытие. На следующую ночь работать было некогда. Брагин пять раз открывал ответный огонь по батареям противника на полуострове Подваландет. Но утром работы возобновились. Иногда орудийные расчеты бросали лопаты, ломы и кирки и бежали к орудиям, чтобы открыть огонь по батареям, обстреливающим Ханко. Как бы то ни было, четвертый блиндаж был закончен в течение второго дня.

Вечером противник обрушил на батарею В. А. Брагина огневую мощь двух тяжелых батарей. Ожесточенный обстрел позиции продолжался всю ночь. Батарея вела ответный огонь. На рассвете вражеский снаряд ударил в козырек первого орудия, выведя из строя почти весь расчет. Но даже и при столь трудном положении сооружение пятого блиндажа было закончено к концу третьих суток.

*Камни, пропахшие гарью
и порохом ● Экономить
во всем! ● В кругу жур-
налистской братии ●
Обжитой подвал пustu-
ющего дома ● Взрыв у
порога редакции ● Не-
сколько хорсенских за-
писей ● „Язык“—люби-
тель шахмат ● Плывет
связной с Фурушера ●
Никто не верит тишине*

ВЛАДИМИР
РУДНЫЙ

ИЗ ВОЕННОЙ ТЕТРАДИ

Это было 30 сентября. На-
кануне в гавань нас не пусти-
ли. Был час сильного артил-
лерийского огня. Мы стояли у
внешней стенки. Сверху, с
огромной высоты, катерникам
что-то кричали дружки.

По скобам, вделанным в
стенку, держась за свисаю-
щий канат, я взобрался на-
верх и спросил, далеко ли
продвинулся противник. Во-
прос, привычный на Большой
земле, здесь прозвучал обид-
но. «Продвигаемся мы, а не
противник», — ответил встре-
тивший нас Михаил Данило-
вич Полегаев, командир мест-
ной «эскадры», в которую
входили катера охраны вод-
ного района, мотоботы и вся-
кие шаланды. Он протянул
мне номер гарнизонной газе-
ты, переименованной из «Бое-
вой вахты» в «Красный Ган-
гут». Одного взгляда на ее
страницы было достаточно,
чтобы почувствовать переме-
ны, происшедшие здесь после
ухода флота из Таллина.

Других газет на Ханко те-
перь не получают. Это един-
ственная. Нужда научила ее
сотрудников дорожить каждой
строчкой и быть лаконичными.
Тон заметок — с островов ли,
с перешейка ли — наступа-
тельный, а под корреспонден-
циями с других фронтов ста-
вится обычно пометка: «При-
нято по радио». Газета напе-
чатана на толстой, шершавой
бумаге, к тому же цветной.
Боцман нашего катера сказал:

«Из такой не свернешь...» Мы переглянулись, вспомнив катер с рулонами газетной бумаги, возвратившийся из-за неисправности двигателя в Кронштадт.

Все на берегу полуострова изменилось, омертвело, обуглилось. На всем лежит густой налет гари, копоти. Все пропахло порохом, пожарищем. Дома без окон, без крыш, улицы усыпаны стеклом и осколками металла, сине-красная вывеска отделения милиции, приписанного к Ленинграду, болтается и скрипит на куске проволоки. Нет вокзала. Нет знакомого мне трехэтажного дома за железной дорогой. На его месте торчат две высоченные трубы. В три яруса наклеплены на них черные круглые печи, облицованные жестью. Дверцы топок распахнуты. Печь на третьем этаже вспорота снарядом.

Вражеская артиллерия методически выжигает город и лес вокруг него. Наши отвечают скупой экономией снарядов: кто знает, когда их доставят с Большой земли. Тут отлично сознают сложность своего положения в сотнях миль от запутанной линии фронта, но каждый из встреченных мною сегодня ханковцев говорил о местных успехах, словно именно здесь решается судьба всей войны. Не только Полегаев сказал: «Мы наступаем». Начальник политотдела базы Петр Иванович Власов, к которому я явился со своим предписанием, тоже сообщил об успешных десантах и предложил написать в центральные газеты о наступательном порыве гангутцев. Об этом же говорит и редактор газеты Або Эдельштейн, политработник, сменивший прежнего редактора Федора Зудинова, убитого осколком снаряда на двадцать девятый день войны.

Редакцию я нашел не сразу. Она перебралась в подвал прежнего здания штаба и помещается теперь рядом с типографией и политотделом, а штаб базы — под скалой. Там, у бухты, под нависшим гранитом, построен роскошный флагманский командный пункт.

Человек с Большой земли — редкий в редакции гость, и ему рады, хотя он принес недобрую весть о катере с бумагой, вернувшемся в Кронштадт. Даже Петр Звонков, корреспондент «Красного Балтийского флота», бросивший профессионально мрачный взгляд на возможного конкурента (что поделаешь, все мы, газетчики, соперничаем там, где есть жгучий, необыкновенный материал), даже он покрутил свои рыжие усы и смягчился, услышав свежие новости из Кронштадта. Эдель-

штейн предложил мне железную койку в сырой конуре редакционного подвала. Тут мрачно, но безопасно и есть тусклый электрический свет. Над подвалом — три этажа просторных, светлых комнат, но никто на них не зарится. Они пусты, как и все другие дома на полуострове.

Мне рассказали сегодня, как погиб Федор Зудинов. Было воскресное утро. В седьмом часу противник открыл сильный огонь по центру города. Печатники Борис Суворов и Костя Белов торопились пропустить через плоскую машину весь тираж. Редактор зашел в печатный цех, приказал прекратить работу и пойти в укрытие. Белов пошутил: «А нам не слышно, товарищ батальонный комиссар, что делается наверху. Машина стучит и все заглушает». Зудинов вышел. И в этот момент печатники услышали очередной взрыв снаряда, грохот падающего кирпича и свист осколков. Выбежал встревоженный Борис Суворов и тотчас упал, раненный в ногу осколком. Белов остановил машину и тоже побежал к выходу из подвала, но наткнулся на Суворова. Он хотел помочь Суворову, но тот сказал: «Погоди, я сам... Там, кажется, ранен редактор...» На пороге типографии лежал Зудинов, раненный в спину и в руку. Белов поднял его и понес в укрытие. Следом полз Суворов. Зудинов очнулся, когда Белов отправлял его в госпиталь. Он сказал: «Милый мальчик, как ты меня смог поднять? Ведь я такой тяжелый...»

* * *

На Гангуте выработалось свое измерение опасности, свое представление о фронте и тыле. Городок, где день и ночь рвались снаряды, считался глубоким тылом. В чудом сохранившейся рощице был открыт однодневный дом отдыха для десантников-островитян. На площади имени летчика-героя Ивана Борисова, в здании Дома флота, окна которого были заложены мешками с песком, демонстрировались регулярно фильмы «Чапаев» и «Мы из Кронштадта». В часы киносеансов вражеские снаряды рвались поблизости, их грохот вклинивался в звуковое оформление фильмов...

На островках, занятых десанниками, в сорока — семидесяти метрах от врага, бойцы спали по очереди. Дзотов здесь не было. Были норы под валунами. Люди

подогревали воду в ямах, на малых кострах, отвлекая противника ложными большими кострами. Горячую пищу получали ночью, когда шлюпке с Хорсена удавалось проскочить сквозь завесу огня...

Но вернемся в редакционный подвал, куда я возвращался после моих поездок в части.

В газете работали разные по характеру, темпераменту и способностям, но одинаково поразительные люди. А может быть, дух легендарного гарнизона сделал их такими. Коля Иващенко, неистовый боевой репортер, ходил в десанты. В трудные минуты он руководил работами на пристани, где под огнем шла разгрузка боезапаса, был ранен, однако нашел в себе силы написать очередную корреспонденцию для газеты. Женя Войскунский писал очерки, и его возвышенный стиль нравился многим бойцам. Миша Дудин, красноармеец, автор сатирических и лирических стихов, стал кумиром всех немногих гангутских девушек, особенно после того, как он написал стихотворение про Аню Молитвину — «Девушка работает на складе». Миша успевал писать и очерки о героях Ханко, и рифмованные лозунги, и стихи, перешедшие с газетных страниц в сборники после войны.

В закутке, под лестницей, против входа в подвал, где и света было больше и осколочная опасность ощущалась острее, работал Борис Иванович Пророков. На линолеуме, содранном с полов в покинутых домах, он гравировал портреты, заставки, рисунки для брошюр и листовок.

В октябре я вступил в «должность» спецкора на Хорсене, в десантном отряде. Тетрадь моя каждый день пополнялась то рассказами Степана Томилова, то анекдотами Анатолия Попика, то записями о походах на Старкерн и Гуннхольм, то воспоминаниями снайпера Гриши Исакова о том, как его во время призыва в армию едва не забраковали из-за плохого зрения. Теперь на ложе Гришиной винтовки появилось сто одиннадцать зарубок — по числу уничтоженных им гитлеровцев.

Вот первая моя запись о нем.

«8 октября 1941 года. Хорсен. Пришел Гриша Исаков, был на Гуннхольме, напротив красного домика, сбил четверых. «Утром, — говорит, — перебегаю, две пули у самых ног — фють-фють! Я не удержался, поклонился и даже «спасибо» крикнул. Не надо отмалчи-

ваться, надо переговариваться с ними. Они вообще-то с нами считаются, чутки до невозможности. Стрельнешь — тикай сразу: минами забрасывают. Покидают-покидают — можно возвращаться: считают, что обработали место, успокаиваются. Сегодня с шести утра лежал — ждал. Даже кружение в глазах. Это после ранения стало так. Зажмуришься — проходит. Все-таки дождался, четыре новых зарубки на ложе».

Исаков в прошлом тракторист из деревни Пандуши под Медвежьегорском. Под его началом охотятся за гитлеровцами снайперы Резник, Симановский и Вася Желтов. Исаков никогда не говорит: „Убил“. Он говорит: „Сбил, снял“...»

Есть и такая запись:

«11 октября. Звонил начальник штаба сектора Н. С. Кузьмин. Просил прислать к нему Ивана Петровича Щербановского. Мичман командовал резервной ротой, умел пошуметь и начудить у противника в тылу. Он был человеком неуравновешенным, и капитан Тудер надумал характер Ивана Петровича ломать. А в это время командованию потребовался «язык». Потом я узнал, что с гауптвахты, куда его направил капитан Тудер, Ивана Петровича вызвал генерал Кабанов. Вызвал и сказал, что ему все простится, если он добудет толкового «языка».

...В ту ночь «языка» не было. Был захвачен остров Стушер, были взяты трофеи — автоматы и даже пулемет, но ни одного пленного. Командир базы направил разведчиков на перешеек, в роту лейтенанта Хорькова, одну из самых боевых и вышколенных рот восьмой стрелковой бригады. По телефону командирам и бойцам был дан приказ содействовать Ивану Петровичу во всем — только бы привел живого «языка».

«Языка» Щербановский доставил, толкового «языка», разговорчивого, умеющего, но не желающего воевать и готового рассказать обо всем, лишь бы выйти из войны. Однако в схватке перед финским дотом этот резервист все же успел наставить мичману над глазом и под глазом «фонари».

В землянке командира батальона «языка» отогрели. Его окружили разведчики с картами и блокнотами наготове. Кстати, пленный умел говорить по-русски.

На столике стояла доска с шахматами. Когда разговор подошел к концу, «язык» взглянул на своего побе-

дителя и окружающих его матросов и предложил сыграть с ним партию.

Резервист возле шахматной доски был более бдителен, чем у дота, где его спеленали матросы. Он выигрывал фигуру за фигурой. Щербановский, не глядя на окружающих, особенно на пехотинцев, приговаривал:

— П-адумаешь, пешка, мы вас и без пешек побьем... П-адумаешь, ладья...

Потеряв ферзя, он вскочил, напялил мичманку, схватил автомат, смахнул шахматы с доски и прошипел:

— Знал бы — я бы тебя, гада...»

* * *

Не ищите остров Хорсен на школьных картах. Он обозначен только на очень подробных мореходках. Издалека Хорсен кажется необитаемым. Над водами залива нагромождено безо всякого смысла множество скал, обломков гранита. Чуть подальше от берега есть и земля, будто насыпанная в громадный каменный горшок и прикрытая от ветров толстым слоем мха. На этой земле растут сосны. Сначала их было много. Но каждый день их подсекала и жгла война.

Снаряды обнажили скалы острова, покорежили лес, и от единственного дома не оставили даже стен. Только труба торчит над половиной бывшего винного погреба, превращенного в лазарет. Пациенты отрядного врача Котова не желали уходить из погреба в подземный госпиталь на полуостров. Шутники говорили, что их удерживает здесь неистребимый винный дух. На самом же деле люди хотели быть ближе к своему десантному отряду.

В скале возле восточного берега, в тесном капонире, отделанном со всем доступным на острове комфортом, находился командный пункт. Начальник штаба Попик (он сменил Федора Пивоварова) присмолил к столу свечку, насыпал из ракетного патрона в жестянку мыльного порошка и, взбив белую пену, намылил свои темные, давно не бритые щеки.

Тудер сидел по другую сторону стола на узенькой койке, перебирая струны гитары. Он вполголоса напевал:

Жил в Берлине Гитлер с Риббентропом,
На восток направился он с гоном...

Комиссар Степан Томилов, мой друг и чуть ли не земляк, крутил рычажки радиоприемника, ловя станцию имени Коминтерна и вовсе не интересуясь песенкой, исполняемой командиром.

За фанерной перегородкой сидел оперативный дежурный Петя Минин, писарь отряда. Возле него было несколько телефонов, связывающих Хорсен с передовыми островками.

Шум пришел извне, откуда-то со стороны. Послышался протяжный свист, потом раздались глухие удары, будто кто-то настойчиво, нетерпеливо стучал сверху в нашу нору.

— Ах вы, лоботрясы! — рассердился Тудер. — Отдохнуть не дадут. Минин, запросите острова об обстановке.

С острова, зашифрованного под именем «Сокол», доложили, что слышат на Фурушере перестрелку.

— Это там Резник с ребятами? — спросил Томилов.

— Точно, — подтвердил Тудер. — Мичмана ко мне.

На финском острове Фурушере находились семеро разведчиков под командой снайпера Резника. Они вышли туда загодя, в единственный темный час вечера, когда солнце уже скрылось, а луна еще не взошла. Разведчики незаметно высадились, обшарили скалы и лес, отправили обратно шлюпку и сигнальным фонарем дали на соседний остров «буки». Там прочли этот сигнал и доложили на Хорсен, что разведка осталась в засаде. И вот теперь на Фурушере перестрелка. Значит, там произошло столкновение.

Щербановский явился на командный пункт через несколько минут.

— Отправляйтесь на «Сокол», — приказал ему командир. — Оставьте там часть своих людей, с остальными — к Фурушере. Действуйте по обстановке. Все восемь должны быть сняты с острова. Ясно?

— Ясно, т-товарищ командир.

Судьба восьмерых наших товарищей зависела сейчас от быстроты действий Щербановского. Мы ждали вестей с «Сокола», с Фурушера, с других островов, настораживаясь при попискивании телефонов.

Юное, пухлое лицо Минина покраснелось. Но вот глаза его блеснули.

— «Утка» слушает. Да, Иван Петрович, это я, Минин! — прикрыв рукой микрофон, он радостно доложил: — Товарищ капитан, мичман уже там, у аппарата!

Тудер взял трубку:

— Что там происходит?.. Бой на Фурушере?.. Человек плывает? Следите за пловцом.

Мы сидели молча. С «Сокола» то и дело сообщали: пловец приближается. Ему надо проплыть семьсот пятьдесят метров в ледяной воде. Кто он? Что там произошло?

— Т-товарищ командир, — заикаясь, докладывал с «Сокола» Щербановский, — луна п-проклятая здорово светит, фашисты все видят... Т-оварищ командир, они бьют снарядами по воде... П-ловца заметили, бьют по нему... Ныряет, м-аладец, в т-акой холод ныряет... В вилку его взяли... Ох, как бьют, и в нас бьют... Держится, т-оварищ командир, держится... Что-то кричит, не разобрать... Шлюпку просит, шлюпку. Сейчас возьмем его...

«Сокол» замолчал. Наверно, там побежали к берегу вытаскивать пловца.

Но вот мы снова услышали заикающийся голос:

— Т-оварищ командир, это Родионов, мой Родионов. Совсем голый приплыл. Сейчас з-аверну его в шинель и дам к ап-парату.

Через минуту к аппарату подошел пловец. Он докладывал с трудом, сбивчиво — замерз.

Оказывается, противник решил перебросить ночью на Фурушер большую группу солдат. Четыре катера спокойно шли к острову. Наши разведчики подпустили их почти к самому берегу и открыли перекрестный огонь. Внезапность обстрела да вдобавок еще несколько связок гранат привели противника в смятение. Один катер был потоплен, остальные развернулись и пошли наутек. С них доносились стоны, крики. Было ясно, что противник возвратится на остров. Тогда горстке наших бойцов несдобровать. Нужно было просить помощи. Матрос Родионов, худенький парнишка, разделся и рискнул поплыть к «Соколу».

— Передайте, чтобы вам дали спирту, обогрейтесь, — крикнул в трубку Тудер. — А командир пусть отправляется с катером на Фурушер и снимет всех разведчиков до одного...

Наш катер, по донесению «Сокола», ушел на Фурушер. Долго не было никаких известий. Наблюдатели видели разрывы возле катера, а потом потеряли его из виду. Это были тяжелые минуты.

Наконец наблюдатели снова увидели катер. Но и противник, заметив маленькое суденышко, решил не упустить его. Батареи противника били с трех направлений. Разрывы приближались. Мичман, опытный моряк, маневрировал, но гибель катера казалась неизбежной.

— На чудо рассчитывать не приходится, — сказал Томилов. — Придется поклониться артиллеристам. Попросим у них огня.

Тудер соединился с полуостровом, доложил обстановку и попросил открыть контрбатарейный огонь. Ему обещали ввести в дело тяжелую артиллерию. Но не успел капитан назвать цель, как у Минина на столе запищали один за другим телефоны наблюдательных постов.

— Кто-то бьет по вражеским батареям трассирующими снарядами!.. Видим разрывы на финском берегу!.. Батареи противника прекращают огонь!.. Катер вырвался из зоны обстрела!..

Все переглянулись. Кто спас разведчиков и команду катера? Кто он, этот неожиданный союзник?

Мы вышли из командного пункта. Над островом стояла удивительная тишина, изредка нарушаемая выстрелами орудий и гулом далеких разрывов. Даже моря не было слышно. Мы осторожно пошли к заливу, прыгая с камня на камень, и по скользким уступам поднялись на скалу, где возле одинокого дерева стоял часовой. В стороне от Хорсена, среди темных массивов соседних островов, над черной водой, отполированной лунным лучом, вспыхивали орудийные выстрелы. По небу вслед за вспышками метеорами пролетали трассирующие снаряды, оставляя красные следы.

— А-а, — протянул Тудер, — теперь я знаю. Это наш «морской охотник». Катер патрулирует в этих водах. Молодцы, вот молодцы! Вовремя и точно...

Позже я узнал, что возле Хорсена патрулировал катер лейтенанта Феофанова. Он входил в гангутскую «эскадру Полегаева». Не дожидаясь просьб с Хорсена, Феофанов сам решил открыть огонь по Фурушеру, послав трассирующие снаряды именно туда, куда требовалось.

КРАСНЫЙ БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ

18 октября 1941 года

*Командир советует...
Дзот-капонир на дво-
их...
Слышать, видеть,
знать!
Пока десант
в шлюпке...
Огнем „кар-
манной артиллерии“
Умение плюс отвага
Ответьте „кукушке“
метким выстрелом
В бою секунда дорога*

Капитан
Б. М. ГРАНИН,
командир десантного от-
ряда

**ПУСТЬ
ТОЛЬКО
СУНУТСЯ!**

«Гангут оказался чересчур крепким орешком для зубов противника. Все попытки врага проникнуть на территорию полуострова окончились для него плачевно. Немало гитлеровских вояк повисло на проволочных заграждениях, немало их трупов ушло на дно залива...

Но противник не оставил своих намерений. И мы, защитники Ханко, должны неустанно крепить нашу оборону, быть готовыми в любую минуту отразить новый удар...»

Так начинается статья капитана Бориса Митрофановича Гранина, напечатанная в октябре 1941 года в газете «Красный Балтийский флот». Она писалась в трудной обстановке, когда гарнизон героического полуострова, отразивший ряд атак фашистов в районе сухопутной границы, с тревогой ожидал возможной попытки вражеского вторжения с моря и даже с воздуха.

С позиций сегодняшнего дня многое в суждениях автора о противодесантной обороне, несомненно, устарело. Но статья переносит нас в атмосферу напряженных боевых будней красного Гангута, в преддверие суровой военной зимы, когда гарнизон готовился упорно и самоотверженно защищать полуостров.

Читая эту работу, мы как бы получаем доступ в лабораторию командирской мысли.

Написанное Б. М. Граниным пронизано страстным желанием убедить бойцов и командиров бесстрашного гарнизона в том, что повышенная бдительность и тщательная подготовка к отражению внезапных атак — лучшая гарантия того, что любые маневры врага будут обречены на провал.

Б. М. Гранин не оставил, к сожалению, никаких иных записей, никаких воспоминаний о войне (он умер в городе Адлере в 1964 году). Его статья из флотской газеты перенесена в сборник в несколько сокращенном виде.

«Как же бороться с десантом противника?»

Прежде всего, необходима четкая организация системы обороны. В наших условиях решающее значение имеет *инженерное оборудование побережья*. Ряд огневых точек, находящихся в тесном взаимодействии одна с другой, проволочные заграждения, минированные поля и препятствия в воде создают мощные оборонительные рубежи. Старая система окопов оказывается малоэффективной. Приходится беспрестанно укрываться от разрывов мин, града осколков, а это затрудняет наблюдение за приближающимся десантом противника, и может быть упущен момент для открытия огня. Лучше всего — ряд небольших дзотов-капониров на каждую пару бойцов. Перекрытие над головой защитит от осколков, а из амбразур можно с успехом вести огонь по суше и по морю.

Правильная расстановка огневых средств, инженерное оборудование участка боевых действий решат успех боя. Мы должны использовать каждый день для строительства укреплений, *мобилизовать все средства, всех людей для создания еще более мощных огневых рубежей. Нет и не должно быть места успокоенности, а тем паче беспечности!*

Исход боя во многом зависит от своевременного обнаружения противника.

Наступили темные ночи, облачные дни. Исходные пункты начала десантной операции находятся в каком-нибудь тридцатиминутном переходе от базы. Поэтому, как никогда, должна быть бдительной боевая вахта — глаза и уши Гангута. При правильно поставленной службе наблюдения и связи враг никогда не застигнет нас врасплох. *Очень важно сразу же лишить противника элемента внезапности. Это должны крепко помнить бой-*

цы, стоящие на вахте. Не проспим — значит, отобьемся, и отобьемся так, что враг заречется лезть в другой раз на большевистскую крепость.

Чтобы принять вовремя правильное решение, нужно знать тактику высадки десанта. Прежде всего: в какое время наиболее вероятна высадка? Чаще всего начинают такие операции перед рассветом. Враг может подойти, когда еще темно, и начать действовать на рассвете, с расчетом, что к началу дня бой будет в разгаре. В финской армии обучают солдат ночным действиям. Маннергеймовцы предпочитают действовать темной ночью, часов с десяти вечера.

Враг может использовать также дождливый день, туман. *Следовательно, ожидать его надо круглые сутки, но особенно перед рассветом.*

Высадка десанта поддерживается не только огнем военных кораблей, но и авиацией — бомбардировочной и штурмовой. Авиация первые свои удары направит на подавление огневых точек, будет стремиться разрушить инженерное оборудование.

Высадка десанта в условиях Ханко имеет свои особенности.

При осуществлении десантной операции в Норвегии немецкие военные корабли просто подходили к месту высадки, пришвартовывались и высаживали свои войска. Немецкий флот подходил вплотную к берегам Крита при высадке там десанта. На Ханко эти методы затруднены. Шхеры, мелководье и мели препятствуют подходу к берегу кораблей. Следовательно, противник будет вынужден прибегать к мелким плавсредствам: шлюпкам, катерам, ботам. Борьба с ними значительно легче.

Если по кораблям стреляет обычно только артиллерия крупного калибра, береговые батареи, то по катерам и шлюпкам с успехом могут вести огонь пулеметы, минометы, артиллерия малого калибра.

Пока десант в шлюпке, он беспомощен. Он становится боевой единицей, лишь зацепившись за берег. *Поэтому основное в отражении морского десанта — не дать ему зацепиться за берег, уничтожить его на воде, пока он не может причинить никакого вреда.* Люди скученно сидят в шлюпке. Меткая пулеметная очередь, шрапнель выводят многих из строя, сеют панику, повергают в ужас. Удачное попадание мины — и шлюпка идет ко дну. Если

же удалось шлюпке подойти вплотную к прибрежным камням, ее уничтожение легко достигается применением ручных гранат. Граната одних уничтожит, среди других вызовет переполох, она заставит раньше времени выпрыгнуть из шлюпки неприятельских солдат. Их надо уничтожить на воде. Если же кому-либо удастся выскочить на берег, то он тут же найдет свою смерть, повиснув на проволочных заграждениях.

Отражение вражеского десанта становится наиболее эффективным при тесном взаимодействии всех родов войск. Должны быть пущены в ход артиллерийские средства береговой обороны, артиллерия сухопутных частей и зенитные батареи. Штурмовая авиация с большим успехом может действовать над морем, поливая свинцовым ливнем шлюпки с десантом, сея смерть и панический страх. С берега одновременно должен вестись интенсивный пулеметно-винтовочный огонь. Удар по врагу должен быть мощным и концентрированным.

Если противнику ценой громадных жертв удалось прорваться в каком-либо районе, надо немедленно, не считаясь ни с чем, выбить его, сбросить в море решительным штыковым ударом. Иначе противник получит возможность закрепиться и высадить на этом участке большие силы. В результате борьба чрезвычайно затруднится.

Каждой части, охраняющей тот или иной район побережья, нужно иметь высокоманевренные резервные группы, которые в случае прорыва противника могли бы служить мощным ударным кулаком. В случае необходимости эти группы могут быть использованы в другом районе, если там создастся подобное положение. Каждая такая ударная группа должна иметь дежурные автомашины и быть в постоянной боевой готовности. *Так или иначе, но выбить противника надо во что бы то ни стало.*

Коварная тактика противника известна. Коль скоро горсточка врагов взберется на берег, они сейчас же полезут на деревья. Для этой цели финские автоматчики имеют специальные ботинки с шипами. Немцы переняли у них эту тактику «кукушечной» войны. Вражеские автоматчики, взобравшиеся на деревья, представляют большую опасность, ибо они своим огнем могут обеспечить высадку всего десанта. С «кукушками» успешно борются наши снайперы и пулеметчики. Нужны лишь

спокойствие, выдержка. Заметив, откуда ведет огонь «кукушка», снайпер может снять ее в два счета.

Война требует максимального напряжения нервов, умения быстро ориентироваться в обстановке, мгновенно принимать правильное решение. Иной раз секунда промедления приводит к неудаче. *Выигрывает тот, кто действует энергично, решительно, смело и инициативно.*

Если в воздухе нет неприятельских самолетов, то зенитные орудия, например, сразу же должны переносить огонь на море, бить по приближающемуся десанту. Появились самолеты — и зенитки делают свое дело — не допускают воздушного противника к нашим боевым объектам.

Противника нужно ожидать отовсюду — с моря, с воздуха, с суши. Он будет пытаться нанести комбинированный удар и обязательно сделает попытку проникнуть внутрь нашей обороны. *Это значит, что возможна попытка сбросить парашютный десант.* Точно так же, как беспомощен солдат в шлюпке, беспомощен парашютист, болтающийся под несколькими метрами «мануфактуры». Чтобы уничтожить его, применяйте любые средства: ружейно-пулеметный и зенитный огонь, шрапнель, фугасные гранаты. Пулеметчик всегда должен быть готов открыть огонь по воздушному десанту. Для этого нужно иметь запасные огневые точки, приспособленные для стрельбы по воздушным целям.

При отражении воздушного десанта требуются быстрота и решительность. Командиру или начальнику района, в котором приземляются вражеские парашютисты, нужно принимать срочные меры. Минута промедления — и враг приземлился, закрепился, укрылся за скалами, а его гораздо труднее выбить оттуда.

Личный состав частей должен пройти специальную подготовку, чтобы научиться метко стрелять по снижающимся парашютистам.

Мы обязаны быть готовыми ко всему. Враг будет стремиться создать видимость неудержимой атаки, постарается наделать как можно больше шума с расчетом деморализовать нас. Но нервы у гангутцев крепкие. Пьяной наглости врага противопоставим выдержку, расчетливость, спаянность нашего боевого коллектива! Защитники Ханко надежно укрыты от бомбардировок и артиллерийского огня. Пусть только сунется враг! Даже

после самой неистовой артподготовки он напорется на смертоносный огонь, на грозную стену штыков».

Статья о противодесантной обороне «Пусть только сунутся!» не случайно появилась на страницах газеты «Красный Балтийский флот». В то время, когда она была опубликована, проблема отражения воздушных и морских десантов стояла не только перед ханковцами.

Не случайно также, что именно Гранин выступил с такого рода статьей. Борис Митрофанович внимательно изучил наиболее значительные десантные операции начального периода второй мировой войны. Он прочел все, что было опубликовано о немецких десантах. Ко всему тому, Гранин обобщил в статье свой собственный опыт борьбы против вражеских десантников на шхерных островах.

Командование и политотдел военно-морской базы Ханко рекомендовали всему личному составу сектора береговой обороны внимательно изучить статью. Многие командиры и бойцы на поле боя успешно применяли советы капитана Б. М. Гранина.

ПЕРВЫЕ БОИ НАУЧИЛИ НАС МНОГОМУ. МЫ ПОНЯЛИ, ЧТО ПРОТИВНИК СИЛЕН И ЖЕСТОК, ЧТО БОРЬБА ПРЕДСТОИТ КРОВОПРОЛИТНАЯ И ЧТО ДЛЯ ПОБЕДЫ В ЭТОЙ БОРЬБЕ НУЖНЫ НЕ ТОЛЬКО ОТВАГА И БОЕВОЕ УМЕНИЕ, НО И ГОТОВНОСТЬ ДО ПОСЛЕДНЕГО ДЫХАНИЯ РАЗИТЬ ВРАГА, ЗАЩИЩАТЬ СВОЮ СОВЕТСКУЮ РОДИНУ.

Из воспоминаний подполковника запаса А. К. Баранова, бывшего рядового 270-го стрелкового полка

У ПЕТРОВСКОЙ ПРОСЕКИ

*Прежде всего — связь
Упредить противника!
Слово — артиллерии
Враг лезет напролом
Защитники Ханко вы-
стояли Герой Совет-
ского Союза П. Сокур
Оборона совершенст-
вуется под огнем*

Г. Р. КЕТЛЕРОВ,
генерал-майор запаса,
бывший начальник шта-
ба 8-й отдельной стрел-
ковой бригады

КРУШЕНИЕ ВРАЖЕСКИХ ЗАМЫСЛОВ

Вечером 21 июня я прибыл на командный пункт 8-й стрелковой бригады. Там уже находился начальник связи бригады капитан А. М. Шатунов.

— Все ли готово для управления войсками? — спросил я у Шатунова.

Капитан приложил руку к головному убору и, четко выговаривая каждое слово, доложил:

— Товарищ начштаба, связь с полками и штабом базы действует бесперебойно по всем каналам.

— По всем каналам... А как долго она будет так работать?

— Всегда, — последовал короткий ответ.

Спустя многие годы могу свидетельствовать: капитан Шатунов не бросал слов на ветер, его связисты за весь период обороны базы ни разу не подвели нас.

Мы бодрствовали всю ночь. Приближался рассвет. На границе было тихо. Часы показывали пять утра, когда раздался телефонный звонок из штаба базы. Из сообщений иностранного радио там стало известно, что Германия напала на Советский Союз и что на всем протяжении советско-германской границы идут тяжелые бои...

Утро и первая половина дня прошли на полуострове спокойно. Лишь к вечеру группа самолетов с фашистскими

опознавательными знаками совершила налет на военноморскую базу Ханко, сбросив на город и порт около десятка фугасных бомб.

Финны же ничего не предпринимали, ограничиваясь по-прежнему непрерывным наблюдением за нашей территорией.

Все вышки на той стороне были буквально облеплены наблюдателями. Командиры стрелковых полков, подразделения которых находились у самой границы, настойчиво просили разрешения открыть огонь по вышкам, чтобы сбить оттуда наблюдателей, но полковник Симоняк не позволил этого. Нам было понятно, что финны сохраняют только временный нейтралитет, однако обстрелять их наблюдательные пункты без особого на то распоряжения у нас все-таки не было оснований.

Примерно ту же мысль высказал приехавший на командный пункт бригады генерал-майор С. И. Кабанов, командир военноморской базы Ханко.

— Нашему гарнизону приказано, — сказал он, — открыть огонь только в том случае, если финны перейдут нашу границу, а до этого — ни выстрела!

В таком довольно необычном затишье прошли на Ханко первые дни войны. Воевали лишь артиллеристы-зенитчики и авиаторы. Артиллеристы зенитных батарей открывали огонь по фашистским самолетам, время от времени пытавшимся наносить удары по объектам базы и вести разведку полуострова со стороны моря. Летчики завязывали с ними воздушные бои, поднимая навстречу врагу свои «ястребки».

25 июня в штаб базы из Таллина поступила шифровка. Командование флота сообщало, что финские войска перешли к активным действиям на Карельском перешейке и севернее Ладоги. Гарнизону Ханко разрешалось действовать по обстановке.

Чрезвычайно важно было упредить противника, вырвать у него инициативу, лишить его средств управления, наблюдения и связи. Был отдан приказ открыть массированный огонь по вражеским арtpозициям и командным пунктам. Заговорила вся наша полевая артиллерия, сотни минометов и пулеметов. Одновременно по объектам в глубине обороны противника нанесла мощный удар береговая артиллерия базы. 25 июня две ханковские 130-миллиметровые батареи, 343-й арtpолк и зенитные батареи участка ПВО, совершив огневой на-

лет, уничтожили наблюдательные вышки противника вокруг Ханко.

В результате этих действий враг был ослеплен и оглушен. Ему теперь нужно было какое-то время, чтобы прийти в себя...

Мы располагали сведениями, что перед нашим фронтом стоят полки 17-й пехотной дивизии финнов, а также отдельные неизвестные части. Надо было срочно выяснить состав вражеской группировки, требовалось взять пленных. Начальник бригадной разведки капитан И. И. Трусов уже подготовил план проведения разведывательной операции, но осуществлять ее не пришлось. В ночь на 1 июля, после мощной артиллерийской подготовки, противник перешел в наступление. Главный удар он наносил на участке, где был развернут один из батальонов 335-го стрелкового полка. Имея значительный перевес в силах, враг рвался вперед, не считаясь с потерями. Но никто из советских воинов не дрогнул. Особенно отличилась в этом бою рота лейтенанта И. П. Хорькова.

На участке обороны 270-го стрелкового полка, которым командовал полковник Н. Д. Соколов, противник вел сильный артиллерийский огонь по боевым порядкам. Наиболее сильному обстрелу подвергались позиции батальона капитана В. С. Полякова, но как только шюцкоровцы поднимались в атаку, огневые точки полка оживали и уничтожали прорвавшихся вперед солдат противника.

Боевые действия на перешейке полуострова длились более шести часов. Наступление, на успех которого враг, как видно, возлагал большие надежды, полностью провалилось. Две роты шюцкоровцев, сумевшие, несмотря на большие потери, преодолеть проволочное заграждение и вклиниться в нашу оборону, были уничтожены. Взятые в плен солдаты из состава шведского добровольческого батальона подтвердили, что их подразделение входило в состав 17-й пехотной дивизии финской армии.

В этом оборонительном сражении продуманно и четко руководили боевыми действиями командир 335-го полка полковник Н. С. Никаноров и начальник штаба полка майор С. М. Путилов. И тот и другой хорошо знали возможности своих войск и личные качества всех подчиненных им командиров, умело организовывали взаимодействие подразделений и управляли ими.

Сотни вражеских трупов висели на проволочных заграждениях. Груды разбитой боевой техники остались перед нашими позициями. План противника прорваться на полуостров с суши был сорван благодаря мужеству и непоколебимой стойкости защитников Ханко.

За героизм и мужество, проявленные в первом бою, многие бойцы и командиры 8-й отдельной стрелковой бригады получили ордена и медали. Бойцу четвертой роты 2-го батальона 335-го стрелкового полка П. Т. Сокуру было присвоено звание Героя Советского Союза.

Мы понимали, что противник не отказался от попытки захватить территорию базы атакой с суши или с моря. Надо было всемерно совершенствовать оборону на переднем крае и в районе перешейка, а также на прилегающих к полуострову северных островах.

Под непрерывным огнем противника мы продолжали вести оборонительные работы. На переднем крае сухопутной линии фронта еще перед войной был вырыт противотанковый ров, установлены гранитные надолбы, создана линия проволочных и минных заграждений. Теперь оборона становилась еще более прочной. Она состояла из трех хорошо оборудованных в инженерном отношении полос. Каждая полоса имела отсечные позиции, развитую систему дзотов, сильные узлы обороны и опорные пункты, прикрытые противотанковыми рвами, гранитными надолбами, проволочными заграждениями в несколько рядов и лесными завалами. Большое внимание уделено было строительству оборонительных сооружений и на островах, каждый из которых был превращен в опорный пункт или узел сопротивления с круговой обороной.

Солдаты и командиры отдавали укреплению обороны полуострова все свои силы. О масштабах того, что было сделано, можно судить по такому примеру. Всего лишь за несколько дней саперный батальон майора Ф. Г. Чудесенко поставил около тридцати двух тысяч противотанковых и противопехотных мин.

Где была опасность, где решалась судьба боя, там всегда впереди были коммунисты и комсомольцы.

В трудные дни обороны Ханко 2360 бойцов и командиров нашей бригады подали заявления о вступлении в партию, 1900 — в комсомол.

В боях за острова Хорсен, Эльмхольм и Гуннхольм наши разведчики сумели захватить ценные оперативные

Сатирические бюллетени, издававшиеся при участии красноармейца М. Дудина газетой «Зашитник Родины».

документы врага. Среди них был подробный план подготовки и захвата полуострова и приказ об организации «особой ударной группы Ханко». В состав этой группы входила пехотная бригада, отдельный полк артиллерии, части и подразделения специального назначения. Перед ними ставилась задача: в течение трех дней овладеть полуостровом и соседними с ним островами. Действия группы должны были поддерживать авиация и артиллерия числом до тысячи орудий.

Наше командование своевременно приняло все необходимые меры. План «молниеносного захвата базы» провалился с таким же треском, как это было и с попыткой противника наступать силами 17-й пехотной дивизии.

Выше уже говорилось о том, что вражеские пропагандисты установили на переднем крае репродукторы, через которые ежедневно передавали разного рода живые сообщения, призывали наших бойцов сдаваться в плен и т. п. После провала нескольких вражеских попыток овладеть полуостровом гитлеровские «радиовещатели» принялись выливать на его защитников ушаты грязи. Однажды мне самому пришлось услышать такое: «На Ханко СССР послал отборных большевиков, которые не боятся ни огня, ни снарядов. Они не отступают. Это, очевидно, бандиты, у которых нет ни семьи, ни родных...»

Что можно было сказать, прослушав этот бред? Фашистские пропагандисты в одном оказались правы: на Ханко действительно сражались большевики — партийные и беспартийные. И никакие, конечно, не «отборные», а обыкновенные советские люди, имеющие семью и родных, но не отделяющие интересов Родины от своих личных интересов. Люди, для каждого из которых битва за Родину — это битва и за свою семью и за свой дом, за все то, что дала им Советская власть. Беспредельно преданные партии Ленина, Советскому правительству, верные военной присяге, люди эти бесстрашно выполняли свой долг.

С. И. Кабанов.

П. И. Власов и А. Л. Расскин.

П. Г. Максимов.

И. Н. Дмитриев.

Б. И. Пророков.

М. А. Дудин.

Н. П. Симоняк.

Г. П. Романов.

Б. М. Гранин.

Л. М. Тудер.

В. А. Брагин.

С. Ф. Кудряшов и Н. Н. Носов.

Н. З. Волновский.

И. Т. Клещенко.

А. Н. Фетисов.

Б. Я. Бархатсов.

В. С. Желтов.

Г. Р. Кетлеров.

Н. Д. Соколов.

Н. С. Никаноров.

С. М. Путилов.

Я. И. Кожевников.

П. Акульшин.

Я. С. Сукач.

А. И. Шерстнев.

И. О. Морозов, А. Н. Кульганов и Д. А. Гашинский.

П. Т. Сокур.

А. Н. Салтан.

Н. В. Колесов.

А. Д. Губин.

А. И. Румянцев.

П. В. Курилов.

А. К. Антоненко.

Л. Г. Белоусов.

П. А. Бринько.

И. П. Хорьков.

П. И. Бискуп.

П. Ф. Стрелецкий.

К. А. Белорусцев.

Г. Д. Цоколаев.

П. Л. Ройтберг.

В. Ф. Голубев.

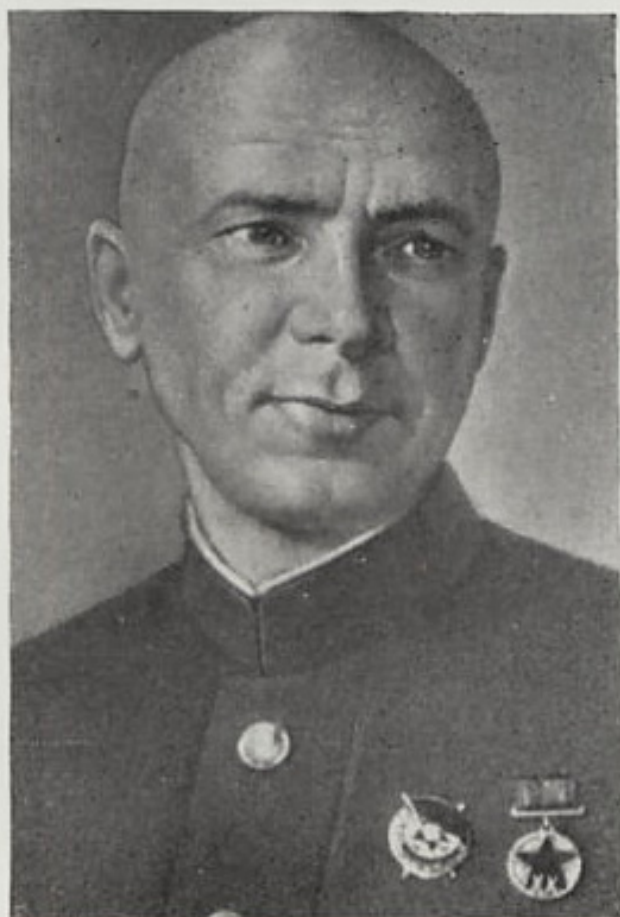
В. М. Дмитриев.

В. Б. Паллон.

Г. Е. Добряк.

И. Г. Карпов.

И. П. Скалиух.

В. П. Дрозд.

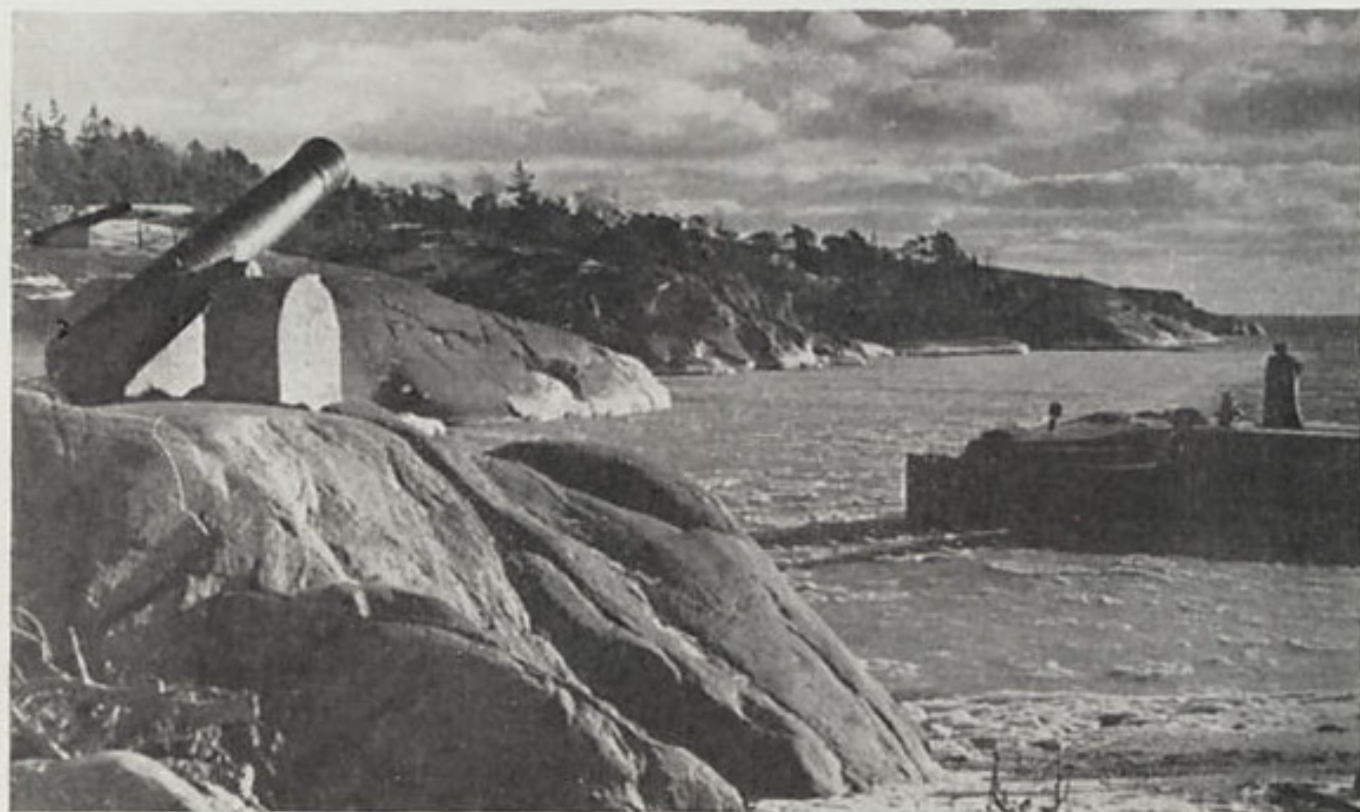
Н. И. Мещерский.

М. Д. Полегаев.

Город Ханко. Водонапорная башня и кирха.

Южная оконечность городского парка. На скале — пушка петровских времен. Здесь находился флагманский командный пункт военно-морской базы.

На пути к командному пункту ● Противник атакует под покровом темноты ● Артиллеристы переходят на шрапнель ● Наперерез отступающим ● О чем рассказали пленные

И. П. ХОРЬКОВ,

*гвардии майор в отставке,
бывший командир роты 335-го стрелкового полка*

БОЙ РАЗГОРЕЛСЯ В ПОЛНОЧЬ

Каждый вечер командир батальона Я. С. Сукач проводил совещания с командирами рот. Совещание, состоявшееся в ночь на 1 июля, закончилось позже обычного. До своего командного пункта мне нужно было идти минут пятнадцать. Около половины двенадцатого, немного не дойдя до места, я и связной попали под сильный артиллерийско-минометный огонь противника.

Заскочив в блиндаж, я схватил телефонную трубку. Командир первого взвода лейтенант И. Н. Емельянов докладывал, что его взвод атакует вражеская пехота, продвигающаяся с двух направлений: по берегу залива и вдоль оврага с высохшим ручьем, в стыке с соседним взводом. Вскоре поступил доклад и от командира второго взвода. На его участке было спокойно. Командиру 5-й артбатарей старшему лейтенанту Э. К. Кумпицкому и командиру 7-й батареи старшему лейтенанту В. П. Мионову я поставил задачу открыть перед передним краем роты неподвижно-заградительный огонь. Командиру пулеметного взвода 2-й пульроты лейтенанту Н. В. Сакирко предстояло уничтожить наступающего противника на левом фланге первого взвода. Доложив боевую обстановку командиру батальона, я попросил огнем приданного нам артдивизиона и артиллерией полка подавить пушки противника.

Удар по вражеским батареям последовал немедленно. Артиллерийский обстрел наших боевых порядков прекратился. Но пулеметный и автоматный огонь нарастал. Вражеская пехота, несмотря на большие потери, продолжала яростно атаковать огневые точки, расположенные на нашем переднем крае.

Мы должны были уничтожить наступающих солдат противника, не раскрывая при этом системы своего огня. Я приказал командиру второго взвода стрельбу начать лишь в том случае, если враг прорвется в сектор его обороны. Командиру взвода 76-миллиметровых пушек лейтенанту Д. Ф. Козлову было отдано распоряжение выкатить одно из своих орудий из укрытия и прямой наводкой, стреляя шрапнелью, бить по наступающей пехоте вдоль ручья. Этим орудием, которое произвело свыше двухсот прицельных выстрелов, командовал сержант Федор Гнатенко. Наводчиком его был ефрейтор Н. К. Шишкин. Свою задачу они выполнили отлично. Вражеские трупы усеяли дно и скаты оврага.

После двухчасового боя батальон противника, понесший большие потери, начал отходить. Я передал командира взвода Емельянову команду «Закрыть отход!» и ввел в бой группу автоматчиков. Вместе с нею врага контратаковал взвод автоматчиков, посланный комбатом. Их повел в бой политрук роты С. Л. Кузьмин.

Группа автоматчиков под командованием сержанта И. Е. Ефимова взяла в плен нескольких солдат противника, искавших спасения в домах поселка Лаппвик. Одного вражеского солдата наши бойцы сняли с телефонного столба. Он пытался испортить стационарную линию связи, которой, кстати говоря, мы не пользовались.

У нас набралось уже с десятков пленных. Вели они себя вызывающе, даже нагло. Раненые отказывались от медицинской помощи. Их отправили на автомашине в штаб полка.

При опросе пленных выяснилось, что специально укомплектованный разведотряд противника должен был на стыке 2-го и 3-го батальонов прорвать оборону защитников полуострова, овладеть поселком и железнодорожной станцией Лаппвик. После этого в прорыв должна была войти особая группа вражеских войск с задачей пробиться в глубину полуострова и захватить порт и город Ханко.

Этому замыслу не суждено было сбыться.

КРАСНЫЙ БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ

13 октября 1941 года

*Вынужденные призна-
ния фашистских войск ●
Четверо в засаде ●
„Пусть подойдут побли-
же“ ● Каждая пуля —
в цель ● Как пехотинцы
захватили вражескую
пушку*

ПЕТР
ЗВОНКОВ

СОЛДАТЫ ПЕРЕДНЕГО КРАЯ

Днем и ночью в любую погоду бьет по переднему краю вражеская артиллерия. Сопки и лощины перепаханы взрывами. Там и тут валяются расщепленные деревья. Под непрекращающимся огнем противника бойцы стрелковой части строят оборонительные сооружения, ходят в разведку, по несколько раз в день отбивают вылазки шюцкоровцев.

Даже заклятые наши противники — фашисты вынуждены признать высокий боевой дух и отличные воинские качества защитников Ханко. В пачке попавших в наши руки писем солдат-маннергеймовцев имеется такое: «Русские находятся в 200 метрах от нас... Ну и настойчивый противник, ни за что не хочет уходить, наоборот, даже кое-что отбирает у нас».

Командир отделения Михаил Копытов со своими боевыми друзьями отправляется в засаду. В прошлом Копытов — столяр. Жизнь его сложилась так, что не довелось ему учиться в школе. Будучи уже юношей, он взялся за букварь. В армии Копытов вырос культурно и политически, приобрел военную специальность, стал младшим сержантом, командиром отделения.

Ночь. Шумят сосны. Перебегая от дерева к дереву, от кочки к кустику, Копытов с тремя снайперами — Лутковым, Саломатовым и Борисовым — залегли в укрытии.

На рассвете Лутков заметил, что впереди как-то подозрительно зашевелились кусты.

— Товарищ командир, фашисты!

Через некоторое время Лутков опять доложил:

— Вижу двоих...

— Глядеть внимательней!

Присмотрелись:

— Товарищ командир, большая группа гитлеровцев, человек тридцать... Разрешите стрелять?

— Не разрешаю. Лежать спокойно... Огонь откроете по моему приказу. Пусть подойдут поближе...

Не подозревая о засаде, фашисты нахально полезли через проволоку. Вот они уже в сорока метрах от засады. Теперь можно начинать...

Командир отделения дал команду стрелять. Первым же залпом были убиты четыре фашиста. Остальные залегли, открыв беглый огонь. Но он не был страшен четверке храбрецов, находившихся в надежном, хорошо замаскированном укрытии. Снайперы стреляли метко. Стоило кому-либо из солдат противника приподнять голову — и меткая пуля разила его насмерть. Фашисты несколько раз пытались встать, но Копытов, Лутков, Саломатов и Борисов огнем вынуждали их снова прижиматься к земле. Этот бой четырех советских бойцов со взводом противника длился несколько часов.

* * *

Солдаты противника под прикрытием минометного и артиллерийского огня в трех местах перешли государственную границу. Враг был разбит и отброшен назад.

Стрелок Злагаднюк в этом бою уничтожил двух вражеских солдат и захватил их ручной пулемет с тринадцатью заряженными дисками. Бойцы Диденко, Липинский и Жмур винтовочным огнем и лихим штыковым ударом истребили восемь шюцкоровцев и взяли в плен унтер-офицера. Большую группу солдат противника рассеяли пулеметчики Наливайко и Пруцек.

Как-то вражеские артиллеристы выкатили на передовые позиции автоматическую пушку и приготовились к стрельбе. Наши минометчики меткими выстрелами уничтожили почти всю оружейную прислугу. Оставшиеся в живых пустились наутек. Тогда пехотинцы одного из наших подразделений выдвинулись вперед, привязали к орудью веревку и перетаскивали его на свою сторону.

Политрук разъясняет обстановку ● Дорога каждая минута ● На новые огневые позиции ● Застрял в стволе снаряд ● Рискует один, всем остальным — в укрытие! ● Землянка наша в три каката...

А. П. МИТРОХИН,
*бывший рядовой 335-го
стрелкового полка*

**„СВЯЗИСТ,
НА ЛИНИЮ!“**

Было уже светло, когда на огневую позицию нашего 76-миллиметрового орудия, которым командовал старший сержант Федор Гнатенко, прибежал запыхавшийся заместитель командира батареи А. А. Христофоров. Политрук сообщил, что фашистская Германия напала на нашу страну.

— Объяснять вам, товарищи, что Финляндия тоже, вероятно, вступит в войну, не приходится, — сказал он. — По всей видимости, она на стороне гитлеровцев. Призываю вас готовиться к обороне. Не теряя времени, беритесь за укрепление позиций...

Замполит поспешил на позицию соседнего орудия, а мы сразу же, не теряя ни одной минуты, взялись за работу.

Никогда до этого я не видел, чтобы так спорилось дело. За каких-нибудь два-три часа мы не только улучшили свою позицию, но даже построили временный блиндаж для телефониста.

Отдыхать не пришлось и на следующую ночь. К вечеру старший сержант Федор Гнатенко получил приказание переместить орудие ближе к переднему краю. Нам было указано место метрах в четырехстах от залива. Впереди нас — пулеметная рота старшего лейтенанта М. Б. Башелейшвили. Справа — одна из стрелковых рот батальона капитана Я. С. Сукача.

Засветло мы заготовили лес для строительства блиндажа, а с наступлением темноты приступили к оборудованию новой огневой позиции. Работали очень напряженно. К утру подготовили площадку для установки орудия, насыпали бруствер, соорудили укрытие для боеприпасов.

26 июня противник начал обстрел передовой. С этого дня вести оборонительные работы стало опасно. И все же мы сумели как следует укрепить и дооборудовать свою позицию, построив при этом прочный, в три наката, блиндаж.

В ночь с 30 июня на 1 июля противник обрушил на наш передний край сотни мин и снарядов. Началась вражеская артиллерийская подготовка. В эти минуты позвонили с КП нашей батареи. Дежурный телефонист сказал мне, что передает трубку командиру батареи младшему лейтенанту В. Ф. Давиденко.

Командир не успел сказать и слова, как разговор прервался. Нужно было немедленно бежать на линию, чтобы найти обрыв и восстановить связь с КП. Я кинулся к контрольному телефонному аппарату, чтобы взять его с собой. Но аппарата на месте не оказалось. Незадолго до вражеской артподготовки его брал командир отделения связи.

Что было делать? Вокруг все гремело и сотрясалось от артиллерийской канонады. Но бежать за телефонным аппаратом нужно было во что бы то ни стало.

— Товарищ старший сержант, — обратился я к Гнатенко, — разрешите сбегать за аппаратом.

— Дойдешь ли? Слышишь, что снаружи делается?

— Ничего. Я пошел!

Схватив карабин, я выскочил из траншеи и побежал к огневой позиции второго орудия.

Пока это происходило, противник прекратил артподготовку и, как видно, перешел в наступление. Теперь загрохотали наши пушки. Они стреляли прямой наводкой.

Нырнув в землянку, я при свете коптилки увидел телефониста, который стоял на коленях перед аппаратом и настойчиво повторял мои позывные: «Волга... Волга!..»

В ту же минуту стрелявшее рядом второе орудие замолчало. Уже доносились беспорядочная автоматная стрельба и крики идущих в атаку вражеских солдат...

строительства блин-
ступили к оборудо-
вали очень напря-
ку для установки
и укрытие для бое-

передовой. Сэтого
ало опасно. И все
ь и дооборудовать
рочный, в три на-

ивник обрушил на
нарядов. Началась
ка. В эти минуты
курный телефонист
командиру батарен
ко.

ова, как разговор
бежать на линию,
связь с КП. Я ки-
аппарату, чтобы
месте не оказалось.
ки его брал коман-

мело и сотрясало
хоть за телефонным
ни стало.

обратился я к Гна-
агом.

снаружи делается?

траншен и побежал

к прекратил артпод-
наступление. Теперь
реляли прямой на-

те копилки увидел
оленьях перед аппа-
позывные: «Волга...

ом второе орудие за-
дочная автоматная
вражеских солдат...

Я так и не успел спросить, что случилось с пушкой, почему она перестала стрелять. За дверью землянки послышался чей-то резкий, повелительный голос:

— Всем в укрытие! Я выбью снаряд разрядником!

Кто-то пытался возражать:

— Да ты что! Орудие взорвешь и сам погибнешь...

Но все тот же голос упорно твердил:

— Всем в укрытие!..

В землянку вбежали бойцы орудийного расчета. В тусклом свете копилки я видел, как тревожно они прислушивались к тому, что происходит снаружи. Здесь же оказался и политрук. Увидев меня, он удивленно спросил:

— А ты как сюда попал?

Я указал на телефонный аппарат. В это мгновение снаружи раздался уже знакомый мне голос:

— Выходите! Все к орудию!..

Вскоре выяснилось, что в тот момент, когда я прибежал на огневую позицию, в казенной части пушки заклинило снаряд. Выстрела не произошло, затвор выбросил гильзу с зарядом, а снаряд застрял в стволе. Воспользовавшись молчанием нашей пушки, которая только что била по ним, солдаты противника успели набросить на проволочное ограждение мостик и стали перебираться через него, накапливая силы для решающей атаки.

Чтобы спасти положение, рядовой Александр Клевцов отправил всех бойцов расчета в блиндаж, а сам схватил разрядник, просунул его в ствол орудия и стал выколачивать из казенника снаряд. Это был огромный риск. Если бы последовал взрыв в канале ствола, Клевцов, безусловно, погиб бы. Но ему удалось вытолкнуть снаряд. Пушка вновь была готова к стрельбе.

Атакующие понесли большие потери. Опасное положение, возникшее на правом фланге второго батальона, было ликвидировано. Не знаю, сколько снарядов выпустило в те минуты орудие, из которого Клевцов выколотил снаряд. Но хорошо помню, что ствол пушки светился в темноте. Он был темно-вишневым — так он накалился от стрельбы.

Когда я возвратился на огневую позицию своего орудия, противник снова вел по нашему участку обороны сильный артиллерийский огонь. Красноармеец Чередниченко и я отправились восстанавливать связь. Линия

шла по редкому лесу. Напарник находился метрах в пяти позади меня. Когда поблизости стали рваться снаряды, я крикнул ему «Ложись!» и тут же упал на землю. Но вот обстрел прекратился.

— Чередниченко, ты жив?

Он молчал.

Я подполз к нему, тронул его за плечо.

— Чередниченко!.. Чередниченко!..

Связист не отвечал. Я перевернул товарища на спину. Каска его была пробита.

Восстанавливать связь мне пришлось одному. Линия была буквально порублена на кусочки осколками.

Первый бой научил нас многому. Мы поняли, что укреплять оборону надо еще основательней.

Вместо погибшего боевого товарища со мной стал работать на линии связист Максим Потапов. От самого командного пункта батареи до нашей позиции мы вырыли канавку глубиной около тридцати сантиметров и на дне ее, на специальных проволочных стоечках, поместили телефонный кабель. Таким образом, он был надежно укрыт от осколков. В условиях ожесточенного обстрела проверка линии сопряжена с большим риском. На всем ее протяжении, примерно через каждые тридцать — сорок метров, мы вырыли окопчики, чтобы в случае необходимости можно было укрыться от огня.

Наш орудийный расчет продолжал укреплять свою огневую позицию. Заново был построен и блиндаж моего «узла связи». Крыша его состояла из трех бревенчатых накатов, прикрытых подушкой из камня и земли. Как-то снаряд попал в этот блиндаж. Земля дрогнула, погас свет, поднялось столько пыли, что Потапов и я чуть не задохнулись в ней. Когда артоналет прекратился, мы выбрались наружу, чтобы взглянуть на разрушения. Снаряд угодил в большую каменную плиту. Все вокруг было осыпано серым порошком, похожим на муку. А плита осталась неповрежденной. Старший сержант Федор Гнатенко посмотрел на нас и рассмеялся:

— Твой подземный дворец, Митрохин, выдержал боевой экзамен на «отлично»!..

„А ну, подбросьте
«угольков!»» • „Самовары“
меняют ОП • Обманули
противника • В рядах
десантников на штурм
Хорсена

А. К. БАРАНОВ,
подполковник запаса,
бывший рядовой 270-го
стрелкового полка

СТРЕЛЯЮТ МИНО- МЕТЧИКИ

Как-то в июле (точной даты не помню) наблюдатели доложили, что перед нашим батальоном замечено скопление солдат противника.

— А ну, подбросьте «угольков»! — приказал минометчикам командир батальона капитан В. С. Поляков, в шутку называвший минометы «самоварами», а мины — «угольками».

Через несколько минут наши мины уже рвались там, где накапливался противник.

Вражеская батарея открыла ответный огонь. Третий номер расчета Николай Фролов считал разрывы ложившихся вблизи нас вражеских снарядов: «Один... пять... двадцать...» Так он досчитал до восьмидесяти семи. Вреда арт-обстрел нам не причинил. Но то, что противнику удалось засечь огневую позицию, обеспокоило лейтенанта Петра Кузьмина.

— Укрытие у нас хорошее, — рассуждал он вслух. — Но от прямого попадания все равно не спасет. Надо переходить на запасную позицию...

Несколько позже с наблюдательного пункта был замечен вражеский катер, шедший к одному из островов. Дальнометрщик определил расстояние. Мы подбросили в минометы «угольков». Уже вторая мина легла рядом с катером. Беглый огонь — и судно пошло ко дну.

— Сменить огневую позицию! — скомандовал Кузьмин. Приказание лейтенанта было выполнено в считанные минуты. Кубарем скатились бойцы с пригорка и перетащили миномет на новое место. Едва успели мы отдышаться, как на только что оставленной нами позиции начали рваться вражеские снаряды и мины.

— Пали, пали по пустому месту! — чуть не приплясывал от радости наводчик Андрей Папушой.

У противника боеприпасов было много, у нас — мало. Мины следовало расходовать экономно. Но, как известно, экономия достигается только при большой точности огня. Мы стали еще упорнее тренироваться в подготовке данных для стрельбы...

Рассчитывая, вероятно, на безнаказанность, белофинны как-то выкатили пушку на прямую наводку, чтобы разбить один из наших наблюдательных пунктов. Разгадав их намерения, командир взвода приказал расчету сержанта Трофима Бойко уничтожить орудие. Выверив как следует уровень и угломер, сержант первой же миной накрыл пушку и вывел из строя всю ее прислугу.

Примеров мужества и находчивости защитников Ханко можно было бы привести немало. Вспоминается эпизод, случившийся в бою за Хорсен.

В группу десантников, отобранных для штурма, входил стрелковый взвод младшего лейтенанта Б. К. Вербицкого, усиленный ротным минометом. На рассвете, после артподготовки, началась высадка десантников с катеров. По колено в воде бежали бойцы к берегу. Но вот их продвижение замедлилось: с берега застрочил пулемет.

— А ну-ка доставай мины, пальнем по фашистам! — сказал наводчик ротного миномета Матвей Репин своему заряжающему. Тот недоумевал: для стрельбы нужна опора, а тут вода. Но Репин торопил:

— Быстрее, быстрее!

Наводчик удерживал опорную плиту миномета правой рукой. Направляя оружие в сторону противника, он изготовился к стрельбе. Заряжающий достал из лотка мину и по команде Репина опустил ее в ствол миномета.

От сильной отдачи на правой руке наводчика образовалась ссадина. Ко всему тому, он получил ожог, но огня не прекращал. Было сделано несколько выстрелов, и одна из мин накрыла вражеский пулеметный расчет.

С криком «ура!» бойцы выскочили на берег и дружным ударом опрокинули врага. Так же удачно действовала и другая группа десантников, высадившаяся с противоположной стороны острова. Вскоре на высокой скале затрепетало на ветру водруженное десантниками красное знамя.

Незаметный подвиг одного солдата помог всему взводу выполнить поставленную перед ним боевую задачу.

Первые бои научили нас многому. Мы поняли, что противник силен и жесток, что борьба предстоит кровопролитная и что для победы в этой борьбе нужны не только отвага и боевое умение, но и готовность до последнего дыхания разить врага, защищать свою Советскую Родину.

*Укрываясь в каменных
расщелинах ● Пулей и
гранатой ● Враг уби-
рается восвояси ● Посу-
лы и угрозы шюцкоров-
цев ● Тверже гранита*

И. П. ПАВЛОВ,
гвардии старший лейте-
нант запаса, бывший
командир взвода 335-го
стрелкового полка

НА СКАЛАХ КРОКАНА

Третий батальон нашего полка занимал правый фланг обороны перешейка, защищая острова Экен, Германсэ, Куэн и Крокан. Когда начались боевые действия, командир 8-й стрелковой роты лейтенант Четвериков направил меня на Крокан, чтобы я возглавил на нем крошечный гарнизон, состоявший всего из двадцати двух бойцов и сержантов.

Противник находился почти что рядом. От соседнего острова, на котором он закрепился, нас отделял лишь узенький проливчик пятнадцати—двадцатиметровой ширины. Создать на Крокане какие-либо укрепления было невозможно. Мы стояли на граните среди скал. К счастью, эти скалы имеют выступы, расщелины, в которых наши невзыскательные солдаты сумели устроить себе сносные убежища.

Вооружены мы были винтовками, ручными пулеметами и гранатами.

Первую неделю войны враг нас не тревожил. Но вот наступило 1 июля. В четыре часа утра с соседних островов противник открыл ураганную минометную стрельбу по Крокану. Под прикрытием этого огня ему удалось вскоре высадить на берег десантный отряд численностью до полуроты.

Шюцкоровцы попробовали наступать, но не тут-то было: укрывшись за скалами, мы открыли по врагу прицельный

огонь. Сверху летели во вражеских солдат гранаты. Десантники — противника дрогнули, побежали обратно, к воде, к шлюпкам, оставив на месте девять убитых.

Потерпев горькую неудачу, враг решил расправиться с нами другим способом. Словно по расписанию, начались ожесточенные артиллерийско-минометные огневые налеты на острова. Утром — первый, в обед — второй, вечером — третий. Сотни снарядов били и крошили скалистую территорию Крокана. Так бывало ежедневно, кроме воскресений, когда вражеские минометчики и артиллеристы давали себе и нам кратковременный отдых.

От непрерывной пальбы по острову на нем не осталось ни одного деревца — все было сметено осколками. Улетели с острова даже птицы. Казалось, на нем не удержится ничто живое. Но советские бойцы держались. Более того, они еще крепко досаждали противнику. Тщательно изучив вражеское побережье по ту сторону проливчика, наши стрелки взяли на прицел все замеченные огневые точки. Стоило кому-нибудь из вражеских солдат высунуть нос из окопа, как его снимала пуля снайпера.

Теперь враг чувствовал себя так, будто он сам находился в осаде. Перебираться с острова на остров, подвозить своим гарнизонам продовольствие, боеприпасы и подкрепления он мог только ночью. В светлое время суток его сковывала активность наших снайперов, стрелявших с Крокана.

Особо отличился в снайперской «охоте» красноармеец Власов.

Упорное сопротивление гарнизона Крокана вынудило врага временно прекратить артобстрел острова. Теперь он решил действовать «мирными» средствами — увещеваниями, пропагандистскими речами. Весь островок был забросан листовками. Все блага рая предлагали нам вражеские пропагандисты, лишь бы мы побыстрее сдались в плен. Но мы, такие-сякие, не сдавались.

Теперь медовые речи кончились, вражеские пропагандисты слали нам снова угрозы. Опять возобновились артиллерийские обстрелы. Это продолжалось ежедневно, до самого последнего дня, пока не началась эвакуация Ханко и мы не покинули остров Крокан сами, уйдя с него непобежденными.

*Неустанные труженики
войны ● Когда обстрел
не страшен ● На самых
опасных направлениях*

Б. З. ЛЕВИН,

*полковник в отставке,
бывший бригадный ин-
женер 8-й отдельной
стрелковой бригады*

ОГНЕМ ПРОВЕРЕНЫ

Двадцать девятый военно-строительный участок, которым я руководил, в начале войны был расформирован. Семь тысяч тонн цемента, шесть тысяч кубометров круглого леса и пиломатериалов, более трех тысяч тонн металла, строительная техника и другое имущество были переданы стрелковой бригаде Н. П. Симоняка.

Инженерный состав строительного управления был распределен по частям соединения, чтобы руководить на местах оборонительными работами. Я возвратился к должности, которую когда-то занимал, — стал бригадным инженером.

Воины строительных подразделений, саперный батальон бригады и полковые саперы за очень короткое время выполнили невероятный по своим масштабам объем фортификационных работ. Доты и дзоты. Минированные поля. Проволочные заграждения. Противотанковый ров протяженностью семь километров. Ходы сообщения общей длиной около восьмидесяти километров... Все это в сочетании с системой плотного перекрестного огня полевых батарей делало нашу оборону неприступной.

Созданные нами инженерные сооружения выдержали проверку боем. Артиллерия врага не сумела нанести им существенного вреда. Рискув

наступать после артподготовки, противник смог продвигнуться не дальше первого ряда проволочных заграждений и понес немалый урон в живой силе.

Серьезное значение имело в этом бою еще одно обстоятельство: командование бригады правильно расценило первые артналеты противника как попытки разведать систему огня нашей артиллерии и других боевых средств. В артиллерийских перестрелках с противостоявшими нам батареями врага участвовали далеко не все наши орудия, минометы и пулеметы. Зато в решающий час, когда стало ясно, что противник перешел в наступление, надеясь прорвать нашу оборону, Н. П. Симоняк ввел в действие всю огневую мощь бригады.

Потерпев поражение, обозленный противник не перестал донимать защитников Ханко огнем. Его батареи не жалели ни снарядов, ни мин, стараясь дезорганизовать нашу оборону на перешейке полуострова. Чтобы не допустить напрасных потерь, пришлось строжайшим образом регламентировать всякое передвижение людей в полосе обороны бригады. Все, что можно было укрыть от огневого воздействия врага, мы упрятали под землю, замаскировали, укрепили.

А укреплять было что. Одних только командных и наблюдательных пунктов у нас было более восьмидесяти. Мы соорудили четыреста тридцать два дзота, а несколько позже — около четырехсот подземных складов. Укрыты были под землей госпиталь и хлебозавод.

Система узлов обороны должна была гарантировать успешное ведение боя на случай, если бы силам противника удалось просочиться в глубь наших позиций. Этой же цели служили ходы сообщений, по которым части третьего эшелона и резервы могли одним броском достичь переднего края.

Нет возможности назвать всех бойцов и командиров, самоотверженно трудившихся, выполняя эти задания. Упомяну лишь особо отличившихся командиров строительных подразделений. Товарищи Нехуров, Калита, Очагов и Тюренов вместе со своими бойцами построили настолько прочные дзоты, командные пункты и укрытия, что их не разрушили сотни снарядов врага.

*Ему были рады повсюду
● „Что нового, Иван
Ерофеевич?“ ● Стоять
непоколебимо! ● Костры
среди скал ● В бою нель-
зя без хитрости ● Ко-
миссар остается с груп-
пой прикрытия*

Ф. А. СИТОВ,

*гвардии майор, редактор
дивизионной газеты «За-
щитник Родины»*

ВЕСОМОЕ СЛОВО

Старший батальонный комиссар Иван Ерофеевич Говгаленко¹ прибыл на Ханко в апреле 1940 года. Агитационную и пропагандистскую работу в политотделе 8-й отдельной стрелковой бригады ему пришлось начинать в трудных условиях. Жизнь в гарнизоне еще только налаживалась. Газеты в соединение приходили с большим опозданием, библиотек не было, радио молчало.

Многое нужно было организовать, наладить, создать. Комиссар горячо взялся за дело. Он подбирал для пропагандистов литературу, подыскивал лекторов, проводил с ними инструктивные семинары, направлял работу клубов. Когда удавалось выкроить время, сам читал лекции по марксистско-ленинской философии, по истории партии, выступал перед активом с докладами о международном положении.

Много новых трудных задач встало перед комиссаром, когда полуостров Ханко стал частицей гигантского фронта вооруженной борьбы нашего народа против иноземных захватчиков. В те жаркие июльские и августовские дни сорок первого года гангутцы с нетер-

¹ Очерк о нем, написанный в пору войны, не был опубликован при жизни автора (Ф. А. Ситов умер в 1944 году). Рукопись очерка сохранил его однополчанин Ф. А. Крутько.

пением ожидали военных сводок. Каждому хотелось знать, как сражаются наши войска против фашистов в Белоруссии, на Украине, в Прибалтике. У бойцов возникало немало вопросов, на которые не всякий мог дать исчерпывающий, обстоятельный ответ.

Иван Говгаленко шел к людям. Вооружась гранатами и автоматом, отправлялся он из политотдела в части, находившиеся на передовой. Случалось, что на ту или иную огневую точку, на командный пункт роты или во взводную землянку ему приходилось пробираться перебежкой, а то и ползком. Пренебрегая опасностью, он приходил к бойцам, чтобы по душам побеседовать с ними.

— Будем стоять непоколебимо,— говорил Иван Ерофеевич,— будем делить между собой последний сухарь, но Ханко фашистам не отдадим!

Сильному артиллерийскому и минометному обстрелу подвергались позиции, которые занимала рота лейтенанта Васильева. Обугленные деревья, изрытый воронками серый суглинок... Часть стрелковых окопов и ячеек нужно было восстановить. Роте предстояло также построить дополнительные укрепления, чтобы закрыть путь врагу, если он рискнет пойти на этом участке в наступление.

Придя в распоряжение роты, старший батальонный комиссар побывал на всех огневых точках. Сопровождающий ему не понадобился. Говгаленко бывал тут не раз, знал каждую тропинку, куст и камень. Красноармейцы тепло приветствовали его, вполголоса передавая друг другу:

— Усатый приехал... Из политотдела...

В бригадной многотиражке, свежий номер которой Иван Ерофеевич принес с собой, была последняя сводка Совинформбюро. В ней говорилось, что бои с немцами идут под Москвой. Солдаты Гангута не так давно подписывали письмо, обращенное к защитникам столицы. Всех интересовало, доставлено ли оно по назначению. Комиссар сообщил пехотинцам, что письмо в Москве получено и что газета «Правда», центральный орган партии, напечатала передовую статью, призывающую защитников столицы сражаться так же стойко, как сражаются герои-ханковцы.

По распоряжению комиссара в стрелковых частях появились щиты с лозунгами: «Каждый метр земли

превратим в могилу для фашистов!», «Создадим железную круговую оборону!», «Смерть фашистам — заклятым врагам советского народа!».

Строить укрепления под вражеским артиллерийским огнем — нелегкое дело. Комиссар Говгаленко, командир роты и политрук решили обмануть противника. Среди скал, где никого не было, бойцы разожгли костры. Они горели днем и ночью. Наблюдатели противника видели отблески пламени и дым. Вражеские артиллеристы принялись усердно обстреливать пустое пространство.

Десять дней продолжалась в роте трудовая страда. Десять дней находился в подразделении Иван Говгаленко. Задание по возведению новых укреплений было выполнено. Личный пример коммунистов и комсомольцев, хорошо налаженная политработа, отвага и сплоченность солдат, наконец, военная хитрость обеспечили успех.

Старший батальонный комиссар отправился на другой участок гангутской обороны. Он побывал на островах Экен, Германсэ, Куэн и Крокан, познакомился с командирами взводов, с сержантами и бойцами, провел партийные и комсомольские собрания, совещания боевого актива, проинструктировал агитаторов. Комиссар многое сделал для того, чтобы повысить бдительность и боеспособность маленьких островных гарнизонов.

В дни эвакуации защитников Ханко комиссар Иван Ерофеевич Говгаленко был оставлен командованием с группой прикрытия. Отвага, выдержка, хладнокровие старшего батальонного комиссара служили примером для бойцов.

За участие в обороне полуострова Военный совет Ленинградского фронта наградил его орденом Красной Звезды.

ВСЕ ЭТИ ЛЮДИ БЫЛИ ГЕРОЯМИ. КАЖДЫЙ ПОШЕЛ ДОБРОВОЛЬНО НА ТРУДНОЕ ДЕЛО. КАЖДЫЙ СРАЖАЛСЯ С ВРАГОМ ОТВАЖНО И ДЕРЗКО, НЕ ЩАДЯ СВОИХ СИЛ. МНОГИЕ БЫЛИ РАНЕНЫ, МНОГИЕ ПАЛИ В БОЯХ, НО ГОРЬКИЕ ПОТЕРИ НЕ СЛОМИЛИ БОЕВОГО ДУХА ДЕСАНТНИКОВ.

*Из воспоминаний капитана 1-го
ранга в отставке С. А. Томилова, быв-
шего комиссара десантного отряда*

ОНИ ШТУРМОВАЛИ ОСТРОВА

Его вне службы звали
Батей ● Отцовская
шашка ● Противник
сброшен в море ● Почему бы не помечтать!
● Помощь пришла вовремя

Б. Я. БАРХАТОВ,
старший лейтенант запаса,
бывший командир взвода десантников

В ОТРЯДЕ БОРИСА ГРАНИНА

Кто же он, Гранин?

Борис Митрофанович родился и вырос на Дону. Его отец — донской казак, кавалер трех Георгиевских крестов. В годы гражданской войны он сражался в рядах красных конников. Своими рассказами о боях против белых, за власть Советов старый воин вселил в душу сына стремление к отваге и удали, воспитал у него любовь к Родине, преданность воинскому долгу. На память о былом казак подарил сыну свою верную подругу — шашку, которой рубил беляков. Этот клинок Борис Гранин очень берег. Шашка была всюду с ним. Видел я ее у него и на острове Хорсене...

Гранин-артиллерист прошел обычный путь предвоенного поколения советских воинов. Он был курсантом Севастопольского военно-морского училища береговой обороны имени ЛКСМУ, служил на фортах Кронштадта. Командовал орудием, батареей. В начальный период обороны Ханко был командиром 29-го отдельного артиллерийского дивизиона.

Нет, не ошиблось командование военно-морской базы, назначив именно его командовать десантным отрядом.

Четыре роты моряков-десантников, комплектовавшиеся в разных частях и соединениях базы, насчитывали в общей сложности около шестисот бойцов. Четвертая рота, в

которую я был зачислен командиром отделения одного из взводов, создавалась из краснофлотцев, служивших в бригаде торпедных катеров и в бригаде подплава.

Вначале, как я помню, предполагалось, что личный состав отряда, находясь временно на территории 29-го артдивизиона, будет обучаться практике и методам десантных действий. Всем нам нужно было приобрести навыки рукопашного боя, научиться уверенно владеть холодным оружием. Но осложнившаяся боевая обстановка вынудила командование направить наш отряд сразу же в бой.

Вскоре выяснилась причина этой поспешности. Остров Медэн, на котором находилась зенитная артиллерийская батарея лейтенанта Н. П. Титова, стал объектом ожесточенного минометного обстрела. Противник вел огонь по батарее с соседнего острова Хорсен, ошибочно оставленного нами в первые дни войны. Эту оплошность командование решило немедленно исправить. Захват острова был поручен нашему отряду.

Роты сосредоточились на мысе Уддскатан и на Медэне. 10 июля, перед рассветом, после сильной артподготовки и бомбежки вражеских позиций с самолетов катера с десантом подошли к Хорсену. С криками «ура!», «полундра!» матросы бросились в воду и, быстро продвигаясь к острову, завязали бой в прибрежной полосе.

Схватка была упорной. Враг понимал, какое значение имеет для него Хорсен. Но и мы знали, что остров нам очень нужен. Стремительным ударом рота лейтенанта Анатолия Фетисова и моряки из отдельного зенитного артдивизиона сломали сопротивление врага. Штыковой атакой десантники сбросили противника в море. Лишь небольшой части вражеских солдат удалось доплыть до соседнего острова.

Хорсен стал оперативной базой отряда. Чтобы обеспечить защиту этого опорного пункта, Борис Митрофанович принял решение отбить у врага и остров Старкерн. И вот 11 июля, после короткой, но мощной артподготовки, был нанесен удар и по этой позиции врага. Узкий и длинный островок, с возвышенностью посередине и низиной на западной его оконечности, соединялся по мелководью с островом Гуннхольм, с которого враг получал боеприпасы и подкрепление.

На Старкерне мы вели бой всю ночь и весь следующий день, пока не очистили остров от врага. Здесь от-

ряд понес первые жертвы. Шесть гранинцев были ранены. В бою пали отважные моряки Сурин и Кирпиченков. Мы одержали над врагом победу, но в ночь с 13 на 14 июля финны попытались вернуть Старкерн. Им удалось высадиться на остров и занять некоторую его часть при поддержке артиллерийско-минометного огня. Но продвижение врага было остановлено. Лихой атакой моряки сбросили его в море.

26 июля наши поредевшие подразделения были временно отведены на полуостров Ханко для переформирования. В это время к нам в отряд был назначен комиссаром Данилкин и начальником штаба отряда Пивоваров.

Через два дня отряд был выстроен по большому сбору. Подтянутый, в морском кителе, в брюках, заправленных в сапоги, Гранин стоял перед строем. Из-за голенища его сапога виднелась рукоятка финского ножа. Справа, ниже кителя, висела кобура с пистолетом. Мне очень нравилось открытое русское лицо Бориса Митрофановича, его лукавые, с искринками глаза, черная, как смоль, борода. Он улыбался, показывая белые, ровные зубы. От него как бы веяло теплом.

Обращаясь к морякам, стоявшим в строю, он нарисовал фантастическую картину боевой операции, которая, по его мнению, была по силам нашему отряду. Мысль сводилась к следующему: захватить прилегающие к Хорсену северные финские острова, затем высадиться на полуостров Подваландет и, развивая в тылу врага партизанские действия, пройти всю территорию Финляндии с юга на север, а потом прорваться на соединение со своими войсками в районе Мурманска. От головокружительных, явно неосуществимых замыслов Гранина, от его импровизированного выступления веяло мальчишеством. Но такой уж это был человек — горячая, порывистая, увлекающаяся натура.

— Сделать это невероятно трудно, — говорил командир отряда, развивая свой дерзкий план. — Боезапас, продовольствие, медикаменты — все придется добывать с боем у врага. Отстающих быть не должно. Кто не уверен, что сможет выдержать все испытания и невзгоды, пусть об этом заявит прямо и честно, мы его не осудим...

Из отряда выбыло только восемь-девять человек. В ночь на 30 июля мы возвратились на Хорсен. В сле-

Командир десантников
Виктор Полянский.
Рис. Б. Пророкова.

дующую ночь был получен приказ о высадке на Гуннхольм.

В бою за Гуннхольм отличились политрук В. А. Гончаренко, комвзвода Старостин, бойцы отряда М. Мохов, А. Гриденко, А. Дубенцев, Мухин, Н. Анисимов и многие другие. Бесстрашно сражался начальник штаба отряда Федор Георгиевич Пивоваров. При высадке капитан был ранен, но шел вместе со всеми вперед, стреляя по врагу из автомата.

Сильный минометный и пулеметный огонь противника прижал нас к земле. Одна из вражеских мин разорвалась позади меня. Взрывной волной меня подбросило и ударило о камень. Я был оглушен. Пулеметчик Чистяков, лежавший рядом, погиб. Другая мина разорвалась возле Пивоварова. Он был ранен вторично.

Руководил боем на Гуннхольме Гранин. Как всегда, он оказывался там, где было всего жарче. Вскоре остров стал нашим. В ночь со 2 на 3 августа мы без боя овладели крупным островом Эльмхольм. Враг покинул его, как только заметил, что наши шлюпки с десантом отвалили от Хорсена и направились к Эльмхольму.

Отряд наступал. Он стал грозой для врага. Первая часть гранинского плана — оттеснить противника с островных флангов обороны Ханко — была выполнена. Мы овладели многими островами. Что же касается высадки на материк, то такой цели командование базы, как видно, не имело в виду.

Наступил новый период нашей боевой жизни. Мы получили приказ закрепить достигнутые успехи, приступить к созданию надежной, стойкой обороны на островах. Враг не хотел смириться с потерей своих важных позиций. 16 августа, подойдя ночью к Эльмхольму, противник высадил на него группу солдат и офицеров.

Врагу удалось снять нашу охрану. Завязался ожесточенный бой. Большое мужество проявил в этот час телефонист Сосунов. Находясь у телефона на команд-

ном пункте гарнизона острова, он успевал стрелять по вражеским десантникам и докладывать по телефону капитану Гранину на остров Хорсен о том, что происходит на Эльмхольме. Захватив КП, шюцкоровцы в бессмысленной ярости зверски убили героя.

Уцелевшая группа бойцов из 270-го стрелкового полка отошла на южную оконечность острова, окопалась и, отбивая атаки врага, держалась до прихода подкрепления с Хорсена. Из шестерых героев, удерживавших последнюю позицию, в живых осталось Политрук В. А. Гончаренко. двое...

Рис. Б. Пророкова.

В два часа ночи на Эльмхольме высадилось два взвода моряков. Командовал ими лейтенант Анатолий Фетисов. Через два часа туда же прибыл взвод лейтенанта Виктора Полянского, усиленный отделением Михаила Мохова из состава взвода бывших катерников. В десять утра на Эльмхольм отправился последний эшелон. На четырнадцативесельном баркасе во главе с Василием Гончаренко разместился взвод матросов из подплава, а на трех шестерках — остальная часть взвода моряков-катерников, с которыми был и я.

На море была сильная волна. Подходы к Эльмхольму простреливались минометами и пулеметами врага. И все же баркасу удалось подойти к южной оконечности острова. Уклоняясь от обстрела, две наши шлюпки тоже пробились сквозь завесу осколков и свинца. Третьей шлюпке не повезло: потеряв управление, она изменила курс и оказалась у мыса, который был занят противником.

С берега нам было видно, что товарищи вот-вот попадут во вражескую ловушку, но они не догадывались об этом, так как противник не вел по ним с мыса стрельбы. Мы пытались предупредить наших ребят об

опасности. Но на шлюпке либо не слышали, либо не понимали нас. Тогда командир роты Анатолий Фетисов выбежал к самой кромке берега и семафором передал на шлюпку сигнал «Принять право. Там засада!». В ответ моряки сделали отмашку: «Понятно!». Шлюпка резко изменила курс...

Все это происходило на глазах у противника. Последовала пулеметная очередь, и Фетисов упал на песок, сраженный пулей. Командир погиб, спасая своих подчиненных. Завязался тяжелый бой. Враг применил разрывные пули. Принявший на себя командование политрук В. А. Гончаренко¹, лейтенанты Полянский и Королев были ранены. Смертью храбрых пали бойцы Михаил Мохов, Александр Ларин, Павел Терентьев, Николай Парамошков, Александр Богданов. От Гранина поступил приказ всех раненых отправить на Хорсен. Командовать оставшимися стал я.

Из ста с лишним человек, высаженных на Эльмхольме, к вечеру 17 августа в живых осталось человек тридцать. Но наша малочисленная группа все-таки продолжала стойко удерживать маленький кусочек берега на южной оконечности Эльмхольма.

Мои ребята просились в атаку, но я удержал их. Был приказ ни в коем случае не предпринимать активных действий, держаться в обороне до подхода свежих сил.

В двадцать два часа началась артподготовка. На Эльмхольме стал высаживаться наш второй десант. Помощь от Гранина пришла вовремя. К полуночи весь Эльмхольм был очищен от врага. За свою попытку выбить с него советский гарнизон противник жестоко поплатился: из трехсот вражеских солдат и офицеров «особой ударной группы» спаслось бегством всего лишь несколько десятков человек.

В конце сентября капитана Б. М. Гранина вновь назначили командовать артдивизионом. Всем нам было жаль расставаться с Борисом Митрофановичем. В минуты прощания у нас и у самого Бати навернулись на глаза слезы. Пожимая мне руку, капитан пообещал взять мой взвод к себе обратно, в артиллерийский дивизион.

— Для шумных дел, — добавил он с улыбкой.

¹ Офицер запаса Василий Алексеевич Гончаренко ныне работает на Рижском ордена Ленина электромашиностроительном заводе.

КРАСНЫЙ БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ

Октябрь — ноябрь 1941 года

„Будьте мужественны и стойки“ ● Назвали баркас „Грозным“ ● Из боевой биографии командира ● Там, где враг не ждет ● Иван Щербановский ведет бойцов в штыковую ● Раны перевязывали тельняшками ● Противник опрокинут

ПЕТР
ЗВОНКОВ

ПОЗЫВНЫЕ БОЛЬШОЙ ЗЕМЛИ

1. ТОВАРИЩ КАПИТАН

Землянка Бориса Митрофановича Гранина. Теплится «буржуйка», мигает фонарь «летучая мышь». Хозяин любезно усаживает нас к столу, осведомляется, нет ли вестей с Большой земли.

— Вечером передавали обращение путиловцев. Поверьте — слеза прошибает. «Будьте мужественны и стойки... Деритесь, как львы... Защищайте город Ленина, не уступайте ни шагу... Преследуйте врага, идите вперед по его трупам, не давайте ему передышки, добивайте его гусеницами танков, разите его снарядами и пулями, бейте гранатами...» Это обращаются к нам путиловцы — гордость родного Ленинграда. Эх, если бы они слышали мой голос! — говорит Гранин. — Я бы от имени всех бойцов сказал: «Будьте уверены, товарищи кировцы, защитники крепости Ханко не отступают ни на шаг. Все умрем здесь, все до одного, но Родину на позор не отдадим...»

Борис Митрофанович снял трубку и попросил к телефону коменданта одного из самых отдаленных островов.

— Товарищ Ризберг?.. Что нового?.. Крепко быют минами? Четыреста за день? Укрепляйтесь... Лезьте глубже в землю...

Пришел старшина Иванов, доложил, что он из своей

«пушчонки-сорокапятки» разбил у противника склад с боеприпасами.

Возвратились из операции разведчики. Командир взвода Иванов докладывает:

— Все в порядке. Прихватили с собой большой финский баркас.

— Молодцы! Начальник штаба, прикажите завтра же начать ремонт. Поставим пулемет. Как назовем баркас? А что, если — «Грозный»?..

Всю ночь неумолчно била артиллерия, рвались мины. Сидя у камелька и наблюдая за работой Бориса Митрофановича, я вспомнил суровую зиму 1939/40 года, войну против белофиннов. Гранин тогда командовал батальоном лыжников. Зайдя в тыл противника, он сильным и дерзким ударом прорвал линию вражеской обороны, перерезал коммуникации и в течение значительного времени держал под ударом дорогу Выборг — Котка — Хельсинки. Одна из зарубежных газет писала по поводу действий гранинцев: «Русские матросы, совершив шестидесятикилометровый переход по льду Финского залива, появились в глубоком финском тылу и вызвали целый переполох в столице»...

На полуостров Ханко капитан Гранин прибыл с первым пароходом. Партия и правительство поручили морякам Балтфлота в невиданно короткий срок построить в устье Финского залива морскую крепость. Гранин командовал артиллерийским дивизионом, под его руководством шло строительство первых батарей. Было тяжело: не хватало рабочей силы, строительных материалов. Комендоры, воспитанники кронштадтских фортов, сами расчищали рабочие площадки и оборудовали позиции, вели установку орудий. Капитан в те дни трудился без сна и отдыха, отыскивал цемент, сам был и за главного прораба, и за техника, и за инженера...

Это была славная страница в истории Ханко. Первая пушка, поставленная на полуострове, принадлежала артиллерийскому дивизиону Гранина. Первый учебный залп (позднее и боевой) сделали гранинцы. Сейчас его воспитанники и ученики — артиллеристы В. А. Брагин, Н. Д. Руденко, М. Е. Шпилев и другие победоносно громят неприятельское логово.

Борис Митрофанович с тактикой сухопутного боя познакомился на практике. Пробел в теоретических позна-

ниях он восполняет серьезным изучением опыта войны. Инициатива и природная сметка помогают ему быстро разгадывать тактику врага, противопоставлять ей свои решения.

Противник использует для удара пресловутые «клинья». Но в то же время гитлеровцы, как огня, боятся штыкового удара, «ножниц», отрезающих ударные группы от тыла. Тактика гранинцев проста и по-суворовски мудра: хорошо проводи разведку, заранее точно продумай, как идти, где атаковать; скрытно подойди к врагу и ударь по нему, да покрепче; ударь там, где он тебя меньше всего ждет...

В разведку Гранин отбирает самых смелых краснофлотцев. Прежде чем выйти на операцию, он лично проверяет, точно ли усвоена разведчиками задача, знают ли они маршрут.

Благодаря умело проведенной разведке, быстроте развертывания операции был взят без единого выстрела сильно обороняемый противником остров Эльмхольм и ряд других выгодных позиций.

Рота молодых, необстрелянных бойцов готовилась к атаке. Гранин пришел, строго спросил:

— Ну как, не трусите?

— Нет.

— Крепко будете драться?

— По-гранински...

Капитан улыбнулся:

— Труса и в тылу пуля настигнет!

Рота пошла в атаку. Она выполнила задачу, которая была поставлена перед ней командиром.

После каждого боя капитан собирает начальствующий состав. Следует тщательный разбор: это было хорошо, а это плохо. Иногда такой разбор проводится со всем личным составом.

На службе, в бою Гранин суровый, требовательный командир — спуску не дает никому. В быту он простой, общительный человек с открытой душой. Любой боец и командир может прийти к нему за советом и поддержкой. Если у капитана оказывается свободная минута, он охотно беседует с каждым.

Рассказывают такой случай. Когда краснофлотец Алексей Гриденко приплыл с Эльмхольма с донесением, капитан налил ему стакан спирта, достал из своего вещевого мешка белье, велел переодеться во все сухое...

Частенько мне приходилось видеть, как после успешно выполненной операции Борис Митрофанович брал гармошку, садился на пенек и задумчиво растягивал мехи.

31 октября 1941 г.

2. „РОТА, СЛУШАЙ МОЮ КОМАНДУ!“

Мы лежали на переднем крае обороны. Над нами низко плыли черные клочья облаков. Вокруг шумели низкорослые березки и сосны. По склонам высот пестрел разноцветный ковер, вытканый из опавших листьев.

— Слышали? На Большой земле, говорят, снег выпал. А у нас, сами видите, золотая осень. Солнце нас не забывает. Конечно, тепла от него мало, но все-таки веселей, когда светло. Только вот ветры стали злее и волна круче. В море теперь тяжело, особенно если плохо обучен личный состав. Море шуток не любит...

Мой сосед — бывалый моряк, проплававший одиннадцать лет в торговом и военном флотах. Воевать на сухопутье он пошел добровольно и не раскаивается в этом. Но море, безбрежное и буйное море не дает ему покоя ни днем, ни ночью. Везде и всегда Иван Петрович Щербановский помнит и тоскует о нем...

Первые дни войны. Командование приказало занять финский остров Кугхольм. Щербановский, командовавший в то время отделением, сел с бойцами в шлюпку и под прикрытием ночи двинулся к заранее облюбованному мыску. Но подойти к острову вплотную помешали камни. Щербановский прыгнул в воду и увлек за собой бойцов. Под артиллерийским огнем противника он, что называется, зацепился за берег и то ползком, то перебежками стал продвигаться вперед.

Сблизившись с врагом, Щербановский повел бойцов в атаку. Краснофлотцы штыковым ударом опрокинули маннергеймовцев, сбросили их в море. Шестеро из них сдались в плен.

Вскоре поступил новый приказ: взять Гуннхольм. Море вскипало от разрывов вражеских снарядов и мин. Щербановский на захваченной у противника лайбе вырвался вперед. Как назло, она наскочила на камень.

— В воду! — скомандовал Щербановский.

Падая и поднимаясь, моряки выбрались на берег, забросали огневые точки врага связками гранат, пошли в атаку.

На их пути была штабная землянка. Решительным ударом десантники выбили из нее шюцкоровцев и прижали их к морю. Один из офицеров разделся, готовясь кинуться в воду. Щербановский уложил его выстрелом из винтовки. Солдаты, пытавшиеся уйти на шлюпках, тоже были уничтожены.

Через сорок пять минут после начала боя в штабе приняли донесение: «Гарнизон шюцкоровцев уничтожен, остров взят, захвачены трофеи — вооружение, секретные приказы, карты.

В бою ранен командир взвода Старостин. Обязанности командира принял главстаршина Щербановский».

Не успел новый командир взвода освоиться с обстановкой, как опять пришлось идти в бой. Противник пытался прорвать нашу оборону и захватить важные позиции. Сражение было ожесточенным. Обе стороны несли большие потери. Был ранен командир отделения Туманов. Щербановский приказал старшине Богомолу возглавить отделение. Погиб командир роты, его заменил политрук. Но и политрука сразила вражеская пуля.

— Рота, слушай мою команду! — услышали бойцы голос старшины.

Рота пошла в атаку. Но сразу же пришлось залечь. У врага было превосходство в силах. Он поливал огнем занятый моряками рубеж. Дрожали от грохота скалы. Свистели пули, рвались тяжелые мины.

Бой длился уже пятнадцать часов. Кончились бинты. Раны перевязывали тельняшками. Раненых прятали за каменными глыбами.

— Отступать нельзя, друзья! Мы — балтийцы. Мы выдержим, — ободрял десантников Щербановский.

Иван Щербановский.

Рис. Б. Пророкова.

К вечеру подоспела помощь. Грозно кинулись моряки на врага, смяли, разбили, уничтожили его в рукопашном бою.

Еще во многих операциях участвовал Иван Щербановский. Совсем недавно его вызвал командир отряда.

— Наши части ведут бой с противником в пункте П. Возьмите десять лучших бойцов взвода. Вам предстоит проникнуть в тыл противника.

Ночь выдалась темная. Волной шлюпку выбросило на банку. Едва сползли с камней, как попали на рифы, но и тут моряки не растерялись — спрыгнули в воду, толкнули шлюпку и добрались до нужного пункта.

Ошеломленные неожиданным ударом, вражеские солдаты вначале было побежали. Но потом они поняли, что им противостоит горсточка бойцов, и пошли в контратаку. В течение многих часов одиннадцать советских моряков сдерживали натиск нескольких сотен маннергеймовцев. Опустили пулеметные ленты. На исходе были гранаты и винтовочные патроны.

Из шести посланных Щербановским связных добрался до командного пункта только один. Он сообщил командиру важные сведения о силах противника. На помощь Щербановскому и его бойцам двинулось подкрепление. Вскоре Иван Петрович уже снова вел балтийцев в атаку. В этом бою он уложил нескольких солдат противника, захватил пленного, пять пистолетов «Суоми» и станковый пулемет.

* * *

Мы лежим на переднем крае обороны, плотно прижимаясь к холодной скале. Впереди, метрах в тридцати — сорока, злобно притаился враг. Щербановский держится ровно. Он здесь как дома. Я вглядываюсь в его сухое, обветренное лицо. Этому человеку тридцать лет. Из них одиннадцать он провел на корабле, в плаваниях. А теперь вот командует ротой моряков, стяжавшей добрую славу среди защитников полуострова Ханко. Почти каждый день бойцы роты Щербановского наносят крепкие удары по врагу.

14 ноября 1941 г.

КРАСНЫЙ БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ

31 июля 1941 года

Отряд получает боевую задачу ● Дерзко, отважно, стремительно ● Хорсен взят, на очереди — Старкерн ● Огонь по лодкам противника ● Несколько строк из тетради комвзвода ● Красные флаги над островами

Л. БОГДАНОВ,
батальонный комиссар¹

ПЕРВЫЙ ДЕСАНТ

Отряду десантников была поставлена задача — захватить вражеские острова Хорсен и Старкерн. Командиры и бойцы тщательно подготовились к этой ответственной операции.

Но вот закончены последние приготовления. Наступила ночь. Несколько катеров бесшумно подходят к вражескому берегу. Десантники настроже. Секретарь партбюро политрук Старохин подбадривает бойцов. По сигналу они с молниеносной быстротой бросаются в воду. Первые, что называется, зацепились за берег. Взвод, которым командует лейтенант Фетисов, захватывает центр, взвод старшины Вербицкого — восточную сторону острова, взвод лейтенанта Швецова — западную его часть.

Быстро подавлены пулеметные точки противника. Маннергеймовцы, не ожидавшие столь стремительного натиска, обращены в бегство. Лейтенант Швецов умело руководит бойцами. Они с полуслова понимают его приказания. Среди особенно отличившихся — бойцы Арсаев, Комолов, Пикулик. Десантник Тромсин сразил трех неприятельских солдат и выручил

¹ Автор корреспонденции, лектор Политуправления КБФ батальонный комиссар Л. Богданов погиб в 1941 году при эвакуации советских войск из Таллина, на переходе в Кронштадт.

раненого младшего командира Юрченко. Вскоре весь остров занят десантниками. Захвачено четырнадцать пленных.

В стремительном порыве был занят и остров Старкерн. Однако здесь противник решил нанести контрудар.

В ближайшую же ночь, после ураганной артиллерийской подготовки, шюцкоровцы на многочисленных шлюпках подплыли к острову. На Старкерне в это время находились моряки-балтийцы. Возглавлял взвод младший командир Нечипуренко.

Перед нами его тетрадь. За несколько минут перед боем он записал в ней: «Слева переправляются лодки врага. В каждой по двенадцать человек. По ним мы открываем огонь. Замечательно действуют бойцы Дыба, Малышкин, Голозов, Корилов. Связь прервана... Начался бой. Нечипуренко».

Долгое время взвод храбрецов сдерживал натиск врага. На помощь нашим десантникам подоспел отряд с острова Медэн под командованием капитана Б. М. Градина. В конце концов противник не выдержал и побежал. Шюцкоровцев настигали меткие пули моряков.

Бой окончен. На островах Хорсен и Старкерн развеваются алые флаги. Состоялось партийное собрание, на котором разобраны итоги боевой операции. Двенадцать десантников подали заявления о вступлении в родную большевистскую партию.

Тайком в отряд десантников ● „Ребята вы смелые. Пожалуй, пригодитесь“ ● Сквозь линзы прицела ● Подарок неизвестной женщины ● Поединок длится двое суток ● Тридцать седьмой на мушке

В. С. ЖЕЛТОВ,
бывший снайпер¹

С ВИНТОВОЙ СНАЙПЕРА

Когда Б. М. Гранин был назначен командиром десантного отряда, он сам подобрал нужных ему людей в своем дивизионе. Однако с нашей 3-й батареей в отряд никого не отпускали. Отказали в этом и мне. Тогда в одну из ближайших ночей я и Степа Сизякин попросту сбежали к десанникам.

Мы оба явились к капитану Гранину и честно повинились во всем, что натворили. Борис Митрофанович удивился не столько нашему появлению, сколько тому, что мы смогли проникнуть к нему на командный пункт. Ведь вокруг расставлены патрули, а мы не знали пароля.

Мы доложили, что на КП отряда наткнулись случайно. Часовой, стоявший у командного пункта, ни в чем не виноват. Он нес свою службу бдительно — вовремя заметил нас, заставил лечь на землю, вызвал по телефону начальника караула.

— Часовой молодец, — одобрительно сказал капитан, глядя на наше испачканное в грязи обмундирование. — Так вам и надо!

Он крепко отчитал нас за побег и уже велел было обоим отправиться под конвоем обратно на батарею. Однако,глянув в наши горестные лица,

¹ Герой обороны Ханко В. С. Желтов живет ныне в Киеве, работает в одном из грузовых автопарков города.

Борис Митрофанович несколько мягче обещал похлопотать, чтобы нас отпустили к нему в отряд.

— Вижу, ребята вы смелые. Пожалуй, пригодитесь...

— Не подведем, товарищ командир!

Свое обещание капитан сдержал: через сутки меня и Сизякина перевели в десантный отряд. Степу назначили в связь, а меня — в группу разведчиков, которой командовал главстаршина Иван Щербановский.

Мое боевое крещение в разведке прошло удачно. На острове Кугхольм я бесшумно снял часового у вражеской землянки. Однако через некоторое время командир отряда почему-то приказал перевести меня в команду снайперов. Этим решением я был сильно удручен. Очень уж не хотелось мне уходить от разведчиков. Но приказу пришлось подчиниться. Я стал снайпером.

Много трудного и интересного было в те дни. Но я хочу рассказать здесь лишь об одном, особенно запомнившемся мне эпизоде.

Я подкарауливал противника, заняв позицию на одном из островков. Там у меня была для этого выкопана земляночка, внутрь которой можно было вползти лишь по-пластунски. Чтобы защитить себя, я положил перед амбразурой этого укрытия круглый продолговатый камень, от которого пули должны были отскакивать рикошетом. Для удобства наводки приспособил под локоть бархатную подушечку. Это был подарок неизвестной женщины, доставленный на Ханко в одной из фронтовых посылок.

Заняв свое место в землянке, я обычно выбирал на находившемся передо мной вражеском острове подходящий ориентир и делал по нему контрольный выстрел. Но однажды, едва я выстрелил, в камень, положенный у амбразуры, ударила пуля. Она срикошетила и отлетела в сторону, вонзившись в стенку землянки.

С того момента у меня завязался с неизвестным противником, так сказать, «принципиальный разговор»: кто кого? Наблюдением я установил, что у вражеского снайпера семь боевых ячеек. Он часто менял свою позицию, переходя из одной ячейки в другую. Стараясь быть неуязвимым, противник тщательно выслеживал меня, терпеливо подстерегая каждое мое неосторожное движение. Я, конечно, делал то же самое, но запасных позиций у меня не было.

Поединок длился двое суток. На третьи сутки, часов около двух дня, враг все-таки подловил меня. Посланная им пуля ранила меня в левое плечо. Но я успел хорошо заметить, где засел мой противник. Это было что-то вроде старой деревянной будки.

В стенке этой будки я еще раньше заметил круглую дырочку, должно быть, от выпавшего сучка. Когда всходило солнце, это отверстие, освещенное с внутренней стороны, было хорошо видно. Впрочем, оно просвечивалось и днем. Эта существенная деталь мне запомнилась.

Пересилив боль (кровь уже пропитала весь рукав телогрейки), я прежде всего взглянул через амбразуру на то место, где должна была в стенке сарайчика просвечиваться дырка от сучка.

«Стой, Вася! Так он же в будке!» — пронеслось в возбужденном сознании. Действительно, было ясно видно, что кто-то, находясь внутри будки, время от времени то открывает, то закрывает отверстие. Собрав все силы, я тщательно прицелился в то место, где из доски выпал сучок, и нажал на спуск винтовки. Больше я ничего не помнил, так как от большой потери крови упал в землянке без чувств.

Кто-то из товарищей вытащил меня из землянки и доставил в санчасть. Сознание ко мне вернулось лишь в госпитале. В палате был установлен репродуктор. Однажды раненые, в том числе и я, слушали передачу из нашего трансляционного узла. Вдруг диктор, читая фронтовые известия, произнес: «Наш меткий стрелок Василий Желтов недавно убил неприятельского снайпера. Теперь на его счету тридцать семь уничтоженных врагов...»

Так я узнал, что мой последний выстрел не был сделан впустую.

„Дети капитана Гринина“ ● Дзоты переселяются на острова ● Разговор о пользе бороды ● Снаряды рвутся за кормой ● Трубка по кругу ● Из расчета на длительную оборону ● Для любителей попариться ● Три ночи в конце декабря

С. А. ТОМИЛОВ,
капитан 1-го ранга в отставке, бывший комиссар десантного отряда

НИКОГДА НЕ ЗАБУДЕТСЯ

Захватив у противника Хорсен, наши десантники пошли дальше. Вскоре острова Кугхольм, Эльмхольм, Старкерн, Гуннхольм, Фуруэн, расположенные вокруг Хорсена, тоже были в их руках. Десантники вплотную подбирались к островам Стурхольм и Меен. Узенькие проливчики отделяют их от полуострова Подваландет — главной артиллерийской позиции противника.

20 августа я распрощался с артиллеристами и тоже отправился на острова. Слава десантников уже гремела по всей Балтике. Полушутя и любовно их называли «детьми капитана Гринина». Это были настоящие герои. Почетно и непросто быть комиссаром в таком отряде. Впрочем, начальник политотдела базы П. И. Власов предупредил меня, что надо прежде всего позаботиться об укреплении дисциплины. В отряде сильная партийная организация, она поможет. Секретарем там политрук Старохин.

Самое трудное было впереди. Десанты лихо брали острова. Брали отвагой, внезапными атаками, стремительностью. Теперь противник подтянул к островному району большие силы и сам перешел к атакам. Дорого обошелся нам остров Эльмхольм. И все потому, что мы не успели его укрепить. Главное сейчас в отряде — поднять всех и вся на героический труд, на создание

оборонительных сооружений, усилить работу по воспитанию у бойцов стойкости. Острова надо держать на крепком замке, людей беречь.

Через два часа после разговора с Власовым я был уже у причала. Мне встретился там озабоченный военный инженер Н. С. Котов. Он сказал, что буксировщики не хотят брать днем плоты, а плоты — это дзоты.

В штабе базы мне говорили, что инженерная служба доставит на Хорсен шестьдесят рубленых дзотов. Отряду следовало перебросить их с Хорсена на передовые острова и там поставить. Н. С. Котов обещал каждый день направлять к нам по четыре плота. Время было дорого. Но старшина буксира объяснил, что днем на Хорсен с плотами пройти невозможно: расстреляет трехдюймовая батарея, установленная противником на Вестервике.

Я знал об этой батарее. Наш дивизион часто вел по ней огонь. Впрочем, уничтожить ее никак не удавалось. Батарея имела четыре полевые пушки на колесах. При малейшей опасности она уходила за высокую отвесную скалу, возвышавшуюся рядом с огневой позицией.

Котов ждал моего решения. Ждали и бородатые матросы в бескозырках, лихо заломленных набекрень. Они только что выписались из госпиталя и спешили в отряд.

Пользуясь данной мне властью комиссара, я решил: плоты возьмем. Будь что будет, а плоты тянуть надо. Придем на Хорсен не с пустыми руками.

Мы отошли от причала. За кормой от плотов, глубоко сидящих в воде, поднялись широкие буруны. Я вошел в рулевую рубку и спросил у старшины буксира, можно ли увеличить ход.

— Машина маломощна, — ответил он сдержанно, — больше трех узлов не даст.

Через полчаса, выйдя из заливчика и обогнув мыс Хальмхольм, мы взяли курс на остров Медэн, расположенный на полпути между Ханко и Хорсеном. Прошли еще немного, и левее по курсу открылся мыс Вестервик с высокой скалой.

Я вышел из рулевой рубки и подошел к краснофлотцам, собравшимся на корме. Узнав, что я назначен в отряд комиссаром, они поинтересовались, где теперь батальонный комиссар Данилкин. Я сказал, что он назначен комиссаром сектора береговой обороны Ханко. Последовало молчание. Мне уже говорили, что в десант-

ном отряде Данилкина любили. Невольно я подумал, что работать будет трудно. Меня совсем не знали.

— Смело идем! — воскликнул старшина с перевязанной головой.

— Концертика не миновать.

— Где ранен был?

— На Гуннхольме. «Кукушка» из автомата полоснула. Но и я в долгу не остался.

Фамилия старшины — Васильев. В отличие от многих его спутников у него не было бороды. Почему? На этот вопрос он ответил:

— Комроты Рюмшин не любит бородачей.

— Признаюсь, впервые встречаю здесь бородатых молодых людей, — сказал я. — Будто в глубокую старину заглянул.

Краснофлотцы мило улыбнулись и стали поглаживать свои бородки — черные, русые, рыжие.

— Через месяц и у вас, товарищ комиссар, будет борода, — успокоил меня один из матросов. — Как у нашего Бати.

— Помогает? — спросил я.

Боец не понял моего вопроса.

— Борода помогает бить врага?

Он покраснел, не зная, что ответить.

— Мы еще барону покажем, — буркнул один из бородачей. — Он еще не раз вспомнит...

— Ваши бороды?

— Наши удары.

— Тогда так: сначала ударим по барону, а потом уж отрастим бороды с лопату.

Матросы рассмеялись.

— Значит, стричь? — сказал один из них, вытаскивая из кармана маленькие ножницы.

— Стричь!

Однако ножницы пришлось снова положить в карман. Финская батарея с Вестервика открыла по буксиру огонь. Снаряды упали с большим перелетом. Чтобы укрыть бойцов от осколков, я направил их в носовой кубрик, а сам бросился к рулевому.

— Ворочай вправо — прикроемся островом Медэн!

— Вправо нельзя, там подводные камни, — спокойно ответил рулевой.

Но вот всплески от снаряда поднялись по носу, метрах в восьмидесяти. Мы попали в вилку. Хочешь не хо-

чешь — надо отворачивать вправо. Понял это и сам старшина. Судно медленно, как бы нехотя меняет курс. Плоты по инерции еще двигаются прямо. Буксирный конец слабеет, судно быстро катится вправо, подставляя борт врагу. Противник дает залп, но без поправки на изменение направления цели. Снаряды кучно ложатся за кормой. Один из них угодил в плот. Щепки от бревен летят вверх. Но буксирные концы целы, и плоты тащатся за нами. Очередной залп идет почему-то с перелетом, затем опять недолет. Между тем, обойдя подводные камни, мы медленно скрываемся за Медэном, и батарея противника, на некоторое время потеряв нас из виду, прекращает огонь.

Над морем тишина, солнце ярко светит. Из кубрика высыпали бойцы. Мы повернули на прежний курс, сбавив ход, чтобы не напороться на камни. Горбатый Медэн надежно прикрывает нас. Но через полчаса придется опять выйти на видимость Вестервика: нам нужно еще обогнуть западную оконечность острова.

— Пушкари на Вестервике отправились покурить, — говорит Васильев. — А мы тем временем проскочим к Хорсену.

Но вражеские артиллеристы ждали нашего выхода к западной оконечности Медэна. Орудия их были заряжены. Увидя буксир, они тотчас открыли огонь. Вокруг нас поднялись водяные столбы. Стрельба была интенсивной, но не очень точной. Снаряды падали то с недолетом, то с перелетом. Отворачивать буксиру было некуда, мы упорно шли по курсу, дав самый полный вперед. От близких разрывов стоял оглушительный грохот. Осколки изрешетили трубу, в нескольких местах пробили рулевую рубку. Но мы упорно ползли к Хорсену. Потом наше суденышко неожиданно вырвалось вперед и побежало легко, как молоденький жеребенок. Через минуту все стало ясным: буксирный конец перебит, плоты остались за кормой. Заводить под огнем новый трос невозможно. Подходим к причалу без плотов. Часа через два морское течение подогнало их к Хорсену.

За движением буксира с плотами наблюдала с островов добрая половина десантного отряда. К вечеру все уже знали о том, что капитан Гранин получил строгий приказ ставить дзоты на островах. В ту же ночь группа бойцов под командованием старшины второй статьи

Бориса Яковлевича Бархатова перегнала плоты на Эльмхольм.

Принял меня Гранин холодно. Батальонный комиссар Данилкин нравился ему. Он был его соратником по лыжным походам в тыл противника во время войны с Финляндией. Начальник штаба капитан Ф. Г. Пивоваров тоже был в составе этого лыжного отряда моряков. Я был для Гранина совсем новым человеком. Узнав, что во время войны с Финляндией я учился в академии, Гранин ухмыльнулся в густую, черную как смоль бороду:

— Значит, академист?.. А спирт пить умеешь?

— И спирта пить не умею. Не приходилось.

За обедом капитан усиленно угощал меня неразведенным спиртом, подсовывая во второй кружке вместо воды тоже спирт. Гранину помогал подшучивать над мной один из штабных командиров. Я обратил внимание на то, что знаков различия никто здесь почему-то не носил, кроме Пивоварова. Подтянутый, сдержанный, он был командиром высокой культуры. Пивоваров поддерживал меня в первом же споре о необходимости укреплять оборону, а потом объяснил, что Гранин все делает, и сделает хорошо, но в душе он мечтает наступать и наступать.

Рано утром я нашел людей Бориса Бархатова, перегнавших ночью плоты на Эльмхольм по приказу Гранина. В тыловой части острова за высокой скалой вокруг костра сидели бойцы. Они сушили одежду и портянки. Я поздоровался и присел к костру. Как комиссара отряда меня здесь еще не знали. Один из матросов достал из-за пазухи татарскую трубку с длинным чубуком (как она только уместилась там?), высыпал в трубку чуть ли не пачку махорки, чиркнул спичкой и раскурил. Затянулся раз и, ни слова не говоря, протянул трубку мне. Сделав глубокую затяжку, я едва не задохнулся, но кашель сдержал, а трубку передал соседу. Тот, затянувшись, крикнул от удовольствия. Трубка пошла по кругу. Каждый выражал удовольствие по-своему: кто громко чмокал губами, кто картинно закрывал глаза, кто выпускал затейливой струйкой дым изо рта, кто произносил какое-нибудь словцо. Видимо, с этой неизвестно откуда взявшейся татарской трубкой был связан некий романтический ритуал.

Появился старшина Васильев, мой спутник по пере-

ходу на Хорсен. Он обратился ко мне и приветствовал меня как комиссара. Все вскочили. Я прошел по кругу, поздоровался с каждым и сказал: «Благодарю за службу».

Невысокий, плотный старшина 2-й статьи Борис Бархатов заметил:

— Нас не за что благодарить, товарищ комиссар.

— А два плота на Эльмхольм? Разве не победа?

Бархатов удивился:

— Вот если бы новый остров у противника отбили!

— Теперь надо удержать то, что отбили. Это не менее сложно, чем взять остров.

Садимся вокруг костра. Трубка снова идет по кругу. Рассказываю бойцам о сложившейся на Балтике обстановке, о тяжелых боях под Ленинградом, объясняю необходимость срочного строительства оборонительных сооружений.

— Лучше бы нам, товарищ комиссар, снова в бой... На Стурхольм!.. Капитан Гранин обещал...

— Стурхольм возьмем, а Гуннхольм потеряем, — отвечаю убежденно. — А без него и Стурхольм нам не нужен. Взяв Гуннхольм, противник поставит под удар Хорсен. Капитан Гранин вчера вечером отменил наступление на Стурхольм и Меен. И решать надо сейчас главную проблему — быстрее перегонять на остров плоты и строить дзоты. Нужны смелые плотогоны. Капитан объявил запись добровольцев.

К костру подошла группа моряков. Ножи у пояса. Окладистые бороды.

— Записываюсь первым, — сказал моряк в мичманке.

— В плотогоны, Иван Петрович? — не удержался кто-то.

— Какие плотогоны! — слукавил Щербановский. — В разведку записываюсь.

— Запишите меня, — поднялся один из бойцов. — Николай Родионов.

— И меня!..

Подошел Васильев.

— Мое отделение запишите полностью. Вот список.

Кто-то громко спросил:

— Спирт для разогрева будет?

— Достанем, — ответил я не совсем уверенно. — Капитан Гранин обещал.

— Значит, будет!

Вера в капитана Гранина здесь непоколебима. Я понял: все нужно проводить от имени капитана Гранина — тогда поддержка будет обеспечена. А даст ли Гранин спирт для плотогонов?

Когда я передал ему этот разговор, он немедленно позвонил снабженцу артдивизиона Сафронову, и тот через сутки доложил: спирт отправлен на Хорсен.

Военинженер 2-го ранга Н. С. Котов доставил нам еще четыре плота. Их перегнали на Гуннхольм. Там плоты разобрали и начали ставить в десантноопасных местах дзоты, прикрывая бухточки и заливчики острова.

Через несколько дней вчерне был готов план оборонительных сооружений для всех наших островов. Помогли его составить офицеры базы и сектора береговой обороны под руководством начальника оперативного отделения капитан-лейтенанта Н. И. Теумина. Вся наша группа островов вошла теперь в единый оборонительный комплекс, названный Островным оборонительным районом Ханко.

Мы с секретарем партийной организации Старохиным дневали и ночевали в подразделениях. Сентябрь и часть октября были особенно тяжелыми. Ежедневно на строительстве (работы велись под огнем) мы теряли ранеными и убитыми восемь — двенадцать бойцов. Но с каждой ночью на островах вырастало все больше и больше различных препятствий и сооружений. Для всех наших двадцати четырех станковых пулеметов мы оборудовали основные и запасные дзоты. Каркасно-засыпной двустенный дзот выдерживал прямое попадание трехдюймового снаряда. Метровое расстояние между стенками плотно забивалось камнем и землей. В местах, где возможна была высадка десантов, ставились провололочные заграждения, «ежи», мины.

Наш островной оборонительный район упорно готовился к длительным боям. В октябре на всех островах были уже глубокие траншеи, укрытия для личного состава, добротные землянки зимнего типа и даже бани. Между прочим, баня на Хорсене была «флагманской», то есть главной, с паром и всеми удобствами. Сюда попариться стали приезжать даже с Ханко. Командный пункт отряда перебрался из сырой, душной норы под скалами в сухое, удобное сооружение из дерева и камня. Там же, по соседству с пристанью, под высокими

скалами развернулся продпищеблок с камбузом, столовой и складами.

В сентябре наша работа по созданию на островах оборонительных сооружений серьезно осложнилась тем, что противник перешел к активным наступательным действиям.

Одной из сильных была его атака на Гуннхольм. Это произошло в ночь на 2 сентября, когда на острове было всего лишь три дзота. Но и они сыграли чрезвычайно важную роль в борьбе с вражеским десантом. К утру 2 сентября он был уничтожен вместе с плавсредствами. События на Гуннхольме преподали нам еще один наглядный урок необходимости форсирования работ по созданию комплекса оборонительных сооружений.

Столкновения с противником имели место на всех островах. Враг пытался высадиться на Фурушере, на Кугхольме, на Фуруэне. Против нас были брошены части противника, хорошо подготовленные к боевым действиям в ночных условиях. Маннергеймовцы часто применяли свой излюбленный метод скрытого подхода на катерах к нашим островам. Моторы глушились, нападающие садились за весла и бесшумно гребли. Подойдя к берегу, десантники с автоматами наготове карабкались вверх по камням. Если же наши наблюдатели обнаруживали катера, они уходили прочь. Мы тоже разработали свою систему активных боевых действий и почти каждую ночь посылали часть резервной роты куда-нибудь «пощекотать в носу у противника».

В конце сентября командовать островным районом был прислан капитан Л. М. Тудер. Гранин вернулся в 29-й артдивизион. Самые тяжелые дни на островах выпали на долю Льва Марковича Тудера, настойчивого и инициативного командира. Ушел с острова по болезни капитан Ф. Г. Пивоваров. Начальником штаба к нам прислали старшего лейтенанта А. Полика.

Обстановка под Ленинградом ухудшалась. Надо было сосредоточить все силы на главном направлении. И вот началась эвакуация гангутцев. 26 ноября мы отправили с островов две роты на Ханко.

Сутки прошли спокойно, но 27 ноября противник открыл ураганный огонь по Эльмхольму и Гуннхольму. В огромном напряжении прошла ночь. Мы ожидали высадки десанта, но ее не было. 29 ноября вечером я отправился на катере на Эльмхольм.

Партгрупорг Кравчун рассказывал мне:

— Терebil, окаянный, крепко. Думали — остров перевернется. Два раза подходил разведывательный катер. Ударили из пулеметов — ушел. Восемь бойцов в строю, трое ранены. В госпиталь идти отказались. Настроение боевое. Барон бесится, а лезть к нам боится. Не знает, что вместо ста двадцати бойцов Эльмхольм защищают восемь.

Я собрал на КП весь крошечный островной гарнизон. Передо мной было шестеро бойцов. Двое находились на наблюдательных постах.

— Товарищи, мне сегодня звонил начальник политотдела базы бригадный комиссар Власов. Командование просит бойцов продержаться на островах еще трое суток.

— Есть держаться! — ответил Кравчун.

Один из бойцов добавил:

— На сколько дней нас хватит, столько и будем держаться.

Кравчун мягко возразил:

— Ну, Петя, это ты зря. Сил у нас хватит... В общем, доложите командованию, товарищ батальонный комиссар: без приказа с Эльмхольма не уйдем.

30 ноября противник продолжал «крестить» нас огнем. Вечером 1 декабря вместо обстрела противник начал радиопередачу на русском языке. Предлагал нам сдаться. Бойцы ответили яростным огнем из пулеметов. Враг, в свою очередь, открыл по всем островам интенсивный минометный и артиллерийский огонь. Опять мы с тревогой ждали атаки, но ее не было. Поздно вечером поступил сигнал с базы: снять людей и идти на Ханко.

Моряки, сражавшиеся на каменистых, выжженных огнем островах более четырех месяцев, молча грузятся на катера. За их спинами тяжелые рюкзаки с патронами, в противогазных сумках — «лимонки»...

Все эти люди — герои. Каждый пошел добровольно на трудное дело. Каждый сражался с врагом отважно и дерзко, не щадя своих сил. Многие были ранены, многие пали в боях. Но горькие потери не сломили боевого духа десантников.

Вот они уже на борту. Катера медленно отходят от причала, разворачиваются, берут курс на Ханко. Слышны глухие разрывы снарядов. Это противник продолжает бить по пустому месту...

*Вверх и вниз по скалам ●
Часовые видят в тем-
ноте ● Политрук пер-
вой роты ● На попут-
ном катере ● „Подняли
шум из-за царапины“ ●
Не гаснут ракеты в не-
бе переднего края ● Же-
лезный град над ка-
понирами ● В сполохах
взрывов на том берегу*

ЕВГ.
ВОЙСКУНСКИЙ

НА ХОРСЕНЕ И НА ЭЛЬМ- ХОЛЬМЕ

После ноябрьских праздников я отправился по заданию редакции на острова западного фланга. Катер, стуча стареньким керосиновым движком, побежал к Хорсену, на котором находился командный пункт десантного отряда. Ночь была холодная, безлунная. Где-то впереди возникали туманные пятна ракет, стучал пулемет.

По скользкой от наледи тропинке мы поднялись от маленького причала на высокий скалистый берег Хорсена. Глухо шумели над головой невидимые кроны сосен, и я никак не мог отделаться от ощущения, что этот остров, затерянный в сумрачных шхерах, необитаем, еще не открыт людьми.

И вдруг — вырубленное в скале убежище, разделенное на узкие отсеки, обшитое фанерой помещение в ярком свете аккумуляторных ламп. Это — КП. Я представился командиру отряда капитану Льву Марковичу Тудеру и комиссару Степану Александровичу Томилову.

— Новенький, что ли? — спросил Степан Александрович. — Тут много ваших щелкоперов побывало. А тебя я вроде бы еще не видел.

Добродушная улыбка нейтрализовала обидное словцо «щелкоперы».

— Вот что, — продолжал Томилов. — Пойди-ка в первую роту. Алексей Иванович, —

кивнул он на сидевшего рядом с ним молодого политрука, — устроит тебя на ночлег, а завтра познакомит со своими людьми. Потом придешь ко мне, поговорим. Решено?

Алексей Иванович Безобразов, политрук первой роты, энергично тряхнул мне руку и направился к выходу. Я вскинул на плечо винтовку и вышел вслед за ним в непроглядную хорсенскую ночь.

Безобразов привел меня в свою землянку, или, как принято было говорить на Ханко, капонир, и предложил лечь спать.

— А вы? — спросил я.

Он ответил, что идет проверять посты. Спать мне не хотелось, и мы пошли вдвоем. Глаза освоились с темнотой, и я перестал спотыкаться о камни, поспешая за Безобразовым по обледенелым тропинкам, выющим среди скал.

Нас окликнул невидимый часовой. Безобразов негромко назвал пароль.

— Ну, как, Комаров, обстановка?

— Нормально, товарищ политрук, — ответил быстрый тенорок. — Со Стурхольма из пулемета по «Мельнице» лупит. Боезапас зря переводит.

Мы двинулись дальше вдоль берега. Справа с шумом разбивалась о скалы вода, в лицо бил ледяными порывами ветер. Теперь уже не казалось, что остров безлюден. Нас окликали из своих укрытий часовые. Мы втискивались в тесные холодные дзоты, из амбразур которых глядели в ночь пустые зрачки пулеметов и бессонные глаза наблюдателей.

— Как под Москвой, товарищ политрук? — спрашивал кто-то из бойцов.

— Трудно там, Шамов. Но одно твердо знаю — не отдадут Москву.

— Не отдадут, это точно...

Чувствовалось: не хочется Шамову, чтобы ушел политрук. Но не время сейчас для долгого разговора: надо успеть обойти посты, а они раскиданы по всему островному побережью.

И снова вверх-вниз по скалам.

— Не мерзнешь, Брагин? — спрашивает Безобразов бойца на очередном посту.

— Холодновато, товарищ политрук, — отвечает простуженный голос.

— Перед обедом зайди ко мне. Я велю Василину твои ботинки подлатать.

— Есть, товарищ политрук.

Мы идем дальше, и Безобразов вполголоса говорит мне:

— Я этого Брагина на днях пропесочил крепко. По тревоге действовал вяло... Достается, конечно, ребятам. Холода рано наступили, постоишь «собаку» — насквозь промерзнешь. А глядеть надо в оба... Сейчас-то еще ничего: зарылись в землю, капониров понастроили, укрепились...

Он говорил со мной, как с приезжим человеком, не зная, что еще недавно и я строил дзоты и стоял «собаку» — мучительную ночную вахту с нуля до четырех часов...

Под утро, отупевший от усталости, я свалился на нары в капонире Безобразова. Через три часа проснулся от холода, от дыма, покалывавшего ноздри. Со времени летнего лесного пожара я стал чувствительнее к дыму. Незнакомый краснофлотец растапливал в землянке печку. Я сел на нарах и, протирая глаза спросонья, спросил, где политрук.

— А он пошел на КП последние известия слушать. Да ты спи. Он еще не скоро ляжет.

Я так и не заметил, когда отдыхал Безобразов. Видел, как он инструктировал политбойцов (так называли комсомольских активистов, агитаторов), раздавал им свежие номера «Красного Гангута». Видел, как после обеда он отправился в первый взвод проводить политинформацию, а потом ушел на шлюпке на островок Ленсман (восточнее Хорсена), где держало оборону отделение его роты. К ужину Безобразов вернулся на Хорсен, провел беседу о текущих событиях во втором взводе, потом поспешил на КП — слушать вечернюю сводку. А ночью — снова обход постов.

— Ну что, щелкопер, собрал материал? — спросил, дружелюбно улыбаясь, Томилов, когда я вечером зашел к нему.

Я заговорил о Безобразове, о его поразительной неустойчивости.

— Ты напиши, напиши об Алексее Ивановиче, — сказал Томилов. — Кстати, он и пулеметчик прекрасный, и минометом владеет. Хотел я его взять секретарем партбюро отряда, но он — наотрез. Да я и сам вижу: нельзя

ему из роты. Любит его народ. Большой авторитет у человека.

Томилов призадумался.

— У вас в газете много писали о наших людях, — продолжал он. — О Фетисове, Комолове, Щербановском, Гриденко... И правильно. Храбрецы, герои. Но разве только они? Вот я думаю о младшем лейтенанте Ляпкове. Знаешь ты, что это был за человек?

— Был? — переспросил я.

— Мы с Ляпковым вместе прибыли сюда, на острова, — сказал Томилов, не ответив на вопрос, да и как будто не расслышав его. — Он командовал резервным взводом здесь, на Хорсене. А в ночь на третье сентября финны высадили десант на Гуннхольм, — Томилов остановился перед картой, висящей на стене, и ткнул пальцем в островок к северу от Хорсена. — Взводам Ляпкова и Щербановского было приказано переправиться на Гуннхольм и выбить противника. Ляпков быстро преодолел заградительный огонь на переправе, закрепился на южном берегу острова, а потом повел людей в атаку. К утру вражеский десант был сброшен. Это был бесстрашный человек, я бы сказал — прирожденный боец. Он активизировал действия гарнизона. Сам лежал часами за камнем со снайперской винтовкой, уложил восьмерых... Был представлен к ордену. И вот шальная мина, нелепая смерть...

Томилов горестно махнул рукой.

— Вот еще о ком надо написать — о Васильеве, — сказал он, помолчав. — Это наш инженер, минер. Много сделал для укрепления островов. Будем представлять его к награде.

Я спросил, как пройти к Васильеву, где его капо-нир. Но оказалось, что Васильев сейчас на Эльмхольме.

— Скоро катер туда отправится, — сказал Томилов, взглянув на часы. — Пойдешь на Эльмхольм?

— Пойду, — ответил я.

* * *

Эльмхольм имел кодовое название «Мельница». Думаю, не случайно так окрестили это угрюмое нагромождение скал, поросшее сосняком и кустарником. Эльмхольм был вырван у противника в июле. Враг предпринял несколько попыток отобрать его. В августе на острове шли ожесточенные бои, и немало жизней было

перемолото на этой окаянной «Мельнице». Здесь на- смерть стояла шестерка бойцов во главе с сержантом Семеном Левиным — последние уцелевшие защитники острова. Здесь погиб один из отважнейших бойцов Гангута лейтенант Анатолий Фетисов. Отсюда в разгар боя, когда оборвалась телефонная связь, поплыл под огнем к Хорсену, чтобы доложить обстановку, Алеша Гриденко, балтийский орленок. Здесь, после гибели Фетисова и ранения политрука Гончаренко, краснофлотец Борис Бархатов принял на себя командование и сумел с горсткой бойцов удержать остров до прибытия подкрепления — ударной группы Ивана Щербановского.

Таков Эльмхольм, «Мельница», один из аванпостов гангутской обороны.

Лишь несколько десятков метров отделяет его от большого острова Стурхольм — главной базы операций противника против западного фланга Ханко.

Обогнув с юга Хорсен, катер повернул вправо. В этот миг вспыхнула ракета, вырвав из мрака узкий пролив с торчащими из воды, как тюленьи головы, скалами, горбатую, в пятнах снега, спину острова (это и был Эльмхольм), а чуть дальше — зубчатую стену леса на Стурхольме. Не успел погаснуть зеленоватый свет ракеты, как там, на Стурхольме, замигало пламя, застучал пулемет, и в нашу сторону брызнула струя трассирующих пуль. Все, кто был на катере, пригнули головы. Лучше было бы просто лечь, но мешали ящики с продовольствием и мешки с хлебом. Пулемет все стучал, взвилась еще ракета, но катер уже проскочил открытое место.

На эльмхольмском причале нас встретили двое или трое «островитян». Один из них, в ватнике, с командирской эмблемой на шапке, распоряжался разгрузкой.

— Гуров! — крикнул он в темноту. — Ну, где твой раненый? Давай быстрее, катер отходить должен.

— Сейчас! — ответил чей-то голос. — Никак не уговорю вот...

Я спросил человека в ватнике, как пройти на КП. Он взгляделся в меня:

— С Большой земли, что ли? Иди направо по тропинке. Скалу увидишь — там и КП.

Мне запомнилось это: на Эльмхольме Большой землей называли полуостров Ханко, а для Ханко Большой землей был осажденный Ленинград.

Я двинулся в указанном направлении. Что-то звякнуло под ногами. Тянуло морозным ветром, привычным запахом гари. На повороте тропинки стояли двое, один — с забинтованной головой под нахлобученной шапкой.

— Чего упрямишься, Лаптев? — услышал я. — Отлежишься неделю на Хорсене в санчасти, потом вернешься. Давай, давай, катер ждать не будет.

— Не пойду, — сказал забинтованный боец. — Подняли шум из-за царапины. Не приставай ты ко мне, лекпом.

Он круто повернулся и пошел прочь.

— Ах ты ж, горе мое, — сказал лекпом. — Ну, ступай ко мне в капонир. Я сейчас приду. Кожин! — крикнул он в сторону причала. — Отправляй катер, Лаптев не пойдет...

Спустя минут двадцать я сидел на островном КП, в землянке, освещенной лампой «летучая мышь» и пропахшей махорочным дымом. Жарко топилась времянка, дверца ее была приоткрыта, и красные отсветы огня пробегали по лицу политрука Боязитова. Он сидел у стола, сколоченного из грубых досок. На столе рядом с лампой стояли полевой телефон и кружки. До моего прихода у Боязитова был, как видно, крупный разговор с краснофлотцем мрачноватого вида, сидевшим спиной к печке.

— Снимай шинель, корреспондент, — сказал Боязитов. — Чай будем сейчас пить. Нравится тебе наша наглядная агитация?

На дощатой стене землянки белели вырезки из нашей базовой газеты, весь отдел «Гангут смеется» — карикатуры, стихи, фельетоны. Тут же висело несколько цветных картонок от эстонских папиросных коробок — улыбающееся лицо блондинки с надписью «Марет», корабли викингов, ошестинившиеся копьями.

— Нравится, — сказал я, ничуть не покривив душой. Затем я спросил о лейтенанте Васильеве. Как выяснилось, его вызвали на Кугхольм (остров к югу от Эльмхольма). Ну, ничего не поделаешь. Не гоняться же за ним по всему архипелагу.

Боязитов рассказывал о бойцах своего небольшого гарнизона, младший сержант Сахно вставлял замечания. Потом пришли фельдшер Гуров и старший сержант Кожин — тот самый, который разгружал катер.

Гуров и Кожин были закадычными друзьями. Они выполняли не только свои основные обязанности. Фельдшер и интендант дежурили на КП, проверяли посты. Они освоили трофейный миномет и не раз били из него по Стурхольму, когда накалялась обстановка. Словом, это были опытные десантники.

Я спросил Гурова о давешнем раненом, который отказался уйти на Хорсен.

— Это Лаптев, пулеметчик из отделения Кравчуна, — ответил фельдшер, густо дымя махоркой. — Он сегодня малость поспорил с финской «кукушкой», рана вообще-то не опасная, но все-таки... Да ничего, я ему и здесь создам условия. Поправится.

Я уже знал от Боязитова, что отделение Кравчуна несет наиболее трудную вахту на северном мысе Эльмхольма, в шестидесяти метрах от южной оконечности Стурхольма, которую десантники называли «хвостом». Меня разморило в тепле землянки и клонило в сон. Но когда я услышал, что Сахно собирается идти туда, к Кравчуну, я сделал усилие, стряхнул дремотное оцепенение. Сахно повесил на шею трофейный автомат «Суоми», я закинул за спину родную винтовку, и мы вышли в ночь, прихваченную морозцем и перекрещенную пулеметными трассами.

Опять что-то звякнуло под сапогами, и только теперь я понял, что это стреляные гильзы. Кажется, ими был засыпан весь остров.

— Туда днем не пройдешь, — говорил мне вполголоса Сахно. — Да и ночью только по-пластунски. Уж очень открытое место, все как на ладони...

Мы вскарабкались на каменистый, голый, как лоб, узкий перешеек, ведущий к северной оконечности острова. Дальше можно было только ползти. Сахно был прав: тут все как на ладони. Очень неприятно было чувствовать себя чем-то вроде живой, медленно передвигающейся мишени. Проклятые ракеты висели над нами, как люстры, пулемет работал, казалось, в двух шагах, пули так и свистели над головой, цвикали о камень.

Наконец мы скатились в расселину скалы. Тут был хорошо замаскированный капонир, скудно освещенный коптилкой. Николай Кравчун оказался молодым парнем с горячими карими глазами. Мне он велел не высовываться из капонира и ожидать, а сам с Сахно пошел (вернее, пополз) проверять посты. Взять меня с собой

Кравчун отказался наотрез: «Пристрелят корреспондента, а мне потом отвечай? Сиди, потом поговорим».

Я все же вылез из капонира, осторожно выглянул. Вот он, стурхольмский «хвост», прямо передо мной — темный, притаившийся. Сколько настороженных глаз смотрят сейчас оттуда на мыс Эльмхольма? Звонко ударил пушечный выстрел, тяжело прошелестел снаряд, потом донесся приглушенный расстоянием звук разрыва. Еще выстрел, еще и еще. Батарея противника вела огонь по Ханко. Я знал, что артобстрелы теперь не причиняют почти никакого вреда гарнизону, зарывшемуся в землю. Но почему-то возникло тревожное ощущение: что-то должно вот-вот начаться. На Стурхольме сразу в нескольких местах заработали пулеметы, светящиеся трассы устремились к Эльмхольму и к соседнему островку справа, тоже занятому нашими десантниками, — Фуруэну.

Чья-то рука с силой надавила на мое плечо.

— Зачем вылез? — услышал я свистящий шепот Кравчуна.

Некоторое время мы прислушивались к звукам ночи.

— С Вестервика по Ханко бьют, — сказал Кравчун. — А вот ответили наши.

И верно, теперь снаряды буравили воздух в обратном направлении. Резко приблизился грохот разрывов.

Я спросил Кравчуна, не сыплются ли на его мысок осколки, когда наши бьют по Стурхольму.

— Бывает, — сказал он. — Да ничего, сейчас капониры поставили, все-таки крыша над головой. Вот раньше...

Я оглянулся на капонир, умело встроенный в расщелину скалы, окинул, так сказать, профессиональным взглядом землекопа. Не очень-то просто было строить здесь, на виду у противника...

Мы вошли в капонир, и я попросил Кравчуна рассказать о себе.

Да, воевал Николай Кравчун хорошо. Он был на Гуннхольме в ту самую ночь на 3 сентября, когда враг высадил десант. Николай со своим пулеметом задержал маннергеймовцев, стремившихся овладеть сухой переправой, которая связывала Гуннхольм со Старкерном — островком, прикрывавшим с севера подступы к Хорсену. Кравчун бил с правого фланга, а Рымаренко с левого,

но боезапас подходил к концу, и не дожить бы им до рассвета, если бы не подоспели резервные взводы...

Здесь, на эльмхольмском мысочке, простреливаемом насквозь, Кравчун и его отделение — всего десять бойцов — несли бессменную вахту. Много раз обрушивалась на них минометная гроза. Под огнем построили здесь бойцы восемь дзотов, включая запасные, для двух пулеметов. Вахты были длинные — по двенадцать—четырнадцать часов. Коченели ноги в разбитых от постоянного скалолазания ботинках. Но и днем и ночью несколько пар глаз неотрывно наблюдали за вражеским островом, на котором им были знакомы каждый камень, каждая сосна, следили за проливом. Чуткие уши прислушивались, не шуршат ли прибрежные кусты на Стурхольме, не плещется ли под веслом вода...

— Здесь не соскучишься, — сказал Кравчун. — И вообще — настроение бодрое. «Собаку» вот только трудно стоять. Да и то — сейчас снег выпал, легче стало. Почему? Да очень просто: снегом протрешь глаза, и сон долой, — он проводил взглядом мой блокнот, который я запихнул в карман шинели. — А у тебя служба, как я погляжу, тоже не скучная, всюду лазить приходится, а?

В капонир, бесшумно отворив низенькую дверь, заглянул боец.

— Что случилось, Генералов? — спросил Кравчун.

— На «хвосте» что-то не так, — сказал тот хрипловатым шепотом. — Выйди, послушай.

Я вслед за Кравчуном выскочил из капонира. Было тихо. Заслонясь рукой от морозного ветра, я лежал на каменистой земле. Довольно долго мы вслушивались, всматривались в ночь, но ничего не уловили, кроме завывания ветра да однообразного звука прибоя. Меня стала одолевать зевота. Я тарашил глаза, чтобы не заснуть здесь постыдным образом.

Вдруг донесся легкий шорох. Я встрепенулся. Да, на «хвосте» что-то было не так. Вот приглушенный голос... будто выругались сердито... Снова тишина. Давящая, подозрительная...

Мы с Кравчуном переглянулись. Он, пригнувшись, юркнул в капонир, стал крутить ручку телефона. Сказал вполголоса:

— Кравчун докладывает. На «хвосте» — слабый шум. Будто по гальке что-то протащили... Есть... Есть продолжать наблюдение.

Вернувшись, прошептал мне на ухо:

— Сейчас на КП доложат.

Спустя минут десять с Хорсена взвилась одна за другой две ракеты. Ахнула пушка, на «хвосте» стали рваться снаряды. В сполохах огня мы увидели темные, бегущие по берегу фигуры, переворачивающиеся шлюпки, слышали яростные крики...

Свистнули, вжикнули о камень осколки.

— В капонир, быстро! — крикнул Кравчун. — Сейчас начнется концерт!

Ночь взорвалась бешеным стрекотом пулеметов. Со Стурхольма через узкий пролив с дьявольским визгом понеслись мины. Не менее часа молотил противник по эльмхольмскому мысочку. Казалось, вот-вот наше укрытие рухнет, разлетится в щепы. Но это только казалось. Я знал, что капонир выдержит.

* * *

Наконец-то я поймал неуловимого лейтенанта Васильева. Начинало темнеть, а это означало наступление его рабочего времени, и Васильев куда-то торопился, так что беседа наша была короткой.

Родился он в Калининской области, учился в ленинградском строительном техникуме, потом окончил военно-инженерное училище, участвовал в финской войне. В десантный отряд Николай Григорьевич Васильев прибыл в августе — в самый разгар боев за острова западного фланга. С тех пор он вел исключительно ночной образ жизни. Подобрал команду бойцов, сведущих в минном и строительном деле, Васильев занимался укреплением островов.

Начинал он с тех, которые были ближе к противнику, — с Эльмхольма, Фуруэна, Гуннхольма и нескольких безымянных. На Хорсене рубили деревья, вязали плоты, гнали их ночью к островкам переднего края. На открытых местах финны освещали плотовщиков ракетами, обрушивали на них минометно-пулеметный огонь. Храбрецы-плотовщики Недоложко, Буянов и другие не терялись под огнем, ухитрялись быстро проскакивать открытую зону. Из доставленных ими бревен бойцы делали накаты для дзотов и капониров. Под носом у противника — на Фуруэне, на северном мысе Эльмхольма — сооружались дзоты, ставились рогатки проволочных

заграждений, минировались берега. Каждый удар топора, каждая искра, высеченная из камня перетаскиваемой рогаткой, вызывали обстрел. Васильев и его люди (Погорелов, Ставцев, Сачава, Цимбаленко и другие) пережидали огонь, укрывшись кто где — за камнем либо в расселине скалы, а потом опять продолжали упрямо работать.

«Ползуны по скалам» — так прозвали здесь этих людей. Под гром перестрелки они быстро делали свое дело. Тот самый капонир на Эльмхольме, в котором мы недавно сидели с Кравчуном, был построен всего за одну ночь...

Плавучие агитплоты ● Катера спешат к острову Черингхольмарна ● Неравный бой ● Отряд занимает круговую оборону ● Позывные Москвы ● Много лет спустя

С. Н. СТАВЦЕВ,
старшина запаса, бывший помощник командира взвода 124-го отдельного инженерного батальона

СКВОЗЬ ЧАЩУ ЛЕТ

До войны при редакции нашей ханковской газеты шли занятия школы военкоров. В числе ее слушателей был и я.

Кроме заметок в стенгазету я писал рассказы и стихи. Были они, конечно, слабыми. Прослушав их, товарищи обычно рекомендовали мне многое переделать. Но дорабатывать стихи и рассказы не пришлось — началась война. Вскоре командир роты поручил мне довольно необычное дело.

Я строил плавучие агитплоты. Каждый из них состоял из двух параллельно соединенных бревен и небольшой мачты, на поперечной рее которой крепилось что-то вроде паруса. На остров Руссарэ, где стояла наша инженерная рота, из политотдела базы привозили пачки листовок на финском и шведском языках, и агитплоты при попутном ветре уносили эту продукцию художников Ханко к берегам полуострова Подваландет.

Потом я был зачислен в особый отряд для захвата вражеских островов. Местом моей службы стал Хорсен. Назначенный на должность помкомвзвода, я чаще всего выполнял обязанности минера. Но однажды мне довелось участвовать и в десантной высадке на остров Черингхольмарна. Возглавлял отряд старший лейтенант Н. Мухин. Операция эта окончилась, к

сожалению, неудачно. Противник выслал на остров подкрепления и отрезал нам пути отхода. Черингхольмарна разделен узкими шхерными протоками. Я с двумя бойцами был отправлен в разведку и находился по другую сторону проливчика. Мы видели, как от Мухина был послан вплавь связной на нашу сторону, однако вражеская пуля сразила его.

Заняв круговую оборону, отряд десантников держался под яростным вражеским обстрелом. Мне же и двум другим разведчикам удалось выбраться на побережье и в условленное время подать сигнал электрофонариком. На рассвете с Хорсена пришел катер. Вокруг него вода буквально кипела от разрывов снарядов и мин. Но катер, упорно маневрируя, продвигался вперед. Наконец выдвинутая в море крутая скала острова на время прикрыла его. Минут через двадцать, дважды преодолев завесу вражеского огня, катерники доставили нас на Хорсен.

В неравной борьбе с окружившим его противником отряд, высадившийся на остров, погиб. Все попытки связаться с десантниками и оказать им помощь окончились неудачей. Три катера, посланные к ним капитаном Тудером, к Черингхольмарне не пробились. Один был подбит, другой загорелся, третий на некоторое время потерял управление. На этом катере погиб рулевой. Крупнокалиберная пуля, ударив рикошетом по каске старшего лейтенанта А. Попика, ненадолго оглушила его. Придя в себя, командир оттащил в сторону убитого, сам встал за штурвал и удачным маневром вывел поврежденный катер из-под вражеского обстрела.

Старший лейтенант Николай Мухин был в отряде командиром группы минеров. После его гибели капитан назначил на эту должность меня. Жизнь на острове Хорсен, в штабе десантников, текла довольно однообразно. Коротать время нам помогала рация, на которой работал мичман (помню, что звали его Павлом). Собравшись возле нее, командир отряда Тудер, начштаба Попик, радист и я частенько слушали Москву. Некоторые из нас очень страдали от недостатка табака. Лев Маркович Тудер, который курил мало, охотно отдавал нам часть своего табачного довольствия.

Наступила глубокая осень. На Хорсене было объявлено, что предстоит эвакуация в Ленинград. Это известие вызвало немало толков. Мнения разделились: одни

считали, что гангутцам придется пробиваться с боями по побережью Финляндии, другие полагали, что нас вывезут морем. Правы оказались последние: за нами пришли корабли из Кронштадта.

И вот наступил день нашего ухода с Хорсена.

Командир отряда приказал:

— Подготовьте взрывчатку и мину. Будем взрывать штаб.

Минеры принесли два мешка тола и мину. Капитан следил за всеми нашими приготовлениями.

Мотобот доставил нашу группу в Ханко. Порт гудел, словно пчелиный улей. От площадки бывшего консервного завода к стенке причала было подведено железнодорожное полотно. Старенький паровоз-«овечка» толкал по рельсам груженные платформы прямо в море. Было потоплено все, что могло пригодиться врагу: тракторы, цистерны, автомашины, вагоны...

* * *

Прошло много лет. Как-то зимой я ловил рыбу на льду Финского залива, у маяка Толбухина. Сверля коловоротом лунку во льду, я обратил внимание на соседа, тоже рыбака. Он показался мне знакомым. Мы разговорились. Оказалось, что это Иван Белов, рулевой с того катера, который снял нас, троих разведчиков, с острова Черингхольмарна. В другой раз, все на том же кронштадтском льду, повстречал я своего бывшего командира роты Наумова.

Верно гласит пословица: гора с горой не сходится, а человек с человеком сойдутся.

Наблюдательный пост маяка ● Десантники выходят на берег ● Начало штурма ● Дело доходит до рукопашной ● Пушки вражеской флотилии ● Противник получает подкрепления ● До последнего патрона

ПОМНЯТ КАМНИ БЕНГТ- ШЕРА...

В двадцати трех километрах к юго-востоку от полуострова Ханко и в десяти километрах от береговых шхер, на гранитной скале, лишенной растительности, стоит трехэтажное каменное здание с сорокашестиметровой башней, издаലെка напоминающее кирху. Это маяк Бенгтшер.

В период обороны Ханко вражеский наблюдательный пост, расположенный на Бенгтшере, очень затруднял мореплавание в районе полуострова. Стоило вблизи Ханко появиться нашим транспортным судам и боевым кораблям, как вокруг них начинали рваться снаряды дальнобойной 305-миллиметровой батареи, находившейся на острове Эрё. Наблюдательный пост на маяке корректировал этот огонь, передавая целеуказания по радио.

Требовалось уничтожить наблюдательный пункт на Бенгтшере. Эта рискованная операция, рассчитанная на внезапность, была предпринята командованием военно-морской базы Ханко 26 июля, в два часа ночи.

Маяк на острове не был взят. Основная причина неудачи — потеря внезапности. Вражеский гарнизон сумел вовремя вызвать на помощь крупное подкрепление — живую силу и военные корабли, располагавшие мощной артиллерией.

Советские катерники, высадившие десантный отряд на

Бенгтшер, бойцы и командиры, сражавшиеся на острове, действовали мужественно и предельно дерзко. Противник понес большие потери: два самолета, миноносец, до полусотни солдат и офицеров островного гарнизона и прибывшего ему на помощь подкрепления. Он дорогой ценой заплатил за свою «победу» над горсткой наших воинов.

Участники обороны Ханко В. И. Кибис и И. А. Шварц в своих воспоминаниях подробно освещают ход боя на Бенгтшере.

Отвагу и самоотверженность, проявленные советскими бойцами и командирами, штурмовавшими остров, отмечает, в частности, шведский историк П. Перссон¹, написавший по финским архивным источникам статью об этом памятном эпизоде минувшей войны.

ТРИДЦАТЬ БЕССТРАШНЫХ

Генерал С. И. Кабанов поручил задачу уничтожения маяка бойцам отдельного погранотряда, которым командовал майор А. Д. Губин. 25 июля тридцать добровольцев, возглавляемых старшим лейтенантом П. В. Куриловым и старшим политруком А. И. Румянцевым, были построены для отправки на катера.

Комиссар погранотряда С. И. Иванов объявил:

— Партийные и комсомольские билеты, письма, записные книжки сдать. Знаки различия снять. Кто по каким-либо причинам не готов к выполнению задания — три шага вперед!

Строй не шелохнулся.

Ночью, отойдя от пристани, катера быстро затерялись среди шхерных островков. Они двигались без огней. Вахтенные напряженно всматривались в темные очертания скалистого берега.

— Справа по борту — маяк!

Катера сбавили ход. На фоне неба ясно вырисовывалась громада башни. Одно из окон маяка светилось.

Десантники дружно прыгнули в воду и, развернувшись в цепь, взбежали на гладкий каменистый берег. К маяку двинулись тремя группами. В центре шла группа старшего лейтенанта П. В. Курилова и его по-

¹ Persson P. Striden om Bengtskär. «Tidskrift i Sjöväsendet». 1961, V, s. 370—379.

мощника лейтенанта М. И. Беликова, справа — старшего политрука А. И. Румянцева, слева — моя.

Враг почуял опасность. На верхнем этаже башни беспокойно замигал и погас огонек. По приткнувшимся к берегу двум «морским охотникам» с маяка полоснула трассирующая пулеметная очередь.

Сильный огонь приостановил продвижение наших бойцов на правом фланге. Погиб старший политрук А. И. Румянцев. Тяжелое ранение получил военфельдшер С. А. Малярчиков.

Ближе всех к маяку была группа старшего лейтенанта П. В. Курилова. Но перед ней высилась двухметровая стена, полукругом опоясывающая башню. Ефрейтор Блинов хотел преодолеть ее, но тут же упал, раненный в голову. С маяка в атакующих летели гранаты.

Наши пулеметчики открыли по бойницам башни огонь бронебойно-зажигательными пулями. Тем временем бойцы Курилова отыскивали в стене ступенчатые проходы.

— Взвести гранаты, приготовиться к атаке! — скомандовал командир отряда.

В этот момент гранитные стены башни озарились зеленовато-желтым светом. Артиллеристы катеров, чтобы поддержать действия десантников, начали стрелять по окнам и бойницам из «сорокапяток». Некоторые снаряды, должно быть, попали внутрь маяка и вызвали пожар.

Чтобы достичь подножия башни, нужно было перебежать открытый участок местности. Во время этой перебежки осколком гранаты был тяжело ранен Курилов. Старшего лейтенанта отнесли в укрытие.

— Оставьте меня... Прошу идти вперед, быстрее вперед! — шептали его слабеющие губы.

Снова по маяку открыли огонь катера.

Командовать бойцами отряда стал лейтенант М. И. Беликов. Он возобновил атаку, и десантники ворвались в нижний этаж маяка.

На лейтенанта В. Кагалова бросился с ножом вражеский солдат, огромный рыжий верзила. Ловким ударом Кагалов выбил оружие из рук противника. На цементном полу завязалась борьба. Вовремя подоспевший заместитель политрука Кострица помог лейтенанту справиться с обезумевшим от ярости врагом.

Уцелевшие шюцкоровцы искали спасения на верхних этажах, куда вела лишь узкая винтовая лестница. По

ней вести преследование было невозможно: сверху стреляли.

В эти минуты к Беликову прибежал связной Иван Бондарев и доложил, что к острову подходит вражеский десант на шлюпках.

— Откуда десант?

— Появились корабли противника... Катера вступили с ними в перестрелку.

Выяснилось, что теряющий последние силы старший лейтенант Курилов первым увидел плывущие к берегу вражеские лодки. Он послал к Беликову связного с приказанием занять круговую оборону.

С маяка донеслись крики.

— Передают своим, куда лучше причалить, — пояснил лейтенант В. Кагалов, немного понимавший по-фински.

— Этого нельзя допустить, — сказал Беликов и лег за трофейный станковый пулемет шведской марки, захваченный на вражеской огневой точке. Едва он произнес эти слова, как рядом с ним по камням ударили пули. Беликов уронил голову на землю. Лейтенант Кагалов пересчитал вражеские шлюпки.

— Встретим фашистов как надо! — сказал он.

Нас оставалось мало. Каждый патрон, каждая граната были на счету.

С берега наступали высадившиеся на остров маннергеймовцы. В верхнем этаже маяка ожила недобитая вражеская огневая точка. Дорожа каждым винтовочным патроном, мы вели только прицельный огонь. Замполит-рука Кострица уничтожил гранатой вражеского пулеметчика, но и сам при этом был убит. Ранило лейтенанта Кагалова, однако он продолжал командоватьцелевыми бойцами.

Понеся большие потери, противник не решался идти против нас в открытую. Из окон маяка на ломаном русском языке раздавались призывы сдаться. Мы не хотели и слышать об этом и продолжали стрелять... Весь день, до пяти часов вечера, пока не иссякли патроны, несколько израненных пограничников вели бой. Врагу удалось захватить в плен лишь тех, кто истекал кровью и уже не мог держать в руках оружие.

В. И. КИБИС,
сержант запаса, бывший
пограничник

КАК ЭТО БЫЛО

Высадку на Бенгтшер должны были обеспечить «морские охотники» (бывшие погранкатера) под номерами 238, 311 и 312. Доложив командиру ханковского ОВРа о своей готовности, катера после полуночи вышли в море. Командовал ими опытный моряк-пограничник Григорий Иванович Лежепеков.

Первым на Бенгтшер высадил бойцов десанта «МО-238» лейтенанта В. И. Беляева. Вторую половину десантного отряда доставил к берегу «МО-312» лейтенанта В. И. Ефимова. Катер «МО-311», на борту которого находились подрывники с грузом глубинных бомб для уничтожения маяка, приблизился к острову в ожидании команды начать предусмотренные действия. Этим катером командовал лейтенант П. М. Бубнов.

На маяке заметили десантников минут через пятнадцать после их высадки. С башни застрочил пулемет. Тяжелое ранение получил штурман «МО-238» лейтенант Евгений Васильев. Пострадало также пять человек с экипажа «МО-312».

На берегу закипел бой. Через некоторое время над островком взмыла ракета. На катерах решили, что это сигнал «Враг уничтожен, можно приступать к подрыву маяка». Катер «МО-311» направился к Бенгтшеру, но в это время маяк снова открыл огонь.

Что такое? Кто подал ракету?

Позднее выяснилось, что ракета была выпущена гарнизоном осажденного маяка. Он просил у своего командования немедленной помощи. Увидя, что противник еще удерживает башню Бенгтшера, катерники открыли по ней огонь из 45-миллиметровых пушек.

В завязавшейся перестрелке на «МО-311» получили ранения три комендора. Носовую и кормовую пушки катера продолжали обслуживать три других артиллериста. Был тяжело ранен командир катера.

Приближался рассвет. Сигнальщики доложили, что к Бенгтшеру направляется флотилия противника — миноносец, канлодка и пять сторожевых катеров. Положение нашего десанта и катеров явно осложнилось. По ним открыли огонь вражеские корабли, а также артиллерийские батареи. Около четырех часов утра катера были атакованы самолетами противника. Вылет нашей авиации затруднили туманная дымка и большие повреж-

дения аэродрома на Ханко, буквально вспаханного снарядами.

Утром в район Бенгтшера прибыл катер «МО-239». На нем был командир ханковского ОВРа капитан 2-го ранга М. Д. Полегаев. Он и старший лейтенант Г. И. Лежепеков несколько раз водили в атаку на корабли противника все четыре «морских охотника», но успеха добиться не могли. К сожалению, у базы Ханко не было торпедных катеров.

Оттеснив наших катерников от Бенгтшера, вражеские корабли открыли огонь по острову, на котором шел жаркий бой, затем высадили на него около роты матросов.

Полегаев и Лежепеков решили послать к острову «МО-238», чтобы снять с него уцелевших десантников. Выполняя приказ, лейтенант В. И. Беляев полным ходом пошел к маяку. Однако приблизиться к берегу ему не удалось. Один из залпов вражеских кораблей, стоявших у острова в дрейфе, накрыл катер, и он взорвался.

«МО-311» получил разрешение вернуться на Ханко. Одновременно из дозора были вызваны катера «МО-236» и «МО-237» лейтенантов М. Н. Феофанова и И. М. Козлова. Им было приказано идти к Бенгтшеру.

В семь утра летчики-гангутцы пришли на выручку катерам. Наши истребители сбили два вражеских самолета «фоккер Д-21», повредили канлодку и бомбосбрасыванием с пикирования потопили миноносец, по всей вероятности, немецкий.

В десять часов утра вызванные командованием базы три самолета «СБ» отогнали уцелевшие корабли противника. Огнем с катеров удалось уничтожить группу вражеских моряков, но снять с острова наших бойцов было уже невозможно.

И. А. ШВАРЦ,
капитан 2-го ранга
в отставке

РУССКИЕ ДРАЛИСЬ ДО ПОСЛЕДНЕГО ВЗДОХА

К началу военных действий на Бенгтшере было шесть военнослужащих и три смотрителя маяка. Сторожевой пост поддерживал связь со штабом по радио. Через неделю после рейда русских на Моргонланд с острова Русала на Бенгтшер был послан лейтенант Лютер с не-

полным взводом егерей береговой обороны численностью двадцать шесть человек.

Финны стали готовиться к обороне маяка: заняли укрепленные позиции, установили проволочные заграждения, приготовили запас ручных гранат, минировали подходы. Кроме стрелкового оружия взвод Лютера имел еще один пулемет. На западной стороне острова была установлена 20-миллиметровая зенитная пушка. На вооружении солдат были шведские винтовки типа «маузер», оставшиеся от войны 1939—1940 годов.

Вахта на башне маяка была круглосуточной, ночью на восточном берегу острова выставлялся дополнительный наблюдательный пост. Проходящие суда обязаны были световым сигналом сообщать свои позывные, которые принимал вахтенный, но немецкие корабли часто пренебрегали этим требованием, что приводило к ложным тревогам почти каждую ночь.

26 июля, после полуночи, вахтенный заметил три катера, приближавшихся под прикрытием тумана с юго-востока. Пока он запрашивал позывные и ждал ответа, головной катер русского отряда подошел к острову и высадил десантную группу. Сняв часовых, русские бросились к зданию маяка так быстро, что финны даже не успели поднять боевую тревогу.

Финны, захваченные врасплох, попытались установить пулемет на террасе у южного входа в маяк, но при заряджении пулемет отказал. Расчету пришлось вернуться обратно в здание и занять оборону на втором и третьем этажах маяка. В происшедшей схватке осколком ручной гранаты был ранен лейтенант Лютер.

Русские скоро захватили весь остров, кроме северной его оконечности, где, засев между складом и зданием маяка, в течение двух часов отстреливались четыре человека из взвода Лютера.

Высадив десант на Бенгтшер, русские катера начали круговой обстрел позиций финнов из своих 45-миллиметровых пушек и из пулеметов. Верхнюю часть башни маяка, где находилась аппаратура, снесли снаряды.

Обороняющиеся запросили по радио огневую поддержку. По приказу штаба укрепрайона в Хитисе огонь по русским катерам открыли батареи Эрё и Грандхольма, а также корабли, стоявшие в Хёгсоре. Из-за темноты и тумана корректировка артогня была очень затруднена, тем более что катера находились в движении.

Целеуказания и корректировочные данные батареи получали через штаб укрепрайона, поэтому русские катера успевали уходить из-под разрывов. Однако огонь батарей заставлял русских маневрировать, и поэтому стрельба катеров тоже стала неэффективной. Высадившийся десант, наоборот, вел прицельный огонь. Каждое окно маяка было под обстрелом, и финны несли тяжелые потери.

В критический момент лейтенант Лютер вызвал огонь на себя. Финские батареи открыли точный огонь: снаряды рвались вокруг здания на расстоянии десяти метров. Атакующих несколько задержал артиллерийский огонь, тем не менее, готовясь к штурму маяка, они стали бросать гранаты в окна первого этажа.

В один час тридцать минут с рейда Хёгсора к Бенгтшеру под командой капитан-лейтенанта Викберга вышли канлодки «Уусимаа» и «Хяменмаа» и сторожевой катер¹. На острове Русала в моторные лодки погрузилась рота егерей под командой лейтенанта Кайконена. Отряды поддержки готовились и на острове Эрё. В боевую готовность была приведена также 30-я истребительная авиаэскадрилья на аэродроме в Або.

В три часа ночи канлодки под прикрытием дымзавесы появились в зоне видимости. Положение финнов на маяке в этот момент было крайне тяжелым. Командир был дважды ранен, он выбыл из строя, а оставшиеся в живых пятнадцать человек перешли на верхний этаж. Нападающие уже заняли весь низ маяка и предлагали финнам сдаться в плен.

В три часа сорок три минуты канлодка «Уусимаа» из 102-миллиметровых орудий открыла с четырехкилометровой дистанции огонь по русским катерам. Под прикрытием дымзавесы катера отошли в южном направлении.

Морское пространство вокруг Бенгтшера снова оказалось под контролем финнов. Канлодки «Уусимаа» и «Хяменмаа», заняв позиции вблизи острова, открыли огонь из орудий главного калибра и из 40-миллиметровых автоматов по русским. Появившиеся в небе финские истребители начали обстреливать засевшего среди скал противника.

¹ Автор явно преуменьшает численность отряда (см. воспоминания И. А. Шварца).

В пять часов утра была попытка высадить с канлодки на берег небольшую группу в составе двух офицеров и десяти матросов, вооруженных автоматами. Русские встретили их яростным огнем и забросали ручными гранатами. Один из офицеров (младший лейтенант Асвик) был убит, два матроса ранены. Группа оказалась не в состоянии высадиться на остров.

Тем временем русские катера снова подошли к острову, чтобы снять свой десант, но эта попытка из-за сильного артогня с канлодок не увенчалась успехом. В пять часов сорок пять минут катера предприняли новую попытку и снова были вынуждены отойти, при этом один из них от прямого попадания загорелся. В шесть часов ноль-ноль минут катеру № 238 под прикрытием дымзавесы удалось приблизиться к юго-западному берегу острова, но второй выстрел орудия с канлодки «Уусимаа» поразил на нем емкость с горючим, и катер затонул. Два русских катера снова пытались подойти к острову с восточной стороны, но их отогнали огнем.

В семь часов ноль-ноль минут два тральщика, прибывших с острова Эрё, и четыре моторные лодки из базы в Русала, с егерями на борту, сосредоточились северо-восточнее Бенгтшера для высадки десанта. Поддержанный огнем канонерских лодок, тральщиков и самолетов-истребителей, отряд финнов высадился на восточном берегу острова и стал продвигаться к маяку. Продвижение его осуществлялось неслыханно медленно, так как русские яростно защищались. Перевес все же оказался на стороне финнов. Этому содействовало то, что блокированный в маячной башне персонал с высоты мог хорошо видеть, где засел противник.

Только после почти двухчасового боя егеря пробили себе путь к зданию маяка и, подавив ручными гранатами сопротивление русских в первом его этаже, освободили своих товарищей. Окончательно остров был очищен только после полудня в результате ожесточенной схватки, в которой непоколебимые русские дрались до последнего вздоха...

П. ПЕРССОН

В 1965 году, отмечая мужество и отвагу воинов отряда, штурмовавшего Бенгтшер, Президиум Верховного Совета СССР наградил посмертно орденами Отече-

ственной войны II степени старшего лейтенанта П. В. Курилова и старшего политрука А. И. Румянцева, павших в этом бою.

Несколько израненных, оглушенных взрывами бойцов и командиров отряда врагу удалось захватить в плен. Их судьба была трудной. Некоторые из них оставались за колючей проволокой в бараках концлагерей вплоть до дня выхода Финляндии из войны. Многие пытались бежать, но пересечь линию фронта и снова встать в ряды советских воинов им не удалось. Лейтенант В. Кагалов и сержант В. Кибис, освобожденные из вражеского плена в 1944 году, отважно воевали с гитлеровцами.

Не погиб Николай Емельянович Юхименко, краснофлотец, радист «МО-238» — того самого катера, который, спеша на помощь десанту, взорвался при подходе к острову. Обожженного, тяжелораненого моряка манергеймовцы вытащили из воды. Он был помещен в штрафной лагерь. Могучий организм Юхименко выдержал все испытания. После войны он возвратился в родное село, на Украину. Вот уже много лет Николай Емельянович трудится в колхозе на пасеке, приносящей его землякам немалые доходы.

Долгие годы разыскивал своих однополчан-пограничников бывший комиссар дивизиона погранкатеров И. А. Шварц. Он получает от ветеранов-гангутцев десятки писем. Одно из них прислал член экипажа «МО-239» Николай Соколов. «Ваше письмо принесло мне большую радость, — пишет бывший моряк. — Оно вызвало волну воспоминаний о далеких днях нашей боевой юности. Перед моим мысленным взором прошли годы предвоенной службы, когда мы охраняли государственную границу на Ханко. Вспомнились война, горечь потерь и радость побед. Вспомнились боевые друзья. Никогда не забудется подвиг гангутцев. И для нас, людей старшего поколения, и для молодежи он всегда будет примером высокой верности Родине».

В ИНЫЕ ДНИ НАМ ПРИХОДИЛОСЬ ПО ДЕСЯТЬ РАЗ ВЫЛЕТАТЬ НА ШТУРМОВКУ ПРОТИВНИКА. МОРЯКИ И ПЕХОТИНЦЫ ГОВОРИЛИ, ЧТО МЫ, ИСТРЕБИТЕЛИ, ВДОХНОВЛЯЕМ ИХ В БОЮ. МОЖЕТ БЫТЬ. НО И НАМ БЫЛО РАДОСТНО ИДТИ В БОЙ, КОГДА МЫ ВИДЕЛИ С ВОЗДУХА, КАК СМЕЛО БЬЮТСЯ БАЛТИЙЦЫ.

Из воспоминаний Героя Советского Союза Л. Г. Белоусова, бывшего командира 4-й истребительной авиационной эскадрильи

САМОЛЕТЫ ВЗЛЕТАЮТ С ХАНКО

*Эту запись в дневнике
Всеволод Витальевич
Вишневский сделал в
Таллине на десятый
день войны*

2 июля 1941 года.

ВСЕВОЛОД
ВИШНЕВСКИЙ

ВСТРЕЧИ НА АЭРОДРОМЕ

Утром в город.

Беседа в Постпредстве: создается фронт; пришел армейский корпус. Мобилизация эстонцев — идут на сборные пункты.

Беседа с генералом Самохиным¹.

Едем на аэродром. Летчик Антоненко сбил фашистский самолет «Ю-88». Беседа с капитаном Ильиным², беседа с Крохалевым — плотным, нервным, энергичным брюнетом. Он летит в Пярну.

На Ханко по аэродрому была артиллерия противника. Бомбят, но из всех бомб разорвалась только одна (?!). Семьи оттуда эвакуированы.

Звено Якушева сбило двух «фоккеров»³ (27—28-го). Наши потери: 1) при посадке ударился Якушев; 2) убит лейтенант Ермаков в бою с «Ю-88». Разрывная пуля в грудь! Похоронили 2 июля у штаба.

Пятнадцать немецких бомбардировщиков пытались на второй день войны разбомбить вечером аэродром. Отогнали их зенитным огнем.

Аэродром обороняется пулеметами, зенитками и двумя авиаполками⁴.

¹ Заместитель командующего КБФ по авиации М. И. Самохин.

² А. В. Ильин — командир авиагруппы на полуострове Ханко.

³ «Фокке-вульф» — немецкий самолет-разведчик.

⁴ Очевидно, описка: на Ханко базировались две эскадрильи, а не два авиаполка.

Диверсий пока не было. Питание, местные газеты и пр. — нормально, центральных газет нет.

Главная задача: оборона таллинской базы, *барраж* (днем отдых). На Ханко две эскадрильи — майора Леоновича и капитана Белоусова (орел!).

Есть случай нервного шока у одного из летчиков. Среди летчиков семь-восемь человек «стариков», остальные молодые. «И-16» несколько устарел.

«Миги», «яки» и пр. — есть. Надо пять-шесть дней осваивать. Молодежи нужно — две недели. Ждут новую эскадрилью.

Савченко ранен в нос, щеку; с 23-го по 28-е был в госпитале. Сейчас опять в строю. Вспухшее лицо, кровавые следы, спокоен, тих.

Рассказ летчика лейтенанта Кулашова:

«Мы вылетели на Ханко 24 июня. Тридцать минут лету. Приземлились. Ждали воздушного и морского десанта. Мы все вооружены пистолетами, гранатами. Противник начал разведку и бомбит по порту. Транспорты рассредоточены («Серп и молот» и др.). Противник бомбил рыбный поселок. Бомбы не взорвались, *только одна(!)*. Бомбили аэродром (четыре бомбы). Мы сняли палатки, чтобы не выдавать себя. На другой день начали стрелять финские батареи (16-дюймовые)¹. Били по городу фугасными, затем по аэродрому: все перелеты — два дня подряд. Затем наши бомбардировщики с большим грузом бомбили перешеек и острова финнов. Я в это время барражировал, видел. Финны два дня молчали. В ночь на 1 июля — тревога: сухопутные силы финнов пошли в атаку. До утра бились... Канонада... Отбили.

Тридцать диверсантов просочились на полуостров. Шестерых убили, остальные еще в лесу, ловят их. Убитые — в тужурках, в брюках (*в штатском*)...

К обеду 1 июля те же батареи опять начали обстрел аэродрома, но на этот раз били точно.

На острове Хорсен (там наш пост) мы выручали своих штурмовыми налетами».

Написал статью об обороне Ханко.

*Вс. Вишневский.
Собр. соч., том 3, стр. 22—23.*

¹ Ошибочная запись. Артиллерии такого калибра финская армия не имела.

Самые веселые, самые дружные ● Атакуют „ястребки“ ● По скоплениям противника на земле и на воде ● „От русской авиации жарко“

ЛЕОНИД
СОБОЛЕВ

**ВСЕГДА
ВМЕСТЕ,
ВСЕГДА
ВТРОЕМ**

Три самых крепких друга, три самых веселых человека на Н-ском аэродроме Балтийского флота — лейтенанты Кузнецов, Кулашов, Байсултанов. Они скучают лишь тогда, когда долго нет сигнала о вылете. Тогда они мрачнеют, держатся подальше один от другого, чтобы своим видом и вздохами не отравлять настроение друг другу.

Зато в бою их никак не оттащить друг от друга. Золотое правило балтийцев — взаимная поддержка — так органично вошло в их боевую практику, что совершенно нельзя разобратся, кто же именно сбил тот или иной фашистский самолет.

— Да вы и не тратьте зря времени, — посмеивается Кузнецов, самый солидный из друзей (если можно назвать солидностью брызжущую энергией и веселостью молодость), плотный и крепкий человек с орденом Красного Знамени за финскую войну. — Мы артелью работаем, все в общий котел... Да и к чему разбираться. Тут не поймешь, пули у нас не меченые...

Когда они втроем вспоминают свои бои на Ханко, откуда они только что вернулись, проводя там две недели непрерывных боевых полетов вокруг героического полуострова, разобратся действительно трудно...

В море, на пути к расположению противника, осаждав-

шего полуостров, тройка друзей заметила две тяжело груженные шхуны и моторную лайбу. Тотчас пошли в атаку. Видимо, груз на шхунах был очень нужный, ибо со шхун по самолетам сразу же открыли пулеметный огонь, а лайба оказалась замаскированным сторожевым кораблем с зенитной артиллерией. «Ястребки» налетели на караван: Кулашов и Байсултанов — на шхуны, Кузнецов — на лайбу. В результате боя все три судна в огне и взрывах ушли в воду. Казалось бы, все ясно: три цели, три самолета. Но...

— Нет, не совсем так, — говорит Кузнецов. — Если бы Кулашов не подскочил вовремя и не заставил зенитку замолчать, я бы...

— Ну да, подскочил... — вмешивается Кулашов. — А как бы я подскочил, если бы Байсултанов не заткнул тот пулемет?.. Я бы у шхуны своей так и закопался: они до последнего момента крупнокалиберный пулемет в трюме берегли... Дали по мне, ну, думаю... А тут кста-ти Байсултанов...

— Ну и что Байсултанов, — перебивает его сам Байсултанов. — Что бы я с тем пулеметом сделал, если бы до этого Кузнецов...

Тут все трое смеются и машут рукой. Потом Кузнецов, пытавшийся рассказать об этом бое, лаконично заканчивает:

— Словом, фашисты остались без подвоза, вот что важно...

На Ханко тройка друзей делала самые разнообразные дела. На соседнем острове обнаружили готовящийся на Ханко вражеский десант, налетели с тыла, уничтожили приготовленные для десанта шлюпки, замаскированные в кустах, и пошли штурмовать скопление солдат. В результате противник был вынужден десант «отставить»... На другом острове тройка подожгла лес, чтобы вытащить на свет божий спрятанную там батарею, беспокоящую наш гарнизон. Особым вниманием друзей пользовались наблюдательные вышки, ловко скрытые на высоких соснах для корректировки огня по Ханко: один удар тройки по такой вышке — два дня безработицы для батареи. Ходили в разведку и на перешеек, штурмовали там вражеские окопы, помогали контрударам наших частей. В разведке нашли аэродром, поймали над ним двух «фоккеров» — одного загнали в землю на его взлете, другого навели на соседнее звено лейтенанта Яку-

шева и прикончили. «Работали по мелочи» — уничтожали отдельные огневые точки, пулеметы и минометы, запрятанные в кустах, находя их по указаниям наземных войск и отыскивая сами, били по окопам, выкуривая из них врага...

Словом, ни одного дня без боевой работы, всегда вместе, всегда втроем. Подзаработали на этом порядочное число дырок в самолетах — и от пуль и от снарядов, но только однажды встревожились, когда Байсултанову «откусило» зениткой стабилизатор. Тогда оба ринулись к нему, следя за его шатающимся полетом, готовые вытащить друга из воды, из леса, из вражеского окопа, куда бы он ни сел на подбитой своей машине. Но тот дотянул благополучно до своих.

Ханковцам очень мешал один близкий остров, где были вражеские батареи и войска. Командование решило «заняться агрессией» и расширить территорию осажденного полуострова — захватить остров ударом десанта балтийских моряков. В этой операции на долю друзей выпало, по выражению Кузнецова, «заключительное слово». Тройка отрезала врагу путь отступления. После артиллерийского шквала наших батарей, после бомбежек и штурмовок, после штыкового удара балтийцев шюцкоровцы бежали к другому берегу острова и уже вскакивали в шлюпки, спасаясь от удара ханковцев. Три «ястребка» лишили их этой возможности, уничтожив шлюпки и отрезав от моря штурмовым ударом.

— Редкий случай, когда с воздуха берут в плен, — смеются друзья. — Летим еще на один заход — а они лапки кверху и ждут, когда их наши из леса возьмут... Вот и дневник захватили... Глядите, записи, рядом перевод: «Четверг. От русской авиации жарко...», «Среда. Снова самолеты, уничтожен наблюдательный пункт...», «Воскресенье. Открыли огонь по русским, но прекратили — самолеты...»

Теперь друзья работают на этом участке фронта. Здесь противник — гитлеровские дивизии. Работа такого же напряжения и такого же разнообразия: штурмовали немецкие колонны, разбивали автомашины с гитлеровцами — три, еще три... потом четыре... да еще шесть... потом сразу девять... или восемь... Нет, точно, девять, девятую Байсултанов скинул... Уничтожали на шоссе танки, били мотоциклистов, занимались и кавалерией, «пришили» на аэродроме один «мессершмитт», не дав ему и

взлететь, помогали штурмовкой нашим частям выбить гитлеровцев из захваченной ими деревни М. Все эти дела вели с некоторым новым мощным оружием, еще одним подарком Советской страны своим соколам, которому они все втроем не могут подобрать достойной оценки.

— Это — у-у-у — зверь! — говорит Кулашов, многозначительно подымая палец.

— Красота! — подтверждает Кузнецов.

— Конфета! — щелкая языком, восторженно заканчивает Байсултанов.

И все трое наперебой хвалят это точное, сильно действующее без отказа новое советское оружие, которое бьет и самолеты, и танки, и машины, и огневые точки, и скопления фашистов¹.

*Ленинград.
Из радиовыступления. Август 1941 г.*

¹ Речь идет об «эресах» — реактивных снарядах, о которых тогда нельзя было упоминать в печати.

Круглосуточная воздушная вахта ● Навстречу „юнкерсам“ ● Взлет под артобстрелом ● Истребители пикируют на торпедные катера

Л. Г. БЕЛОУСОВ,
*Герой Советского Союза,
майор в отставке, быв-
ший командир 4-й истре-
бительной авиаэскад-
рильи*

НАД МОРЕМ И НАД СУШЕЙ

Вспоминая ныне славные дела защитников Гангута, могу без колебаний сказать: мы, летчики, встретили начало Великой Отечественной войны во всеоружии, в полной боевой готовности.

Готовность номер один сохранялась вплоть до того дня, когда было приказано оставить Ханко. Мы несли круглосуточное дежурство. И даже те, кто заканчивал воздушную вахту, не уходили далеко и отдыхали поблизости от боевых машин, а то и под плоскостями своего истребителя. Хорошо помню партийное собрание, проведенное 22 июня 1941 года, строгие лица товарищей. Я тогда тоже попросил слова. Волнение мешало говорить. Сказал то, что считал самым важным:

— Предстоят тяжелые бои. Мы, коммунисты, должны показать всем воинам образцы бдительности и мастерства, сделать обороняемый нами район неприступным для фашистов. Сражаться надо так, как если бы мы стояли у самых стен Ленинграда.

...Время близилось к полуночи. Посты противовоздушной обороны сообщили о приближении вражеских самолетов — «юнкерсы» шли курсом на Ханко. Наши истребители устремились навстречу вражеским бомбардировщикам. Поэтому времени «Ю-88» были неплохими бомбовозами, имели хорошее вооружение.

Подойти к ним было не так-то легко. Но мы не думали об этом в первую военную ночь. Мы шли вперед, не обращая внимания на пулеметный огонь. Не упустить врага — вот мысль, которая всегда владела нами.

Пальцы впились в гашетку. Впереди быстро растет силуэт самолета с черными крестами на крыльях. Кажется, будто сердце стучит громче мотора. Нажимаю на гашетку...

В иные дни нам приходилось по десять раз вылетать на штурмовку противника. Моряки и пехотинцы говорили, что мы, истребители, вдохновляем их в бою. Может быть. Но и нам было радостно идти в бой, когда мы видели с воздуха, как смело бьются балтийцы.

Частенько мы взлетали под артиллерийским обстрелом. Это было очень опасно. Но еще опасней казался нам труд матросов, младших авиационных специалистов, техников и инженеров, которые непрерывно работали на летном поле под артиллерийским огнем.

Для нас бои не были бескровными. Многих наших товарищей недосчитались мы в те дни.

Но и мои однополчане уничтожили немало вражеских самолетов. Три машины значились и на моем счету. Но не это было самым главным в нашей боевой работе. Бомбовые удары с пикирования, штурмовка с бреющего — вот чем мы были заняты каждый день и каждый час.

Фронтовые товарищи как-то напомнили мне об одном таком ударе. Наши транспортные суда покидали Таллин. Часть из них держала курс на Ленинград, а остальные шли к нам, на Ханко. Гитлеровские торпедные катера поджидали их в заливе. Когда нашим судам оставалось пройти до своей базы всего несколько десятков миль, фашисты начали атаку. В это время пара истребителей из звена старшего лейтенанта Г. Д. Цоколаева получила приказ прикрыть свои транспорты. Летчикам удалось дважды отогнать противника.

Но вот истребители израсходовали весь боекомплект. Цоколаев передал по радио: «Нужно подкрепление». Я немедленно поднял в воздух все истребители, готовые к вылету. Тем временем пара Цоколаева уже вела ложные атаки. Сначала хитрость удалась, но вскоре фашисты поняли, что наши истребители остались без снарядов. Противник снова стал выходить на боевой курс. Если бы мы задержались с вылетом хотя бы на

минуту, транспортам пришлось бы худо. Приказав ведомым бросать бомбы только при полной уверенности в поражении цели, я первым пошел в атаку.

Эти минуты пикирования потребовали от каждого из нас огромного напряжения. Раньше мы бомбили вражеские цели обычно звеньями. А теперь группа наносила удары с индивидуальным прицеливанием. Каждый летчик должен был делать расчеты самостоятельно. Мелькнула в голове тревожная мысль: «Как справятся с этим ведомые?»

Сбросив бомбы и выведя самолет из пике, я отвернул в сторону и начал набирать высоту. В этот момент над ведущим вражеским катером взметнулся столб воды и дыма. Вот вспыхнул другой катер — его подожгла первая пара ведомых. Но что такое? Вторая пара, которая действовала правее, почему-то лишь пикировала, а бомб не бросала. Я решил, что у бомбосбрасывателей не сработали замки. Однако самолеты, развернувшись, снова пошли в пике. Бомбы накрыли цель — загорелся еще один вражеский катер. А мы в это время вели огонь по другим катерам из пушек. От их парадного пеленга ничего не осталось. Фашисты на уцелевших катерах поставили дымовую завесу, думая за ней укрыться от самолетов.

Когда мы возвратились с задания, я спросил у ведомых:

— Почему не бомбили с первого захода? Замки заело?

— Нет, действовали так, как вы приказывали: каждую бомбу старались сбросить точно в цель. А сначала у нас не было уверенности в том, что не промахнемся.

*Десять вылетов в день ●
Наперехват бомбарди-
ровщиков противника ●
Истребители над Бенгт-
шером ● Враг не успел
подняться в воздух ●
Удар по неприятель-
ским корректировочным
постам ● Обломки
„спитфайеров“ падают
в море ● Курсом на
Котлин*

П. И. БИСКУП,
полковник запаса, быв-
ший комиссар 4-й авиа-
ционной эскадрильи

ГРОХОЧУ- ЩЕЕ НЕБО

В хороший день воздух Ханко чист и прозрачен. Небесный горизонт над сушей плавно очерчен синевой. Темно-зеленой полоской оттенено море. Но в непогоду все меняется. Небо, сливаясь с морем, образует как бы непроглядную завесу. Потoki бесформенных облаков, гонимые ветром, окутывают скальные вершины и кроны мачтовых сосен. Мглу прорывают зигзаги молний, таящие в себе грозную опасность для самолетов.

Перед войной на аэродроме Ханко базировался 13-й истребительный авиационный полк. Однако весной 1941 года большая часть полка перелетела в Керстово, на Большую землю, для перевооружения новыми самолетами. Начало Великой Отечественной войны встретила на Ханко лишь 4-я авиационная эскадрилья «чаек», в которой я был комиссаром. Но уже через неделю командир полка Герой Советского Союза И. Г. Романенко направил к нам из Таллина 1-ю эскадрилью «Ильюшиных-16». Так образовалась ханковская авиационная группа, действовавшая в течение всей героической обороны полуострова.

Наши истребители, патрулируя в воздухе, успешно отражали налеты фашистских самолетов на корабли базы.

Первым уничтожило бомбардировщик типа «бристоль-бленхейм» звено летчиков в

составе Григория Семенова, Владимира Дмитриева, Константина Андреева. В этом бою командир звена Семенов применил умелую тактику перехвата.

Дежурная пара — Алексей Лазукин, Константин Белорусцев — быстро по тревоге поднялась в воздух и стремительными атаками вогнала в скалу морской двухмоторный бомбардировщик, фотографировавший укрепления базы.

Хорошо помню бой против торпедных катеров. Командир эскадрильи Л. Г. Белоусов, летчики Юрий Добряк, Петр Лобанов, Александр Овчинников и я вылетели в море наперехват катеров противника, пытавшихся торпедировать транспорт, следующий из Ханко в Таллин с эвакуированными семьями военнослужащих.

Когда мы подошли к транспорту, четыре фашистских торпедных катера были уже на боевом курсе. Однако наш незамедлительный бомбовый удар с пикирования сорвал их атаку. Один катер сразу же затонул, остальные обратились в бегство. В ходе преследования мы повредили еще два катера.

Однажды июльским утром летчики Овчинников и Андреев по тревоге вылетели со мной для оказания помощи десантникам, штурмовавшим островной маяк Бенгтшер и блокированным кораблями противника. В сложных условиях трехслойной шестибалльной облачности вражеский корабль, обнаруженный нами у этого острова, был потоплен с пикирования прямым попаданием фугасных бомб. В завязавшемся воздушном бою с истребителями прикрытия летчики Овчинников и Андреев сбили по одному фашистскому самолету типа «фоккер Д-21».

На боевом счету командиров звеньев Овчинникова, Лобанова, Козлова, Белорусцева — десятки потопленных шлюпок, баркасов, мотоботов с вражескими десантниками.

Летчик
Григорий Семенов.
Рис. Б. Пророкова.

Истребители поддерживали своим огнем наши десантные группы, осуществлявшие захват вражеских островов. Особенно успешно действовали в этих операциях звенья Петра Лобанова и Алексея Лазукина, номера машин которых матросы хорошо знали. Они приветствовали появление своих самолетов, подбрасывая в воздух бескозырки. В гангутской газете «Боевая вахта», позднее переименованной в «Красный Гангут», десантники писали: «Мы были свидетелями того, как советские летчики на бреющем полете расстреливали скопления врагов и их шлюпки. За помощь мы искренне благодарим наших храбрых летчиков».

Особенно успешно действовали наши летчики Александр Овчинников и Петр Лобанов. Каждый из них за время обороны Ханко совершил более чем сто пятьдесят боевых вылетов. Имея отличную штурманскую подготовку, эти летчики самостоятельно находили противника в сложных условиях шхерного района, среди многочисленных и почти однообразных островов.

Петр Лобанов, спокойный, неразговорчивый человек, заботливо следил за боеготовностью звена. Постоянно водил он молодых летчиков на боевые задания, являясь для них примером хладнокровия и расчетливости в бою.

Александр Овчинников, всегда сосредоточенный и собранный, чаще всех нас находился в полетах. Замещающая военкома или командира эскадрильи, он нередко водил в бой звенья, показывая пример неустойчивости и удивительной стойкости. Иногда Александр проводил до десяти боев в один день, сохраняя после этого готовность к ночным вылетам.

Важнейшей задачей летчиков Ханко была воздушная разведка моря, шхер и вражеских тылов в квадрате Таллин — Хельсинки — Турку — Моонзундские острова. Противник всюду искусно маскировался. Чтобы раскрыть целевой характер вражеских объектов, нам приходилось, ведя наблюдение, прибегать к огневому воздействию.

Летчики Байсултанов, Власенко, Бадаев, Якушев, Кузнецов, Творогов, Кулашов во главе с командиром эскадрильи М. Т. Леоновичем регулярно вылетали в дальние рейсы на разведку боем. Нередко на маршрутах разведки их встречали «фоккеры», «фиаты», «мессершмитты». В ходе воздушных боев наши летчики сбили более десятка фашистских самолетов.

Вспоминаю одну из многих разведок прифронтовой полосы, которую проводил Алим Байсултанов. Зенитным огнем противника у его самолета полностью выбило правый руль глубины и часть стабилизатора. Несмотря на это, авиатор под прикрытием друзей дотянул машину до своего аэродрома и, можно сказать, чудом совершил посадку.

Байсултанов доставил ценные сведения о расположении вражеской батареи. Она была вскоре накрыта и уничтожена мощным огнем гангутской артиллерии. Отремонтировав свой самолет, Алим снова поднялся в небо.

Активно вела воздушные бои наша знаменитая пара — А. К. Антоненко и П. А. Бринько. Огромный боевой опыт Антоненко, приобретенный им на Халхин-Голе и во время войны с Финляндией, полностью раскрылся в небе над Ханко.

Алексей Антоненко и Петр Бринько первыми на Балтике утвердили прекрасную маневренность пары в воздушном бою вместо трехсамолетного звена. Они придерживались тактики огня с малых дистанций по уязвимым местам самолетов противника. Первый «юнкерс-88» Антоненко и Бринько сбили прямо над нашим аэродромом, взяв его с двух бортов в «клещи» своих крупнокалиберных пулеметов. Оставшийся в живых фашистский летчик, весь обвешанный железными крестами и медалями, на допросе признался, что не ожидал встретить столь сильных противников в небе над Ханко.

Мгновенная готовность к вылету и четкий расчет перехвата обеспечили Антоненко и Бринько за пять недель войны двадцать побед над противником. Это были истинные истребители фашистских стервятников! 14 июля 1941 года им первым среди летчиков Балтики было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Мне довелось водить эскадрилью для ударов по вражеским аэродромам Сало и Турку. При налете на Сало день был солнечным. Летели мы на высоте порядка

Летчик Е. П. Бадаев.

Рис. Б. Пророкова.

шестисот метров. Под нами расстился зеленый ковер полей и лесов. Небо смотрелось в сверкающие зеркала озер.

Не сразу удалось обнаружить самолеты противника. Но все же мы обнаружили их и бомбами подорвали вместе с декоративной маскировкой шесть фашистских самолетов. Два были сбиты на взлете прицельным огнем.

Помнится и налет на аэродром Турку. В боевом порядке нашей эскадрильи — пара Антоненко (прикрытие и свободный маневр). В ударной группе — звенья Овчинникова, Семенова, Лобанова и Лазукина.

Вылетели утром. Тени белесых пушистых облаков настороженно плыли по морским шхерам. Бомбоудар был нанесен по ангарам и самолетам, находившимся на стоянках, с высоты восьмисот метров.

Враг встретил нас мощным огнем зенитных орудий всех калибров. Но никого из наших ребят это не смутило. Привыкли! Да и на результатах налета это не отразилось. Все летчики точно сбросили бомбы по своим целям: десять самолетов было уничтожено, два ангара подорвано.

В тот же день, 24 июля 1941 года, после нашего возвращения из налета на аэродром Турку Антоненко и Лазукин с ведомыми Бринько и Белорусцевым отомстили врагу за их погибшего друга летчика Мишу Чернова. В этом удивительном по решимости и мастерству полете славная четверка перехватила и уничтожила на малой высоте над водами Финского залива пять «фокеров».

В августе и сентябре противник в бешеной злобе продолжал наращивать свои удары по военно-морской базе Ханко. Однако мы были не из тех, кто подставляет левую щеку, когда бьют по правой. Мы стали громить врага не только днем, но и ночью.

Ночной бой очень сложен даже на суше. Тем более сложно вести его в воздухе, да еще над морем. В летние ночи, когда нет облаков, весь небосвод над Ханко покрыт звездами необычной зеленоватой яркости. Отражаясь в воде, они образуют целый океан слепящих мерцаний, весьма опасных для летчика своей безгоризонтальной далью. Лишь ориентируясь на затемненную северную часть полуострова Ханко и на показания приборов, можно в этом случае сохранять пространствен-

ную ориентировку в полете, находить опорные ориентиры и цели для атаки.

Наши ночные воздушные удары по вражеским позициям и десантам не раз срывали планы белофиннов. Противник, злобствуя, усиливал артиллерийский обстрел нашего аэродрома. Артиллеристы базы отвечали на это контрбатареистой стрельбой.

Помню, по инициативе командира эскадрильи капитана Л. Г. Белоусова были организованы ответные бомбоудары по северным батареям, обстреливавшим аэродром, и по батареям, установленным в лесных укрытиях переднего края противника, за Петровской просекой.

Нанесли эти удары по вражеским огневым позициям Петр Лобанов, Никанор Шабанов, Костя Белорусцев, Юрий Добряк. Их налетами и шквальным огнем артиллеристов были уничтожены почти все наблюдательные вышки и корректировочные посты противника.

В течение двух-трех дней почти непрерывно «чайки» сбрасывали на позиции маннергеймовцев свой смертельный осколочно-зажигательный груз. Над землей стояла дымная завеса, мешавшая врагу вести наблюдение. Заметно снизилась тогда активность его артбатарей.

Командование противника стало использовать против нас главные калибры. С большой дальности (порядка тридцати километров) на Ханко стали падать тяжелые десятидюймовые снаряды. Генерал-майор С. И. Кабанов, поняв в чем дело, приказал искать в шхерах вражеский броненосец береговой обороны.

Обнаружить его удалось не сразу. Многократные попытки групп из четырех—шести самолетов прочесывать шхеры способом «гребенки» оказались безрезультатными. Потом летчики обратили внимание на несколько необычные форму и цвет северной береговой кромки острова Бенгтшер.

В паре с Леней Белоусовым я вылетел к острову, чтобы проверить наши подозрения. Мы подходили к цели на бреющем полете. Нас встретил огонь зенитных автоматов. Воздушной волной Белоусова отбросило в сторону. Но моей «чайке», к счастью, удалось удержаться на курсе. Вот тогда-то и был замечен нами броненосец береговой обороны «Ильмаринен». Он стоял у крутого берега, прикрытый сетями под цвет сосновых крон. Когда упали маскировочные сети, срезанные нашими пулеметными очередями, зенитные батареи броненосца

открыли по самолету ожесточенный огонь. Море, казалось, кипело от падавших в воду снарядных осколков. Противник стремился во что бы то ни стало уничтожить воздушного разведчика. Однако, совершив зигзагообразный маневр у самой воды, я ускользнул невредимым.

Частые артиллерийские обстрелы Ханко, риск и сложность посадки и взлета на нашем единственном аэродроме потребовали создания запасных площадок. Найти для них место среди скал и лесных массивов полуострова было почти невозможно, и все-таки Белоусов сумел отыскать одну такую площадку. Торфяную основу грунта расчистили и укатали. И вот при испытании этой площадки Леониду не повезло: самолет скапотировал, и летчик сильно повредил лицо. Белоусова пришлось отправить в Ленинград. В последующих боях, защищая город на Неве, Леонид Георгиевич Белоусов, как известно, проявил исключительное мужество.

Летчики Ханко участвовали в отражении фашистского десанта на Осмуссаар. Десант был перехвачен на плаву, в шлюпках, и уничтожен пушечным огнем истребителей во взаимодействии с батареями острова.

Во время эвакуации гарнизона Ханко противник пытался сорвать погрузку личного состава на корабли и ввел в бой новые самолеты типа «спитфайер». На подступах к военно-морской базе завязывались частые воздушные бои. Воздушные асы красного Гангута своевременно перехватывали и уничтожали противника.

В этих боях пополнили счет сбитых вражеских самолетов Алексей Лазукин, Владимир Дмитриев, Александр Овчинников. Отличились также Геннадий Цоколаев, Анатолий Кузнецов, Иван Творогов, успешно сбивавшие хваленые «спитфайеры». Столь же смело дрались в воздухе и авиаторы-гангутцы Голубев, Татаренко, Старухин, Байсултанов. Успешно применяя в воздушном бою ракетное оружие, они уничтожили несколько фашистских самолетов.

Прикрытие кораблей, пришедших на Ханко, было полностью обеспечено.

В последний день эвакуации, 2 декабря 1941 года, утро было хмурое. Над полуостровом нависла тьма. Аэродром почти опустел. Еще затемно все, кроме небольшой команды, ушли с него на корабли. Наша авиагруппа, базировавшаяся на Ханко, закончила все необходимые приготовления. Предстоял ответственный пере-

лет на предельную дальность до полного расходования горючего.

Стараясь сохранить скрытность полета, я повел курсом на остров Котлин пятерку «чаек». Получасом позднее А. В. Ильин повел туда же восьмерку «ишачков». Летели на бреющем. Над морем стояла низкая облачность, моросил мелкий дождь. Ориентироваться было очень трудно. Сильный низовой ветер сносил наши «чайки» к эстонскому побережью. Это тревожило: мы могли оказаться в море без горючего...

Сделав поправку на снос, мы опять вошли в сплошную мглу вне видимости берегов. Летели у самой воды, по приборам, рассчитывая выйти к основному ориентиру. Только точность выхода на него могла восполнить нам те драгоценные пять минут, которые были потеряны в результате сноса.

Это были минуты большого нервного напряжения, томительного ожидания. Но вот наконец обозначилась южная оконечность Гогланда. Еще поправка в курсе, и вскоре мы вышли на остров Лавенсари, потом на Сескар. Видимость улучшилась. И вот вдали показался наш аэродром, окаймленный белой ледяной кромкой. На аэродром заходили, когда горючее было уже на исходе. У крайних ведомых еще на планировании винты остановились. Но сели все благополучно.

В группе «ишачков» не долетел и погиб Старухин: его самолет упал без горючего в море перед Кронштадтом, у маяка Толбухина. Летчик Цоколаев сел без горючего на Ораниенбаумском плацдарме.

Так закончился беспримерный перелет ханковских истребителей. В дальнейших боях за Ленинград соколы Балтики высоко хранили традиции Гангута: всегда искать противника и побеждать его. Впереди были новые трудные бои.

На аэродроме Ханко неизменными и ближайшими друзьями летчиков были авиационные инженеры и техники. Под огнем вражеских батарей они самоотверженно обеспечивали непрерывность боевых вылетов, снаряжение самолетов бомбами, ракетами, следили за безотказностью работы моторов и рулевого управления.

Хотелось бы сказать доброе слово об инженере эскадрильи Якове Бочкове. Именно ему обязаны мы тем, что у нас никогда не было случаев отказа моторов во

время полетов. Они работали всегда надежно и на максимальных режимах.

Авиатехники Анатолий Лотухин и Афанасий Зинкевич, несмотря на тяжелые ранения, оставались на своих постах и продолжали спасать самолеты во время сильного артобстрела. В подземных укрытиях днем и ночью они вместе с другими авиатехниками вели восстановительный ремонт материальной части. Причем делали его очень быстро и хорошо.

Много поработали летчики и оружейники, чтобы разместить под плоскостями истребителей ракетные установки. Точная пристрелка их, практика стрельбы ракетами по мишеням на земле и в воздухе позволили в последующих боях эффективно поражать противника новым мощным видом оружия.

Авиатехникам и рабочим 11-ОАРМ (отдельная авиационно-ремонтная мастерская) удалось установить на наших истребителях дополнительные баки для горючего. Это значительно увеличило радиус действия самолетов и позволило 2 декабря 1941 года группе «чаек» и «ишачков» совершить дальний беспосадочный перелет.

Мы благодарны женам, сестрам и детям летчиков и техников, которые с первых дней войны энергично включились в боевую работу: набивали патронами пулеметные ленты, помогали нам чистить оружие, засыпали на летном поле воронки от снарядов, разносили пищу дежурным экипажам, оказывали первую медицинскую помощь раненым.

В жестоких воздушных схватках с фашистскими стервятниками мы потеряли многих наших товарищей.

Защищая Эзель, погибли Петр Лобанов и Никандр Шабанов. Перелетая в непогоду с островов Моонзунда, пропали без вести командир эскадрильи Михаил Тарасович Леонович и летчики Юрий Добряк и Константин Белорусцев.

Совершая посадку на аэродроме, изрытом снарядными воронками, разбился Антоненко. Алексей Касьянович был моим близким другом. Дружба наша родилась еще в Ейском авиационном военно-морском училище, где мы оба были инструкторами.

Дружили и наши семьи, постоянно кочевавшие вместе с нами по аэродромам Прибалтики.

На могиле героя Петр Бринько дал клятву: «Пока мои руки держат штурвал самолета, буду нещадно гро-

мать врагов». Клятву эту Бринько с честью сдержал в боях под Ленинградом, где он довел счет сбитых им самолетов до пятнадцати. При атаке на вражеский аэростат он был сражен зенитным огнем противника.

В воздушных боях погибли Алексей Лазукин, Григорий Семенов, Александр Овчинников, Владимир Дмитриев, Филипп Бадаев, Анатолий Кузнецов и Алим Байсултанов.

Оставшиеся в живых бережно хранят дружбу, рожденную в битвах за Родину. На традиционные встречи, которые устраиваются в Ленинграде, Москве, Одессе и других городах, вместе с пехотинцами и моряками, защищавшими полуостров Ханко, собираются и авиаторы. Героям Советского Союза Цоколаеву и Белоусову, Голубеву и Татаренко, летчикам Творогову, Каменскому, Власенко, мотористу Антонову, шоферу стартера Филатову, авиатехникам Брусницыну и Белкину, инженеру Бочкову есть что вспомнить, о чем поговорить. Суровые бои, участниками которых мы были, сблизили, сроднили нас на всю жизнь.

Шестнадцать часов в сутки не выходя из самолета ● Весь полуостров аплодировал героям ● От взлета до посадки — семь минут ● Враг предлагает бой на виражах ● Не числом, а умением ● Первая листовка с текстом гвардейской клятвы

М. С. ФРИДМАН,
гвардии майор в отставке,
бывший редактор
авиационной дивизионной
газеты «Победа»

ОНИ СРАЖАЛИСЬ ПО-ГВАР- ДЕЙСКИ

На другой же день после прибытия на полуостров Ханко Алексей Касьянович Антоненко и его ведомый Петр Антонович Бринько сбили по одному вражескому «бристоль-бульдогу». Несмотря на различие характеров, оба летчика были очень дружны, отлично понимали друг друга в воздухе. Каждый в совершенстве знал свой маневр, стремился выручить товарища из беды в минуту смертельной опасности. По шестнадцать часов в сутки сидели они в самолетах. Спать ложились тут же, рядом с истребителями. Ботинки ставили так, чтобы можно было сразу вдеть в них ноги. Парашюты летчиков висели на специальных расчепках. Через тридцать секунд после сигнала тревоги друзья поднимались в воздух.

Появление на Ханко Антоненко и Бринько неприятель вскоре ощутил особенно остро. Однажды над аэродромом, внезапно вынырнув из-за леса, появился «юнкерс». Это произошло в минуты напряженной артиллерийской дуэли между нашей и вражеской батареями. Антоненко и Бринько тотчас взлетели, несмотря на обстрел. Бой шел над командным пунктом. Антоненко напал на «юнкерс» с одной стороны, Бринько — с другой. Зенитчики-артиллеристы прекратили огонь, наблюдая за этой схваткой. Фашистский самолет повернул на юг, пытаясь

уйти в сторону моря, но был настигнут у самой кромки берега и рухнул на скалы. Позже выяснилось, что Алексей Антоненко затратил на уничтожение стервятника семь патронов, а Петр Бринько — одиннадцать. От взлета до посадки прошло всего семь минут...

Вытащив из-под обломков «юнкерса» обгоревшие трупы, защитники Ханко установили состав экипажа. Оказалось, он успел повоевать в небе Испании, Норвегии, Франции, Англии... В кармане стрелка-радиста Генриха Курта лежали карточки на хлеб с разменными талонами по десять граммов, а также разовый картонный билет, в котором было отмечено, что 18 апреля 1941 года Курт посетил в Париже на рю де Колонь публичный дом мадам Поль. И еще одна нелишняя подробность: сбитый над Ханко «юнкерс-88» был собран на берлинском авиационном заводе 20 мая 1941 года...

Как-то на рассвете летчики-гангутцы совершили налет на аэродром Турку. В налете участвовали девять «чаек». Антоненко и Бринько тоже летели, но на «И-16». На аэродроме самолетов противника группа не обнаружила. Но на обратном пути в гавани были замечены два вражеских гидросамолета. Зенитный огонь противника был так силен, что сквозь разрывы приходилось пробиваться, как сквозь облака. В кабины «чаек» и «Ильюшиных» проникал дым. Однако Антоненко и Бринько снизились над гаванью до бреющего полета и повторяли заход за заходом до тех пор, пока не вспыхнули оба гидросамолета. Уже на Ханко, анализируя свои наблюдения, летчики пришли к выводу, что в Турку непременно должны быть еще гидросамолеты. Надо их найти.

На этот раз Антоненко и Бринько взяли себе в помощь только двух летчиков — Лазукина и Белорусцева.

В гавани Турку стояло на воде пять гидросамолетов. Балтийцы пошли на штурмовку. После первой же атаки Антоненко заметил, что на сухопутном аэродроме врага поднимается облако пыли. Было ясно, что взлетают истребители. Значит, продолжать штурмовку гидросамолетов нет смысла. И Антоненко, не набирая большой высоты, стал отводить группу. Оба ведущих летели на полной скорости в семидесяти метрах над землей. За ними — Лазукин и Белорусцев. Шесть «фоккеров Д-21» мчались следом.

Когда дистанция между советскими истребителями и преследователями сократилась до восьмисот метров,

Антоненко резко сбавил скорость и перестроил отряд. Слева от него был теперь Лазукин, справа — Бринько, а еще правее — Белорусцев...

Группа развернулась. Четыре советских истребителя пошли против шестерки противника в решающую схватку...

Первая стычка — и два «фоккера», сбитых Бринько и Белорусцевым, рухнули в воду. Два вражеских самолета уничтожили Антоненко и Лазукин. Пятый «фоккер», прижавшись к самой воде, стал в панике уходить. Но шестой пошел в лобовую атаку... Вражеский ас летел навстречу Антоненко, но тот и не собирался уступать ему дорогу. Расстояние сокращалось с каждой долей секунды. Столкновение казалось неизбежным. И противник не выдержал. Потянув ручку штурвала на себя, он проскочил над Антоненко так близко, что советский «ястребок» даже качнулся. Затем враг развернулся и пристроился в хвост истребителя, готовясь прошить его пулеметным огнем.

Догоняя Антоненко, летчик противника уже не сомневался в победе. Он не открывал огня, стараясь подойти еще ближе, чтобы стрелять наверняка...

Но в это время наперерез врагу пошел Бринько. Короткая очередь, и вражеский истребитель перешел в беспорядочное пикирование и рухнул на камни...

Об этом боевом эпизоде много писали фронтовые корреспонденты. Но газета летчиков-истребителей «Победа» рассказала о нем читателям первой. Впоследствии известный советский писатель Николай Корнеевич Чуковский, тоже сотрудничавший в «Победе», подробно описал этот бой в своих очерках.

Между тем вскоре настала очередь Антоненко выручать Бринько.

...Около трех часов пополудни. Над Ханко — утренняя заря. Пара «фиатов» появилась над полуостровом. Два товарища дремлют в машинах, но не проходит и полминуты, как они уже в воздухе. Истребители врага предлагают бой на виражах. Антоненко и Бринько принимают его. Четыре самолета мчатся друг за другом, описывая огромные круги, то почти касаясь земли, то исчезая в вышине, где гаснут звезды.

После короткой общей схватки начался бой пары с парой. Дрались один на один. Оба вражеских летчика оказались опытными воздушными бойцами. И бороться

с ними пришлось долго. Почти истратив весь свой боезапас, Бринько все же успел сбить своего противника, и тот, как факел, упал на один из занятых нами шхерных островов.

По-иному сложилась обстановка у другой пары. Бой шел на больших скоростях, и в необъятных просторах неба Антоненко потерял своего противника. Тот остался один и вдруг заметил самолет Бринько, который снизился до бреющего полета и шел над водой к Ханко.

Вражеский летчик атаковал Бринько сверху. Не имея возможности защищаться, тот маневрировал у самой воды, уходя от огня. Пули ложились в море то справа, то слева...

Алексей Антоненко, искавший своего ведомого, вдруг увидел преследующего его хищника. «Чайка» снизилась до ста метров и одной короткой очередью срезала «фиат». Он свалился в море.

Оба гангутских сокола возвратились на аэродром. Их ястребки низко-низко промчались над крышей командного пункта. Это означало, что одержана еще одна победа.

* * *

Шел январь 1942 года. Истребители 61-й авиационной бригады базировались на двух приладожских аэродромах, прикрывая с воздуха ледовую трассу — Дорогу жизни. Вместе с эскадрильями на Ладогу прибыл автофургон — редакция ежедневной походной газеты балтийских истребителей.

Как-то вечером в мою редакционную землянку заглянул бригадный комиссар Семен Семенович Бессонов. Обычно очень сдержанный человек, он в этот вечер был чем-то сильно взволнован.

— Есть важная новость, — сказал Семен Семенович. — Некоторым авиаполкам Балтики только что присвоено наименование гвардейских. Это первые гвардейцы на всем флоте. Поняли?

— Понял, товарищ комиссар.

— Ну так вот, — продолжал Бессонов. — Вам предстоит подготовить текст клятвы. Клятвы гвардейцев. Условия такие: немногословно, коротко, как очередь авиационной пушки. И еще: твердость, искренность, чтобы за душу брало.

Собираясь уходить, комиссар добавил:

— Завтра принесете мне текст в политотдел...

Гвардия... Чем-то древним повеяло от этого слова. И вот, пожалуйста, — советская гвардия! Как ее себе представить? Как выглядит гвардеец, защищающий Страну Советов?

Я вспомнил ханковцев. Всех крылатых защитников красного Гангута, героев Антоненко и Бринько... Что ж, они воевали как истые гвардейцы, — не отступали, не знали поражений, били врага не числом, а умением...

Слова приходили сами собой. Вскоре текст клятвы был написан. Одними из первых в памятном сорок втором ее дали Родине герои Гангута.

«Родина, слушай нас! Сегодня мы приносим тебе святую клятву на верность, сегодня мы клянемся тебе еще беспощаднее и яростнее бить врага, неустанно прославлять грозную силу советского оружия.

Родина! Пока наши руки держат штурвал самолета, пока глаза видят землю, пока в нашей груди бьется сердце и в жилах течет кровь, мы будем драться, громить, истреблять фашистских зверей, не зная страха, не ведая жалости, презирая смерть во имя полной и окончательной победы над фашизмом.

Пусть трепещет истекающий кровью враг — нет и не будет ему пощады от гвардейцев! Гвардейцы не отступают, гвардейцы не знают поражений. Гвардеец может умереть, но должен победить.

Красное знамя советской гвардии мы будем хранить и беречь как зеницу ока, как величайшую драгоценность. Мы пронесем его сквозь бурю Отечественной войны к светлому дню победы.

Смерть немецким оккупантам!

Да здравствует наша великая партия!

Да здравствует наша любимая Родина!»

...До сих пор храню я дорогую для меня реликвию Великой Отечественной войны — первую листовку с текстом гвардейской клятвы балтийских летчиков-истребителей. Маленький, окаймленный красной рамкой листок бумаги. Четкие строки набора под красной звездочкой.

ОТВАЖНОЕ СЕРДЦЕ НЕ ДРОГНЕТ В БОЮ,
МЫ ЛЮДИ ГЕРОЙСКОГО СКЛАДА.
ЗА ЧЕСТЬ, ЗА СВОБОДУ, ЗА ЗЕМЛЮ СВОЮ
МЫ ЖИЗНЬ ОТДАДИМ, ЕСЛИ НАДО.

*Из стихотворения старшины 2-й
статьи И. Никитушкина (написано
в дни боев на Ханко)*

**НА НИХ РАВНЯЛИСЬ,
ИМИ ГОРДИЛИСЬ**

Что там, за амбразурой? ● Три звонка — опасность ● В полночь, после артподготовки ● За спиной у противника ● Не помог шюцковцам пулемет ● Уходили двое, пришли впятером ● Когда герои не стыдятся слез...

КОНСТ.
ГРИЩИНСКИЙ

В ДОЗОРЕ ПЕТР СОКУР

Надвигался синий, безоблачный вечер. В шхерных протоках устало плескалась вода. Над скалистыми островками кружились крикливые чайки. И если бы не раздавались время от времени шорох и свист, а затем тяжкий взрыв снаряда, то можно было бы, пожалуй, подумать, что на Ханко царит полная безмятежность.

Не одна сотня вражеских снарядов взорвалась за последние пять дней в расположении роты лейтенанта Хорькова, но других признаков активности противника здесь пока не было заметно. А в этот вечер артобстрел позиций роты, да и всего батальона почти прекратился.

Временное затишье не могло усыпить бдительность командира. Короткая, но трудная война на Карельском перешейке зимой тридцать девятого — сорокового научила его быть всегда настороже.

— Как в твоём секторе? — спросил он по телефону командира взвода Емельянова.

— Спокойно, Иван Петрович, — ответил вполголоса лейтенант. — Движения на той стороне нет. Стрельба слабая. Пока все в порядке. Сосед ведет себя тихо...

Словечко «тихо» не понравилось Хорькову, и он закончил разговор с ноткой раздражения:

— С виду тих, да характером лих сосед наш. Усильте

караулы. В наблюдатели выделите самых толковых. Понятно?

— Понятно, товарищ командир. Будет выполнено, — донеслось из трубки.

Хорькову самому захотелось побывать во взводе лейтенанта Емельянова. Это подразделение занимало самый ответственный участок ротной обороны. Он надел фуражку, проверил, заряжен ли пистолет, предупредил связного, куда отправляется, и вышел из командного пункта.

Во взводном блиндаже, где он застал Емельянова, был, как всегда, порядок. На столике лежали развернутая карта, остро заточенные карандаши, линейка, измеритель, транспортер. На стене, всегда готовый к действию, висел автомат «Суоми», трофеей минувшей войны. Ящик с гранатами был открыт.

— Ну, как там «звонари»? — усмехнулся командир роты и кивком головы показал на сигнализацию, устроенную над амбразурой. Она была донельзя простой: от секретного наблюдательного пункта, выдвинутого к линии проволочных заграждений, саперы протянули тонкую веревку и прикрепили ее к звонку. И условные сигналы были несложными: один звонок — проверка, два звонка — замечено что-то подозрительное, три — опасность!

Лейтенант смущенно оправдывался:

— Лучшего не придумали, товарищ командир. Не поставишь же телефон — разговор слышен будет...

— Знаю, знаю, — миролюбиво ответил Хорьков. — Кто у вас там сегодня наблюдает?

— Добрые бойцы, Иван Петрович. Комсорг роты Сокур и красноармеец Андриенко. Они не задремлют... Им не впервой...

Командир роты заглянул в амбразуру. Сквозь нее были видны редкие сосенки и далее, метрах в ста пятидесяти, — заграждение из колючей проволоки в четыре кола. Блиндажик наблюдателей отсюда не был различим. Это был всего лишь небольшой окопчик с перекрытием. Внутри него можно было только лежать, или сидеть пригнувшись. В случае появления перед заграждением вражеских саперов или разведчиков «секрет» должен был подать сигнал, но не открывать огня.

— Тревог напрасных не было? — спросил Хорьков, собираясь уходить.

— Да была одна. Должно быть, заяц в веревке запутался. Раздались звонки, но мы сразу все поняли.

— Вы что — охотник? — рассмеялся Хорьков.

— Не охотник, Иван Петрович, а пошутить люблю. С шуткой воевать легче. А заяц, ей-богу, как-то промчался, чуть всю сигнализацию не нарушил.

— Ну, ладно, лейтенант, зайцы зайцами, а в оба смотрите. Не по душе мне эта тишина на передовой. Как бы подвоха не было. Чуть что — укрывайте людей, готовьтесь к трудному бою...

Идя на позиции следующего взвода, Иван Петрович думал о своем разговоре с Емельяновым. Лейтенант хорошо знал своих людей. В «секрет» посланы опытные бойцы. Бывший сельский учитель Петр Трофимович Сокур — комсомольский вожак. Медлителен, даже неуклюж с виду, лишнего слова иной раз не вытянешь, а в то же время обладает бесценными качествами: рассудителен, хладнокровен, есть выдержка и понимание задач дня — то, что и надо красноармейцу. Хорош и его напарник — Алексей Иванович Андриенко. Храбр, ловок, в руках все горит. С таким хоть в разведку — не подведет. Парень что надо!

* * *

Как и предполагал Хорьков, фашисты вели себя тихо в этот последний вечер июня не зря. Около полуночи на переднем крае батальона загрохотали частые взрывы, перешедшие в сплошной гул.

Позже выяснилось, что сосредоточение артиллерийского огня на сравнительно небольшом пространстве нашей обороны имело целью оглушить, деморализовать бойцов переднего края, превратить в груды обломков их укрепления, разбить проволоку, взорвать фугасы и мины, чтобы открыть дорогу наступающим.

Самый интенсивный огонь противник вел по позициям взвода Емельянова. Три часа продолжалась артподготовка, однако доты и дзоты, построенные на совесть, выдержали этот удар.

Немало пришлось пережить «секрету», притаившемуся возле «колючки». Вокруг бушевала буря. Горели сосны. На десятки метров в стороны и вверх летели осколки снарядов и комья каменистой земли. Тлела сухая трава. Проволочное заграждение было искорежено.

Но убежище, в котором лежали красноармейцы Сокур и Андриенко, к счастью, уцелело.

Стрельба прекратилась внезапно. Было слышно, как в лесу, с треском ломая ветви, рухнуло дерево. Дым и пыль еще заволакивали окрестность.

— Петро, Петро! — хрипло зашептал Андриенко. — Они идут...

Сквозь полужасыпанную амбразуру бойцы увидели, как в туманной полутьме замелькали фигуры шюцковцев. Враг перешел в наступление. Штурмовые группы входили в пробитые артиллерией проходы в проводочных заграждениях.

Сокур и Андриенко хорошо помнили приказ командира взвода: пропустить фашистов за линию первых укреплений, а потом бить их в спину.

Один из бегущих протопал сапогами прямо по блиндажу. С низкого потолка сквозь щели в настиле на бойцов посыпался песок.

— А наши-то, наши... Почему не стреляют?..

Сокур с укоризной глянул на Андриенко и, вытряхивая из-за ворота песок, процедил:

— Баня с веником приготовлена.

Как бы в подтверждение сказанного сзади ударили пулеметы и автоматы. Полковая артиллерия открыла огонь шрапнелью и фугасными, отрезая врагу пути отхода. И снова рядом загрохотали взрывы, осколки и пули засвистели над входом в блиндаж. И хотя они были столь же опасны, как и вражеские, красноармейцам сразу стало легче. Значит, вражеская атака будет отбита!

Первые прорвавшиеся в глубь нашей обороны солдаты противника были сметены ливнем огня. Но те, что шли за ними, залегли, а потом, стреляя из автоматов и ручных пулеметов, стали перебежками продвигаться вперед. Многочисленные воронки от снарядов и разбросанные повсюду камни-валуны помогали вражеским солдатам укрываться от пуль.

— Гранаты! — крикнул Сокур напарнику. — Выходим. Ударим по ним сзади!

Узкий окопчик, служивший ходом сообщения, завалило землей, Андриенко расчистил путь лопаткой и выкарабкался наружу. За ним, опустив на лоб каску, вылез и Сокур. Устроившись в ложбинке, бойцы открыли из винтовок прицельный огонь. Стоило кому-нибудь из

шюцкоровцев приподняться, попытаться сделать бросок, как меткая пуля настигала его.

Так, расчетливо и смело, Сокур и Андриенко уничтожали вражеских солдат. Тем временем подоспел резерв, и рота Хорькова перешла в контратаку.

Вся поляна была покрыта трупами. Враг понес большие потери и стал в панике отходить. Шюцкоровцы бежали обратно. Петр Сокур и Алексей Андриенко бросали из засады гранаты, стреляли из автомата. Запас патронов для винтовок кончился, выручили трофейные немецкие «шмайсеры»...

* * *

Бой у Лаппвика 1 июля 1941 года длился шесть часов. Два красноармейца-наблюдателя все это время находились на самом опасном участке.

Когда бой закончился, разведчики, посланные лейтенантом Емельяновым, отправились искать Сокура и Андриенко. Но герои уже сами шли навстречу своим боевым товарищам. Они шли не одни. Перед ними, подняв руки, брели три вражеских солдата (у одного из них на плече висел пулемет).

Пленных повели на ротный командный пункт. Между тем бойцы допытывались у Сокура и Андриенко, считавшихся погибшими, как им удалось захватить пулемет и пленных.

Сокур по обыкновению отмалчивался. Как старший он должен был прежде всего доложить обо всем начальству.

— Ничего особенного, — говорил между тем словоохотливый Андриенко. — Как водится, залегли и стали стрелять по фашистам, которые вас атаковали. Потом они побежали обратно. Ну, а тут мы с Петром. Раскусили, гады, в чем дело, попытались нас окружить. Ничего у них не получилось. Мы взялись за гранаты. А потом столкнулись с этими троими, крикнули «ура!». Шюцкоровцы прямо-таки обалдели. Сразу руки вверх. И про пулемет забыли. Сокур жестом приказал одному из них взять пулемет на плечо. И повели мы их...

Рассказ Алексея Андриенко казался неправдоподобным. Но чего не бывает на войне!

— Ведем мы шюцкоровцев ложиной. И тут пулеметчик пришел в себя. Их трое, а мы вдвоем. Он даже

завыл от обиды. Остервенел. Бросил пулемет и полез было в драку. Но мы его быстро образумили. И опять он понес свой пулемет...

* * *

Лейтенант Хорьков и политрук роты Кузьмин представили Петра Сокура и Алексея Андриенко к правительственным наградам.

В штаб Ленинградского округа, которому подчинялась стрелковая бригада полковника Симоняка, была отправлена радиogramма. В ней говорилось: «Красноармеец Сокур Петр Трофимович проявил себя как мужественный, бесстрашный патриот. В одном из боев он уничтожил четырех снайперов противника, шесть автоматчиков и трех стрелков. Находясь в окружении, метким огнем уничтожал пулеметчиков, автоматчиков и офицеров врага. При отходе противника разоружил трех солдат и представил на командный пункт».

Примерно то же было сказано в радиogramме об Алексее Ивановиче Андриенко, помощнике Сокура.

Указом Президиума Верховного Совета СССР Петру Сокуру было присвоено звание Героя Советского Союза. Алексей Андриенко награжден орденом Ленина.

В декабре сорок первого ханковцы прибыли в город Ленина. Полк, в котором служили Петр Сокур и Алексей Андриенко, воевал на Ивановском «пяточке», штурмовал гитлеровские укрепления при прорыве блокады под Шлиссельбургом, был на Ладого, ходил в наступление под Красным Селом, брал Вороною гору. Но Петр Трофимович недолго прослужил в этой славной части. Во время прорыва блокады он получил контузию. Из госпиталя сержанта Сокура (ему было присвоено это звание еще на Ханко) послали учиться в Казанское танковое училище.

Многие боевые друзья Героя Советского Союза Петра Сокура пали в жестоких боях с гитлеровцами. В тот день, когда сомкнулись Ленинградский и Волховский фронты, погиб от вражеской пули Алексей Иванович Андриенко.

После окончания училища лейтенант Сокур на фронт не попал. Давала знать о себе контузия. Он работал райвоенкомом сначала в Московской, затем в Смоленской, а несколько позже в Калужской области. Демоби-

лизовавшись из армии в 1953 году, Сокур обосновался в селе Брынь Сухиничского района Калужской области. Вначале учительствовал в школе. Потом избрали его односельчане председателем сельского Совета. Пять лет трудился он на этом посту.

И снова оторвала его от дел не прошедшая бесследно контузия.

В последний раз побывал Петр Трофимович в Ленинграде в декабре 1971 года на большой встрече гангутцев. Здесь он увиделся после многих лет разлуки со своим бывшим командиром роты Иваном Петровичем Хорьковым. Много было воспоминаний, душевных бесед с другими защитниками Ханко...

Когда эта книга готовилась к печати, Петру Трофимовичу, как и другим ветеранам Гангута, было послано письмо. Вскоре пришел ответ от его дочери.

«Петр Трофимович находится на лечении в городе Сочи, — сообщала Елена Петровна. — Будет скоро дома. Сейчас отец на пенсии, однако покоя не ведает. Возглавляет две комиссии: партийную, по контролю за хозяйственной деятельностью администрации совхоза, и ревизионную — при Совхозрабкоопе, а также является заместителем председателя группы народного контроля. Рано утром его можно увидеть на фермах или на тракторном стане, в поле или на зерновом складе, а вечером — в клубе или в школе, где он выступает с воспоминаниями о былых сражениях. О себе говорит мало. Вспоминает товарищей — Лешу Андриенко, Бойко, харьковчанина Кузьмина — всех тех, что погибли в боях. Вспоминает и подчас не может сдержать слез, хотя и герой...»

ТВЕРДА ЕГО РУКА

*Поэты Ханко были
очень молоды ● Красно-
армейцы и краснофлот-
цы, они знали высокую
цену мужества и воспе-
вали мужество ● Сти-
хи, которые вы проче-
те на этих страницах,
написаны под огнем*

ГЕРОЯМ ПОСВЯ- ЩАЕТСЯ...

Готов в тот вечер Сокур был
Разить врага в упор.
Он с Андриенко уходил
В передовой дозор.
Граница. Он — ползком туда...
Под проволоку лег...
В пяти шагах его тогда
Никто б найти не мог.
Он слышал тихие шаги,
Он видел пред собой —
Не спят враги, следят враги,
Враги готовят бой.
Да, грозный бой, горячий бой...
Враг рвется на прорыв.
Летит снаряд над головой,
И где-то рядом взрыв.
Кровь задымилась на росе,
Но как ни береги,
Патроны — все, гранаты —
все,
Вокруг друзей — враги.
А лес шумит. Во тьме поют
Свинец и сталь кругом.
Но, слышишь, слышишь —
пушки бьют?
То наших пушек гром!
И враг пускается бежать,
Разбитый в пух и прах,
И видит Сокур, что лежат
Три гадины в кустах.
— Сдавай оружие,
меньше слов!..
Тверда его рука.
Он конвоирует врагов
Оружием врага.

Краснофлотец Алексей Гриденко.
Рис. Л. Самойлова.

НА ПОСТУ

Граница. Ночь. И воздух стыл, и ни луны, ни звезд.
Он приказанье повторил и заступил на пост.
А через час заговорил артиллерийский гром.
Шел огневой свирепый вал и все крошил кругом.
Он резал сосны наповал, осколками хлестал,
Боец лежал и наблюдал, не уходил с поста.
Земля вздымалась, клокоча. Сквозь свист, и вой, и лай
Шюцкору кинулись, крича, на наш передний край.
Из черных пулеметных рыл огонь свинцовый бил,
Борисов в руку ранен был и в ногу ранен был.
Он ран своих не замечал, сочились кровь густа,
Боец лежал и наблюдал, не уходил с поста.
Когда ж ударил сверху вниз наш пулеметный град,
Когда стремительно неслись шюцкоровцы назад,
Он автомат горячий взял, и, привалясь к камням,
Он шестьдесят смертей послал вдогонку по врагам.
Он приподнялся от земли. Как тишина пуста!
Его обратно привели, — он не ушел с поста.

БАЛЛАДА О СВЯЗНОМ

Краснофлотцу Алексею Гриденко.

Два отделенья охраняли остров.
Садилось солнце. Вечер был багров.
И шторм крепчал. Пылали в небе пестром
Разодранные клочья облаков.

Был каждый напряжен, сосредоточен,
Чего-то ждал, месил на месте грязь,
А шторм крепчал, и в середине ночи
Девятым валом оборвало связь.
А может, и не валом? Только смертно
Повеяло предчувствием беды,
Когда на остров темные, как черти,
Ползли люди прямо из воды.
Они ползли, ложились врастяжку,
Их было много, рота... батальон...
Но встал связной, рванул бушлат,
тельняшку
И выбросил смертельный медальон.
Он бросился в бурлящие воронки,
Соленым ветром захлестнуло рот.
Два снайпера ударили вдогонку,
И нервной дрожью вспыхнул пулемет.
Он все забыл. Кипучее стремленье
Его несло и умирать и жить,
И мысль одна: «Скорей за подкрепленьем
Добраться, добороться, доложить!»
И он петлял. Он в стороны метался,
Хоть шторм и пули были заодно,
Как пробка, на поверхность вырывался,
Тяжелым камнем уходил на дно.
В кровь изодраз и локти и коленки,
Донельзя зол и до предела слаб,
Он выплыл и пополз на четвереньках
И не вошел — ввалился плахой в штаб.
И капитан увел навстречу ночи
Своих бойцов, успев в дверях сказать:
— Герой, но это между прочим,
Дать спирту и перевязать.

Красноармеец
Н. ЧЕРНОУС

В РУКОПАШНОЙ СХВАТКЕ

Дрожит от залпов серый мрак,
Свист пули, мина воет...

Налево — враг, направо — враг,
А наших — только трое.
И ранен Юрченко.

Сержант

Не замечает боли.
Он наступает, как гроза,
Шюцкоров бьет и колет.
А ночь темна; во мгле густой
Сержант и не заметил,
Что враг таился под кустом,
Из автомата метил.
Но командира никогда
Боец в беде не бросит,
И вот уже спешит сюда
Красноармеец Тромсин.
Удар штыка. Шюцкора вой,
Отчаянный, последний...
Встает рассвет над головой,
Стихает бой победный.

Стрелок-радист
ЧУГУННИКОВ

ЗАЩИТНИК ОТЧИЗНЫ

Летит красnozвездная птица,
Летит над приморской волной,
Ведет ее славный балтиец —
Защитник отчизны родной,
Бесшумно скользя по простору,
На вражеский катер летит,
И пули стучат по мотору,
И катер разбитый горит.
Недаром героем зовется
Отважный советский пилот.
Здесь враг никогда не пробьется,
Здесь враг никогда не пройдет!

Старший краснофлотец
В. С М И Р Н О В

ВЕЛИКАЯ ДРУЖБА

Свинцовые тучи над морем плывут.
Рокочут балтийские волны.
Стоит среди волн неприступный Гангут,
Отваги и смелости полный.
Пусть тонны металла над нами ревут,
Пусть черные коршуны выются.
Великою дружбой гангутцы живут,
И дерзко на подвиги рвутся.
Течет в наших жилах горячая кровь,
Сердца большевистские бьются.
Презрение к смерти и к жизни любовь —
Вот главная сила гангутца.
Свинцовые тучи над морем плывут,
Рокочут балтийские волны.
Стоит среди волн неприступный Гангут
Отваги и смелости полный.

Старшина 2-й статьи
Н. Н И К И Т У Ш К И Н

НЕ ДРОГНУТ БАЛТИЙЦЫ

На море — торпедой, на суше — в штыки,
Чистейшая всюду работа.
На то мы гангутцы, на то моряки
Балтийского красного флота.
Отважное сердце не дрогнет в бою,
Мы люди геройского склада.
За честь, за свободу, за землю свою
И жизнь отдадим, если надо.
Не дрогнут балтийцы. Они берегут
Традиции красного флота.
И памятна будет навеки врагу
Суровая наша работа.

Краснофлотец
Г. МОКРОГУЗОВ

ГОРЪД-ЧАСОВОЙ

Настала ночь. Свежо и остро
Осенняя сырая мгла
На грозный, гордый полуостров
Тенями серыми легла.
В лесу низина пахнет прелью
А под листвою сырость, мрак.
Разбитый вдребезги шрапнелью,
Уныло чахнет березняк.
За перелеском на границе
(Как будто землю гром шатнул)
Мелькают яркие зарницы
И орудийный слышен гул.
Свистят снаряды, мины рвутся.
В густом дыму пороховом,
В боях отважные гангутцы
Куют победу над врагом.
Налево, вправо посмотрите —
Вдали заметны островки.
Над ними тихо из укрытий
Струятся легкие дымки.
Там возле пушек удалые
Орлы балтийские стоят.
Там катера сторожевые
Седое море бороздят,
Над морем низко ходят тучи.
Шумят и пенятся валы,
И ветер нордовый, колючий
Ревет в расщелинах скалы,
А тут, у бухты, недалече,
За сероватой крутизной,
Металлом жгучим изувечен,
Не дремлет город-часовой...
Туман простерся над заливом
И волны бешено режут...
Стоит в величье горделивом
Стальной крепостью Гангут.

По комсомольскому набору ● Трудно? Да. Опасно? Да ● С борта — в воду ● Схватка на берегу ● „Язык“ — хорошо, а два — лучше ● „Личный дот“ старшины ● „Пушку бы сюда!“ ● Их называли „пахарями моря“

ВИКТОР
ГАНШИН

ВСЕМ СМЕРТЯМ НАЗЛО

На карте Финского залива острова рассыпались вокруг Ханко, точно шрапнель. Для бывшего балтийского моряка Героя Советского Союза Г. М. Давиденко со многими из них связаны яркие, незабываемые воспоминания.

...В 1936 году двадцатилетний Григорий Давиденко по комсомольскому набору пришел на Балтийский флот. Был он родом из воронежской глубинки, совсем сухопутный парень.

Бушлат и бескозырка пришили Давиденко по душе, морское дело он изучал охотно и всерьез, с обстоятельностью, присущей ему во всем. Командиры отметили толкового, старательного краснофлотца, послали его на курсы катерников. Он успешно закончил их и к началу войны стал старшиной второй статьи, командиром сторожевого катера.

Стояло звонкое северное лето. Убаюкивала тишина белых ночей. В разное время суток «ОВР-9» под командой Давиденко выходил в море с одной и той же боевой задачей: бдительно нести охрану водного района. Вокруг поднимались скалистые, местами покрытые лесом острова. Внимательность требовалась максимальная.

Запомнилась ночь с 21 на 22 июня. «ОВР-9» был в очередном дозоре. Уже вставало солнце, когда из-за ближнего

лесистого островка вдруг появился самолет. Он вылетел из-за той невидимой черты, на страже которой стояли советские моряки. Никакого оповещения о нем Давиденко не получил ни перед выходом в море, ни позже — по радио. Еще несколько мгновений, и стали ясно различимыми черные кресты на крыльях. Чужой самолет шел к нашему берегу.

Не знал тогда молодой старшина, что боевая тревога, которую он объявил, была для него началом войны. Пулеметы дозорного катера открыли огонь. Вражеский самолет дал несколько очередей по нему, изменил курс и вновь скрылся за одним из островов.

— Это, конечно, и боем-то не назовешь, — вспоминает сегодня Григорий Митрофанович. — А вот в памяти осталось, видно, на всю жизнь...

Настоящее боевое крещение старшины Давиденко было впереди. Одним из самых впечатляющих дел, в которых ему довелось участвовать, была высадка десанта на остров Хорсен.

Катер Давиденко уже не раз ходил на острова, где обосновались наши гарнизоны, доставлял им боеприпасы, продовольствие, медикаменты. Не раз тяжело нагруженное суденышко обступали фонтаны разрывов, но его экипаж уже уверенно заделывал пробоины от осколков и пуль, и командир мог положиться во всем на каждого из своих матросов. Участвовал «ОВР-9» и в высадке десантов. Операция по захвату Хорсена была особенно трудной и опасной.

Катер выполнял двойную роль: он не только высаживал десантников, но и должен был обеспечивать связь гранинского отряда с полуостровом Ханко. Огромная катушка с кабелем занимала всю корму. Старшина сам встал за штурвал.

— Разве расскажешь, как проскочили мы эти несколько сотен метров до Хорсена! — вспоминает Давиденко. — Все тут имело значение: и внезапность, и маневр, и удача.

Десантники прямо с борта глубоко осевшего катера бросались в воду. Остров был взят, противник, так досаждавший нам, разгромлен. Обрато на базу «ОВР-9» шел тоже не порожняком. На нем была группа пленных.

На островах у побережья Ханко шли ожесточенные бои. Враг хотел закрепиться на них, чтобы контролировать подступы к нашей военно-морской базе, но это ему

не удавалось. Шестнадцать раз участвовал катер Давиденко в десантных операциях. И каждый раз бой развивался по-особому, неповторимо. Иногда нашим бойцам удавалось дерзким ударом сразу опрокинуть противника и в скоротечной схватке захватить островок. Но, случалось, бой затягивался, то затихая, то набирая силу. Тогда вся надежда была на катерников. Они доставляли подкрепления и боеприпасы, принимали на борт раненых.

— Бой за Стурхольм продолжался много часов, не затихая ни на минуту, — рассказывает Григорий Митрофанович. — Наши ребята, выбивая с острова шюцкоровцев, дрались буквально за каждый валун. Да и нам пришлось нелегко. Несколько раз под огнем врага прорывались мы к Стурхольму, доставляли боеприпасы, забирали раненых.

В одном из таких рейсов катер обстреляла «кукушка». Давиденко меткой очередью из ручного пулемета уничтожил вражеского снайпера, затем поддержал огнем своих десантников, штурмовавших позиции врага.

Однажды командир ОВРа капитан второго ранга М. Д. Полегаев вызвал Давиденко и дал ему задание захватить «языка». Он знал, что Давиденко не подведет. Старшина всегда действовал дерзко и инициативно. Был случай, когда он среди бела дня угнал из бухты новый вражеский бот. Произошло это так.

За несколько месяцев боевых действий в шхерах моряк отлично изучил прибрежную обстановку — острова, фарватеры, мели, «плескуны». Старшина взял на заметку вражеский остров, где гарнизон вел себя очень уж беспечно. Давиденко разведаль подходы к нему, выявил порядок смены вражеских караульных постов и прихода на островок катеров.

Сам собой напрашивался дерзкий план зайти «в гости» к шюцкоровцам и угнать ошвартовавшийся в бухте новенький бот...

— Все было как в петровскую эпоху, во времена Гангута, — шутит Григорий Митрофанович, рассказывая про эту вылазку. — Скрытно подошли мы к острову и — прямо в бухту. На боте никого не было. Мы обрубили причальные концы и увели его на буксире к себе...

У командира ОВРа были основания доверить старшине такое ответственное и трудное задание, как захват «языка».

Катер «ОВР-9» взял курс на один из островов. Он был ничейным, но противник иногда забрасывал сюда наблюдателей. Судно шло скрытно, двигатель работал «вполголоса». Войдя в бухту, катерники высадили свой крошечный десант. Двое — Давиденко и один из матросов — пошли в разведку. Под ногами у них похрустывал пересохший лишайник. Шумел ветер в соснах... Но вот до разведчиков донеслись голоса: два ничего не подозревавших вражеских связиста удобно расположились под скалой, наслаждаясь отдыхом. Взятые без единого выстрела, оба они были доставлены на Ханко.

Потом «ОВР-9» перебазировался на восточный берег полуострова. И здесь катерники Давиденко быстро освоились с обстановкой. Патрульная служба, десантные операции, перевозка людей, грузов... Но это по ночам, а в светлое время суток Давиденко овладевал искусством снайпера.

...Должно быть, здесь раньше был хутор. А возможно, его собирались строить. На земле лежали бетонные кольца, подготовленные для колодца. Старшина превратил одно из них в свой «личный дот». Отсюда хорошо просматривались подступы к переднему краю противника. Семнадцать раз нажимал на спусковой крючок винтовки с оптическим прицелом Григорий Давиденко и ни разу не промахнулся.

Снайпер хорошо изучил укрепления противника. А если здесь поставить орудие? Давиденко доложил о своем замысле командиру. Идею в штабе поддержали. Была выбрана удобная позиция для пушкарей. Ночью без особых осложнений на двух понтонах удалось доставить на остров орудие и снаряды.

— Артиллеристы потом рассказывали катерникам, какой «банный день» они устроили противнику. Парилка была мировая...

В канун октябрьских праздников Давиденко с группой краснофлотцев высадился на небольшом островке, откуда до берега, занятого врагом, было рукой подать. Старшина взобрался на березку, вершина которой возвышалась над всеми окружающими ее деревьями, и укрепил на ней флаг. Наутро перед глазами вражеских солдат и офицеров затрепетало кумачовое полотнище.

— Пальбы с их стороны было много, толку — ни на грош, — вспоминает Григорий Митрофанович об этом эпизоде, смеясь и крепко потирая чисто выбритую

голову. — Расстроили мы противника тогда здорово. А для наших ребят это был праздник.

В конце ноября началась эвакуация защитников Ханко. Катер Давиденко уходил с последним эшелоном в ночь на 3 декабря. Штормило, ледяная шуга скребла борта катера, переполненного людьми. Несколько раз захлебывался двигатель, но катер упрямо шел вперед, держа курс на Кронштадт. К утру, когда уже показались каменистые берега острова Гогланд, судно качнулось от взрыва...

— Вода обожгла, как огонь. Кругом ледяное сало. Бушлат сразу стал, как панцирь, потянул вниз. Эта чертова мина многих унесла...

Оглушенный, контуженный, Давиденко сумел продержаться в ледяной воде, пока не подошла на помощь тонущим канонерская лодка «Кама». Сам продержался и помог спастись двум раненым матросам.

— Так поневоле распался наш боевой экипаж. Кто попал в госпиталь, а кто продолжал воевать. Тридцать лет прошло с тех пор, а помню всех своих ребят. Рулевого Крюкова, моториста Копылова, пулеметчика Кабакальяна, радиста Толстопятова, бойца химзащиты Зимовца...

В 1942 году новый катер, которым стал командовать Давиденко, выполнял особые задания командования — снимал и высаживал наших разведчиков с занятых врагом островов и с побережья залива. Орден Отечественной войны I степени, которым был награжден Григорий Митрофанович, — дорогая для него память о тех рейдах в тыл врага.

Но мина подкараулила и новый катер...

Снова госпитальная койка и снова жгучее желание — скорее на корабль, к ребятам. Дивизион катерных тральщиков, куда после лечения направили Давиденко, выполнял работу, о которой мало сказать, что она опасна. Это был каждодневный поединок со смертью.

Финский залив враг превратил в сплошное минное поле. Ночами выходили на «пахоту» наши тральщики. Среди них был «ТЩ-58», которым командовал мичман Давиденко. Они несли патрульную службу, прокладывали фарватеры, высаживали десанты и тралили, тралили, тралили. Послужной список многих из этих небольших кораблей часто заканчивался фразой: «Подо-

рвался на mine». Так случилось и с «ТЩ-58». Невысокий, коренастый командир его всем смертям назло выжил и опять поднялся на мостик корабля.

О подвигах мичмана Г. М. Давиденко рассказывали боевые листки. У него училась флотская молодежь отваге и боевому умению. В 1944 году Григорий Митрофанович получил звание Героя Советского Союза.

Его «КТЩ-97» участвовал в Выборгской десантной операции, прокладывал путь нашим кораблям к берегам Прибалтики и сотни раз и во время войны, и уже после нее выходил на поиск минных ловушек, многоярусных «сюрпризов», магнитных мин, которых фашисты набросали в Финский залив великое множество. Опасная игра со смертью для Давиденко закончилась лишь в 1948 году.

О мужестве «пахарей моря» — живых и павших — напоминает людям монумент, воздвигнутый в Минной гавани Таллина. На гранях монумента начертаны имена героев. Значится среди них и моряк-гангутец Г. М. Давиденко.

...До войны Григорий Митрофанович был часовым мастером. Тяга к точной работе, как говорит он сам, сделала его такелажником. При этом изменился лишь масштаб деталей, но не уменьшились требования к точности. Бригада, которой руководит мичман запаса, собирала многотонные прессы в тракторных корпусах Кировского завода, монтировала станки в цехах фирмы «Красная заря», электронно-вычислительные машины и разнообразные аппараты — в Политехническом институте.

— И хотя нередко приходится иметь дело с огромными узлами и деталями, — говорит Григорий Митрофанович, — точность монтажа разрешает лишь микронные допуски. Сейчас мы устанавливаем оборудование в новом корпусе физико-технического института.

По-прежнему у бывшего моряка сильные руки и верный глаз. Он легок на подъем. Недавно побывал в Павловском районе — земляки пригласили героя на праздник в родное село: колхозу исполнилось полвека.

Мы беседуем с Григорием Митрофановичем, а он поглядывает на часы, торопится. В его семье в этот день большой праздник — свадьба. Женится младший сын.

КРАСНЫЙ БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ

21 сентября 1941 года

*Сначала он был пуле-
метчиком ● Без единого
промаха ● Плыл по за-
ливу баркас... ● Штор-
мовая ночь на Эльмхоль-
ме ● Сквозь огненное
кольцо*

А. ПЕТРОВ

ВЫСТРЕЛЫ ГРИГОРИЯ ИСАКОВА

Храбро сражались в бою за Кугхольм пулеметчики. Они подавляли огневые точки врага, косили его живую силу. Командование и все бойцы остались довольны действиями пулеметчиков и их командира — старшего краснофлотца Григория Михайловича Исакова¹.

На второй или третий день после занятия Кугхольма наблюдатели заметили на соседнем острове солдат противника. У Исакова была снайперская винтовка. Григорий выбрал удобную позицию, замаскировался и стал ждать, когда снова появятся фашисты. Вот один из них встал во весь рост. Исаков нажал на курок. В оптический прибор можно было видеть, как гитлеровец схватился за грудь и упал на спину. Второго вражеского солдата, видимо, наблюдателя, Исаков обнаружил на сосне и тоже прикончил. Потом он уложил наповал офицера. Фашисты всполошились, поставили дымовую завесу и под ее прикрытием утащили убитого.

С тех пор о Григории Исакове пошла слава как о метком стрелке. Однажды он выследил моторный баркас, в котором сидели три фашиста. Снайпер первым выстрелом

¹ Герой обороны Ханко снайпер Г. М. Исаков погиб на одном из участков Ленинградского фронта. В карельской деревне Пандуши, откуда он родом, его имя присвоено школе.

снял рулевого. Баркас, потеряв управление, завертелся на волне. Сидевшие в лодке схватили убитого и выбросили его за борт. Один из них взялся за руль и прибавил газу. Однако снайперские пули настигли и второго, и третьего гитлеровца.

Исакова вскоре перевели на другой остров, от которого до вражеского берега рукой подать. Опять Григорий выбрал себе выгодную позицию. В первый же день он снял трех фашистов, в том числе одну «кукушку», обнаружил НП противника. Вместе с напарником Исаков сбил стереотрубу и уничтожил наблюдателей.

Когда маннергеймовцы попытались захватить остров Эльмхольм, Григорий попал в тяжелое положение. Почти в полном окружении он продолжал вести прицельный огонь по врагу. Тяжело раненный, Исаков все же сумел пробиться к своим.

Снайпер Григорий Исаков.

Рис. Б. Пророкова.

Красный ГАНГУТ

8 октября 1941 года

*Под сквозными ветрами
Балтики ● Кок знает
свое дело ● Дерзкая вы-
лазка разведчиков ● К
морю, на родные кора-
бли ● Раненого несли на
бушлате ● Имена оста-
лись неизвестными*

К. ЗОЛОТОВСКИЙ

НАДЕЖНЫЕ ПАРНИ

На этом острове не бывает затишья. День и ночь дуют над ним сквозные ветры. Неустанно омывает Балтийское море здешние пологие берега...

Тому, кто привык к крутым, диким скалам и большому хвойному лесу полуострова Ханко, покажется странным равнинный пейзаж Осмуссаара: мелкая галька да редкий низкорослый кустарник. Взору не на чем остановиться. На равнине нет ничего, кроме двух-трех десятков кустов боярышника и немногих лип.

Противник ведет по острову артиллерийский огонь.

Сосредоточенно, бдительно несет службу сигнальщик Андронов. Под огнем, презирая опасность, наводят связь краснофлотцы Кутовой, Серцов и Розов.

Кок Смирнов попал под обстрел, но обед приготовил вовремя. Подшучивая над ним, краснофлотцы утверждали, что орудийная канонада благотворно влияет на кулинарные способности кока: обед был на сей раз вкуснее обычного...

* * *

Недавно группа разведчиков с Осмуссаара, высадившись на южный берег залива, столкнулась с гитлеровцами. Краснофлотец Книжник с размаху всадил в фашиста штык. Храбро дрались бойцы Сивожелезов и Кочнов. Краснофлотец Любский, спасая раненого

товарища, кинулся к вражескому пулемету и уничтожил его расчет.

Придя в себя от замешательства, гитлеровцы сообразили, что разведчиков немного, и перешли в контратаку, чтобы отрезать их от берега и оттеснить в лес.

— Надо было выручать ребят, — рассказывает краснофлотец Владимир Юрковец, который во время этой вылазки находился на катере в ожидании товарищей. — Я со своим помощником Королевым подготовил к бою станковый пулемет. И вот видим мы — бегут по берегу фашисты. И начали мы косить, да так, что им тошно стало. По моей каске ударила шальная пуля. Пригнулся я к пулемету — темно в глазах. А Королев ленту направляет и цель указывает. У мыса стояли три недостроенные лайбы. Гитлеровец-наблюдатель забрался туда с биноклем. Снял я его очередью. Уже светало, когда из леса выскочили вражеские автоматчики и кинулись к катеру. Подпустил я их поближе. А они бежали во весь рост. Должно быть, думали, что на катере все убиты. Ну, я по ним и застрочил... Вскоре наши, добыв нужные сведения, вернулись на катер, принесли раненых. Катер отошел от мыса. Тут я последние пять патронов израсходовал на врага...

* * *

Рассказывают здесь о подвиге восьми балтийцев. Сражались они в Латвии и оказались отрезанными от своих. Куда податься? Конечно, к морю, на острова, на родные корабли. Днем прятались, нападали на небольшие группы гитлеровцев. Среди солдат и офицеров противника пошел слух о неуловимой «большевистской роте».

Герои добрались до моря. Вдохнули всей грудью соленый воздух и побрели побережьем, высматривая шлюпку или катерок, снимая вражеских дозорных, обходя особенно опасные места. Но все же однажды они напоролась на заставу. Впереди и позади — фашисты. Прорвали балтийцы вражеское кольцо, но все были ранены, исключая одного, самого молодого.

На бушлате несли тяжело раненного моряка. Он бредил, а приходя в сознание, просил бросить его в море. Боялся парень, чтобы друзья из-за него в лапы врагу не попали. Но те не оставили раненого. Эх, как обра-

довались все старой рыбацкой лодке — полузатонувшему дырявому корыту! Фланелевками заткнули дыры, ка-сками вычерпали воду и вышли в залив. Лодка пришла на Осмуссаар. Молодой краснофлотец, вышедший без единой царапины из вражеского тыла, отрапортовал коменданту острова о прибытии экипажа шлюпки в полном составе.

* * *

Ночь. По витой кованой лестнице поднимается на маяк Осмуссаара сигнальщик Абакуров. Темны стали ночи, но берега острова охраняет надежный караул. Грозные пушки готовы в любую минуту нанести врагу сокрушительный удар.

Красный ГАНГУТ

18 ноября 1941 года

*Сквозь завесу артогня ●
В трюме, охваченном
пламенем ● Врач опери-
рует под обстрелом ●
Ценный груз спасен от
гибели*

Н. ИМШЕНЕЦКИЙ

ВСЛЕД ЗА КОМАНДИ- РОМ

Утро наступало медленно. Тяжелые мохнатые тучи плыли над самой водой. Волны шумно бились о каменные выступы дамбы.

На Осмуссааре ждали прихода судна с Ханко. Вот вдали показались слабые очертания приближающегося корабля, и вскоре гидрографическое судно «Вохи» подошло к берегу. Было тихо. И вдруг, свистя приглушенными моторами, совсем рядом из-под низко нависших облаков вынырнул «юнкерс-88». Вынырнул и сразу же скрылся.

— У, черт! — с досадой выругался капитан «Вохи». — Сейчас начнется...

Когда судно подошло к стенке и были приняты швартовы, у правого борта ухнул первый взрыв. Враг начал обстрел пристани и пирса.

Между тем прибыли бойцы, которым было приказано разгрузить транспорт. Но путь к судну им преградила завеса артиллерийского огня. Что делать? В трюмах «Вохи» находились ценные для защитников острова грузы. Положение становилось критическим. Но вот к бойцам бросился их командир Е. К. Вержбицкий.

— Коммунисты и комсомольцы, за мной! — крикнул он и первым побежал к обстреливаемому пирсу. За ним устремились краснофлотцы Новиков, Гринь, Вилеев, Абдусалимов, Прудников и другие.

Вслед за Вержбицким в трюм, охваченный пламенем, спустились командир отделения Боборыкин, краснофлотцы Погодин, Новиков и Кошелев.

Тем временем артиллерия противника продолжала ожесточенно обстреливать не только судно, пирс, но и подходы к ним. Появились первые раненые. Военврач Губанов, санитары Климченко, Родин, Григорьев и Зотов самоотверженно оказывали им медицинскую помощь.

Прибывшая с судном медсестра Надя Ивашова отказалась идти в укрытие. Она помогала уносить раненых в безопасное место, а когда одному из них потребовалась срочная медицинская операция, помогла хирургу В. И. Ошкадерову сделать ее.

Командиры Нестеренко, Книжник, Назаров, секретарь партбюро Голик, пренебрегая опасностью, работали вместе с подчиненными, увлекая их своим примером.

Шофер Козбан, вывозя под обстрелом грузы, совершал рейсы в глубь острова. Осколком снаряда матрос был ранен. Стиснув зубы от боли, он привел машину к месту назначения и потерял сознание. Его вынесли из кабины на руках.

Капитан Вержбицкий тоже был ранен. Однако он не покинул корабля, пока не был спасен весь груз.

КРАСНЫЙ БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ

Сентябрь — октябрь 1941 года

Трудный день на островах ● Стрельбу корректируют авиаторы ● Его помнят четыре моря ● Магазин на переднем крае ● Все ее сыновья

ПЕТР
ЗВОНКОВ

О ТАКИХ ГОВОРЯТ: „ОРЛЫ!“

БРАГИН И БРАГИНЦЫ

Ханковцы частенько говорят:

— Слышите? Быют брагинцы. Эти зададут фашистам жару!..

Береговая батарея капитана Виктора Андреевича Брагина действительно хорошо стреляет. В первые дни войны ей был дан приказ сбить вражескую наблюдательную вышку на острове Моргонланд. Вышка торчала на гранитной скале, и фашисты просматривали с нее весь полуостров и рейд.

Прогремело всего четыре залпа. И над тем местом, где только что стояла вышка, поднялся огромный столб дыма. В финской печати промелькнула заметка: «Заминированная вышка Моргонланда от русского снаряда взлетела на воздух».

Через несколько дней батарея открыла огонь по живой силе противника, пытавшегося прорвать линию нашей обороны на сухопутной границе. Точными сокрушительными ударами артиллеристы рассеяли вражескую пехоту. Командование наших стрелковых частей вынесло брагинцам благодарность.

Как-то наблюдатели заметили в районе острова Стурхольм две буксируемые фашистские баржи с боеприпасами. Капитан Брагин объявил боевую тревогу, приказал открыть огонь.

Перелет. Дана поправка. Недолет. Еще снаряд. Хорошо!

Сигнальщики доложили:

— Было две баржи, осталась одна.

— Прикончить вторую.

— Есть!

Стрельба была меткой: вторая баржа загорелась и выбросилась на рифы.

Спустя несколько дней летчики попросили артиллеристов уничтожить зенитную батарею на острове Престэне. Первые залпы не отличались точностью. Самолет-корректировщик сообщил поправку. Брагинцы отправили в цель еще несколько снарядов. Наконец летчик радировал: «Все в порядке. Можете считать, что зениток больше не существует».

Через некоторое время батарее было приказано сбить еще одну наблюдательную вышку. Она стояла на острове Порсэ. Ночью ее нельзя было разглядеть, и стрелять приходилось, что называется, вслепую. Но потребовалось только три снаряда, чтобы вышка превратилась в горящий факел.

Надолго запомнится фашистам день, когда они, задумав прорвать нашу оборону на островах, предприняли атаку с моря. Фашистское командование бросило в наступление против левого фланга нашей обороны несколько десантных групп. В течение двадцати часов без перерыва береговая батарея билась по противнику.

Капитан Б. М. Гранин, командовавший на островах нашими отрядами, несколько раз вызывал по телефону командира батареи:

— Передай спасибо ребятам. Хорошо кладут снаряды, красиво. Бейте и дальше так!

Артиллеристы потопили две большие рыбачьи лайбы с вражескими солдатами, заставили замолчать батареи противника, разбили несколько его пулеметов и минометов, помогли гарнизонам островов сбросить десантников в море.

За все время боя на батарее не произошло ни одного случая поломки механизмов, осечки, задержки в стрельбе.

Приходилось комендорам участвовать и в артиллерийских дуэлях.

Был такой случай. На батарею обрушили свои залпы десять вражеских пушек. Брагинцы приняли вызов.

Завязался неравный бой. Фашистский снаряд разорвался во дворике второго орудия. Командир орудия Виктор Сорин был ранен. Упал, сраженный осколком, установщик квадранта Иванов. Погиб рядовой Коган. В расчете не осталось и половины номеров...

Оставшиеся в строю артиллеристы не потеряли самообладания. Они восстановили поврежденные механизмы и продолжали стрелять...

Фашисты задались целью во что бы то ни стало уничтожить батарею капитана В. А. Брагина и выпустили по ней тысячи снарядов. Мыс, на котором стоит батарея, был весь покрыт воронками. Но батарея оставалась боеспособной. Дружный коллектив артиллеристов научился под огнем противника ремонтировать орудия и наносить врагу ответные сокрушительные удары.

Батарейное первенство прочно удерживает второе орудие. Командует им Виктор Сорин. Весь его расчет показывает пример отличного использования боевой техники. Здесь не угасает творческая мысль бойцов. Несколько рационализаторских предложений внес правый наводчик Василий Уланов. Замковый Дмитрий Алексеев до службы работал красильщиком на заводе «Красный треугольник». Много пришлось ему потрудиться, чтобы в совершенстве освоить артиллерийское дело. Подлинного мастерства достиг прибойничный Теренин. Во время стрельбы, когда в расчете не хватало двух третей номеров, он успевал выполнять свои обязанности, устанавливая прицел и даже работать за наводчика.

На батарее есть свой поэт. Артиллерист Сорочинский написал поэму о мужестве своих боевых друзей. Есть здесь артисты. Командир взвода Александр Ермолин сочинил юмореску и поставил ее на сцене. Бойцы с удовольствием смотрят спектакль и от души аплодируют доморощенным талантам.

Командир орудия
Виктор Сорин.

Рис. Б. Пророкова.

Пять месяцев батарея капитана В. А. Брагина громит фашистских захватчиков. Огонь ее так интенсивен, что если понадобится, брагинцы сменят еще раз лейнера¹, но снаряды их и впредь будут разить врага.

РАСЧЕТ „ЦАРЬ-ПУШКИ“

Здесь находится позиция железнодорожного дальнего 305-миллиметрового орудия, в шутку прозванного краснофлотцами «царь-пушкой»². Орудийным расчетом третьего транспортера командует опытный артиллерист лейтенант Савелий Ефимович Соболевский.

Прислуга орудия состоит преимущественно из молодых краснофлотцев, год-полтора назад пришедших во флот. Пушка, из которой они стреляют, представляет собой огромный боевой комбинат с сотнями деталей, механизмов, приборов.

С первых дней войны «царь-пушка» громит различные объекты противника. Однажды наблюдатели заметили скопление фашистских войск.

— Уничтожить врага, — поступил приказ.

После стрельбы командира орудия вызвали к телефону.

— Примите благодарность от командира базы, — услышал он. — Стрельба отличная. Противник понес огромные потери...

Через несколько дней командование приказало повторить огневой налет. Результат тот же — отличный.

А вот очередная боевая тревога. Краснофлотцы немедленно занимают свои места. Подана команда подготовиться к открытию огня. Быстры и точны движения людей. Комсомолец Дворников загоняет в канал ствола орудия снаряд и заряд. Кузнецов проворно закрывает замок:

— Товсь!

Ястребцев мгновенно совмещает стрелки.

...Ревун! Комендоры нажали педали. Оглушительный удар... За первым выстрелом последовал второй, третий, четвертый...

¹ Лейнер — тонкостенная стальная труба с винтовыми нарезами, образующая канал ствола орудия. Легко заменяется в случае износа, что позволяет увеличить живучесть орудия.

² Речь идет об орудийном транспортере 9-й железнодорожной батареи трехорудийного состава.

Командир отделения электриков Яковенко, бойцы Савченко, Копыл, Кузнецов умело обеспечивают безотказное действие агрегатов.

Комендоры не видели разрывов снарядов, но позже они узнали, что цель поражена.

Авиаторы, корректировавшие стрельбу, донесли: «Снаряды попали в шюцкоровскую казарму. Возник большой пожар. Прямым попаданием разбита и горит железнодорожная станция. Поврежден железнодорожный путь на протяжении около двухсот метров...»

Командир базы снова объявил всему орудийному расчету транспортера и его командиру С. Е. Соболевскому благодарность.

Из небольшого коллектива комендоров несколько лучших товарищей вошли в десантные отряды... На островах храбро дерутся с врагом погребные Василий Мохов и Виктор Самодуров. Краснофлотец Иван Сафонов, находящийся на одном из островов, недавно прислал на батарею письмо. «Я жив, здоров и пребываю в хорошем настроении, — пишет он. — Фашисты ежедневно выпускают по нашему маленькому острову триста пятьдесят — четыреста снарядов и сто пятьдесят — две-сти мин. Но нас ничто не сможет сломить. От имени всех бойцов заверяю вас, товарищи, что мы своих позиций не сдадим... Бывшие комендоры Макаров, Дятлов и Ефимов в бою ведут себя смело и не посрамят чести нашей батареи... Все бойцы просят, чтобы из наших пушек вы, друзья, «плюнули» разок-другой по острову Н. Уж больно хочется посмотреть, как наши снаряды снесут к чертовой матери вражеские укрепления...»

НА КРУТОЙ ВОЛНЕ

В Ханко и далеко за его пределами хорошо известен небывалый до сих пор случай, когда четыре «морских охотника» атаковали вражеский миноносец и канонерскую лодку. В результате комбинированного удара авиации и катеров (командовали ими М. Д. Полегаев и Г. И. Лежелеков) миноносец был подожжен и потоплен.

Гремит слава и об экипаже катера лейтенанта П. М. Бубнова. В неравном бою с вражескими кораблями этот катер был изрешечен пулями и снарядными осколками. Личный состав не только сохранил живу-

честь катера, но и продолжал наносить врагу ощутительные удары. Почти девять часов вели храбрые гангутцы морской бой. Вот на какое-то время их пушки замолчали (были ранены лейтенант Бубнов и командир расчета Удалов). Тогда наводчик Павел Фокин собрал из оставшихся в строю номеров расчет и открыл по врагу губительный огонь. Вражеской пулей был ранен и Фокин. Но он не покинул своего боевого поста. Остался на командном мостике Петр Михайлович Бубнов, получивший ранение в руку. Его четкие, смелые приказания координировали действия экипажа.

С чувством гордости рассказывают катерники о лейтенанте Иване Михайловиче Козлове. Второй год командует он катером, и все это время его экипаж считается здесь одним из лучших.

Командование поручает Козлову выполнение самых сложных и ответственных операций. И не было еще случая, чтобы задание было выполнено плохо. Экипаж работает только на «отлично».

Вот, например, расчет носового орудия. В боевом формуляре его числятся десятки уничтоженных огневых точек противника, много потопленных лайб с солдатами. И командир орудия Виктор Бабкин, и наводчик Шведов, и установщик прицела Краснов работают быстро, четко, без суеты. Как бы ни была сложна обстановка, с какой бы крутой волны ни приходилось стрелять, Шведов мгновенно ловит цель. Краснов точно устанавливает прицел. Гусак быстро подает снаряд, Бабкин без промаха бьет по врагу.

Экипаж катера малочислен. Каждый человек здесь на учете. Каждый краснофлотец старается помочь товарищу в тяжелой боевой работе. Старшина Бабкин, ведя огонь, успевает наблюдать за разрывами, за горизонтом, за воздухом. Командир отделения рулевых Савинский может десять и больше часов подряд стоять на руле и одновременно вести наблюдение за поверхностью моря.

Изучил Савинский и сигнальное дело. Однажды в бою командиру понадобилось спуститься в машинное отделение.

— Оставляю вас на время своим заместителем, — сказал Савинскому лейтенант.

Пока командир был внизу, Савинский уверенно маневрировал под огнем противника. Он был настолько

поглощен этой работой, что не заметил, когда перед ним пули пробили щиток.

О лейтенанте Козлове говорят, что он рожден для боя. В опасные минуты и часы лейтенант неузнаваем. Глаза горят, голос тверд и звонок, движения резки, команды четки, быстры. В бою Козлов бесстрашен. Краснофлотцы во всем стараются подражать своему командиру.

Отважно и умело сражается с врагом Григорий Иванович Лежепеков. Кто он такой? Сын крестьянина-бедняка, с малых лет узнавший, что такое батрацкая жизнь. В армии служил красноармейцем, потом окончил Военно-морское училище, плавал на Черном, Белом, Японском и Балтийском морях. Командовал пограничным катером, затем дивизионом. Задержал немало яхт и шхун, пытавшихся воровски проникнуть в советские территориальные воды. На Ханко во всех операциях по взятию островов участвовал Лежепеков. Как-то манергеймовцы попытались отбить один из них. Лежепекову было приказано не допустить высадки десанта, подавить огневые точки противника, поддержать огнем наш гарнизон. Старший лейтенант вывел катер в бой и блестяще решил все эти задачи. Шлюпка с солдатами противника пошла на дно, миномет взлетел в воздух, десятки шюцкоровцев были уничтожены пулеметным и артиллерийским огнем. Лежепеков искусно маневрировал под вражеским обстрелом. В итоге — ни одного попадания в катер!

СПАСИБО ВАМ, ДОРОГИЕ!

Они могли уехать в глубь страны. Им предлагали это сделать. Но они пожелали остаться на Ханко. Женщины заявили, что будут вместе с краснофлотцами до последней капли крови защищать полуостров, который стал для них родным.

Они ухаживали за ранеными в госпитале, заменяли мужчин на складах в порту, стояли за прилавками, варили обеды бойцам и командирам. Обстановка заставила женщин на время поселиться в подвалах и землянках. Они приложили немало старания, чтобы любое жилье сделать уютным.

Ольгу Иванову знают на Ханко как смелого, бесстрашного шофера. Мужеству ее могут позавидовать

многие мужчины. Машина Ивановой несколько раз была под обстрелом.

— Меня фашистские пули боятся, не трогают. Вот только грузовик малость покалечили, — говорит Ольга.

Машину починили, и Ольга Иванова продолжает развозить по частям продукты и товары.

Сухопутная граница. Грузовой автомобиль Военторга или, как говорят здесь, «передвижной магазин» под огнем противника подошел к переднему краю обороны, завернул в сосновую рощу и остановился возле землянок. Из кабины вышла девушка в красноармейской гимнастерке.

— Ребята, Военторг приехал, сыпь быстрее! — слышалось со всех сторон.

Девушка поднялась в кузов «полуторки», подвязала белый фартук и, устанавливая чаши весов, сказала:

— Кому чего, говорите!

Началась оживленная торговля. Эту девушку, Марусю Веселову, хорошо знают гангутцы, особенно на передовых позициях. За неделю она успевает побывать во всех частях. Ни артиллерийский огонь, ни плохая погода не останавливают ее.

Кандидат медицинских наук Эмма Абрамовна Качан снискала на Ханко славу исцелительницы от многих болезней. Десятки раненых краснофлотцев и красноармейцев, теперь уже снова сражающихся на передовых позициях, обязаны своим выздоровлением Эмме Абрамовне. Ее уже нет среди нас. Она погибла на боевом посту. Но ее пример честного служения долгу вдохновляет гангутцев в боях.

Вместе с мужем, тоже врачом, работает в госпитале терапевт Александра Гавриловна Арутюнова. Война заставила ее переквалифицироваться. Она помогает мужу в его тяжелой и ответственной работе хирурга.

Женя Кравченко — комсорг, старшая сестра хирургического отделения. Помимо своих прямых обязанностей, с которыми она справляется отлично, Женя в свободное от дежурств время организовала стирку, глажение и починку белья раненых. Она и ее подруги несколько раз ходили в лес, набрали ягод, наварили раненым варенья.

Рука об руку с девушками работает седовласая старушка Евдокия Лаврентьевна Александрович. Как родная мать, заботится она о больных. Столь же чутко относится к людям Прасковья Рудакова. Мария Калинина

обслуживает операционную. Ее работа очень сложна и ответственна. Всю душу, все силы вкладывает она в доверенное ей дело. Санитарка Мария Семенова пять дней не смыкая глаз дежурила в палате тяжелобольных.

Девушки из столовой Военторга № 1 после работы, по примеру Жени Кравченко и ее подруг, стирают белье бойцов, набивают патроны в ленты. Парикмахер Дома флота Тася Гусева работает на передовых позициях не покладая рук.

Спасибо вам, дорогие наши подруги, за ваш самоотверженный труд, за ваше высокое мужество!

*Рымы на граните ●
Остров Даго зовет... ●
Позади море, впереди
враг ● Моряки спешат
на помощь пехотин-
цам ● На горизонте —
силуэты вражеских ко-
раблей ● Командир ге-
роического экипажа*

И. А. ШВАРЦ,

*капитан 2-го ранга в от-
ставке, бывший комиссар
дивизиона погранкате-
ров*

ОДИН ПРОТИВ ШЕСТИ

В первый же день войны с фашистской Германией приказом командира базы наш дивизион, возглавляемый старшим лейтенантом Г. И. Лежепеквым, в полном штатном составе вошел в состав ханковского ОВРа. «Морскими охотниками» у нас командовали М. Н. Феофанов, И. М. Козлов, В. И. Беляев и А. И. Терещенко.

Базирование катеров в порту Ханко становилось все более опасным. Над полуостровом время от времени появлялись вражеские воздушные разведчики. Бомбардировщики противника не раз пытались нанести бомбовый удар по городу Ганге, по кораблям на рейде и в порту. Фашистские стервятники были отогнаны мощным зенитным огнем. Но командир ОВРа капитан 2-го ранга М. Д. Полегаев решил все же перебазировать катера в бухту острова Густавсверн под прикрытие его скалистых берегов. Когда-то здесь стояли корабли старого русского флота. Об их пребывании там нам напомнили высеченные на отвесных глыбах гранита названия судов и вделанные в камень рымы — массивные металлические кольца для швартовки.

Катерам ОВРа приходилось действовать главным образом в темное время суток. Хорошее знание шхерных фарватеров нам очень пригодилось. Правильно поступил

в предвоенное время начальник штаба дивизиона С. И. Кведло, уделив главное внимание при обучении катерников освоению района плавания.

* * *

В октябре 1941 года, после кровопролитных боев за Даго, настал момент, когда остров надо было оставить. Для эвакуации людей использовались все плавсредства, имевшиеся в распоряжении командования ВМБ Ханко. Одну группу кораблей, состоящую из трех катеров «МО», повел на Даго старший лейтенант Г. И. Лежепекков. Вторую группу (мотоботы) возглавил старший лейтенант Л. Н. Горбунов.

Вечером катера и мотоботы покинули базу. Они шли по маршруту Ханко — Осмуссаар — Даго — маяк Тахкуна. Ночь была очень темная, но пользоваться световыми сигналами и радио было запрещено.

На рассвете показался остров Даго. В бинокль было видно, что на нем идет бой. Защитники острова удерживали небольшой мысок с маяком. Противник встретил наши катера и мотоботы огнем артиллерии и минометов.

Море было беспокойным. Бойцам, покидавшим Даго, пришлось добираться до наших кораблей на шлюпках либо вплавь, на подручных средствах.

В сложную обстановку попал «МО-237». Пока катерники поднимали на борт двух бойцов, бревно, на котором они плыли, подбило под киль. Командир катера Козлов распорядился застопорить ход. Но бревно по-прежнему находилось под килем, а судно неумолимо несло на камни. Командир приказал дать задний ход в надежде, что струя воды выбьет бревно из-под днища. Но торец бревна застрял в винтах. Весь корпус катера затрясло. От вибрации выбило сальники вала. Внутри судна стала поступать вода...

Личный состав «МО-237», изнемогая от усталости, самоотверженно боролся за живучесть корабля. Мужество и стойкость экипажа взяли верх. Двигатель удалось исправить, и катер благополучно вернулся на Ханко, доставив с Даго бойцов, храбро сражавшихся на последнем оборонительном рубеже.

Героически действовал в те дни и «МО-239». 20 октября командир катера лейтенант А. И. Терещенко получил боевое задание следовать на Даго, к пирсу Лахтме,

чтобы снять с него наших воинов. Стомильный путь к острову лежал через минные поля, вблизи берегов, занятых противником. Но вот, наконец, и Даго. К пирсу Лахтме вел узкий фарватер, лишенный ограждений. Под сильной навальной волной катер при подходе к пирсу стал разворачиваться, чтобы стать носом на выход. В этот момент у самого борта катера взметнулись белые столбы воды. Один за другим разорвались два вражеских артиллерийских снаряда. Погиб лейтенант Терещенко. Осколками был ранен рулевой.

Неуправляемый корабль несло к берегу. По приказу младшего лейтенанта С. Г. Гончарука команда открыла ответный огонь по фашистам. Катер стал отходить назад. Мотористы, давая двигателю полные обороты, что называется, выжали из него все. Осколком вражеского снаряда пробило борт. Ручной помпой матросы откачали поступившую в трюм воду, заделали пробойну, и катер, маневрируя, вырвался из зоны обстрела.

Казалось, опасность миновала, однако, как выяснилось, предстояло еще одно испытание. На горизонте появилось шесть неизвестных катеров. Гончарук приказал сигнальщику запросить позывные. Вместо ответа на катерах вспыхнули огоньки выстрелов, и у борта «МО-239» появились новые всплески. Шесть новейших вражеских торпедных катеров, вооруженных автоматическими пушками и пулеметами, против одного нашего «морского охотника». Но раздумывать было некогда. Младший лейтенант решил разрезать надвое группу вражеских кораблей и, прикрывшись дымовой завесой, весь свой огонь сосредоточить на флагмане. Это было сделано, и три фашистских катера оказались отрезанными от остальных. Окутанные дымом, они не могли вести прицельный огонь. Тем временем комендоры Гончарука не дремали. Расчеты командиров орудий Петра Черных и Александра Подлевских открыли интенсивный огонь по врагу. Наводчики Новский и Загорняк били без промаха. Результаты стрельбы деморализовали противника. Два снаряда попали в головной фашистский катер, и он взорвался.

Используя тот же тактический прием, Гончарук отдал приказ снова поставить дымзавесу, отрезать ею часть вражеских катеров и на одном из них сосредоточить весь огонь. Второй фашистский катер пошел ко дну. Противник дрогнул. А Гончарук нанес еще один удар по врагу. Лишенный хода третий фашистский корабль понесло

на камни. Остальные повернули назад, спасаясь бегством...

Но и сам «МО-239» был в трудном положении. Из трех его двигателей два вышли из строя, третий требовал ремонта. Не работали все компасы и рация. Корпус катера был пробит в нескольких местах. На борту были тяжело раненные. От Ханко катер отделяло около ста миль.

Ночью, при ветре силой до шести баллов, обходя острова и берега, занятые противником, «МО-239» держал курс в родной порт. Стойкость и высокая выучка экипажа помогли решить труднейшую задачу. Гончарук возвратился на базу. За умелые действия и мужество, проявленные в бою против шести торпедных катеров противника, Семену Григорьевичу было досрочно присвоено очередное звание — лейтенант. Остальные члены экипажа героического корабля были представлены к правительственным наградам.

С той поры минуло три десятилетия. Сражавшийся до конца войны на Балтике Семен Григорьевич Гончарук работает ныне в одном из ленинградских научно-исследовательских институтов.

Из госпиталя на ко-
рабль ● „Суп с клецка-
ми“ ● Вся надежда —
на впередсмотрящих ●
В трюмах „Урала“ ●
Раскалывая ледяной
панцирь

С. А. ТУРИН,

капитан юстиции в от-
ставке

МОРСКОЕ СЧАСТЬЕ

«Балтийцы помнят Ваш самоотверженный поступок. В ноябре 1941 года Вы, больной, покинули госпиталь, повели «Урал» в опаснейший поход в тыл противника, к полуострову Ханко, и благополучно доставили оттуда более четырех с половиной тысяч гангутцев на защиту Ленинграда...

Адмирал В. Ф. Трибуц»

Приведенные здесь строки взяты из письма, полученного капитаном 1-го ранга в отставке Иваном Григорьевичем Карповым в день его 75-летия. О многом напомнило оно, это поздравительное письмо, ветерану нашего военного флота...

В ноябре 1941 года началась эвакуация гарнизона полуострова Ханко. И надо же было случиться, что именно в то время, когда командование планировало послать к Ханко минный заградитель «Урал», его командир И. Г. Карпов попал в госпиталь. Уже был назначен командир-дублер. Но Карпов, узнав об этом, решился на отчаянный шаг. Он сбежал из госпитальной палаты, прибыл на корабль и доложил командованию, что готов сам вести «Урал» к Ханко.

Вечером 7 ноября «Урал» вышел из Ленинграда в Кронштадт. Внешне корабль был совсем не похож на военный. И не мудрено. Ведь до 1939 года это был хорошо известный на линии Ленинград—Лондон

крупнотоннажный рефрижератор «Феликс Дзержинский». И только за два года до войны его передали Балтийскому флоту и переделали в минный заградитель. Но мирный облик корабля не изменился. Он по-прежнему был высокобортным, с огромными трюмами, «по-граждански» оборудованными каютами.

Осторожно прошел «Урал» мимо занятого фашистами берега. К счастью, вражеские наблюдатели (батареи противника стояли в Стрельне и Петергофе) не заметили его. И вот — курс на Ханко. Туда шли также транспорт «Жданов», эсминцы «Гордый», «Суровый» и другие корабли. Из транспортов дошел один «Урал». Балтийские воды в то время были похожи, как говорили моряки, на «суп с клецками» — так много здесь было мин. «Урал» подбирал моряков с тонущих судов и двигался вперед. Двигался осторожно, впритирку к шхерам. От плавающей «рогатой смерти» спасали впередсмотрящие.

Иван Григорьевич почти неделю не сходил с мостика. Он продрог, простудился. Едва достоял до Ханко — его свалило жестокое воспаление легких.

Первое, о чем спросил Карпова пришедший с берега комиссар: «Сколько людей сможет взять корабль?» На опытные, обстрелянные подразделения гарнизона рассчитывал Ленинградский фронт.

Нагрузились так, что люди в трюмах могли только стоять. Отдыхали по очереди. Корабль принял на борт также большое количество оружия, боеприпасов, продовольствия.

В ночь на 22 ноября «Урал» двинулся в обратный путь. Стараниями доктора Сойбеля и вестового, а главное — благодаря невероятному напряжению воли Карпов смог на время преодолеть болезнь и снова занял свое место на мостике. Впереди по маршруту, разработанному командиром отряда, шли тральщики, за ними — громадина «Урал».

Наблюдатели со специальными рогаками, обмотанными тряпками, стояли на палубе вдоль бортов минного заградителя. Передавая друг другу смертоносные плавающие шары, они отводили их за корму. И все это во мраке ночи, в жгучий мороз, среди штормового моря. Волны окатывали моряков обжигающе холодной водой. Одежда их покрывалась ледяной коркой, коченели руки, мерзли ноги...

Двести двадцать миль. Какой затраты сил стоили они! Снова, прижимаясь к берегу, отводя шестами в сторону плавающие мины, шел отряд кораблей к Ленинграду.

Зима в 1941-м была ранняя, и в конце ноября Финский залив почти весь уже был закрыт ледовой броней. Ледокола не было, и минному заградителю, теперь ставшему транспортом, пришлось самому ломать белый панцирь, то наваливаясь на него всем корпусом, то отступая для разбега.

«Урал» дошел до цели! Он встал на Неве, и из трюмов корабля потянулись бойцы, узнавая и не узнавая суровый военный город на Неве. Карпов со своей командой доставил Ленинграду солдат, боеприпасы, хлеб.

И. Г. Карпова считали на флоте счастливым командиром, но каждый, конечно, понимал, что счастье его — в опыте, умении руководить людьми, в личной храбрости и больших знаниях.

ПОНЯТИЯ ФРОНТА И ТЫЛА НА ХАНКО СОВМЕСТИЛИСЬ. КАЖДЫЙ ЕГО ЗАЩИТНИК ЧУВСТВОВАЛ СЕБЯ БОЙЦОМ ПЕРЕДНЕГО КРАЯ. ПРОТИВНИК ПРОСТРЕЛИВАЛ ПОЛУ-ОСТРОВ ИЗ КОНЦА В КОНЕЦ. НЕПРИЯТЕЛЬСКИЕ КОРАБЛИ БОРОЗДИЛИ ВОДЫ ЗАЛИВА. НО МЫ ВСЕГДА БЫЛИ НАЧЕКУ И ДАВАЛИ ДРУЖНЫЙ ОТПОР ВРАГУ, ГДЕ БЫ ОН НИ ПОЯВЛЯЛСЯ.

*Из воспоминаний капитана 1-го
ранга запаса А. Н. Башкирова, быв-
шего минера дивизиона пограничных
катеров*

**ВСЮДУ —
ПЕРЕДНИЙ КРАЙ**

*„Есть интересное дело“
● Орудия на железнодорожных платформах ●
Обнаружены противником ● В дыму и пламени пожара ● Пять — восемь стрельб в сутки ● Батарея прикрывает взлет „Ильюшиных“ ● Труба хлебозавода — чем не НП! ● Враг недосчитался своих катеров*

М. Е. ШПИЛЕВ,
подполковник запаса,
бывший командир 10-й
железнодорожной бата-
реи КБФ

НЕУЛОВИ- МАЯ „КАТЮША“

В 1940 году я командовал зенитной батареей «сорокапяток» в 29-м артиллерийском дивизионе. С первым караваном транспортов батарея прибыла на Ханко и была установлена на острове Граншер. Она была засекречена и целый год никаких стрельб не вела.

В середине июля комендант укрепленного сектора береговой обороны (сокращенно — УСБО) генерал-майор артиллерии И. Н. Дмитриев приказал мне сдать свои обязанности помощнику и явиться к нему. Когда я прибыл в штаб, мне сообщили, что я буду командиром формируемой железнодорожной батареи.

— Дело интересное, товарищ старший лейтенант, — заметив мое недоумение, сказал генерал. — Начальник артиллерии Кобец вам все объяснит...

Началось знакомство с новым начальством. Майор С. С. Кобец принял меня приветливо и не торопясь посвятил в суть дела. Он сказал, что командир базы принял решение построить 100-миллиметровую железнодорожную трехорудийную батарею.

— Инженеры уже приступили к расчетам, — сказал майор. — Включайтесь и вы в эту работу.

Прежде всего я осмотрел пушки. Они были доставлены на Ханко пароходом «Волголес». Среди пяти тысяч снаря-

дов к ним были и фугасные, и осколочно-фугасные. Почти половину боезапаса составляли дистанционные гранаты.

Осмотрев линию железной дороги, ведущую к границе с Финляндией, я вместе с базовым топографом выбрал двенадцать основных и две запасные позиции. Майор Кобец одобрил выбор. Позицию № 6 он определил как главную. С учетом этого нужно было построить подземные укрытия, позаботиться о маскировке.

Примерно в полутора километрах южнее города Ханко, в лесу, начались работы по созданию батареи. Руководил ими начальник инженерной службы сектора Н. С. Котов.

Объезжая места, где должна была действовать новая железнодорожная батарея, Сергей Спиридонович Кобец был, помнится, особенно озабочен вопросом, где и как изготовить упоры, необходимые для придания железнодорожным платформам устойчивости при стрельбе. Дело в том, что у нас на полуострове не было артиллерийских или механических мастерских, которые могли бы изготовить эти детали.

Однако дня через два Кобец приехал ко мне, вошел в землянку и, с радостью потирая руки, сообщил, что выход найден.

— Прикрепим под каждой платформой по пять двадцатипятитонных домкратов. Как только установим первое орудие, действие домкратов испытаем. Полагаю, что выдержат...

Тем временем происходило комплектование батареи людьми. Прибывали краснофлотцы, младшие специалисты, командиры. Сергей Спиридонович сам занимался подбором личного состава для будущей железнодорожной батареи. Он зачислял в формируемое подразделение смелых и толковых бойцов, которые уже побывали в боях. Комиссаром батареи был назначен политрук Н. Гашев. Моим помощником стал лейтенант Я. Самойлов, в прошлом младший командир-сверхсрочник. Огневым взводом командовал лейтенант С. Маслов, ранее служивший на острове Руссарэ. Команду железнодорожников возглавил лейтенант Янкин (имени его не помню).

Железнодорожная батарея создавалась в основном нашими руками. Для установки орудий были получены три четырехосные металлические платформы. В их бор-

тах, сделанных из листовой стали, мы вырезали куски шестиметровой длины и прикрепили к ним петли. Во время движения эшелона эти части бортов можно было поднимать, а при стрельбе опускать. Удерживаемые тросами или цепями на уровне пола платформы, они составляли с ним одну общую площадку, на которой мог свободно действовать орудийный расчет. По краям платформы были устроены железобетонные ящики для снарядов.

Под каждой платформой было приварено пять двадцатипятитонных домкратов. Четыре из них находились по углам, а один в центре, под основанием орудия. В выдвинутом состоянии винты домкратов упирались в деревянные подкладки, сделанные из шпал.

К концу июля работы подошли к концу. Генерал Дмитриев распорядился выделить батарею паровоз, а для ведения разведки — две мотодрезины.

Соблюдая требования маскировки, мы прикрывали зелеными ветками платформы и паровоз. По сигналу воздушной тревоги все люди уходили в укрытия. И все-таки противник взял нас на заметку. В первых числах августа над полуостровом Ханко пролетели вражеские самолеты, сбросившие бомбы на город и порт. Во время налета вражеские летчики, видимо, заметили местонахождение нашей батарейной базы. В тот же вечер, едва краснофлотцы пришли в свои землянки, чтобы лечь спать, как вокруг загрохотали разрывы.

Сразу же загорелся склад горюче-смазочных материалов. Здание, сколоченное из досок, густо покрытое краской, вспыхнуло, как факел. Майор Кобец, узнав о пожаре, приказал по телефону срочно отвести платформы в безопасное место. Группа матросов в составе тридцати человек во главе с лейтенантом Я. Самойловым начала борьбу с огнем. Лейтенант Янкин вскочил в будку локомотива, включил реверс (паровоз всегда был под парами) и повел его к первой платформе, чтобы оттянуть ее прочь от объятых пламенем строений. Но тут в железнодорожное полотно ударил снаряд. Рельсы были разбиты.

Паровоз не мог подойти к тому месту, где стояли платформы. Я приказал Самойлову выкатывать подвижные артиллерийские установки вручную из зоны огня.

Каждая платформа даже без орудия весила около двадцати пяти тонн, а ведь на ней кроме тяжелой пушки

находились еще два железобетонных снарядных ящика-погреба. Можно себе представить, какой это был тяжелый груз! Комендоры, возглавляемые Самойловым, вооружились ломami и толстыми кольями. Действуя ими как рычагами, они надавили на колеса, и платформы слегка сдвинулись с места.

Люди работали в дыму. Некоторые, чтобы было легче дышать, надели противогазы. А в это время противник продолжал ожесточенный артобстрел. При каждом взрыве снаряда в разные стороны летели обломки горящих досок, тлеющие головешки. От жара на людях тлели бушлаты. Но вот под дружным напором многих плеч первый транспортер покатился по рельсам...

Вслед за первой платформой удалось откатить в безопасное место и вторую и третью. Между тем в борьбу с артиллерией противника вступили батареи старших лейтенантов Виктора Брагина и Ивана Нечипорука. Мощным артналетом они заставили вражеские орудия замолчать.

Готовность первого орудия нашей батареи мы проверяли на мысе Уддскатан. Испытания показали, что во время выстрела, при угле возвышения, равном пятнадцати градусам, платформа под воздействием силы отдачи наклонялась, но когда выстрел производился при угле возвышения от тридцати до сорока пяти градусов, качка уже не ощущалась.

В середине августа, когда были испытаны остальные орудия железнодорожной батареи, мы получили от начальника артиллерии нормативы стрельбы. На развертывание одного орудия для ведения огня давалось две минуты, на изготовку к стрельбе всей батареи — восемь минут. На свертывание для ухода с позиции одной платформы отводилась одна минута, а всего эшелона — пять минут...

Подготовка железнодорожной батареи к стрельбе оказалась сложным делом. В течение восьми минут паровоз должен был расставить транспортеры с интервалами между ними в пятьдесят метров. Комендоры в это время откидывали борта платформ, подкладывали под домкраты брусья и вывинчивали винты до упора. В те же считанные мгновения надо было наладить телефонную связь с КП, подать боеприпасы к орудию. Чтобы уложиться в такой жесткий норматив, требовалось хо-

рошо знать свои обязанности и довести до автоматизма выполнение всех операций.

Штаб УСБО сообщил нам координаты батарей противника, выявленных к западу от полуострова Ханко. Особенно активными были вражеские батареи, находившиеся на полуострове Подваландет. Они ежедневно подвергали обстрелу аэродром, порт и город Ханко.

На батарею командование возложило следующие задачи: прикрывать взлет и посадку наших самолетов; препятствовать обстрелу противником наших объектов; вести борьбу с батареями противника, обстреливающими территорию порта; в пределах дальности стрельбы батареи (до 21 км) уничтожать транспортеры, десантные баржи и катера противника; оказывать содействие нашим десантникам в обороне захваченных ими островов.

Вспоминаются десятки боевых эпизодов. Приведу лишь один, наиболее характерный.

Оперативный дежурный штаба УСБО передает приказ: «Через десять минут идут на выполнение боевого задания наши истребители. Прикройте взлет и посадку. Не дайте противнику обстреливать аэродром». По боевой тревоге батарея изготавливается к открытию огня. Смотрю в бинокль. Хорошо видно, как взлетают два «Ильюшина» и уходят за горизонт. Противник молчит. Через несколько минут на горизонте опять появляются две точки. Это наши «И-16» возвращаются на базу. В тот же момент с полуострова Подваландет противник открывает яростную артиллерийскую стрельбу по аэродрому. Я подаю команду: «По батарее противника... Прицел семьдесят... Азимут — тридцать два, ноль-ноль... Дистанционной гранатой... Трубку двадцать четыре... три снаряда, темп шесть секунд — огонь!»

По лесу, где притаились наши транспортеры, разносится эхо орудийных залпов. Снаряды рвутся над целью, но чересчур высоко. Корректирую установку трубки. Батарея посылает еще три снаряда. Наблюдатели докладывают: цель подавлена!

Самолеты идут на посадку. Но в это время враг опять открывает по аэродрому огонь. Теперь стреляет уже другая батарея противника. И снова мы даем очередь из трех — пяти снарядов. Новая цель накрыта! Клубы дыма, возникшие на горизонте, неопровержимо свидетельствуют о том, что начался пожар.

Подаю команду «Дробь!». Транспортёры батареи свертываются и переходят на другое место. Между тем на прежней позиции начинают рваться вражеские снаряды. Матросы, довольные тем, что успели отойти в безопасное место, весело кричат:

— Давай, давай, разряжайся, фашист!

Мы проводили в сутки по пять, а то и по восемь таких стрельб. Понятно, что после ряда наших удачных огневых налетов противник стал охотиться за батареей. К сожалению, с ответными ударами по этим «охотникам» мы вначале запаздывали. Вскоре к нам на базу приехал майор Кобец и передал неукоснительный приказ генерала С. И. Кабанова: «Сразу же после первой вспышки на какой-либо из батарей противника, стреляющей по «десятке», должен последовать ответный выстрел с железнодорожной батареей Шпилева — и именно по этой цели».

Время полета вражеского снаряда до нашей позиции колебалось обычно в пределах от двадцати до пятидесяти секунд. С какой же быстротой мы должны были действовать, чтобы сразу же подавить батарею врага, которая сделала выстрел по нашей батарее. Впрочем, и эта задача оказалась по плечу нашему коллективу.

К концу августа наши соседние береговые батареи, частично израсходовавшие свои боеприпасы, стали стрелять реже. На «десятку» теперь легла основная тяжесть контрбатарейной борьбы с противником. Береговым батареям разрешалось израсходовать в сутки пятьдесят—шестьдесят снарядов. Половину этого количества, если не больше, выпускали по врагу пушки неуловимой «катюши», как любовно окрестили на полуострове Ханко нашу железнодорожную батарею № 10.

Противник тщательно маскировал свои военные объекты. Полуостров Подваландет покрыт густыми хвойными лесами. Многие цели почти не просматривались с наших наблюдательных пунктов. Что было делать? Майор Кобец предложил один из наших НП поместить на сорокапятиметровой дымоходной трубе хлебозавода.

Попытку взобраться на трубу предпринял вначале я сам. Но мне это не удалось. Жирная сажа прилипала к потным рукам, ладони скользили по металлическим ступенькам лестницы.

Вторым попытал счастья старшина Беляков. Вооружившись только биноклем (телефонный аппарат остался внизу), он сумел добраться до самого верха дымовой трубы. Подваландет был виден оттуда гораздо лучше, чем с других наблюдательных пунктов. Но стереотрубу никак не удавалось закрепить на новом НП.

Беляков несколько раз поднимался на трубу хлебозавода и вел наблюдение. Отклонение разрывов наших снарядов он корректировал очень хорошо. В результате огонь батареи стал еще более точным. Противника это обстоятельство весьма встревожило. Его наблюдатели, видимо, догадались, где устроился наш корректировщик. По хлебозаводу и по его трубе враг открыл сильный артиллерийский огонь. Майор Кобец приказал Белякова на трубу больше не посылать.

Как-то в конце октября наша разведка обнаружила в одном из шхерных районов скопление десантных катеров и других плавсредств противника. Очевидно, маннергеймовцы готовились к высадке морского десанта. Был тихий вечер, полный штиль. Погодные условия явно благоприятствовали задуманной противником операции.

Сергей Спиридонович Кобец вызвал меня в штаб УСБО. Развернув карту, он показал на ней место сосредоточения вражеских десантных средств. Однако, ставя боевую задачу, он не успел сказать и нескольких слов, как оперативный дежурный доложил ему, что катера противника уже приступили к перестроению, готовясь, очевидно, выйти в море.

— Что ж, стрелять по ним придется вашему заместителю, — сказал майор и взялся за телефонную трубку. Он передал лейтенанту координаты цели и приказал рассеять скопление десантных сил врага.

Самойлов быстро рассчитал данные для стрельбы и сообщил их огневому взводу лейтенанта Маслова. Корректировали огонь батареи разведчики-гранинцы. Несколько вражеских катеров было потоплено, уцелевшие бросились в разные стороны, ища спасения в шхерах...

Выручая своих, артиллеристы противника (девять орудий) открыли огонь по железнодорожной батарее. Но комендоры Маслова не дрогнули под обстрелом. Они продолжали столь же метко наносить удары по обнаруженной цели.

Однажды противнику все же удалось нанести чувствительный удар по нашей «катюше». В начале ноября паровоз расставил транспортеры с орудиями на предназначенных для стрельбы позициях. Машинисты несколько увлеклись этой работой и, забыв о маскировке, подсыпали в топку лишку угля. По черному дыму враг точно засек местонахождение локомотива. Последовал артналет. Прямым попаданием снаряда паровоз был поврежден, при этом погиб помощник машиниста, лейтенант Янкин получил тяжелое ранение, а кочегар — контузию.

Командир базы приказал выделить батарею другой паровоз, с новой бригадой машинистов. «Катюша» продолжала боевые действия, но уже не так активно, как раньше, — стволы орудий поизносились и требовали смены лейнеров.

Железнодорожная батарея № 10 провела пятьсот шестьдесят девять боевых стрельб. Четыреста пятьдесят раз она открывала огонь по артиллерийским позициям врага, потопила несколько десантных катеров и барж, взорвала два склада с боеприпасами, уничтожила немало живой силы противника.

*В лесу близ мыса
Уддскатан ● Первые
залпы — самые памят-
ные ● Адреса на снаря-
дах ● Батарея уходит
из-под обстрела ● Унич-
тожающий огонь вось-
мидюймовых ● Раненые
оставались на своих бое-
вых постах*

Ф. Ф. КАЛУГИН,
старший лейтенант запаса,
бывший командир от-
деления силовых элект-
риков 17-й отдельной
железнодорожной бата-
реи КБФ

СЕМНАДЦА- ТАЯ ЖЕЛЕЗ- НОДОРЖ- НАЯ

Командование базы поста-
вило перед нашей 17-й желез-
нодорожной батареей важную
задачу — зорко следить за
устьем Финского залива.
В июне 1941 года сигнальщи-
ки, несшие посменную вахту
на береговой вышке, связан-
ной многожильным телефон-
ным кабелем с КП батареи,
все чаще стали доносить ослу-
чаях нарушения водного про-
странства, прилегающего к
Ханко, финскими лодками и
катерами.

Путевая ветка, на которой
мы тщательно укрыли и зама-
скировали четыре наших
транспортера с установленны-
ми на них восьмидюймовыми
пушками, находилась в лесистом
районе вблизи мыса Удд-
скатан. Здесь же были по-
строены склады части и жи-
лые помещения для личного
состава батареи.

Помню, как начала свою
боевую работу 17-я ОЖДАБ.
По сигналу тревоги комендо-
ры, все краснофлотцы и стар-
шины быстро заняли свои ме-
ста у орудий и механизмов. Я
включил рубильник и подал
электроэнергию на централь-
ный пост. Через несколько се-
кунд все четыре орудия дали
первый залп по островам, за-
нятым шюцкоровцами. На
снарядах, посланных врагу,
были надписи: «Смерть фаши-
стам!», «Наш ответ Маннер-
гейму».

С того дня 17-я железно-
дорожная артбатарея непре-

рывно напоминала врагу о своем существовании. Она вела меткий огонь по вражеским укреплениям на Хорсене, Кугхольме, Старкерне, Фуруэне и на других островах.

Артиллерия противника стремилась вывести наши железнодорожные орудия из строя. Днем и ночью в лесу, где базировались транспортеры артбатарей, рвались вражеские крупнокалиберные снаряды. Но едва фашисты успевали засечь огневую позицию орудия, как транспортер уходил на другое место и опять изготавливался к бою. Артналеты врага, как правило, приносили нам мало вреда.

Чтобы укрыться от огня, мы выстроили прочные землянки и блиндажи. Артиллеристы 17-й не только жили в подземных убежищах, но и ремонтировали в них боевую технику. Иногда, в часы кратковременного затишья, в землянках проводились партийные и комсомольские собрания. В один из августовских дней коммунисты батареи приняли меня в члены Коммунистической партии.

Партийно-политическая работа была направлена на повышение боевой готовности, укрепление моральной стойкости каждого бойца. Стараясь запугать защитников Ханко, враг яростно обстреливал полуостров, обрушивал на базу десятки тысяч снарядов и мин. Однако ни обстрелы, ни попытки с помощью лжи распропагандировать гарнизон базы не принесли противнику успеха. Стойкость защитников Ханко возрастала.

Как-то противник заметил движение возле нашей наблюдательной вышки. Электрики и связисты в это время прокладывали близ нее кабель. Артиллерия врага тотчас открыла огонь по району вышки. Осколком был ранен электрик Василий Самсонов. Командир сказал, чтобы он шел в медпункт, но краснофлотец отказался покинуть товарищей. Он продолжал тянуть кабель, пока не была полностью закончена прокладка линии связи. Таких примеров самоотверженности наших бойцов можно было бы привести много.

Подземные убежища для самолетов ● Основной инструмент — лопата ● Снаряд взрывается над котлованом ● Под толщей земли и камня ● Из укрытий — в воздух

А. С. МИХАЙЛОВ,
лейтенант-инженер в отставке, бывший начальник штаба 93-го отдельного строительного батальона КБФ

ТРУЖЕНИКИ АЭРОДРОМА

Казармы, в которых был размещен 93-й отдельный строительный батальон, находились вблизи небольшого летного поля, на котором под открытым небом стояло несколько самолетов-истребителей.

Вскоре стало известно, что здесь намечается создание большого наземного аэродрома, на котором мог бы базироваться целый авиационный полк. Для этого нужно было расширить площадь летного поля и возвести наземные ангары легкого типа. Для руководства этим строительством было образовано управление. Работы должны были вести два строительных батальона.

Получив приказ приступить к строительным работам, наш батальон начал рубку леса и выкорчевку пней на месте будущей взлетно-посадочной полосы и ангаров. Многого сделать мы не успели. 22 июня утром комбат Трусов приказал никого не увольнять из части. Днем всем стало известно о нападении фашистской Германии на нашу Родину.

Мы знали, что все передовые части, стоявшие на границе полуострова и на побережье, еще два дня назад были приведены в боевую готовность. И все же начало войны явилось для нас неожиданностью.

Оба строительных батальона (93-й и 94-й) заняли оборонительные позиции вокруг

аэродрома и изготовились к отражению возможного вражеского воздушного десанта. Чтобы уберечь самолеты от атак врага с воздуха, летчики и техники откатали их к опушке леса, прикрыли маскировочными сетками. Однако летный состав и мы, строители, понимали, что эта маскировка всего лишь полумера. Нужно было строить надежные подземные убежища для самолетов и укрытия для летного и технического состава.

Вскоре противник стал вести интенсивный артиллерийский обстрел аэродрома. Под градом снарядов строительные батальоны, которыми командовали Трусов и Андросов, возобновили работы, прекращенные в первый день войны.

Техническое руководство строительством аэродромных сооружений командование военно-морской базы возложило на военинженера 1-го ранга Семена Евдокимовича Киселева. Каждой из наших рот предстояло выстроить по одному подземному ангару. Задача поначалу показалась просто невыполнимой: у нас не было ни разработанных проектов, ни строительных материалов, ни опыта. Основным рабочим инструментом оставалась лопата. Из наличных материалов имелось некоторое количество шпал, рельсов, немного цемента и неограниченное количество камня, который требовалось собрать и подвезти. Легко сказать «подвезти». А на чем?

Ангар под номером первым должна была начать строить рота старшего лейтенанта Сидорова, в которой я был помощником командира. Чтобы составить схематический чертеж подземного укрытия, Киселев собрал весь командный состав роты и пригласил на это совещание летчиков Л. Г. Белоусова и П. Н. Бискупа. За несколько часов совместной работы удалось установить, что и как следует строить, наметить очередность работ.

Прежде всего следовало вырыть прямоугольный котлован, затем из двух рядов скрепленных скобами шпал сложить стены укрытия. Пространство, образовавшееся между рядами шпал, надлежало засыпать камнем. На перекрытие из рельсов строители должны были уложить более чем полуметровый слой щебня, метровый слой песка и двухметровый слой камня, а поверх всего — пятиметровый слой грунта. Последняя строительная операция — бетонирование пола в подземном ангаре и устройство взлетной дорожки.

Очень затруднительным оказалось обеспечить строительство необходимым количеством металлических скоб, собрать и подвезти камень. По распоряжению генерала С. И. Кабанова изготовлением скоб занялись все кузни Ханко. Камень подвозили около сотни конных подвод.

К обстрелу постепенно все привыкли. Мы научились определять по звуку, куда летит снаряд, летит ли с перелетом или недолетом, разорвется далеко в стороне или поблизости.

В двух строительных батальонах потери составляли несколько убитых и раненых за сутки. Много погибало лошадей, занятых на подвозке камня. Через полмесяца мы потеряли половину нашего конного парка.

Помню характерный случай. Снаряд ударился о ствол дерева и взорвался над нашим котлованом. Было ранено около десятка бойцов. У меня осколки выбили из рук котелок и изрешетили пилотку, лежавшую на земле. Этот взрыв так подействовал на солдат, что даже после того как противник перенес огонь в другой сектор, никто из них не решался спуститься в котлован и приняться за работу. Мы с командиром взвода Цыпиным сняли гимнастерки, взяли лопаты и начали копать землю. Вскоре все бойцы тоже приступили к делу.

Как раз в эти минуты к нам на аэродром приехал командир базы Сергей Иванович Кабанов. Пришлось мне в майке докладывать генералу о том, как идет строительство ангара. Он выслушал меня, а потом отчитал за то, что я предстал перед ним одетым не по форме. При этом Кабанов обратил внимание на истерзанную осколками пилотку, которую я успел при появлении генерала натянуть на голову.

— Как могло случиться, товарищ воентехник, — удивился Сергей Иванович, — что пилотка ваша вдрызг изрублена, а голова цела?

Объяснение дал комиссар батальона Гвалия. Кабанов смягчился, попрощался с нами уже по-дружески, но все-таки предупредил, чтоб мы, находясь при исполнении служебных обязанностей, не снимали гимнастерок со знаками различия и руководили работами, соблюдая форму одежды.

Мы построили подземный ангар за две недели. В день окончания работ командир эскадрильи капитан Л. Г. Белоусов прямо из укрытия, сделав разбег по взлетной дорожке, вылетел на своем истребителе на выполнение

боевого задания. Через некоторое время были введены в строй и другие подземные ангары и убежища. В рекордно короткие сроки — в течение полутора месяцев на полуострове Ханко было построено шесть подземных ангаров для истребителей и два — для средних бомбардировщиков. Были также сооружены подземные укрытия для летчиков и механиков, построена запасная взлетно-посадочная площадка.

Кроме наших двух строительных батальонов в создании подземных ангаров и убежищ участвовали отряды пехотинцев и моряков. Бывали дни, когда на помощь кадровым строителям приходила почти тысяча бойцов из боевых подразделений гарнизона.

Итак, самолеты и весь персонал авиагруппы, базировавшейся на Ханко, получили надежные укрытия от бомб и снарядов. Подземное помещение, отведенное летчикам, строители оборудовали даже с некоторым комфортом. На его отделку был использован шелк трех парашютов, взятых с немецкого «юнкерса», сбитого над Ханко летчиками Антоненко и Бринько.

Подземные ангары и убежища выдерживали прямое попадание двухсотпятидесятикилограммовой бомбы.

На южном фланге минной позиции ● Подготовиться к любым неожиданностям! ● По команде „К бою!“ ● Контрольные учения на батарее ● Сооружается „противодесантный забор“ ● Пожар на судне „Воху“ ● Пушки бьют по кораблям противника

Е. К. ВЕРЖБИЦКИЙ,
*полковник в отставке,
бывший командир 205-го
отдельного артиллерий-
ского дивизиона*

ФЛАГ НАД ОСМУССА- АРОМ

13 сентября в районе мыса Ганге-Удд, где я был занят рекогносцировкой отсечной позиции, прибывший из штаба мотоциклист передал мне приказание командира базы немедленно явиться на флагманский командный пункт.

На ФКП я застал генерала С. И. Кабанова, комиссара базы А. Л. Раскина и инструктора политотдела Н. Ф. Гусева.

— Вы можете сейчас же вступить в командование двести пятым артдивизионом на острове Осмуссаар? — задал мне вопрос генерал.

Я ответил, что могу.

— Вот и хорошо, — с удовлетворением заметил Кабанов. — Комиссаром у вас будет Никита Федорович Гусев. Теперь несколько деловых указаний. Имейте в виду, что батареи дивизиона сформированы недавно и их боеготовность, возможно, еще невысока. Ваша задача — сделать их во всех отношениях боеспособными. Плохо обстоит дело с противодесантной обороной. Укрепите побережье так, чтобы на Осмуссааре не повторился горький опыт Эльмхольма. Постарайтесь использовать любые из материалов, которые найдутся на месте. Доложите, что понадобится из оружия, боеприпасов. Дадим, что сможем...

В ту же ночь гидрографическое судно «Волна» доставило меня и батальонного комис-

сара Н. Ф. Гусева на остров Осмуссаар. Встретивший нас на пирсе начальник штаба дивизиона Г. Г. Кудрявцев на «полуторке» отвез нас в северо-западную часть острова, где находился КП части. От Кудрявцева мы узнали, что неделю назад гитлеровцы пытались высадить на остров десант, но были отбиты огнем артиллерии еще на подходе.

До нашего приезда дивизионом командовал мой однокашник по артиллерийскому училищу капитан М. Р. Цепенюк. Для передачи дел времени оставалось мало. И он, и бывший комиссар дивизиона вечером должны были отбыть на Ханко.

Мы с Гусевым пошли осматривать батареи.

Хорошее впечатление производила 90-я артбатарея «стотридцаток» А. Н. Панова. Здесь нас приятно поразили чистота и порядок. Подтянутый, аккуратно одетый, лейтенант И. Я. Саковский толково доложил нам о работе своего взвода управления. На батарее не было прибора управления стрельбой, но имелись все вспомогательные таблицы, грамотно рассчитанные и безукоризненно исполненные.

На огневой позиции я не сразу сумел отыскать оружейные дворики — маскировка была идеальной. Вот командир батареи командовал: «К бою!». Признаюсь, я не очень-то следил за секундомером, интересуясь больше правильностью действий комендоров. Подготовка орудий к бою была выполнена хорошо. А ведь батарея сформировалась всего полтора месяца назад...

Следующей на нашем пути была 314-я башенная батарея. Командовал ею капитан И. Т. Клещенко. Тут я встретил нескольких матросов, знакомых мне по форту «О», где я когда-то был начальником штаба. До сих пор помнится разговор с командиром 1-й башни Митрофановым. Старше всех других командиров по возрасту, неторопливый и, как все высокие люди, слегка сутулящийся, он обстоятельно доложил о своем «хозяйстве». Батарея эта вошла в строй совсем недавно — 1 сентября. Обслуживали ее 180-миллиметровые орудия вместе с краснофлотцами мастера и рабочие ленинградских заводов, прибывшие на остров еще до начала войны. Это был дружный боевой коллектив.

На позиции 509-й отдельной зенитной батареи мы тоже провели контрольные учения. Командиру ее, старшему лейтенанту П. Л. Сырме, я давал самые сложные

вводные задачи. Условно были выведены из строя некоторые номера расчетов. Тем не менее боевая работа шла быстро, очень четко и слаженно. Комендоры умело заменяли друг друга. Даже батарейный фельдшер Н. Киндрал уверенно становился к прибору и к орудию. Да, это была отличная батарея! Мы с Гусевым поблагодарили командира, комиссара и всех бойцов 509-й за образцовую службу.

* * *

Как известно, основная сила противодесантной обороны — береговая артиллерия. На Осмуссааре артбатареи надежно несли службу. Но этого было мало. В условиях плохой видимости (мы совсем не имели осветительных средств, да и техники наблюдения не хватало) противник мог подойти к острову незамеченным. Вот почему в дополнение к системе артиллерийского огня нужно было иметь на побережье еще и полосу инженерных препятствий, прикрываемых пулеметным огнем. А как и из чего их сделать, если на острове нет запаса колючей проволоки, нет противопехотных мин, взрывчатки?

Эти проблемы предстояло решить будущему командиру противодесантного батальона военинженеру 2-го ранга П. И. Сошневу. 16 сентября я отправил генералу С. И. Кабанову шифрограмму с докладом о целесообразности формирования такого батальона. В ней содержалась также просьба узаконить зачисление в ряды Военно-Морского Флота наших рабочих и мастеров.

Командование базы одобрило наши предложения и удовлетворило просьбу. Противодесантный батальон был сформирован и приступил к оборонительным работам. В каждую его роту мы включили пулеметный и саперный взводы. Начальником штаба стал военинженер 3-го ранга Б. Я. Слезингер.

В дивизионе было проведено общегарнизонное партийное собрание, нацелившее коммунистов на решение неотложных задач обороны Осмуссаара. Секретарем парторганизации мы избрали руководителя группы ленинградских рабочих — Петра Павловича Белозерова.

Бойцы новой части приступили к сооружению «противодесантного забора». Его строили из арматурного железа разных сечений, на анкерных опорах, с наклоном в сторону моря. Так можно было обойтись и без колючей

проводами. Начальник электромеханической службы Н. И. Соболев предложил электрифицировать металлический «забор», используя для этой цели сварочные трансформаторы. И этот совет был принят.

Труднее было с минированием прибрежной полосы. Но и тут нашелся выход из сложного положения. Интендант 3-го ранга В. З. Хитров, проверяя складское имущество, обнаружил завезенные на остров 37-миллиметровые зенитные патроны. Наши минеры (их возглавлял Г. А. Вдовинский) использовали эти патроны для изготовления мин.

Как-то на остров прибоем выбросило морскую шаровую мину образца 1908 года. Разрядив ее, минеры получили двести килограммов тола для изготовления мин и фугасов.

Изобретательность проявлялась и в других областях. Нужно было освещать подходы к острову. Бойцы дзотов, находившихся на побережье, приспособили для своих участков обороны автомобильные фары, снятые с бездействующих автомашин.

21 сентября 90-я и 314-я артбатареи открыли огонь по транспортам и тральщикам противника, появившимся к западу от острова. Один из транспортов получил прямое попадание снаряда и осел в воду с заметным дифферентом на корму. Тральщики взяли его на буксир, караван закрылся дымовой завесой.

На следующий день с Ханко пришел наш транспорт «Вохи» с грузом оружия, боеприпасов, взрывчатки и с драгоценным прожектором, которого нам так не хватало. Из-за встречного ветра судно только с рассветом смогло причалить к южному пирсу. И тут от вражеского снаряда оно загорелось. Обстрел усилился. Матросы, направленные на выгрузку, работали быстро, без паники. Они вынесли с горящего транспорта все, что прислал нам гарнизон Ханко. Затем обьятое огнем судно пришлось оттолкнуть от причала. Ветер отнес его в море, где оно и затонуло.

Дорого обошлась нам эта выгрузка. Потери составили шесть убитых и столько же раненых.

К 1 октября первая линия противодесантной обороны побережья Осмуссаара вступила в строй.

Между тем мы продолжали наносить огневые удары по врагу. Из многих наших боевых стрельб больше всего запомнилось ведение огня по сосредоточению десантных

сил противника на острове Вормси. Из-за большой «поправки дня» башенная батарея Осмуссаара не могла «дотянуться» до цели даже на пределе усиленно-боевого заряда. Но капитан И. Т. Клещенко нашел выход. Он приказал вынуть заряды из пеналов и поддержать их некоторое время в теплом помещении. Более высокая, чем обычно, температура заряда позволила батарее успешно решить поставленную перед ней боевую задачу. Цель была поражена. За отличную стрельбу комендант острова Даго объявил нашим артиллеристам благодарность.

К концу сентября по нашему острову вело огонь не менее десяти батарей противника. Гитлеровцы открывали стрельбу не только по таким целям, как трактор, автомашина, но порой и по обыкновенной повозке. Зенитную батарею старшего лейтенанта П. Л. Сырмы враг обстреливал яростнее всего.

Это была батарея героев. Не будет ошибки, если сказать, что героем там был каждый. И старшина Иван Шевченко, и комендор Федор Богачев, выбросившие на бруствер горящие ящики со снарядами и тем спасшие орудие. И сержант Школин, сбивший огнем своего орудия вражеский самолет. И сержант Борис Лялечкин, отремонтировавший поврежденный осколками прибор. И связист Алексей Максимов, восстановивший линию под артиллерийским огнем. И политрук Павел Антонов, обходивший посты в самый разгар боя. И, наконец, старший лейтенант Павел Сырма и его помощник младший лейтенант Владимир Печников, в любой обстановке искусно управлявшие огнем батареи...

В одну из штормовых ночей гидрографическое судно «Волна», пришедшее на Осмуссаар, сорвало с якорей и выбросило на камни. Мы спасли команду и успели снять с корабля 45-миллиметровую пушку и пулемет ДШК. У западного пирса затонул поврежденный на переходе катер «МО». С него тоже пришлось снять оружие — «сорокапятку» и ДШК. У нас были в запасе еще одна 45-миллиметровая пушка, несколько станковых и ручных пулеметов, а также авиационный пулемет ШКАС.

Используя это вооружение для усиления обороны острова, мы сформировали сводную батарею, предназначенную для тыловых позиций 2-й и 3-й рот батальона П. И. Сошнева. Правда, тут возникла некоторая

трудность: никто не знал устройства пулемета ШКАС. И вот знаток авиационного вооружения свалился к нам буквально с неба. Вблизи острова упал в море наш самолет-разведчик. Мы выслали к этому месту катер и спасли оставшегося в живых стрелка-радиста, старшину Харченко. Этот авиатор и помог бойцам сводной батареи изучить ШКАС. Он же оборудовал для него удобную позицию на башне местной кирхи. Как ни уговаривали мы Харченко остаться на острове, он настоятельно просил вернуть его в родную авиацию. Пришлось с первой же оказией отправить старшину на Ханко.

В двадцатых числах октября противник довел артиллерийскую группу, которая вела огонь по Осмуссаару, до двух полков (мы засекли до девятнадцати огневых позиций, действующих одновременно).

С 23 октября ежедневно следовали один за другим по три огневых налета — утром, днем и ночью. В промежутках между ними противник вел беспокоящий огонь и обстреливал замеченные на острове мелкие цели.

В те октябрьские дни к нам с Даго прибыла парусно-моторная шхуна «Мария». Укрываясь за маяком в светлое время суток, она принимала раненых из нашего лазарета. Случилось так, что шхуна села на банку. Маломощный двигатель не мог снять судно с мели, а буксира у нас не было. Выручить шхуну из опасного положения вызвался начштаба дивизиона Г. Г. Кудрявцев. С последней партией раненых он поднялся на шхуну и распорядился поднять паруса. Юго-восточный ветер надул паруса и снял «Марию» с банки. Затем моряк-артиллерист повел ее на Ханко.

На следующую ночь Гавриил Григорьевич вернулся на Осмуссаар на торпедном катере, который доставил к нам комиссара базы А. Л. Раскина. Арсений Львович пробыл на острове недолго. Он осмотрел несколько дзотов и наше необычное заграждение — «забор Слезингера». На командном пункте дивизиона комиссар проинформировал командный состав об обстановке на фронтах и часа за два до рассвета покинул Осмуссаар.

Все это время противник, что называется, давал нам концерты. А утром 4 ноября наши наблюдательные посты заметили на участке 3-й роты идущую к острову шлюпку с тремя гребцами под белым флагом. Ее принял старшина Павел Тимофеевич Коваленко. Парламентарам завязали глаза и доставили их на КП. Это были

попавшие в лапы фашистов советские матросы. Они объяснили, что согласились выступить в роли парламентариев лишь потому, что для них это была единственная возможность вырваться из вражеского плена.

Фашистское командование предлагало гарнизону Осмуссаара сдаться. При этом всем нам «гарантировались» хорошее питание, усиленные работы, а офицерам — право ношения холодного оружия. Сигнал сдачи — белый флаг. Срок на размышление — сутки.

Мы собрали командиров, политработников, наш боевой актив, зачитали фашистский ультиматум и выразили отношение командования гарнизона к этому маневру противника. Гитлеровский «документ» вызвал у наших людей чувство глубокого негодования, в подразделениях были проведены митинги и собрания. Ответ всего личного состава гарнизона был единодушным — отвергнуть фашистский ультиматум и как вызов врагу поднять над Осмуссааром красный флаг.

На складе Военторга комиссар 314-й башенной батареи Василий Павлович Усков нашел большой отрез красного шелка. Батареиный портной Иван Гонтарев сшил материал в одно большое полотнище. Горизонтальный наводчик батареи Григорий Куприянов изготовил флажок. Батареиный художник краснофлотец Ковалев написал на полотнище слова: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». 5 ноября в двенадцать ноль-ноль укрепленный на высоком дереве взвился над островом наш красный флаг. Одновременно все батареи Осмуссаара ударили по врагу.

На рассвете 14 ноября на дальних подступах к острову был обнаружен десантный отряд противника. Я находился в то время на вышке 314-й батареи. Прижимаясь к эстонскому побережью, шли восемнадцать десантных судов противника. На траверзе Осмуссаара они маневром «все вдруг» повернули и тремя группами двинулись курсом на остров. Средняя группа держалась несколько впереди. Я распределил цели: Сырме — левая группа, Клещенко — центральная, Панову — правая. Сигнальная дистанция тридцать три кабельтова от зенитной батареи. Первый залп — дивизионный.

Вот этот залп грянул. И началось! В хлопки зенитных пушек врезался гром тяжелых башенных орудий. Звонко бухали «стотридцатки». Наблюдая за действенностью огня в бинокль, я видел, как над десантными

судами рвались дистанционные гранаты зенитчиков, как кучными тройными всплесками накрывала цель 90-я батарея. Огромные столбы воды обнаруживали место падения снарядов 314-й батареи.

Буквально через минуту загорелось несколько десантных судов, которые превратились в щепки. Строй атакующих был разрушен, враг заметался. В эти же минуты послышался доклад сигнальщика: «Пеленг триста пятьдесят, три истребителя «И-шестнадцать» курсом на остров...» Это нам помогал Гангут. Краснозвездные «ястребки» на бреющем полете обстреляли пушечно-пулеметным огнем уцелевшие фашистские суда, снова взмыли вверх, сделали круг над островом и помахали нам на прощание крыльями.

Зенитчики и 90-я батарея продолжали добивать искавшие спасения вражеские десантные суда. 314-й батарее я дал команду прекратить огонь (ее снаряды были нам дороги). К тому же разгром противника был полным. Артогнем Осмуссаара было потоплено шесть мотоботов, подожжено и повреждено — четыре. Четыре мотобота выбросились на эстонский берег...

В своей книге немецкий военный историк Юрг Майстер пишет, что у немцев имелось более чем достаточно оснований для того, чтобы овладеть Осмуссааром. Однако в связи с тем, что район вблизи острова «не был протрален, а также в связи с большой активностью советских батарей, германское командование решило... ждать того момента, когда русские, изнуренные голодом, вынуждены будут сдаться. Фактически этот момент не наступил»¹.

Да, этого момента гитлеровцы не дождались. Осмуссаар выстоял и своими боевыми делами умножил славу гангутцев. 1 декабря 1941 года последний эшелон с защитниками Осмуссаара ушел на Ханко. На острове осталась лишь группа взрывников во главе со старшим лейтенантом В. М. Васериным и сержантом Г. А. Вдовинским. Они подорвали орудия, погреба, блоки башен, маяк и другие объекты. Затем катер «МО» доставил взрывников на Гогланд.

¹ I. Meister. Der Seekrieg in der osteuropäischen Gewässern. 1941—1945. München. 1958.

*Перед дальней дорогой ●
Пушки справа, пушки
слева ● Без ходовых ог-
ней, без радиосвязи ●
Пламя на воде ● Незна-
комые, но близкие*

И. П. СКАЛИУХ,
старшина 2-й статьи за-
паса, бывший командир
отделения сигнальщиков
«БТЩ-218»

ТРАЛЬЩИКИ ИДУТ НА ЗАПАД

В последних числах октя-
бря 1941 года в дивизионе
базовых тральщиков царило
необычное оживление. Экипа-
жи кораблей с особой тща-
тельностью подготавливали
к походу механизмы, оружие,
навигационные приборы, аппа-
ратуру связи, тралы.

Закончив осмотр и провер-
ку боевых частей корабля, мо-
ряки «БТЩ-218» приступили
к погрузке. Принимали бочки
с бензином, боезапас, тюки
валяных сапог, обмундирова-
ние, продовольствие и многое
другое.

С наступлением темноты
наш отряд под командованием
капитана 3-го ранга В. П. Ли-
холетова вышел из Кронштад-
та. До войны переход до Гог-
ланда считался обычным де-
лом. Что нас ожидало впереди
теперь, никто сказать не мог.
С тех пор, как 28 августа 1941
года по гогландскому фарвате-
ру прошли караваны судов с
защитниками Таллина, нашим
тральщикам выходить в этот
район плавания не приходи-
лось.

Финский залив узок. Про-
тивник мог вести обстрел с
обоих берегов. Справа — фин-
ские, слева — гитлеровские вой-
ска, вышедшие на эстонское
побережье. Залив мелководен,
труден для плавания, а тут
еще мины. В кромешной тем-
ноте, без единого ходового
огонька, оставив позади себя
Гогланд, шли наши тральщики
к полуострову.

Пройдя всего пять — семь миль от Гогланда, головной «БТЩ-201» подорвался на mine. По воде разлилась воспламенившаяся солярка, смешанная с бензином. Огромное пламя, бушевавшее в ночи, озарило обширную часть залива.

Флагманский тральщик, шедший в строю вторым, обогнул опасное место и вывел остальные наши корабли на прежний курс. Затем командир дивизиона приказал двум из трех катеров «МО», приданных отряду, заняться спасением команды взорвавшегося тральщика. Он сам тоже поспешил на помощь терпящему бедствие экипажу.

Каждому кораблю отряда пришлось идти самостоятельно. Вокруг темень. Радиосвязь запрещена... В полном неведении, далеко ли соседние корабли, провели мы ночь. На рассвете показалась бухта Ханко. Батареи противника, ошеломленные тем, что на рейде базы вдруг появились новые советские боевые корабли, спохватились и открыли по тральщикам беспорядочный артиллерийский огонь. Видимо, враг не ожидал, что наши сумеют пробиться к Ханко. И вот налицо такой дерзкий прорыв!

Вечером тральщики подошли к пирсам. Началась разгрузка. Нас обнимали, целовали. Нам кричали «ура». Одним словом, было все то, что бывает при встрече родных и близких после долгой разлуки.

Окончив разгрузку, мы узнали, что нам предстоит принять на борт и доставить в Ораниенбаум стрелковый батальон с полным вооружением и снаряжением. Эту задачу мы тоже выполнили. Батальон гангутцев вскоре влился в ряды бойцов Ленинградского фронта.

*Плавание в неизвест-
ность ● Кронштадт —
Гогланд — Ханко ● С го-
рючим грузом через
минные поля ● Огибая
шхерные острова и бан-
ки ● Под дулами вра-
жеских крупнокалибер-
ных батарей*

Б. В. РУМЯНЦЕВ,
контр-адмирал запаса,
бывший штурман конвоя

ШТУРМАН ПРОКЛАДЫ- ВАЕТ КУРС

Едва закончился трудней-
ший переход из Таллина в
Кронштадт, как перед нами,
работниками штурманской
службы флота, была поставле-
на новая, не менее сложная и
ответственная задача — обес-
печивать боевую деятельность
военно-морской базы Ханко.

Защитники полуострова ве-
ли активные боевые действия.
Для этого требовалось много
горючего, но доставлять его на
Ханко было делом весьма не-
простым. Сложная обстановка
в Финском заливе предельно
затрудняла плавание наших
транспортов.

На конец октября наме-
чался первый большой поход
на Ханко. Корабли, готовив-
шиеся к нему, были загружены
бензином. Подготовка их к
предстоящему плаванию про-
водилась с особой тщатель-
ностью. Движение кораблей пре-
дусматривалось только с на-
ступлением темноты. Было на-
мечено два этапа перехода:
первый — из Кронштадта до
острова Гогланда, второй — от
Гогланда до Ханко.

На основе анализа минной
обстановки маршрут до Тал-
линского меридиана решено
было проложить по пути дви-
жения конвоев во время эва-
куации войск из Таллина. Пос-
ле этого, достигнув середины
Финского залива, корабли
должны были форсировать
минную позицию Найссаар —
Порккала-Удд и затем выйти
на подходящий фарватер Ханко.

Здесь намечалась встреча с кораблями гарнизона. До траверза острова Вайндло нас должен был сопровождать базовый тральщик «Патрон».

И вот плавание в неизвестность началось.

Первый этап (по контролируемым фарватерам до острова Гогланд) был обычным и, можно сказать, даже будничным. Корабли шли по фарватерам шириной от пяти до одного кабельтова. Трижды на переходе, протяженность которого составляла девяносто миль, на короткое время зажигались манипуляторные огни, позволявшие уточнить место. В остальное время плавание осуществлялось исключительно по счислению с максимальным использованием электронavigационных приборов.

Остров Гогланд. Короткий дневной отдых на якоре. С наступлением темноты по сигналу командира дивизиона корабли построились в кильватер. Безлунная пасмурная ночь со слабым ветром надежно обеспечивала скрытность перехода, но создавала немало трудностей для определения нашего местонахождения. За ночь предстояло пройти более ста пятидесяти миль по сомнительным фарватерам.

Обойдя Гогланд с юга, корабли легли на курс. Скорость — восемнадцать узлов. Абсолютная темнота. Только узкая полоска гакабортного огня указывает местонахождение идущего впереди корабля. Расстояние между судами — не более ста метров. Тишину нарушают лишь характерный стук дизелей да шелест волн.

Штурманы напряжены до предела. Непрестанно учитывается дрейф. Штурманские электрики и рулевые непрерывно следят за показаниями приборов. Неожиданно тишину нарушают сигнальщики:

— Прямо по курсу — силуэт корабля.

Вздых облегчения: идем правильно. Это танкер № 11.

Во время перехода кораблей из Таллина в Кронштадт военный танкер № 11 подорвался на mine и затонул на глубине семидесяти метров. Его кормовая часть вертикально возвышалась над морем. Танкер представлял собой отличный ориентир, и все штурманы имели его координаты.

Пройдя траверз этого неожиданного навигационного знака, корабли по сигналу флагмана легли на истинный курс — 255°. Прямо по носу у нас должен был находиться маяк Кери.

Мысли упорно возвращались к недавнему прошлому. Два месяца назад этим фарватером шли корабли из Таллина. Вот мы прошли место, где загорелся «Казахстан», где погибли штабной корабль «Верония», спасательное судно «Нептун»...

И вдруг прямо по курсу, там, где угадывался головной корабль, грянул взрыв. Стало светло, как днем. Взлетели в небо обломки корабля, и кромешная тьма снова опустилась на море. Из оцепенения меня вывел голос командира дивизиона:

— Штурман, курс?

Что мог ответить штурман? Кому был известен тот курс, который помог бы избежать встречи с минами?

Решено было, не доходя до границ минного заграждения в районе мыса Юминда, повернуть на северо-запад и затем следовать до фарватера на Ханко, огибая шхерные острова и банки по мелководью.

Обходя таким образом известные и возможные минные поля, мы шли на риск встречи с вражескими кораблями. Нас могли также обнаружить с крупнокалиберной батареи Порккала-Удд. Однако, как мы и надеялись, давно уже не встречавшие здесь наших кораблей финны не выслали дозоров в этот район. Подойдя к шхерам, мы увидели много навигационных огней, ограждавших шхерный лоцманский фарватер. Мы проходили мимо плохо затемненной финской столицы, пеленговали широкоэшелонные станции Лахти, Хельсинки и Таллина, координаты которых нам предусмотрительно сообщили в штабе.

И вот пройден полуостров Порккала-Удд с двенадцатидюймовой финской береговой батареей. Отсюда рукой подать до Ханко.

Генерал С. И. Кабанов горячо благодарил участников перехода за доставленный базе бензин.

Совещание в кают-компании ● „Тральщиков не будет“ ● Перед входным фарватером ● Выручили комендоры ● Конец воздушного пирата ● Озеро среди скал ● „Гангутец“ идет на помощь „Волге“ ● Дрова на палубе ● Ледокол „Ермак“: „Следовать за мной!“

П. Г. КАРУЗЕ,

*полковник в отставке,
бывший комиссар сторо-
жевого корабля «Ган-
гутец»*

НА СТОРО- ЖЕВОМ КО- РАБЛЕ

Корабли готовились покинуть Таллин. 28 августа поздно вечером командир канлодки «Лайне» старший лейтенант Н. А. Антипин получил приказ: «Провести военный транспорт № 10 в базу Ханко. Выход в 24 часа...» Для обеспечения безопасности перехода прибыло звено пограничных катеров.

В кают-компании «Лайне» состоялось короткое совещание командного состава.

— Можно ли считать, что рекомендованные на Ханко курсы свободны от мин? — спросил командира Таллинского ОВРа Антипин.

Капитан 2-го ранга Школьников ответил сухо:

— И да и нет. Два дня назад фарватеры были протралены, но самолеты противника бросают новые мины...

Слово взял командир дивизиона погранкатеров Г. И. Лежепеков, командовавший звеном, прибывшим с Ханко.

— За какими тральщиками пойдут «Лайне» и транспорт номер десять? — спросил он командира ОВРа.

— Тральщиков не будет, — последовал ответ.

Всем стало ясно, что переход связан с большим риском. Минная обстановка меняется ежечасно. Прошел шторм — и за морем следы в оба. Десятки мин, сорванных с минрепов, гуляют по заливу...

Еще было темно, лил дождь, пламя пожаров мрачно освещало рейд и силуэты кораблей. Залпы нашей береговой батареи грохотали все чаще. Артиллеристы обрушивали последние снаряды на голову врага. Прощальным салютом прозвучал оглушительный взрыв. Это были уничтожены только что стрелявшие пушки, чтобы они не достались фашистам.

К сожалению, загрузить транспорт, взять на его борт выходящих из боя краснофлотцев, своевременно не удалось. Приняв последних бойцов, защищавших Палдиски, канлодка отвалила от стенки лишь в пять утра. Краснофлотцы и старшины, заняв свои посты, еще раз проверили состояние механизмов, орудий и пулеметов, поудобнее уложили на палубе снаряды, укрыв их брезентом от дождя.

Вся команда получила спасательные нагрудники и жилеты. Потом последовало приказание:

— Вывалить шлюпки!

С помощником командира корабля лейтенантом Г. В. Ручкиным я обошел все боевые посты и напомнил морякам, что орудия и пулеметы надо держать в непрерывной готовности: боевая тревога объявлена на все время перехода через залив.

— Не подкачаем, товарищ комиссар! — сказал комендор Алексей Штанюк.

— Все будет в порядке, — поддержали его оказавшиеся рядом сигнальщик Тимофей Росков и пулеметчик Николай Куликов.

Мы шли на Ханко не тем курсом, который был рекомендован лоцией. Командир канлодки избрал другой маршрут, хотя это и было связано с риском наскочить на мель или банку.

— Идя в стороне от рекомендованного фарватера, — пояснил свое решение старший лейтенант Антипин, — мы обойдем мины, которые выставили немцы с подлодок и самолетов. Плавающие мины мы заметим, глаз у наших впередсмотрящих зорек...

Бывшего торгового моряка Антипина привели на мостик «Лайне» природная сметка и немалый морской опыт. Командир корабля доверял штурману, но время от времени проверял его расчеты и прокладку. Если было нужно, Антипин вносил в них некоторые поправки, подсказываемые ему богатой практикой плавания в трудных условиях.

Транспорт и корабли охранения старались идти возможно быстрее, чтобы сократить время пребывания в открытом море. Сигнальщики бдительно следили за воздухом. И вот раздался доклад: «Слышу шум моторов!» Через несколько минут перед нами низко над водой показались три истребителя. Огневые средства были в мгновение ока изготовлены к бою. Но истребители оказались нашими советскими «ишачками», высланными с Ханко, чтобы прикрыть конвой.

Вскоре подал голос сигнальщик:

— Вижу ханковскую башню... Слева Бенгтшер!..

При подходе к базе нас встретили два ханковских корабля — «Веха» и «Волна».

Пройти на гангутский рейд было делом сложным. Заметив с маяка Бенгтшер наши корабли, противник открыл интенсивный артиллерийский обстрел входного фарватера. Пришлось отойти опять в море. Один из катеров поставил дымовую завесу, и под ее прикрытием транспорт и корабли охранения благополучно проскочили опасный участок. Но враг не успокоился. Его батареи продолжали обстрел акватории гавани Ханко еще в течение нескольких часов.

МЕТКИЕ ЗАЛЫ

Корабль находился в дозоре где-то на полпути между Осмуссааром и Ханко. Наши истребители, пролетевшие над центральной минной позицией, только что скрылись из виду. Сигнальщик Зайцев пристально всматривался через стереотрубу в туманную линию горизонта.

— Вижу дымки!

Все бинокли командиров, находившихся на мостике, обратились к указанной точке. Со стороны вражеского берега приближались в кильватерном строю силуэты небольших кораблей. Их было пять.

По сигналу боевой тревоги расчеты заняли свои места.

— Идут наперерез нашему курсу, — доложил командиру корабля штурман.

— Некстати улетели наши «ястребки», — бросил скупко Антипин.

Мы запросили по радио штаб, прося выслать самолеты для борьбы с вражескими катерами. Ответ пришел

короткий: «Истребителей не будет. Действуйте по обстановке».

Взвилась ракета. Катера фашистов перестроились для атаки и из малокалиберных пушек открыли огонь трассирующими снарядами.

Канлодка «Лайне» тоже изготовилась к бою.

— За Родину! По головному фашистскому катеру — огонь! — подал команду старший лейтенант Антипин.

Ударили залпы наших пушек. Комендоры били прицельно. Один вражеский катер взорвался и сразу пошел ко дну. На втором возник пожар. Остальные три, прикрываясь дымзавесой, пустились наутек.

В этом скоротечном бою отличились комендор орудия Петр Кузьмин, пулеметчик Николай Куликов и многие другие члены команды. Радист отстучал донесение в штаб ОВРа: «Атаку катеров отбили. Жертв и повреждений нет. Продолжаем выполнять боевое задание».

КОНЕЦ „ЮНКЕРСА“

Стоявший на ханковском рейде транспорт № 10 подвергался частым налетам фашистской авиации. Укрываясь в шхерах, мы, члены команды «Лайне», с болью в душе наблюдали за этими налетами.

Командир канлодки попросил у командования разрешения выйти на рейд и стать там для охраны транспорта № 10. «Добро» было получено, и канлодка «Лайне» бросила якорь невдалеке от парохода.

День был солнечный, ясный. Едва мы успели расставить наблюдателей за воздухом, как появился воздушный пират с черными крестами на крыльях.

Вынырнув из-за облаков со стороны солнца, «юнкерс» стал пикировать с большой высоты. Он сбросил бомбу, несмотря на сильный зенитный огонь. С противным визгом бомба врезалась в воду и взорвалась. Канлодка вздыбилась на огромной волне, как цирковая лошадь. От взрыва лопнуло несколько иллюминаторов, но ни «Лайне», ни транспорт № 10 серьезных повреждений не получили.

Через несколько дней сюда снова прилетел «юнкерс». Возможно, это был тот же самый самолет, который уже пытался уничтожить транспорт. Уходя от зенитного огня ПВО базы, бомбардировщик попал в зону стрельбы с канлодки. Два трассирующих снаряда, выпу-

щенных нашими зенитными автоматами, угодили в «юнкерс». Он стал быстро терять высоту и упал в залив за маяком Руссарэ.

ПЕРЕВООРУЖЕНИЕ

На Ханко канлодка «Лайне» была перевооружена. Она превратилась в грозный для противника корабль, которому было присвоено имя «Гангутец».

На палубе «Гангутца» стоял турельный зенитный пулемет. Там же нашли место и для счетверенных станковых пулеметов. Две старые трехдюймовки были заменены 45-миллиметровыми зенитными автоматическими пушками. На баке мы подготовили основание для 76-миллиметрового орудия.

На крыльях капитанского мостика удалось пристроить два пулемета ДШК. На корме был установлен сбрасыватель глубинных бомб. Всем этим «хозяйством» теперь командовал младший лейтенант Авдей Григорьевич Тетерин, который уже давно с нетерпением ожидал получения новой боевой техники.

Под руководством Тетерина начались учебные занятия. Вскоре комендоры, пулеметчики и другие специалисты, включенные в боевые расчеты, научились умело владеть своим новым оружием.

КАМЕНЬ ПОД ДНИЩЕМ

Однажды при выходе на позицию «Гангутец» ударился о подводную скалу и с креном до двадцати пяти градусов прочно сел на камень.

Мы пробовали сняться со скалы своими силами, но это нам не удалось. Был вызван спасательный буксир, но и он застрял на той же коварной каменной банке. А враг, увидя, что с нами приключилась беда, открыл по месту аварии артиллерийский огонь.

В сумерках к «Гангутцу» подошел катер и поставил дымовую завесу, чтобы полностью скрыть корабль от вражеского наблюдения. Начались спасательные работы.

Рулевой Алексей Штанюк работал с лотом, производя замеры. Находясь в холодной воде с семнадцати часов до часу ночи, он сделал вблизи корабля три пояса замеров.

Дальномерщик Лейкин, боцман Чувелев и матрос Анисимов подавали трос на буксир. Стальной трос то натягивался, то ложился в воду. Его требовалось держать на весу, стоя в шлюпке, между судами. Это было очень тяжелое дело, но моряки поддерживали трос, пока он не был как следует заведен.

На наше счастье, усилился ветер. Он гнал воду в шхеры. Начался большой прилив. Усилия спасателей поддержала морская стихия. Сильный рывок буксира — и «Гангутец» соскользнул с камня и закачался на волне. Сошел с банки и буксир. К утру все корабли возвратились на базу.

ВОДА ИЗ ГРАНИТНОЙ ЧАШИ

Там, где обычно стоял у причала «Гангутец», произошла крупная неприятность: артогнем врага была потоплена водоналивная баржа и повреждена водокачка. Мы остались без питьевой воды, если не считать того запаса, который еще был в цистерне.

Пошли в разведку на острова. На одном из них был найден водоем. Он напоминал чашу. Эта чаша была наполнена чистой дождевой водой, пригодной для питья и для питания котла. Но как подать воду с крутого скалистого берега высотой двадцать — тридцать метров?

Главный старшина А. Ф. Петренко предложил соединить пожарные шланги. Получился огромный сифон. Всею командой краснофлотцы и старшины потащили на остров шланги и ручную помпу, чтобы подкачать ею воду.

Задумка удалась. Свободные от вахты члены экипажа попарно качали воду целый день, пока не были заполнены цистерны.

«Водопровод Петренко» действовал безотказно, обеспечивая корабль водой. И не только водой. Озеро среди скал оказалось рыбным. Пока из него качали воду, удачливые рыболовы самодельным спиннингом подсекали жирных окуней.

ПОД ПОКРОВОМ ТЕМНОТЫ

На рейде под погрузкой стояло несколько крупных транспортов. Ночь была тихая, темная. В это время «Гангутец» находился в шхерах.

Наш сигнальщик, стоявший на мостике, услышал звук моторов. Осматривая близлежащие шхерные островки, сторожевой корабль подошел к одному из них и обнаружил два вражеских торпедных катера, по-воровски прижавшихся к берегу.

По команде вахтенного кормовая «сорокапятка» дала два выстрела. Взревев моторами, катера исчезли в темноте. На всех наших кораблях прозвучал сигнал боевой тревоги.

На следующий день в шхерах был найден один из торпедных катеров, бежавших от огня. Он сел на мель. Команда его спаслась бегством.

За бдительность и решительные действия всему личному составу «Гангутца» командование объявило благодарность.

Вечером «Гангутец» выводил на внешний рейд караван наших транспортов с находившимися на них войсками. Оттуда мы проводили своих боевых друзей в дальний опасный поход.

СКВОЗЬ ЛЬДЫ

Последнюю ночь на Ханко мы провели в дозоре. Вернувшись на базу, «Гангутец» сам стал подготавливаться к походу.

Матросы и старшины привели в готовность спасательные средства, надели пробковые жилеты. Самым зорким, бдительным членам команды предстояло нести наружную вахту. В котельной к топкам стали наиболее умелые кочегары Петр Силаев и Данила Кренделев. Заступили на вахту самые опытные машинисты Шелюбский, Дьяков, Деньгин.

...Ночь. Впереди — кильватерный огонь другого корабля. Около полуночи слышим взрыв. Это под кормой сторожевика «Вирсайтис» разорвалась мина. Мы спешим к нему. Вся команда «Гангутца» работает самоотверженно, бесстрашно, спасая терпящих бедствие товарищей...

Едва успели пройти десяток миль, как воздух потряс новый взрыв. Это подорвалась канлодка «Волга». Корабль кренится, волны лижут его палубу...

— Чем помочь? — кричит в мегафон старший лейтенант Антипин. — Могу взять на буксир. Сейчас подойдем, чтобы взять конец.

В ответ звучит спокойный голос командира «Волги»:
— Затапливаем отсек по другому борту... Выравниваем крен... Дойдем сами... Примите часть пассажиров...

«Гангутец» подходит к борту канлодки. С ее полубака к нам на палубу бросаются люди. Они скапливаются вокруг обледеневших пушек, у пулеметных установок, возле брашпиля, толпятся в проходах.

На «Волге» удалось заделать пробойну, откачать воду. Облегченный корабль постепенно догоняет караван.

На Гогланде мы пополнили запасы угля и воды, а затем снова двинулись в поход в составе небольшого отряда малых кораблей под командованием капитана 2-го ранга И. Г. Святова.

В декабрьские морозы залив стал быстро замерзать. Топлива уходило много, а продвигались корабли медленно, с остановками для подгонки пара. Уголь, что называется, считали лопатами. Вблизи Лавенсари совсем застряли во льдах.

Кончались уголь, вода, сухари. Решили доложить об этом старшему на ледовом рейде капитану 2-го ранга И. Г. Святову. Возвратясь с флагманского корабля на борт «Гангутца», Антипин долго рассматривал в бинокль видневшийся вдали остров. Потом созвал в кают-компании командный состав.

— Товарищи, мы оказались в критическом положении: уголь на исходе, гаснут топки. Командование ничем помочь нам не может. На Лавенсари есть нежилые деревянные постройки. Я принял решение послать туда всех свободных от вахты людей: пусть разберут что-нибудь и перетаскают дрова на корабль...

— Далеко до острова, мороз сильный, — сказал кто-то.

— Но другого выхода нет.

Командиры разошлись по кубрикам, объяснили всему экипажу задачу.

— Раз надо — сделаем! — сказали матросы.

— Боцман! Готовь ватники! Дашь валенки!..

— Где ломы и топоры?

Краснофлотцы и старшины под руководством помощника командира корабля Г. В. Ручкина вышли на работу. Разобрав какие-то сараи и хибарки, они притащили по льду много бревен, распилили их и загрузили дровами опустевшие угольные бункера.

Два-три дня продолжались эти коллективные походы на остров Лавенсари, пока все свободные места на палубе «Гангутца» не покрылись штабелями дров.

Корабль ожил. Кочегары подогнали в котлах пар. Ломая форштевнем крепкий лед, «Гангутец» сумел пробиться к пристани.

К приходу на Лавенсари ледокола, который ожидался со дня на день, приказано было перегрузить с моторусника на «Гангутец» несколько сотен мешков муки — для блокированного Ленинграда. Свободных помещений на корабле не было. Как быть? Боцман Алексей Абрамович Чувелев предложил занять под груз кубрики.

Какой может быть разговор! Люди освободили кубрики, каюты. Никто не роптал. Наоборот, каждый заботился о том, чтобы на его койку уложили побольше мешков. Команда заготавливала дрова, доставляла воду для котлов, а потом десять ночей подряд спала, не раздеваясь, где придется — в кочегарке, в машинном отделении, в коридорах...

Прошла неделя. Уголь тратили только для камбуза. И вот пришел ледокол «Ермак». Радости нашей не было границ. Он поочередно обходил корабли, снабжал их топливом, водой, продовольствием. Затем обошел каждый корабль еще раз, почти впритирку, и сломал лед. Наконец поступил сигнал «Следовать за мной!».

Первым за ледоколом двинулся было «Гангутец», но малая мощность машины не позволяла ему продвигаться даже в битом льду. Пришлось «Ермаку» взять нас на буксир.

15 декабря мы прибыли в Кронштадт и стали у бона — отопителя в Петровской гавани.

В канун Нового года в кают-компании собрались моряки-гангутцы. Люди вспоминали и заново переживали боевые будни минувших шести месяцев войны.

„Считается противником...“ ● Два креста на мундире воздушного разбойника ● Осталось тайной ● Пятнадцать лет спустя ● „Где это вас угораздило?“

С. Ф. МЕНЬШИКОВ,
капитан 1-го ранга в отставке, бывший флагманский штурман военно-морской базы Ханко

ОГНИ ДАЛЕКИХ МАЯКОВ

Гидрографам базы надо было выполнить две важные задачи, поставленные командованием: обеспечить безопасное плавание своих кораблей в водах, омывающих полуостров, и затруднить плавание в этом районе кораблей противника.

Работа предстояла большая и сложная. Все наши люди сразу же энергично взялись за дело.

По моим указаниям начальник гидроучастка на специально намеченных островках установил огни и знаки, указывающие точные курсы советским судам.

Подготовленную нами подробную карту с пометками, указывающими местоположение навигационных знаков и огней, утвердил начальник штаба базы капитан 1-го ранга П. Г. Максимов.

Одновременно штаб базы ввел в действие разработанный план плавания в районе Ханко. Корабли, вспомогательные суда, катера и другие плавсредства получали право входа в этот район лишь с момента поступления сигнала «Добро» от командира базы. Получив разрешение на подход к приемной точке, корабли должны были не позднее чем за двенадцать часов известить штаб базы о дате и времени своего прихода. От точки приема кораблям разрешалось следовать на базу только с ее представителем — флаг-штурманом или гидрографом, которые заранее

прибывают в подходную точку. Корабли, вспомогательные суда, катера и прочие плавсредства, не выполнившие этих требований, считаются противником и уничтожаются.

За все время обороны полуострова у нас не было нарушений этих правил. Не было также аварий, посадок кораблей на мель из-за неправильного навигационного обеспечения. А ведь базу посещали суда довольно крупного тоннажа: транспорты «Волголес», «Днестр», «Вторая пятилетка», ледокол «Ермак», учебные корабли «Комсомолец» и «Свирь», минные заградители «Марти» и «Урал», эсминцы и другие суда. Фарватеры, по которым они проходили, были сложными, особенно вблизи минных полей.

Помнится такой эпизод. Над шхерным районом Ханко был сбит однажды фашистский самолет. Летчик выбросился на парашюте. В тот момент я находился в море, на катере. Мы подошли к тому месту, где летчик упал в воду, и «кошкой» вытащили его на поверхность. Гитлеровец оказался бывалым воздушным разбойником. У него было два железных креста. Сбитый самолет был поднят со дна и доставлен на северную стенку гавани для обозрения.

В последних числах ноября, когда шла эвакуация Ханко, я выводил из гавани очередной корабль. Это был эсминец «Сметливый». Противник открыл по нему беглый артиллерийский огонь. В порту в это время находился начальник штаба базы капитан 1-го ранга П. Г. Максимов.

— Меньшиков, давай быстрее! — взволнованно прокричал он в мегафон.

Я и сам знал, что дело решают секунды. Молниеносно эсминец был выведен за пределы гавани. Однако без жертв не обошлось: на мостике, где стоял я, погиб сигнальщик. В тот же момент я почувствовал, как что-то горячее обожгло мне правую ногу.

Корабельный леком осмотрел рану. Кость, к счастью, не была задета. О своем ранении я, возвратясь на базу, никому не сказал. В госпитале медсестра (помнится, ее звали Марусей) тайком сделала мне три-четыре перевязки, и рана понемногу стала заживать. Свое

прихрамывание я объяснял тем, что якобы натер ногу.

Лет пятнадцать спустя мне пришлось пройти медицинское обследование в ленинградском госпитале в связи с предстоящим увольнением в запас. Председатель комиссии полковник медицинской службы А. К. Яблонский потрогал мою правую ногу.

— Где это вас так угораздило?

Я рассказал врачу, как был ранен и как самостоятельно вылечился.

— Батенька вы мой, — укоризненно покачал головой полковник. — Разве можно такое скрывать! А вдруг заражение получилось бы?..

*И в штиль, и в шторм ●
Ошибся—значит погиб ●
Эти белые ночи Балти-
ки ● Дымный шлейф за
буксиром ● В поединке с
„дрейфующей смертью“
● Глубинные бомбы вы-
ходят на сушу*

А. Н. БАШКИРОВ,
*капитан 1-го ранга запаса,
бывший минер дивизиона
пограничных катеров*

ЛЮДИ И МИНЫ

Понятия фронта и тыла на Ханко сместились. Каждый его защитник чувствовал себя бойцом переднего края. Противник простреливал полуостров из конца в конец. Неприятельские корабли бороздили воды залива. Но мы всегда были начеку и давали дружный отпор врагу, где бы он ни появлялся.

Перед нашим дивизионом пограничных катеров, входившим в состав ОВРа, была поставлена задача — обеспечивать траление фарватеров шхерного района. Кроме того, мы должны были заминировать подступы к полуострову со всех направлений, откуда с наибольшей вероятностью мог появиться противник.

Спустя месяц прибавилась еще одна задача — уничтожать пригоняемые волной с Балтийского моря плавающие мины. Во время довольно частых штормов мины, поставленные в горле Финского залива подводными лодками противника и нашими минными заградителями, нередко срывались с якорей и, дрейфуя в заливе по воле ветра и течений, создавали угрозу кораблям, стоящим в порту. Как правило, после каждого шторма одна-две дрейфующие мины появлялись в районе ханковского рейда.

Я занимал должность дивизионного минера ОВРа, а позднее, после контузии флагманского минера Долгова, был и флагманским минером ОВРа.

Организовывать всю противоминную оборону полуострова довелось главным образом мне. К сожалению, в нашем распоряжении почти не было специальных плавсредств ни для постановки минных заграждений, ни для проведения тральных работ. Что ж, мы решили приспособить для этих целей обыкновенную баржу. На верхней палубе ее можно было поместить около ста мин.

Единственный в ОВРе маломощный буксир «ОХР-1» подтягивал баржу-минзаг к тому месту, где надо было ставить мины, и мы начинали работу.

Траление вели катера «КМ». Однако их ограниченные мореходные качества позволяли вести борьбу с минами только на фарватерах, находившихся внутри шхерного района. Но поскольку других плавсредств не было, то «каэмки» отваживались тралить также и выходные фарватеры, вне шхерного района. Надо отдать должное всем минерам: они работали в тяжелейших условиях, в непогоду и под непрерывным вражеским обстрелом, проявляя при этом необыкновенную смекалку и изобретательность.

Командование отдало ОВРу приказ заминировать все подходные фарватеры к полуострову. Нетронутым надо было оставить только секретный фарватер для прохода наших кораблей.

Выполнить этот приказ было нелегко. Склады и причалы обстреливались день и ночь. Судили мы да рядили и придумали такой порядок работы: мины со склада погрузать на железнодорожные платформы и с наступлением темноты отвозить в среднюю часть полуострова, густо заросшую лесом и трудно просматриваемую с воздуха. Там по ночам минеры собирали и подготавливали мины к предстоящей постановке. Впрочем, подчас приходилось делать это и днем, под сильным обстрелом, сидя, если можно так выразиться, на пороховой бочке...

Едва ли была проще и легче постановка мин с нашей минозаградительной баржи. Вести эти работы скрытно никак не удавалось. Ведь на Балтике в летнее время стоят белые ночи. К тому же, вопреки стараниям кочегаров, наш буксир тащился крайне медленно, оставляя за собой шлейф черного дыма и тем самым демаскируя баржу и себя.

С вражеских наблюдательных постов этот дым просто невозможно было не заметить. И вот что удивительно: часами мы находились на виду у противника,

а его батареи ни разу нас не обстреляли. Между тем ни охранения, ни катеров-дымозавесчиков, которые обеспечивали бы нашу работу, и в помине не было. Противник, должно быть, и не предполагал, что на заливе осуществляется какая-либо серьезная операция: ну, скажите, кто будет так открыто, наполняя небо клубами черного дыма, проводить что-то важное и серьезное?! Весьма возможно, что и наше командование тоже рассчитывало на такого рода эффект, отдавая нам, казалось бы, невыполнимый приказ. Во всяком случае, мы каждый раз благодарили судьбу за то, что удалось поставить мины и вернуться на базу живыми.

— Ей-богу, чем больше дыму, тем спокойнее, — шутили моряки на барже и на буксире.

В результате этих «дымных» операций мы заминировали главный входной фарватер и все другие фарватеры на подходах к полуострову с западного направления. Незаминированным остался, как это было предусмотрено, лишь секретный фарватер, который систематически, для обеспечения безопасности плавания, нами же протраливался.

А теперь — о плавающих минах. Они создавали серьезную угрозу кораблям, стоящим на рейде и в порту. За прилегающим к острову Густавсверн водным пространством велось тщательное наблюдение. Такое же наблюдение осуществлялось и с других наблюдательных постов ОВРа. Для уничтожения обнаруженных мин была создана особая подрывная команда. Возглавлял ее старшина Андреев.

В штилевую погоду уничтожать мины нетрудно, однако они в такое время не появляются. Они появляются обычно, когда разыгрывается шторм. Нелегко бороться с ними в такое время.

На рейдовом катере «КМ», таща на буксире шлюпку, подрывники выходили на выполнение боевого задания. Чтобы уничтожить мину, необходимо расстрелять ее из пушки. Пулемет и винтовка для этого дела не годятся. Сквозь пулевые отверстия вода может попасть в корпус мины, и тогда она, приобретая нулевую плавучесть, будет скрыто держаться под поверхностью моря и создавать еще большую угрозу для судоходства. Но ведь на «каэмке» пушки нет. Как быть? Оставался лишь один способ: подойти на шлюпке к плавающей мине, повесить на ее рожки подрывной патрон, затем зажечь бикфордов

шнур запала и как можно быстрее отгрести на безопасное расстояние.

Нужно обладать исключительной ловкостью и хладнокровием, чтобы повесить патрон, когда и мина и шлюпка качаются на волне. Один лишь удар — и срабатывает инерционный механический взрыватель. Может также погнуться свинцовый колпак, и это, возбуждив источник тока, вызовет взрыв...

Надо отдать должное нашим минерам команды отважного старшины Андреева. Они действовали без ошибок. Они с честью находили выход из любого затруднительного положения. А в самых ответственных и трудных случаях за дело брался сам Андреев, мастер подрывных операций.

Иногда мину волной прибивало к берегу, и тогда она взрывалась. Но были случаи, когда взрыва не происходило. Однажды такую невзорвавшуюся мину прибой подкатил к месту расположения воинского подразделения. Рядом находились дзоты. Метрах в сорока от ближайшего из них мина покачивалась на легкой волне среди двух огромных камней.

Один из наших матросов вызвался забраться на камень и подвесить на мину подрывной патрон с заранее вставленным детонатором и зажженным бикфордовым шнуром. Он попытался это сделать, но не смог достать до мины. Тогда мы раздобыли у армейцев пеньковую веревку. Старшина Андреев сделал петлю и ловко набросил ее на выступающие свинцовые колпаки мины. Затянув петлю, он подал свободный конец в амбразуру дзота. Мы вчетвером потащили мину к себе. Огромный шар подался вперед метров на пять. Мина прошла между камнями и... не задела колпаками ни за один из них. Потянули ее еще раз. Теперь она лежала уже на сухом берегу. Было видно, что ее нижний свинцовый колпак погнут. Признаться, я струхнул: «Черт возьми, почему не рвется? Так ее и до нашего дзота дотащить можно...»

— Еще раз взяли! — по этой команде мы все крепко дернули за трос. Вот тогда-то и раздался оглушительный взрыв. С потолка дзота посыпался песок, стало темно. Мы с облегчением вздохнули. Задание было выполнено.

Может показаться неправдоподобным, как мы ставили морские мины на суше. Но это было в действительности. Сухопутные части, оборонявшие полуостров, испытывали большую нужду в противотанковых минах.

Между тем, требовалось заминировать линию обороны, прилегающую к урезу воды. И вот поступило приказание поставить на берегу морские мины, которых на складах было много.

Известно, что во время работы с миной для предохранения ее от взрыва служит кусочек сахара. Он вставляется в специально сконструированный прибор, который разрывает собой электрическую цепь запала. После того, как мина поставлена, сахар в течение пятнадцати минут растворяется в воде. За это время минный заградитель успевает отойти от мины на безопасное расстояние.

Используя морские мины на суше, мы не могли пользоваться сахарным предохранителем: ведь мина попадала не в воду, а закапывалась в грунт. И вот наши минеры научились обходиться без предохранителей. Они выкапывали яму, на руках подтаскивали к ней мину весом в тонну и, поместив ее в углубление, засыпали землей. От оставленных на поверхности земли замаскированных свинцовых колпачков к ближайшим деревьям или к кольям заграждения протягивалась проволока. Стоило противнику задеть ее, как должен был неминуемо произойти мощный взрыв.

Защитники полуострова Ханко оставались на нем до глубокой осени. Все это время шла активная подготовка к обороне базы в зимних условиях.

Поставленные нами на море минные заграждения в зимних условиях потеряли бы свое значение. Скованный льдом полуостров стал бы доступен для атак противника. С учетом этого следовало минировать все наиболее опасные участки морского побережья. Но запас противопехотных и противотанковых мин, как я уже говорил, давно был исчерпан. В то же самое время флотские склады располагали огромным запасом глубинных бомб, предназначенных для уничтожения подводных лодок.

Мне, как минеру, в штабе базы задали вопрос:

— Нельзя ли применить глубинные бомбы для минирования побережья?

— Думаю, что можно, — ответил я, — но над этим надо подумать.

Устройство взрывателей глубинных бомб, срабатывающих от давления воды, хорошо известно. Но как заставить их срабатывать от других физических воздействий? Этого я в ту пору не представлял себе. Однако

чего не придумаешь на войне! Пришлось засесть за разобранный взрыватель. Я внес в его конструкцию кое-какие изменения и вскоре на совещании, состоявшемся у командира базы, продемонстрировал действие нового прибора. Он легко срабатывал даже от легкого прикосновения руки. Чувствительные элементы действовали безотказно. Теперь глубинная бомба, замороженная в лед и снабженная переделанным взрывателем, должна была непременно взорваться, если бы возле нее оказались люди или танки.

Было приказано немедленно приступить к массовой переделке взрывателей глубинных бомб. Однако эта работа вскоре была прекращена. Командование базы получило приказ Ставки об эвакуации гарнизона Ханко.

В ответ на вражескую пропаганду ● Тираж — десять тысяч, бумага шести расцветок ● Нет цинкографии — есть линолеум ● И вспыхнул в небе фейерверк ● Рисунки и рифмы ● Ответ барону Маннергейму

БОРИС
ПРОРОКОВ

ЛИСТОВКИ „КРАСНОГО ГАНГУТА“¹

С первыми вражескими снарядами на полуостров упали и первые вражеские листовки. Последнюю такую листовку я видел в последний день нашего пребывания на Ханко. На протяжении полугода пропаганда противника изощрялась в коварстве и лжи. Однако с первых же дней войны политотдел военно-морской базы Ханко развернул работу по контрпропаганде. На передовой линии обороны и на островах систематически работала радиоустановка, печатались листовки, использовались простые ручные рупоры и даже специально изобретенная «агитграната». Много делала для разоблачения вражеских измышлений газета «Красный Гангут».

* * *

В начале июля в бою за остров Хорсен была взята в плен группа солдат и офицеров противника. Рядовой Лиукконен Аарне изъявил желание обратиться с письмом к финским солдатам. Он сам написал текст этого письма. Я привожу его здесь.

«Братья финские солдаты!

К вам обращается солдат 7-й роты 3-го батальона Лиукконен Аарне. 10 июля ночью в бою с войсками Советского Союза я сдался в плен так же,

¹ Статья ранее не публиковалась. Написана она в конце Великой Отечественной войны. Печатается с сокращениями.

Гадалка карты разметала,
Подумала, затем сказала:
— Ваш грозный путь лежал
через
Большой крестовый интерес.

Рис. Б. Пророкова. «Боевая вахта», 13 сентября 1941 г.

как и другие двадцать три моих товарища, на острове Хорсен, куда нас перебросили для борьбы против Советского Союза. Здесь к нам относятся очень хорошо. Все живы и здоровы. Сегодня был в больнице, где видел наших солдат Нюмана Дороти, Эквиста Алларика, которые были ранены в бою 1 июля. За ними ухаживают так же хорошо, как и за русскими солдатами.

Братья финские солдаты! Наше правительство по приказу Гитлера толкнуло наш народ на кровавую войну против Советского Союза. Нас посылают на эту войну бороться за интересы фашистской Германии.

Веровочка

Ты на победу не надейся,
Кровавый, бешеный подлец.
Как ты, веревочка, ни вейся, —
Есть у веревочки конец.

Рис. Б. Пророкова. «Красный Гангут», 7 ноября 1941 г.

Гитлер и Бонапарт

Гитлер:

Чем закончится борьба,
Какова моя судьба?

Бонапарт:

Поднимите крышку гроба,
Мы сюда вместимся оба.

Рис. Б. Пророкова. Стихи
Н. Имшенецкого. «Боевая вах-
та», 10 августа 1941 г.

Европейская осенняя ярмарка

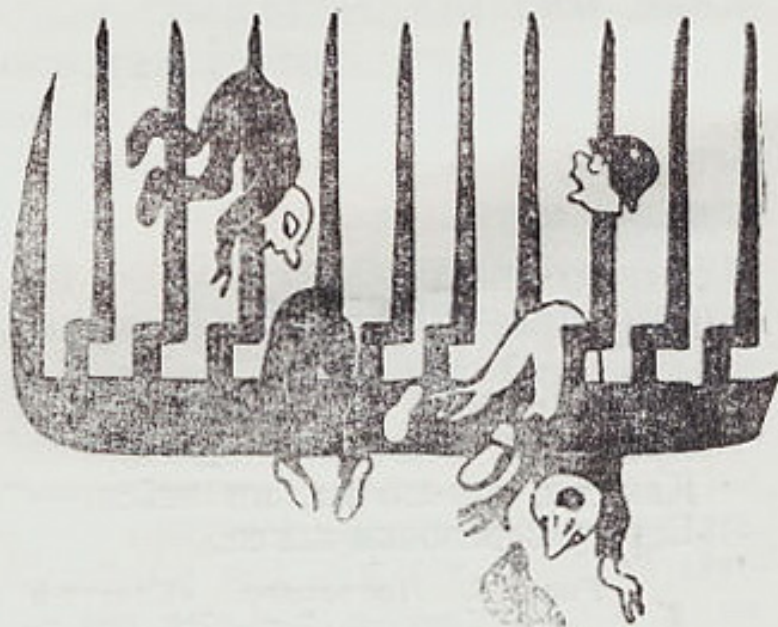
Идет торговля гранатами и лимонами. Продаются костыли и
липовые ноги. Молодым хозяйкам предлагаются подарки: мо-
гильные кресты и лавровые венки. Главный покупатель —
Гитлер.

Рис. Б. Пророкова. «Красный Гангут», 19 октября 1941 г.

Гребеночка

Всем фашистам путь отрезав,
Мы раздавим их железом.
Вгоним в землю до отказа
Всю фашистскую заразу.

Рис. Б. Пророкова.
Стихи М. Дудина. «Красный
Гангут», 4 ноября 1941 г.

Я призываю и прошу вас, братья финские солдаты: гоните прочь из Финляндии фашистские войска Германии!

Долой войну против Советского Союза! Сдавайтесь в плен советским войскам. Это лишь ускорит конец войны!

Крепко жму руки

Лиукконен Аарне.

12 июля 1941 года».

Пленных сфотографировали, подготовили текст специальных листовок. Но клише пришлось заказывать в Таллине. Политотдел располагал типографией, в которой не было самого существенного для изготовления листовок — латинского шрифта и цинкографии. Стало быть, предстояло ждать оказии. Клише мы все же получили. Наконец листовки были готовы, и самолеты сбросили их на финскую территорию.

В дальнейшем надо было искать какой-то другой выход. И выход был найден. Не только цинк, но и иностранный шрифт заменил линолеум. До этого была попытка делать листовки фоторепродукционным способом, но это было дорого, и тираж получался очень маленький.

В первых листовках мы призывали финских солдат и офицеров переходить на нашу сторону. Но обстановка быстро менялась. Родные берега как бы отодвигались от нас все дальше и дальше. Трудно было предположить, что найдется какой-нибудь чужак, который перейдет на сторону отрезанного и окруженного гарнизона Ханко. Листовки призывали финнов кончать войну. «Солдаты и офицеры финской армии, — говорилось в одной из них. — Кончайте проливать кровь за интересы Гитлера! Сбросьте его прочь со своих плеч!» «Немцы грабят и объедают Финляндию, а финский народ голодает, — говорилось в другой листовке. — Солдаты и офицеры! Гоните прочь из вашей страны немецких захватчиков!»

Листовки были отпечатаны с линолеума на финском и шведском языках. Применялась бумага шести расцветок. Тираж — 10 000 каждая. Следует сказать, что цвет бумаги, используемой для листовок, имеет большое значение. Когда самолеты разбрасывали наши разноцветные листовки, это напоминало фейерверк.

Недостатком листовок был их несколько громоздкий формат. Это неизбежно при печати с линолеума (мелкий

Листовка на шведском языке: «Солдаты и офицеры финской армии! Кончайте проливать кровь за интересы Гитлера. Изгоните фашистов прочь со своей земли!»

Рис. Б. Пророкова.

текст нарезать на линолеуме трудно. В дальнейшем мы применяли способ «выворотной» печати — белый текст по темному фону. Гравировать таким образом неизмеримо легче. А печатали листовки на цветной бумаге или цветной краской.

В конце августа с последней оказией из Таллина нам были доставлены финский и шведский шрифты. После захвата гитлеровцами Таллина перед нами встали новые серьезные трудности. Производство листовок строжайше лимитировалось недостатком бумаги и авиационного бензина. В сентябре газета печаталась уже на оберточной бумаге. Листовки для противника издавать

на плохой бумаге дивизионный комиссар Раскин запретил.

Всего редакция газеты «Красный Гангут» выпустила около тридцати листовок.

Всю нашу типографию укрыть под землей не удалось. В низком, сыром подвале наборщики работали в полусогнутом состоянии. Во весь рост можно было выпрямиться только на улице. Работы было так много, что на прогулки времени не оставалось.

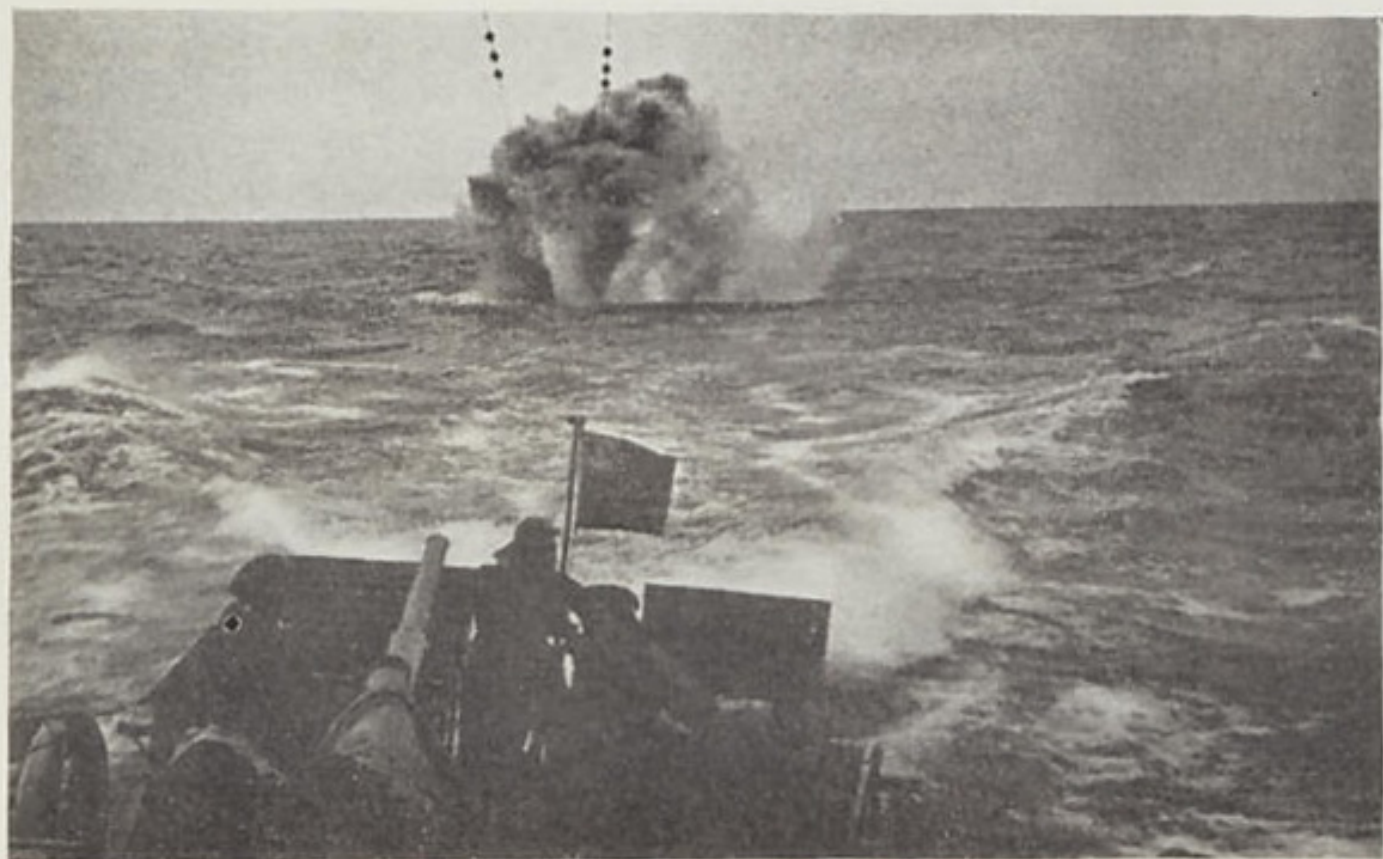
Печатные машины мы установили в помещении первого этажа. Стены и окна были закрыты мешками с песком и бревнами. При каждом прямом попадании снаряда в здание машину засыпало песком и щебнем. Гравировались листовки в подвальной каморке, устроенной под лестницей, подчас при свете свечей и коптилок.

Летчик-истребитель Петр Бринько показывает товарищам тактические приемы воздушного боя.

Соколы гангутского неба. Слева направо: летчики М. Васильев, А. Ильин, А. Байсултанов, В. Голубев, Г. Цоколаев, И. Творогов.

Пограничный катер сбрасывает глубинные бомбы, преследуя вражескую подлодку.

Вид с рейда на остров Густавсверн.

Командир ОВРа М. Д. Полегаев (справа) и командир «МО-239» А. И. Терещенко.

В ночном дозоре на взморье.

Зенитная счетверенная пулеметная установка изготовлена к бою.

Доставка на Ханко боеприпасов, прибывших с Большой земли.

Бойцы роют противотанковый ров.

Расчет минометчиков готовится к стрельбе.

Младший политрук П. С. Яровой беседует с краснофлотцем-зенитчиком Н. Пушновым, подавшим заявление о приеме в партию.

Краснофлотец-десантник из отряда Б. М. Гранина.

Командир 29-го артдивизиона Б. М. Гранин (справа) и полковой комиссар Р. Ф. Босько.

Снайпер Григорий Исаков.

Командир железнодорожной артбатареи П. М. Жилин на огневой позиции.

Краснофлотцы прочесывают отбитый у противника остров.

Десантники высаживаются на вражеский остров.

Бойцы-десантники в минуты отдыха между боями.

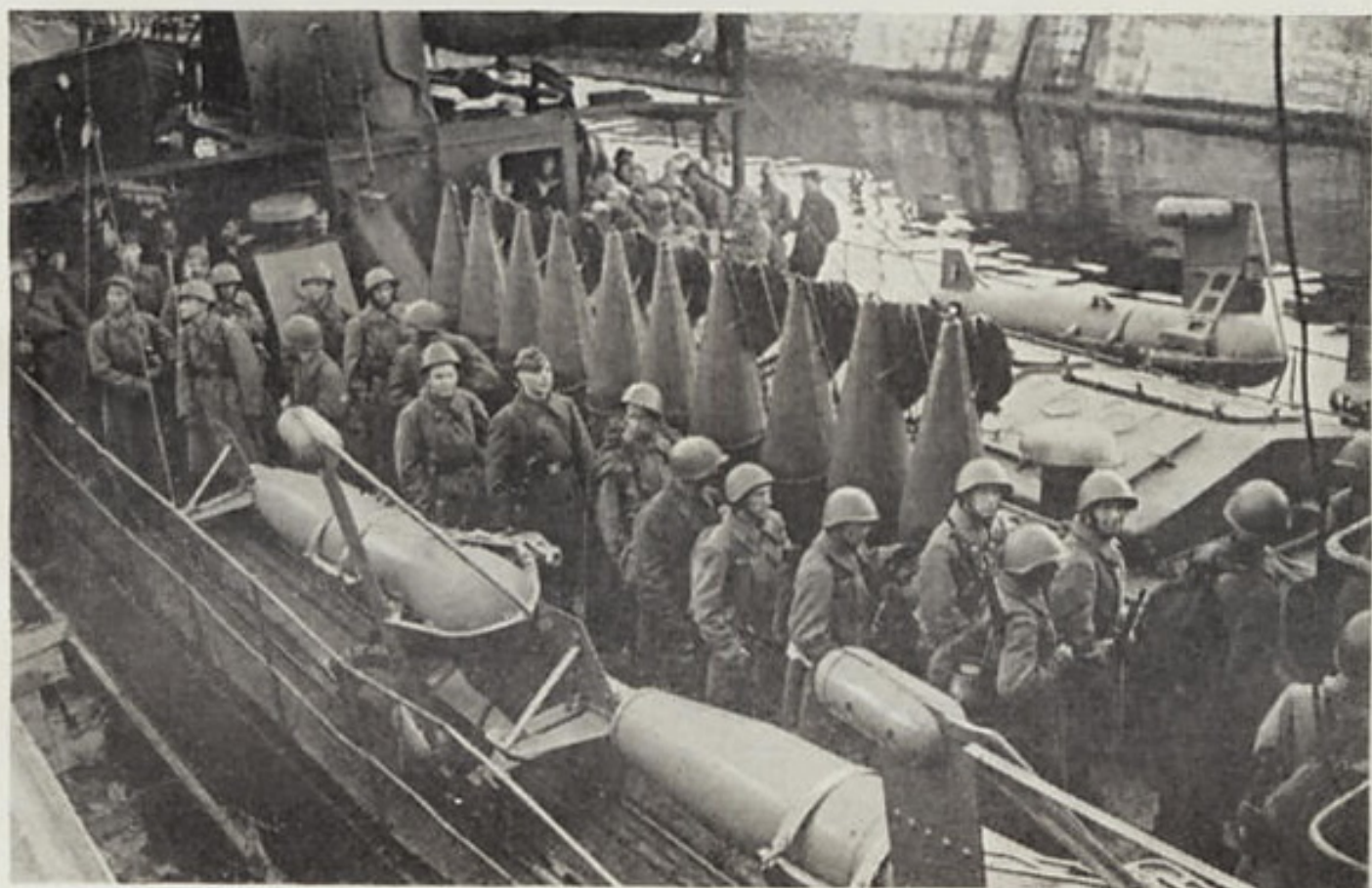
Артиллерийский разведчик боец Нуянзин на передовом наблюдательном пункте.

Отважный разведчик И. П. Щербановский со своими боевыми друзьями.

Начало эвакуации. На пирсе.

Эвакуируемые бойцы стрелковых частей на палубе боевого корабля.

В школе № 224 Фрунзенского района Ленинграда создан музей, посвященный обороне Ханко. Объяснения учащимся дает участник обороны полуострова Н. Н. Белоголовов.

Наши десантные отряды занимали у финнов остров за островом. В те дни к нам попадало много бумаг и дневников вражеских солдат. Недовольство затяжной войной, возрастающая неприязнь к гитлеровцам, жалобы на голод и растущую нужду — вот основной мотив писем, которые финские солдаты получали из дому. В этих письмах мы зачастую черпали темы для наших листовок. У одного убитого финского солдата было найдено следующее письмо:

«Або, 11.08.41.

Дорогой друг Карл!

Если ты имеешь предмет любви в Або, то поскорее приезжай. Твоя зазноба может попасть в лапы немцев, а эти молодчики неисправимые грешники. Пиши. Привет К. С.»

Решено было использовать этот мотив для листовки. Сразу же напрашивалось сентиментальное графическое решение: солдаты проливают кровь, в то время как их жены и невесты оказались в чужих лапах. Листовка была сделана. Рисунок сопровождали рифмованные строки:

Растяпа финская кума
Была от немца без ума.
Поверя наглости пустой,
Пустила немца на постой.
Теперь от слез сошла с ума,
С сумой осталася сама.

Эти стихи Михаила Дудина перевел на финский язык лейтенант Воробьев.

* * *

Однажды моряки притащили с сухопутной передовой «языка». Это был резервист из Хельсинки, пулеметчик. Помню, что его звали Эриком. Утащили его из финской траншеи ночью. Эрик парень здоровый, он сопротивлялся, как мог. К общему удивлению, при обыске у него была обнаружена наша листовка «Немцы грабят и объедают Финляндию, а финский народ голодает»...

— Что же ты, хранишь наши листовки, а так сопротивлялся?

— Я солдат, — ответил Эрик.

Ему показали еще листовку, где нарисован был Гитлер на плечах финского солдата. Эрик с гневом перечеркнул Гитлера крестом и выругался по-русски. Когда же его спросили о Маннергейме, Эрик восторженно признался в своей любви к нему. Для нас это было открытием, и мы поначалу избегали в листовках затрагивать персоны, милые фанатичным финнам. Но позже мы сделали все же несколько листовок, высмеивающих Маннергейма.

Финская пропаганда начала с угроз: «Сдавайтесь, или вы будете сброшены в море». По мере крушения надежд противника на окончание операций на Ханко менялся и стиль пропаганды — угрозы сменялись угрозами: «Вы находитесь в плену, пути отступления вам отрезаны».

Однако ханковцы отнимали у противника острова.

Тогда уговоры были подмазаны лестью. Враг предлагал заключить перемирие «не с Советским Союзом, а только с Ханко». Обещано было даже поставлять, как и до войны, молоко на сухопутную границу. В самый тяжелый период обороны, когда немцы захватили остров Эзель, финская пропаганда пошла с самого сильного козыря — обращения барона Маннергейма к гарнизону Ханко. Потерпев фиаско и на сей раз, вражеские пропагандисты заговорили с откровенной яростью.

Одна небольшая операция наших десантников не удалась. На острове, занятом противником, остались трупы советских моряков. Вражеским солдатам было приказано повесить их на деревьях. С утра до ночи «громковещатели», захлебываясь желчью, орали, что каждого из нас ждет подобная смерть.

Гитлеровская пропаганда изощрялась в коварстве. Приведу такой пример. Большая земля снабжала нашу газету информацией только по радио. Каждую ночь радист слушал Москву и принимал сводки Совинформбюро, иностранной редакции ТАСС и передовые «Правды». Фашистские радиостанции подстраивались «под Москву» и диктовали лживую информацию для районных и фронтовых газет. Делалось это тонко. Враг передавал, скажем, передовую «Правды». Все в ней было правильно, но в текст вставлялся провокационный абзац пораженческого характера. Бывали случаи, когда провокационные передовые статьи целиком стряпались фашистскими радиостанциями.

Наша газета ни разу не попала на удочку пропагандистов противника только благодаря повышенной бдительности политработников.

На назойливые старания фашистской пропаганды откликнулся сатирический отдел газеты «Красный Гангут». Приведу два-три примера. 4 августа самолеты противника сбросили на Ханко листовки с пропусками на вражескую территорию. На следующий же день в газете были помещены рисунки и стихи о том, как наши моряки-десантники откликнулись на это «приглашение». На рассвете ими был занят еще один остров противника. Газету с фельетоном читали и на этом острове.

Однажды наш летчик сбил фашистский самолет, сбрасывавший листовки. В листовках утверждалось, будто советских самолетов на Ханко уже нет и все летчики перебиты. В нашей газете и на этот раз были напечатаны стихи и рисунки, разоблачавшие глупую брехню фашистских пропагандистов («Боевая вахта», 17 августа).

Как-то у переднего края обороны шюцкоровец, забравшись на высокую сосну, уговаривал наших бойцов переходить на финскую сторону. Когда он, крича в рупор, начал сулить сало, масло и белый хлеб, какой-то голодный финский солдат не выдержал и разрядил в своего чересчур ретивого проповедника автомат. По этому случаю также были сделаны рисунки и напечатаны стихи «Веселый разговор» («Красный Гангут», 17 ноября).

Удачно отреагировали мы на обращение Маннергейма к ханковцам. Он начал так: «Доблестные, героические защитники Ханко!» Далее следовал пышный букет льстивых комплиментов. Барон говорил об истощении наших ресурсов. Он уверял, что героизм ханковцев напрасен, и вместо голодной смерти предлагал нам почетный плен. Далее следовали обычные обольстительные обещания. Кончалось обращение ультиматумом, на размышления давалось два дня. Если почетное предложение маршала не будет принято, говорилось в листовке, гарнизон полуострова будет уничтожен.

Два дня со стороны противника не было ни одного выстрела.

Начальник политотдела бригадный комиссар П. И. Власов созвал у себя небольшое совещание работников политотдела и редакции. Он сказал, что необходимо что-то противопоставить вражеской пропагандистской

листовке, и дал мне задание срочно подготовить ответ в духе письма запорожцев турецкому султану. Мы с Михаилом Дудиным написали текст листовки, командование базы одобрило его. На другой день наши бойцы вместе с газетой получили листовку «Ответ барону Маннергейму».

Когда она издавалась, о Маннергейме думали меньше всего. Его агитировать было, конечно же, бесполезно. Листовка делалась для наших людей. И, надо сказать, своей неожиданностью, дерзостью она отвлекла внимание от самого обращения Маннергейма. Бойцы переписывали и перерисовывали листовку множество раз, размножали ее через копирку и различными способами перебрасывали к противнику. На сухопутной границе красноармейцы делали из можжевельника луки и, обмотав стрелы листовками, пускали их в финские траншеи.

На финском языке листовка не печаталась, но читалась по радио. Впрочем, к Маннергейму она все же попала.

Работали мы все предельно напряженно. В наш и без того разбитый редакционный дом попал снаряд. Он разорвался над моим «кубриком», находившимся под лестницей. Вспыхнул пожар. Горели мои рисунки, еще не оконченные стихи Михаила Дудина. Пожар нам удалось потушить, но другим снарядом был выведен из строя движок. Опять гравировали при копилке. Краснофлотец Шпульников изготовил за одну ночь четыре текстовые листовки на линолеуме. Машину сплошь и рядом крутили вручную наши печатники Белов, Федоров и Шохин.

За три дня до ухода последнего корабля с гангутского рейда А. Раскин приказал мне подготовить максимальное количество листовок для белофиннов и разбросать их по Ханко и островам. Отпечатано было более ста пятидесяти тысяч различных листовок. Приведу некоторые из них.

«Вы не сломили нашей стойкости и воли, мы еще вернемся».

«Мы, гангутцы, везде будем бить вас так, как били под Ханко».

«Война на стороне Гитлера равна самоубийству, кончайте войну, пока не поздно».

«До тех пор, пока вы будете помогать Гитлеру в его

кровожадной войне, мы будем уничтожать вас так, как уничтожаем немецких оккупантов».

«Финские солдаты и офицеры! Поворачивайте оружие против действительного врага вашей независимости — фашистской Германии».

Нам дали грузовики. На камбузе мы наварили несколько ведер клейстера, и весь полуостров был оклеен листовками. Листовки были на развалинах домов, на телеграфных столбах, в портовых складах. Листовки сплошь покрывали взорванные орудия, брошенные нами машины. Листовки рассовывались по сараям, чердакам домов, печуркам и подвалам.

Когда работа была закончена, наступила оттепель и пошел дождь. Мы решили, что все наши старания напрасны. Но ночью хватил мороз, и листовки покрылись как бы зеркальным стеклом. В городе есть пруд. Листовки были и в пруду, под прозрачным слоем льда.

*В подземных палатах
госпиталя ● Все снаряды
мимо камбуза ● Изрешеченные
осколками машины эвакуотряда ●
Враг подслушивает ●
Операции при свечах ●
Он будет жить и будет
воевать ● „Скажи мне
что-нибудь хорошее“ ●
Маленький кусочек
большого снаряда*

А. С. КОРОВИН,
полковник медицинской
службы в отставке, быв-
ший ведущий хирург во-
енно-морской базы Ханко

ГЛАВНАЯ ОПЕРАЦИ- ОННАЯ

Военно-морской госпиталь на Ханко не был полностью подготовлен к войне. Все понимали, что, если начнутся бои, врачам будет трудно работать в крошечном городке на полуострове, окруженном врагами с суши, с моря и с воздуха и постоянно подвергающемся угрозам бомбардировок. Все сознавали, что необходимо построить защищенные операционные, госпитальные укрытия, в которых персонал и раненые находились бы в относительной безопасности.

С 26 июня на госпитальном дворе, где весной были кропотливо разделаны цветочные клумбы и расчищены места для танцев и игр, мы стали рыть глубокие ямы и перекрывать их сверху бревнами, камнями и песком.

Политрук Суслов, подобрав себе товарищей, быстро соорудил около камбуза небольшое укрытие. Это первое «укрепление» получило название «дзота Суслова». Вскоре появилась «линия Чапли», начальника терапевтического отделения. Невропатолог Москалюк не отставал от других и вместе с женой и сыном тоже копался в земле.

Немного позднее командование госпиталя приступило к строительству убежища человек на тридцать. В нем разместилась часть личного состава во главе с начальником и комиссаром. Сюда провели электрическое освещение, теле-

фон и радио. Этим «дзотом» госпиталь пользовался до самой зимы, но мне ни разу не довелось побывать в нем. Одно время он был как бы штабом, откуда шло управление госпитальными филиалами, разбросанными по Ханко.

Одновременно с рытьем мелких, чуть ли не индивидуальных убежищ начались всевозможные «рассредоточения». Рассредоточивали решительно все: медикаменты, аппаратуру, запасы продовольствия. Для хранения их мы использовали соседние дома, близлежащие дворы и подвалы. Хозяева этих домов уже сидели где-то под землей и не интересовались тем, что происходит в их жилищах. Многие из них сами приходили к нам и просили пользоваться оставшимися в квартирах вещами, если эти вещи могут пригодиться госпиталю для обслуживания раненых.

Весь город постепенно уходил под землю. Даже такие учреждения, как почта, военторг, загс и милиция, быстро перешли на подземное существование. Дома опустели. На окнах и дверях появились крест-накрест прибитые доски.

Только госпиталь продолжал оставаться в своих прежних наземных помещениях.

Нам понравился небольшой особнячок, который находился в парке, метрах в двухстах от моря и в полукилometре от госпиталя. Нижний этаж его, полуподвал с кирпичными стенами и асфальтовым полом, вероятно, служил когда-то гаражом. К центральному полуподвальному помещению, предназначенному для машин, примыкал лабиринт маленьких полутемных комнатусек, среди которых оказался даже миниатюрный камбуз с плитой и котлом для воды. Кроме того, имелась еще большая комната без окон, намеченная нами под операционную.

С. И. Кабанов согласился передать дом госпиталю, и 29 июня мы перебрались туда.

День этот начался обстрелом города из тяжелых орудий. Видимо, противник решил разрушать Ханко систематически, по квадратам. То там, то тут полыхали пожары. За городом горели леса. Раненых привозили с улиц и из домов, еще не покинутых жильцами.

Снаряды пролетали так низко и с таким угрожающим свистом, что все мы, стоя у операционных столов, невольно нагибали головы и зажимуривались в ожидании очередного разрыва.

Обработанных раненых приходилось помещать в подвале, где было тридцать пять коек. Сколько раз расшибали мы головы о его низкие перекладыны, про которые постоянно забывали! Одним из наиболее пострадавших оказался автор этих строк. Однажды, забыв по обыкновению о необходимости ходить в согнутом положении, я ударился лбом о низкую каменную балку. Лицо и грудь у меня оказались залитыми кровью, как после большого ранения.

Вместе с нами от госпиталя отпочковалось еще одно хирургическое отделение, возглавляемое доктором Ильиным и рассчитанное на легкораненых и выздоравливающих. Оно обосновалось в бывшем Доме партийного просвещения, в самом центре города, недалеко от парка и побережья.

Приблизительно в те же дни открылся новый госпитальный филиал в родильном доме, ставшем на Ханко почти ненужным. Там работал персонал гражданского здравоохранения, целиком перешедший к нам после мобилизации.

Таким образом, к началу июля на базе возникло пять хирургических отделений с числом коек, доходившим до четырехсот.

В прежнем здании госпиталя осталось отделение ходячих раненых и несколько терапевтических палат. Там же стойко держался центральный камбуз, распределявший питание по всем разбросанным в городе филиалам. Как уцелел этот камбуз до конца нашего пребывания на Ханко, объяснить невозможно. Должно быть, он находился под какой-то счастливой звездой. Ни один осколок не пробил в нем ни стены, ни окна, хотя вокруг все было разрушено.

Подвал, куда мы переселились, стал играть роль главной базовой операционной. Здесь производились все большие операции, и отсюда раненые распределялись по другим пунктам. Тяжелых мы оставляли в подвале или отсылали в соседнее здание, к врачу Э. А. Качан, бывшей до войны заведующей горздравотделом.

Чтобы дать читателю полное представление об организации нашей медико-санитарной службы в первые дни войны, нельзя не упомянуть об эвакоотряде Басюка.

Басюк, до конца июня работавший врачом в базовой санитарно-эпидемиологической лаборатории, был мало кому известен. Скромный и молчаливый, он целыми

днями сидел в своей лаборатории, производя всевозможные анализы, и никто не подозревал, что в груди этого молодого врача бьется большое, мужественное сердце. С 30 июня, по приказу командования, он стал начальником эвакоотряда на Ханко. Ему дали человек двадцать команды (фельдшера, санитары, шоферы), три санитарные машины, два автобуса и несколько грузовиков.

Басюк забирал раненых с мест и доставлял их в госпиталь. Как только начинался обстрел какого-нибудь участка и появлялись первые жертвы, он со своими машинами немедленно мчался туда, делал перевязки, впрыскивал пострадавшим морфий, накладывал жгуты и шины и затем доставлял раненых в подвал и в другие хирургические «филиалы». Работа была трудной, беспокойной и опасной. На кузовах санитарных машин во многих местах зияли отверстия от осколков.

Но Басюк не знал ни усталости, ни страха. Любая аварийная команда, в том числе и пожарная, могла бы брать с него пример. Я помню такой случай. Загорелся дом от попавшего в него зажигательного снаряда. Внутри дома стонали раненые. Вражеские артиллеристы методически продолжали стрелять по пылающему зданию, возле которого уже лежало несколько убитых пожарных. Но вот приехал Басюк на своей «санитарке». Он бросился в огонь, пренебрегая опасностью, оказал первую помощь раненым и обожженным и погрузил их в машину, успевшую основательно нагреться от пламени.

Когда начались десантные операции на островах, Басюк со своим отрядом каждую ночь ходил туда на буксире и бережно вывозил тех, кто нуждался в неотложной хирургической помощи.

В течение июля и августа несколько раз производилась эвакуация раненых в Таллин морским путем. Эвакоотряд доставлял на попутные корабли моряков и красноармейцев из полевого госпиталя, осевшего в землянках в трех километрах от города. Вначале мы сообщали туда по телефону о сроках погрузки людей и о других делах, связанных с эвакуацией. Потом было замечено, что именно в назначенные для эвакуации часы начинался непрерывный обстрел шоссе, ведущего из Ханко в порт. Ясно, что какой-то вражеский агент подслушивал наши телефонные разговоры и информировал обо всем свои артиллерийские батареи. Басюк и в этих

тяжелых условиях благополучно проскакивал опасный участок. Когда же мы поняли, что нас подслушивают, и запретили телефонные оповещения, заменив их живой связью через курьеров, обстрелы шоссе прекратились.

Забегу вперед. В декабре, когда по пути из Ханко в Ленинград один из наших кораблей подорвался на минах, находившийся на нем Басюк и не подумал о спасении собственной жизни, а первым делом занялся сортировкой раненых и доставкой их в импровизированную корабельную операционную.

Возникла срочная необходимость приниматься за укрепление нашего подвала. Плотники день и ночь обшивали тесом потолок и подпирали их толстыми бревнами, из которых сочилась смола. Мы неумело лавировали среди этих сосновых подпор и постоянно пачкали о них брюки и кителя. В операционной было установлено пятьдесят шесть столбов, в остальных помещениях — приблизительно столько же.

Укрепив потолок подвала, строители перешли на первый этаж. На блестящие паркетные полы они навалили два слоя бревен диаметром около полуметра каждое и такой же слой песка. Поверх песка лежали камни-валуны и могильные плиты, вид которых не производил веселого впечатления.

Потом началась обшивка наружных стен. Параллельно им поднялся дощатый забор. Промежуток между забором и стенами дома бойцы засыпали песком.

Нужно сказать, что плотникам в этом деле постоянно помогал личный состав главной операционной. Одновременно в подвале, не прекращаясь ни на час, шла напряженная хирургическая работа. Наши люди, казалось, не знали усталости.

Как-то с аэродрома к нам привезли двух легкораненых летчиков. Лейтенанты поблагодарили врачей, обработавших их раны, но остаться в госпитале категорически отказались. Они разыскали меня и заявили, что чувствуют себя отлично и не нуждаются в постельном режиме.

— Перевязки нам может делать наш доктор. Если же появятся какие-либо осложнения, нас немедленно привезут сюда. На аэродроме мало людей. Нам нельзя летать, но мы станем хотя бы набивать патронами пулеметные ленты. Ребята так перегружены, что не успевают делать это.

Сестра Калинина, услышав этот разговор, умоляюще взглянула на меня своими черными, слегка косящими глазами.

— Товарищ начальник, разрешите свободной смене ездить к ним помогать... набивать эти... патроны...

Не только девушки-комсомолки, но и пожилые, пятидесятилетние сестры всем сердцем отозвались на это предложение. С 4 июля каждый вечер свободная смена стала ездить на аэродром набивать пулеметные ленты.

Я не помню случая, чтобы кто-нибудь отказался от этой поездки. А ведь это были, кроме всего прочего, небезопасные поездки. По аэродрому враг выпускал в сутки до пятисот снарядов.

* * *

Число раненых все увеличивалось. Их доставляли из города и порта, с аэродромов и с островов. Прием производился быстро и четко. Санитары разгружали машины и расставляли носилки на полу сортировочной комнаты. Раненые, способные ходить, размещались на диванах. Сестры впрыскивали всем поступающим морфий, давали горячий чай или вино. В это время другие сестры и санитары раздевали людей и переписывали их вещи, оружие, документы. Дежурный хирург и начальник отделения осматривали каждого раненого и распределяли очередность операций. Тут же на полу, у носилок, заполнялись начальные страницы истории болезни.

Первая большая группа раненых прибыла к нам на рассвете 10 июля. В ту ночь наши десантные части начали операции по захвату островов Хорсен, Кугхольм и Старкерн.

Дневной свет не проникал ни в операционную, ни в другие помещения. Городская электросеть уже не работала, а госпитальный движок подавал ток с большими перебоями. Поэтому круглые сутки у нас горели керосиновые лампы. Оперировать при тусклом керосиновом освещении без привычки было трудно. Каждый раз приходилось зажигать еще и свечи, которые девушки-санитарки держали в руках и подносили почти вплотную к операционному полю.

В то утро первым внесли в операционную капитана Половинкина. Я и хирург Столбовой в полумраке стояли возле раненого. Капитан, большой, рослый человек, был переложен с носилок на стол. В то время как мы осмат-

ривали его раны, он возбужденно, но вполне связно рассказывал о своих недавних переживаниях.

— Понимаете, — отрывисто и тяжело дыша, говорил он. — Понимаете, мы залегли в трещине скалы... кругом рвутся мины... Я со своими молодцами попал в очень невыгодное положение... Нельзя подняться... А наши продвигаются по берегу... и вот-вот противник опрокинет их в море. Тогда я решил им помочь... Я встал во весь рост и крикнул: «За Родину! Вперед!..» Мне сказали потом, что это спасло положение и мы заняли остров. Но я потерял сознание и уже не помню, что происходило дальше.

Так хорошо, так связно говорил человек за полчаса до своей смерти. Сквозное ранение живота с раздроблением почти всех поясничных позвонков и выпадением разможенных кишечных петель не позволяло начать операцию. Пульс не прощупывался. Я сказал, что его нельзя оперировать. Александра Гавриловна Арутюнова, еще мало знакомая с военной хирургией, отозвала меня в дальний угол и взволнованно прошептала на ухо:

— Это герой. Почему вы откладываете операцию?

— Потому что он уже погибает, — печально сказал я. Ни переливание крови, ни противошоковый раствор, ни все другие меры борьбы за жизнь не спасли капитана Половинкина. Он скоро умолк и тихо умер на операционном столе.

На столе доктора Арутюновой неподвижно лежал краснофлотец Орлов. Он почти не дышал. Лицо его не отличалось по цвету от простыни, покрывавшей стол. Под спиной раненого медленно расползалось яркое пятно крови. Сквозное пулевое ранение грудной клетки осложнилось здесь громадным кровоизлиянием в полость плевры: гемоторакс доходил до ключицы. Решиться на операцию обнажения легкого и перевязки поврежденных сосудов я считал невозможным. Раненый погиб бы еще до окончания такой операции.

В то время в медицине господствовал взгляд, что даже прокол грудной клетки с целью уменьшить давление на легкое со стороны излившейся в плевру крови является вредным вмешательством. Ранних откачиваний крови тогда еще никто не делал.

Александра Гавриловна снова отзывает меня в сторону и с видом человека, принявшего противозаконное, но героическое решение, шепчет:

— Я откачаю кровь, а Столбовой пусть в это время делает переливание в вену.

Мы решили испытать это последнее средство.

Большим шприцем было удалено из плевры около литра чистой крови. В то же время раненый получил четыреста граммов крови, только что взятой у операционной санитарки Шуры Гусевой. Он оживал с каждой минутой. У него появились пульс и дыхание, почти угасшие перед этим. А через две недели Орлов сделался уже старшиной палаты и скоро ушел от нас на передовую линию обороны.

Количество шоковых и обескровленных раненых день ото дня увеличивалось, и нам нужно было много крови для неотложных переливаний.

Несколько раз кровь доставляли из Таллина на самолетах и случайных кораблях. Около половины ее, как правило, оказывалось негодной для употребления. Обстоятельства заставили нас брать кровь у личного состава госпиталя. В подборе донорских кадров большую помощь оказала нам комсомольская организация.

Санитары Шейнин, Муханов, Комаров, Гусева, сестры Туморина, Чуева, Ивашова и многие другие сделались постоянными донорами. Число их доходило до семидесяти. Они ничего не получали за это. Ими руководило только одно чувство, одно желание — помочь нашим раненым, вернуть их к жизни. Лишь потом, приблизительно в сентябре, когда питание стало серьезной проблемой, командование госпиталя договорилось с портом о вознаграждении доноров калорийным продовольственным пайком.

Не могу забыть такого случая. Привезли раненого лейтенанта Барковского. Осколочное ранение печени, большое кровоизлияние в брюшную полость и состояние тяжелого шока требовали срочного переливания крови. Шура Гусева, деловито посмотрев на Барковского и по своему оценив его состояние, привычно обнажила руку и легла на свободный стол.

С выражением гордости и удовлетворения она наблюдала, как в колбу темной струйкой лилась ее теплая кровь, от испарений которой запотевало стекло сосуда. Сейчас же по окончании процедуры она встала и принялась за обслуживание операции. Я помню ласковое выражение лица девушки, отразившийся на нем страх за раненого и стыдливое чувство неуверенности в том,

помогла ли она ему, выживет ли он после переливания ее, Шуриной, крови.

Я делал операцию, накладывал швы на печень и мельком наблюдал за Шурой. Видя, что все идет хорошо, она оживилась. Щеки ее пылали от волнения и восторга. Когда Барковского несли в палату, Шура незаметно шла позади носилок и пристально смотрела на его бледное, утомленное, но уже успокоившееся лицо. Он выздоровел.

Однажды во время обстрела города получил тяжелое ранение в живот редактор газеты батальонный комиссар Федор Зудинов. Его принесли к нам чуть ли не в ту же минуту. Немолодой, грузный, с мертвенно бледным лицом и глазами, сохранившими еще добродушное выражение, он тихо лежал на столе, когда мы вошли в операционную.

Начальник санитарной службы базы М. Г. Ройтман приблизился к раненому и молча, с выражением участия, смотрел на своего друга. Столбовой торопливо готовил переливание крови. Я в стороне мыл руки перед операцией.

Вдруг Зудинов, напрягая силы и стараясь придать твердость своему слабеющему голосу, хрипло проговорил:

— Ройтман, ты веселый человек. Развесели меня. Скажи мне что-нибудь хорошее и смешное.

Ройтман, при всем своем остроумии и находчивости, не знал, что ответить умирающему человеку. Смахнув незаметно слезу, он невнятно пробормотал несколько успокаивающих слов.

Зудинов умер от нарастающего шока.

Доставка раненых в госпиталь происходила на Ханко так быстро, что мы часто получали совсем безнадежных — таких, которые в другом месте не успели бы попасть в госпиталь и были бы отнесены к категории убитых. Если бы Зудинова принесли на четверть часа позднее, он, вероятно, не числился бы в списках раненых.

Труднее было поддерживать связь с островами, откуда эвакуация всегда приурочивалась к ночному времени, так как днем противник обстреливал наши катера. С островов к нам прибывали раненые, уже успевшие пережить опасности шока и кровотечения.

Начальник госпиталя Юрий Всеволодович Лукин часто бывал в главной операционной. Жил он в убежище, во дворе старого госпиталя. Всегда энергичный, бодрый, с ласковым выражением чуть раскосых монгольских глаз, он был как бы олицетворением непринужденности и самообладания.

В первых числах июля Лукин проводил на Большую землю семью. Когда жена и две девочки приехали в порт и, стоя у пароходного трапа, начали с ним прощаться, Юрий Всеволодович не нашел в себе сил поцеловать их. Он боялся расплакаться и показать свою слабость в присутствии посторонних. Он только молча пожал им руки. Когда теплоход отвалил и девочки на борту замахали отцу платками, он не выдержал и, отвернувшись в сторону, тяжело, по-мужски, зарыдал.

В те дни к нам прибыл новый врач-хирург, только что мобилизованный из запаса. Это был Б. М. Шварцгорн, одессит, человек очень оптимистичный. Сначала Шварцгорн помогал мне в главной операционной, а потом перешел на должность начальника хирургического отделения старого госпиталя.

Держал он себя бесстрашно: дни и ночи проводил в наземном помещении, часто ходил по городу во время обстрела и никогда не терял бодрого настроения духа.

В сентябре, когда уже закончилось строительство подземных госпиталей, Шварцгорн и его жена продолжали оставаться наверху в деревянном домике. Однажды в комнату к Шварцгорну пришел генерал Кабанов.

— Доктор, ваш героизм бесполезен, — сказал командир базы. — Советую беречь не только жизни раненых, но и свою собственную жизнь.

В тот же вечер хирург и его жена переселились в подземное помещение.

29 июля к нам в подвальное помещение пришел Ю. В. Лукин. Предстояла эвакуация раненых в Таллин, вторая за месяц войны.

Подготовленные к отправке лежали на носилках в сортировочной комнате, выделяясь в мерцающем свете ламп чистыми, только что смененными и крепко наложенными повязками. На головах у всех чернели бескозырки, и их длинные ленты четко змеились на яркой

белизне подушек. Ни один краснофлотец не захотел расстаться со своей бескозыркой.

Лукин осмотрел эвакуируемых, наклоняясь к каждому из них, проверяя повязки и делая короткие деловые замечания.

— Ну, как дела, Брагин? В каком настроении уезжаешь? — обратился он к старшине-сверхсрочнику с огнестрельным переломом бедра.

— Уже могу ходить на костылях, товарищ начальник. Думаю, что к осени вернусь на Балтику. А уезжать не хочу. Я здесь еще мог бы пригодиться. Ведь война только начинается.

Лукин, увидев Столбового, подошел к нему:

— Петр Тарасович, повязка у Брагина хорошая. Только почему на гипсе не нарисована проекция перелома? Неизвестно, куда он попадет. Может, там и рентгена не будет.

Столбовой, уставший от хлопот с эвакуацией, немного смутился и, взяв чернильный карандаш, направился к раненому.

Лукин искал меня глазами. Найдя, отозвал в сторону.

— Как вы думаете? — нерешительно сказал он. — Не оставить ли Брагина? Очень уж хороший парень. Такие нам здесь нужны. И сам он не хочет уезжать в тыл.

— Юрий Всеволодович, в тыл не хочет ни один из них, — доложил я. — Но что нам делать? Куда помещать раненых, число которых увеличивается с каждым днем? Может быть, это — последняя эвакуация. Видимо, всех, кто должен находиться на излечении больше трех месяцев, нужно отправлять на Большую землю.

Так мы и решили.

Сестры и няни толпились около машин, держа в руках приготовленные для раненых подарки: папиросы, носки, конфеты, печенье. Шура Гусева, блестя своими черными, влажными глазами, побежала куда-то и через минуту вернулась с гитарой. Она положила ее на колени краснофлотцу Репне, которому мы совсем недавно спасли жизнь переливанием Шуриной крови.

— Возьми, веселей ехать будет! Ты ведь хорошо играешь, — застенчиво сказала она.

— А как же ты, Шурочка? — спросил раненый.

— Я себе новую куплю, когда война кончится. А сейчас мне играть некогда.

Я еще раз обошел отъезжающих, по-дружески простился с каждым из них и, когда машины скрылись из виду, с грустью вернулся в опустевший подвал.

Под вечер к нам опять явился Лукин. При всем старании он не мог скрыть охватившего его нервного возбуждения. На территорию станции эвакоотряда, где Юрий Всеволодович только что был, упало несколько артиллерийских снарядов. Он вместе с другими лег на землю. На расстоянии какого-нибудь шага от него в землю врезался огромный металлический осколок. Лукин поднял и принес его к нам. Серый, тяжелый, зазубренный, осколок еще не успел остыть.

Я вспомнил об этом эпизоде потому, что он произошел за четыре дня до другого события, когда смерть опять погналась за Лукиным и на этот раз настигла его.

3 августа, в середине дня, противник начал обстрел центра города. Несколько врачей и сестер, в том числе и я, гуляли в это время по парку. Увидя надвигающуюся опасность, мы побежали в подвал. Сила артиллерийского налета нарастала с каждой секундой. Лишний шаг, лишнее мгновение могли оказаться роковыми. У нас было запасное подземное убежище, нечто вроде щели, шагах в десяти от подвала. Мы укрылись в нем. В это время, как потом выяснилось, в старый госпиталь поступили свежие раненые. Их обрабатывал Шварцгорн вместе с Лукиным, который всегда приходил нам на помощь в такие минуты.

Вдруг из подвала прибежала взволнованная дежурная сестра и, путаясь в словах, обратилась ко мне:

— Товарищ начальник, сейчас звонили из старого госпиталя. Доктор Шварцгорн просит вас немедленно прийти туда.

Перепрыгивая сразу через несколько ступенек лестницы, я поднялся в хирургическое отделение.

Что же произошло?

Когда начался обстрел и все устремились в убежище, Лукин остался во дворе. Стоя в центре квадрата, образованного деревянными зданиями госпиталя, он торопил всех и в то же время успокаивал каждого.

— Товарищи, — кричал он, — обстреливается не наш сектор, обстреливается участок железнодорожного полотна. Выносите лежащих раненых!

Главный врач госпиталя Федосеев, пробегая мимо Лукина, схватил его за руку и прокричал:

— Прячьтесь скорее! Каждая секунда дорога!

Вместо того чтобы спуститься в укрытие, Лукин продолжал следить за тем, как уносили в подвал раненых.

Вдруг раздался оглушительный взрыв снаряда, упавшего возле камбуза. Когда пыль и дым рассеялись, все увидели, что Лукин лежит на земле.

Шварцгорн и санитары бросились к Лукину и перенесли его в перевязочную. Осколок, пробив толстую книгу, которую держал в руке начальник госпиталя, пронизал затем левую половину грудной клетки и вышел на спине. При этом было ранено сердце. Когда Шварцгорн вызвал меня по телефону, он еще надеялся, что операция на сердце может оказаться спасительной.

Так погиб чудесный человек, всем существом своим преданный Родине, верный своему долгу до последнего вздоха.

* * *

С. И. Кабанов приказал строить подземный госпиталь. Это было поручено строительному батальону базы. Предварительно генерал объехал все госпитальные отделения, посмотрел, в каких условиях живет и работает медицинский состав. Заехал он и ко мне.

Выйдя из машины и внимательно осмотрев близлежащую территорию, командир базы указал участок, наиболее подходящий для рытья котлована.

В это время начался артиллерийский обстрел нашего района. Генерал, беседуя с врачами в тени вековой сосны и сняв с головы фуражку, даже не переменял темы разговора. Когда я спросил у него, как он думает бороться против систематического разрушения города вражеской артиллерией, командир базы сказал:

— Бороться можно и нужно ответным, удесятеренным ударом по противнику.

8 августа генерал Кабанов прислал к нам строительный батальон. Почти круглосуточно бойцы рыли и укрепляли котлован для будущей «хирургии № 1», как впоследствии мы называли новое подземное отделение. Параллельно с этим строительством, на расстоянии семисот метров от нашего подвала, в тени прибрежного соснового леса такими же темпами шло сооружение и «хирургии № 2», возглавить которую предстояло Б. М. Шварцгорну.

Они работали в центральных мастерских ● „На то у нас руки и головы“ ● Кабель остается на сверхсрочную ● На войне не без чудес ● Мины собственного производства

Л. И. ПЕРШАНИН,
капитан-инженер в отставке, бывший начальник центральных мастерских военно-морской базы Ханко

РАБОЧАЯ КОСТОЧКА

Возведением на полуострове Ханко оборонительных сооружений занимался особый строительный отряд № 3 (ОСО-3). Этой организации были подчинены строительные части, инженерный и железнодорожный батальоны, а также центральные мастерские.

Личный состав центральных мастерских, которыми мне довелось руководить, насчитывал сто пятьдесят человек. В основном это были рядовые срочной службы, переведенные в мастерские из инженерного и строительных батальонов, дислоцировавшихся на Ханко. Все эти воины до призыва в Красную Армию работали на промышленных предприятиях и, как правило, были подготовленными специалистами. Некоторые из них имели среднее техническое образование. Я хорошо помню красноармейцев Сергача и Шевченко, по уровню подготовки — техников. У нас они работали мастерами.

Центральные мастерские обеспечивали строительные работы необходимыми заготовками, стройдетальями, приспособлениями и оснасткой. Наш арматурный двор изготавливал для строителей металлоконструкции и прутковую арматуру. Мастерские производили текущий ремонт строительного оборудования: вибраторов, электробуров, камнедробилок.

Для нас, производственников, выполнить все эти разно-

образные задачи было очень непросто. Ведь даже в мирное время доставка на Ханко некоторых нужных нам материалов осуществлялась с неизбежными перебоями. В дни войны снабжение вообще прекратилось. Чтобы обеспечить строителей, занятых укреплением передовых линий обороны, мы, работники мастерских, должны были проявлять изобретательность, искать выход из положений, которые казались безнадежными.

Припоминается один характерный случай. Наши храбрецы десантники отбили у противника группу важных для нас островов. Требовалось наладить устойчивую связь со штабом и с подразделениями десантного отряда. Поступил приказ подготовить для этой цели телефонный кабель, который можно было бы проложить под водой. Между тем выяснилось, что на складе нового кабеля почти не осталось.

— Что будем делать? — спросил я своих мастеров.

— Использовать старый. У нас его тысячи метров, — последовал ответ.

— Но ведь он ветхий, изношенный. А связь должна быть устойчивой. Под воду не полезешь искать повреждение.

— Если нет другого кабеля, придется восстановить этот. Сделаем, на то у нас руки и головы...

Наши умельцы не бросали слов на ветер. Они тщательно осмотрели старый кабель, выявили и ликвидировали все механические повреждения. Затем этот кабель был пропущен через смолу и битум и на грузилах проложен по морскому дну. Телефонная связь с островом Хорсеном и другими опорными пунктами была обеспечена. Правда, в мирное время никакой ОТК, никакая комиссия не приняли бы такую гнилую связь. Но то в мирное время... Кстати, старый, донельзя измочаленный кабель, восстановленный нашими мастерами-умельцами, оказался вполне надежным в эксплуатации. Связь с десантниками не прерывалась.

Были и другие случаи, когда русская смекалка спасала положение. Часто резку автогеном сортовой стали приходилось прекращать из-за недостатка сжиженного кислорода. Потом его вообще не стало. Что было делать? Как разрезать сталь, столь необходимую для бронирования площадок наших железнодорожных батарей и других оборонительных сооружений? Я решил посоветоваться с наиболее опытными производственниками. И вот

на этом совещании попросил слова один из рабочих (фамилия его, к сожалению, ускользнула из памяти):

— Товарищ начальник, а что, если приспособить для резки стальных листов диск от деревообрабатывающего станка? Мне кажется, он потянет...

— А ведь это идея! Надо попробовать, — раздались голоса.

Принялись за испытания. Произвели расчеты, изменили несколько форму зубьев на диске, опытным путем определили необходимую скорость его вращения и попробовали резать сталь. Удача! Реконструированный нами деревообрабатывающий станок резал не только стальные листы, но и балки всех профилей и номеров. Вот какие чудеса случаются на войне!

Боевые действия требовали напряжения всех наших сил, и инженерный и строительные батальоны были реорганизованы и переданы 8-й стрелковой бригаде, формировавшей 219-й полк. 8-й железнодорожный батальон волился в десантный отряд. В центральных мастерских остался всего лишь один взвод из состава 124-го инженерного батальона. Номенклатура наших изделий изменилась. Теперь мы выпускали уже не прутковую арматуру и не жестяные изделия, а мины. Десятки тысяч противотанковых мин, изготовленных центральными мастерскими, были поставлены на сухопутной границе полуострова на подступах к ряду объектов базы.

Хранилища рассредоточиваются ● Молоко для раненых ● В часть доставлен свежий хлеб ● Сами набьем мы патроны ● И на складе надо быть героем

Н. Ф. КУДРИН,

майор интендантской службы в отставке, бывший начальник отдела снабжения тыла военно-морской базы Ханко

ПО ФОРМЕ И ПО НОРМЕ

23 июня начальник тыла базы капитан 2-го ранга Н. С. Куприянов провел совещание. Руководители отделов и служб тыла докладывали, как выполняется основной пункт мобилизационного плана — о рассредоточении складов с боеприпасами, топливом, продовольствием.

Как начальник продовольственного снабжения я доложил Н. С. Куприянову, что работа по рассредоточению наших запасов в основном завершена. За минувшие четыре-пять дней, с тех пор как в гарнизоне была объявлена повышенная боевая готовность, работники продснабжения сделали очень многое. Кладовщики не покидали своих хранилищ ни на час, для перевозок был использован весь имевшийся у нас авто- и гужевой транспорт. В результате продовольствие, которым располагала база, было надежно укрыто от возможных обстрелов.

Начальник тыла приказал мне немедленно установить связь с помощником командира базы по гражданской части Н. М. Киселевым. Нам предстояло принять коров, лошадей, свиней, имевшихся на подсобном хозяйстве, а также земельные участки с посаженными на них картофелем и овощами. Эту работу я поручил старшине А. В. Русанову. В помощь ему были направлены краснофлотцы.

Рогатого скота мы получили много, но сохранить всех животных не смогли. Была возможность содержать в укрытии только двадцать дойных коров, остальной скот пришлось забить. Всего было заготовлено около тридцати тонн мяса.

Коровы, за которыми ухаживали доярки П. С. Зуева и О. И. Чистякова, давали от двухсот сорока до трехсот литров молока ежедневно. Молочные продукты, зеленый лук, молодой картофель и мясо мы выдавали госпиталям и дому отдыха «Гангутец».

25 июня противник стал наносить по объектам тыла базы и военного порта артиллерийские удары. Особенно доставалось хлебозаводу, где начальником был старший политрук Иван Андреевич Ершов. Десятки тяжелых фугасных снарядов разорвались внутри его помещений. На заводе работали тестоделами и хлебопеками девушки. Их было около пятидесяти человек. Выпекать хлеб им пришлось в тяжелейших условиях, но со своими обязанностями девчата справлялись очень хорошо. Комсомолки Люся Титова, Таня Смирнова, Катя Ефимова, Настя Глебова и многие другие, вместе со своим комсоргом Тоней Толмачевой работали не покладая рук. Большое количество ржаного и белого хлеба ежедневно доставлялось в части гарнизона и на корабли.

Не помню случая, чтобы девушки в чем-нибудь оплошали. Они никогда не унывали, не боялись ни арт-обстрелов, ни бомбежек. Там, где они работали, часто звучали задорные песни. Самой любимой была «Катюша». Этой песней обычно начинался каждый концерт художественной самодеятельности нашего гарнизонного хлебозавода и 21-го полевого хлебозавода, где начальником был старший лейтенант С. П. Кухарев. Самодеятельный коллектив чаще всего выступал в военно-морском и армейском госпиталях.

Работницы хлебозавода несколько раз выезжали в расположение эскадрилий 13-го истребительного авиаполка, базировавшихся на Ханко, набивали там пулеметные ленты патронами. Инициатором этого патриотического дела была комсомолка Аня Молитвина.

Но основные наши усилия были сосредоточены на снабжении бойцов и командиров продовольствием.

В одной из книг Александра Твардовского я прочитал стихи, имеющие самое непосредственное отношение к нашему делу. Я выписал их себе на память:

Как говорил один нестарый
Мой из запаса рядовой,
Знаток и той, что он оставил,
И этой жизни, фронтовой:
«Воюй — и все твое с тобой».
Мол, все по форме и по норме:
О чем заботиться тебе?
Случись, что если не накормлен, —
Так это есть уже ЧП...

Действительно, многие не без основания считают, что не доставить бойцам вовремя продовольствие — это чрезвычайное происшествие. А ведь на Ханко служба снабжения была всегда под огнем. Как солдаты в бою, выполняя свой долг, погибли кладовщики краснофлотцы С. П. Скрипник, П. М. Куйбин, С. А. Козлов, М. Я. Гавриленко. Рискуя жизнью, доставляли старшины продовольствие на передовые позиции.

Да, именно так оно и было, как это изображено поэтом:

В твое траншейное жилище,
У самой смерти на глазах,
К тебе ползут с горячей пищей
И даже с чаем в термосах...

ТАКИЕ НЕ БОЯТСЯ И НЕ ГНУТСЯ.
ТАК СНОВА В БОЙ!

И СНОВА ТАК ДЕРИСЬ,
ЧТОБ СЛОВО, НАС СВЯЗАВШЕЕ,

— ГАНГУТЦЫ —
НА ВСЕХ ФРОНТАХ НАМ БЫЛО КАК ДЕВИЗИ

*Из стихотворения красноармейца
М. Дудина (напечатано в последнем
номере газеты «Красный Гангут» 1 де-
кабря 1941 года)*

**В РЯДЫ ЗАЩИТНИКОВ
ЛЕНИНГРАДА**

Место разгрузки — Ораниенбаум ● Начальник штаба вылетает в Ленинград ● Решение об эвакуации ● Между Ханко и Кронштадтом ● Вражеский лазутчик рассказывает... ● Под грохот орудий ● Боевые друзья-моряки ● Последними уходят группы прикрытия

С. И. КАБАНОВ,

генерал-лейтенант артиллерии в отставке, бывший командир военноморской базы Ханко и командующий обороной передового рубежа КБФ

МЫ УШЛИ НЕЩОБЕЖ- ДЕННЫМИ

После 29 августа, когда на Ханко прибыл транспорт «Вахур» и канлодка «Лайне», сюда долго не приходил ни один советский корабль. Но вот, что называется, первые ласточки: утром 25 октября к нам из Кронштадта пришли в сопровождении двух катеров «МО» базовые тральщики «210», «215» и «218» под командой капитана 3-го ранга В. П. Лихолетова. Отряд доставил некоторое количество боезапаса, бензина и продовольствия.

К моменту прибытия этих кораблей у нас было около четырехсот бойцов, получивших увечья, непригодных к боевой службе. Мы надеялись отправить их на Большую землю. Однако обстановка на Ленинградском фронте так осложнилась, что командование флотом приказало отправить в первую очередь полноценный стрелковый батальон.

Тральщики и катера с наступлением темноты 26 октября ушли от берегов Ханко. Через день поступило известие, что отряд В. П. Лихолетова без потерь пришел в Ораниенбаум и там разгрузился. Бойцы, прибывшие с Ханко, усилили войска Приморской оперативной группы, защищавшей плацдарм.

Командующий флотом вызвал меня в Ленинград. Впрочем, на тот случай, если обстановка не позволит мне улететь с Ханко, он разрешил послать к нему начальника штаба базы

капитана 1-го ранга П. Г. Максимова. Обстановка, действительно, становилась все более напряженной, и я не рискнул покинуть гарнизон. На единственном оставшемся у нас «МБР-2» в Ленинград вылетели П. Г. Максимов и капитан-лейтенант Н. И. Теумин.

Надвигалась зима. Маннергеймовцы на перешейке и на островах все время кричали о том, что с ледоставом начнут наступление. Участие в операциях по захвату островов Моонзунда их большого количества немецких торпедных катеров и прочих высадочных средств давали основание предполагать, что враг действительно готовится захватить с моря Осмуссаар и полуостров Ханко. Я уполномочил Максимова доложить обо всем этом Военному совету флота и передать мое мнение: в случае эвакуации Ханко и Осмуссаара вывозить их гарнизоны отрядами малых кораблей и завершить эту операцию до того, как замерзнет залив.

30 октября над нашим аэродромом появился бомбардировщик. Все огневые точки открыли по нему огонь, но оказалось, что это был не вражеский, а наш самолет типа «ДБ-3». Чтобы о перелете не узнал противник, командование послало этот самолет на Ханко без оповещения. После посадки выяснилось, что он продырявлен в двадцати пяти местах. Штурман был ранен осколком в ногу. Вечером бомбардировщик взлетел и вернулся в Ленинград.

Начальник штаба доложил: командованием принято решение эвакуировать гарнизоны Ханко и Осмуссаара. В первую очередь следовало отправить личный состав с оружием. Во вторую — максимально возможное количество артиллерийского и стрелкового боезапаса, продовольствия и техники. Все, что было невозможно вывезти, требовалось уничтожить.

Самое трудное в решении этой задачи заключалось в том, что командованию базы было неизвестно, когда и какие корабли будут приходить в Ханко. Не имея этих данных, составить план эвакуации мы не могли. Оставалось одно: ожидать прибытия из Кронштадта кораблей и загрузку их производить в самые сжатые сроки.

Во время пребывания кораблей в порту и на рейде Ханко мы обязаны были обеспечить безопасность их стоянки и погрузки. Из этого следовало, что береговая, железнодорожная и зенитная артиллерия, катера ОБРа, а также десантные отряды северной и восточной групп

занятых нами островов эвакуируются в последнюю очередь. Надо было в то же самое время надежно удерживать передний край сухопутной обороны на полуострове. Значит, и части 8-й ОСБ тоже придется вывозить в последнюю очередь.

Важно было замаскировать проведение эвакуации. Конечно, скрыть приход и уход кораблей невозможно. Задача состояла в том, чтобы убедить противника, будто гарнизон готовится к зимней обороне, а корабли, идущие в Ханко, не увозят, а привозят грузы и людей.

Итак, эвакуация началась. 2 ноября на рейд Ханко прибыл второй по счету отряд кораблей. Им командовал вице-адмирал В. П. Дрозд. Уведомленные накануне о предстоящем приходе кораблей, мы успели провести необходимую подготовку и сосредоточить в порту эвакуируемые войска. Минный заградитель «Марти» принял на борт два дивизиона 343-го артполка. Он принял также всю артиллерию 270-го стрелкового полка и много боезапаса. На позиции этого полка встал 219-й стрелковый полк. Резервы остались нетронутыми. На эсминцы «Стойкий», «Славный», на пять базовых тральщиков и шесть катеров «МО» были погружены 270-й стрелковый полк, военно-морской госпиталь, инвалиды, раненые. Отряд вице-адмирала Дрозда благополучно совершил обратный переход и 4 ноября доставил в Кронштадт 4246 солдат, сержантов, старшин и офицеров.

Весь оставшийся гарнизон был переведен на паек по полной норме. Теперь экономить продукты было незачем. Так же поступили мы и с боезапасом. Комендант сектора береговой обороны и командир 8-й ОСБ получили приказание: на каждый выстрел врага отвечать двумя-тремя выстрелами.

4 ноября прибыл третий эшелон кораблей, в состав которого входили эсминцы «Сметливый» и «Суровый». Отрядом командовал начальник штаба эскадры капитан 2-го ранга В. М. Нарыков.

На этот раз противник учел урок прошлого, когда наша артиллерия подавила его батареи еще в первой половине дня, и открыл огонь по кораблям позже, когда начало смеркаться. При обстреле один снаряд вывел из строя носовое орудие «Сметливого».

Отряд капитана 2-го ранга Нарыкова вышел в обратный поход, имея на борту кораблей 2107 бойцов и офи-

церов и большое количество продовольствия. Однако на следующее утро на Ханко из этого отряда вернулись базовый тральщик и три катера «МО». Они доставили пятьсот семьдесят спасенных ими воинов и восемьдесят человек из команды погибшего на mine эсминца «Сметливый».

Самым трудным этапом перехода был участок пути Гогланд — Ханко. Главную опасность здесь представляли мины. Но была еще и артиллерийская опасность. Наши корабли подстерегала тяжелая дальнобойная двухорудийная батарея противника, расположенная на острове Маккилуото. На мысе Юминда находились крупнокалиберные батареи гитлеровцев.

Небезопасной была и стоянка кораблей в базе Ханко. В случае, если бы противник направил с аэродрома Турку две-три эскадрильи своих бомбардировщиков, чтобы совершить удар по кораблям на рейде, тринадцать имевшихся у нас истребителей вряд ли смогли бы отбить эту атаку. Вражеские бомбардировщики наверняка шли бы в сопровождении большого числа истребителей.

Нельзя сбрасывать со счета и торпедные катера противника, действовавшие в районе Ханко. Во время боев за остров Хийумаа фашисты использовали их довольно активно.

И наконец — ледовая опасность. В ноябре Финский залив обычно начинает замерзать...

И нас, защитников Гангута, и моряков, совершавших героические переходы к Ханко и обратно, очень сильно тревожили все эти обстоятельства. Но мы должны были сделать все возможное, чтобы задуманная грандиозная операция по эвакуации ханковского гарнизона прошла успешно.

Противник предпринял ряд мер, чтобы выведать, что происходит на нашей базе. 5 ноября над полуостровом появилось четыре самолета-разведчика. В воздух поднялись три наших истребителя. В завязавшемся бою капитан В. Ф. Голубев и старший лейтенант Г. Д. Цоколаев сбили по одному вражескому «спитфайеру». Общий счет сбитых над Ханко фашистских стервятников был доведен ими до пятидесяти трех.

В тот же день отличился один из наших «морских охотников». Находясь в дозоре, катер обнаружил подводную лодку противника, атаковал ее и забросал глубинными бомбами.

Днем позже разведчики стрелковой бригады генерала Симоняка задержали неизвестного. Он был в изорванном советском военном обмундировании, без документов. Человек назвал себя лейтенантом Ивановым, бежавшим из вражеского плена к своим. Однако немного позже он признался, что получил от противника задание разведать политико-моральное состояние воинов нашего гарнизона, а также попытаться выяснить, сколько времени еще смогут они продержаться. Лазутчик на допросе показал, что маннергеймовцы пока лишь создают видимость подготовки к наступлению, что действительный удар они предполагают нанести только с появлением на заливе льда.

Все эти сведения были нами тщательно изучены. Напрашивался вывод: хотя с базы ушло три эшелона кораблей и вывезено почти шесть тысяч солдат, противник об эвакуации ничего не знает.

А на Ханко уже началось уничтожение подвижного железнодорожного состава (паровозы, вагоны, платформы, спецвагоны — всего двести пятьдесят единиц). Была построена специальная ветка. Жутко было наблюдать за тем, как паровозы сталкивали вниз вагоны, а затем сами, разогнавшись, тоже падали в воду. Наконец наступила очередь уничтожения автомашин (их было около двух тысяч). Бойцы вынуждены были жечь, разбивать моторы, закапывать в землю детали автомобилей. Скоро и с этим было покончено.

14 ноября на Ханко прибыли минный заградитель «Урал», базовый тральщик «215» и три катера «МО». Отрядом командовал капитан 1-го ранга Н. И. Мещерский. Он доложил, что из его отряда погибли на минах эсминцы «Гордый» и «Суровый». Подорвались также «БТЩ-206» и «МО-301». Было принято решение: корабли не загружать до прихода следующего эшелона. Командующий флотом одобрил это решение.

С Большой земли пришли газеты. Только теперь мы увидели, что 2 ноября в «Правде» было напечатано наше письмо защитникам Москвы, а 13 ноября в ней же защитники советской столицы поместили свой ответ. «Пройдут десятилетия, века пройдут, — писали они, — а человечество не забудет, как горстка храбрецов-патриотов земли советской, ни на шаг не отступая перед многочисленными и вооруженными до зубов врагами, под непрерывным шквалом артиллерийского и миномет-

ного огня, презирая смерть во имя победы, являла пример невиданной отваги и героизма...»

Нас всех глубоко взволновало письмо москвичей.

В дни эвакуации войск многие из нас думали: «Что произойдет, когда противник узнает, что перед ним нет наших бойцов? Не бросится ли он догонять нас? На плечах отходящих враг может ворваться в порт». Ясно, что, оставив на полуострове группу прикрытия, пожертвовав двумя-тремя сотнями бойцов, можно было избежать такого финала. Но неужели это единственный выход? Нельзя ли обмануть противника?

И вот я приказал: в полночь 19 ноября прекратить всякую стрельбу, землянки не отапливать, пищу не готовить, обходиться сухим пайком, приостановить всякое передвижение людей. Наступила тишина. Если бы противник силой от взвода и более попытался прорваться, его надлежало уничтожить огнем и опять замолчать. Противника численностью менее взвода разрешалось пропустить через передний край и уничтожить в глубине обороны.

Наступило 19 ноября. На переднем крае у Симоняка не было ни огонька, ни выстрела. Это заметил противник. В пять утра три большие шлюпки с вражескими солдатами подошли к острову Крокан. Командир третьего батальона 335-го стрелкового полка майор Пасько приказал открыть по десанту огонь. Одна шлюпка была потоплена, сидевшие в ней солдаты уничтожены. Две другие лодки отошли. Пасько прекратил стрельбу.

В десять утра группа маннергеймовцев (около пятидесяти солдат) вышла из своих окопов, подошла к нашей проволоке и начала резать ее. Командир второго батальона капитан Я. С. Сукач дал сигнал стрелять. Потеряв более двадцати человек убитыми, противник в панике отступил.

В этот день общие потери неприятеля составили, по видимому, не менее полусотни человек. Мы не потеряли ни одного бойца. Врагу был дан хороший урок. Больше маннергеймовцы ни в тот, ни в последующие дни не пытались возобновить разведку.

20 ноября в полдень на Ханко под командованием капитана 3-го ранга Д. М. Белкова прибыл новый отряд кораблей. В составе отряда были сетевой заградитель

«Азимут», один сторожевой корабль и четыре тихоходных тральщика. Вместе с ними пришли два «БТЩ».

Четвертый эшелон (в составе транспорта «Вахур», сетевого заградителя «Азимут» и шести угольных тральщиков) 21 ноября был отправлен с Ханко. На кораблях было размещено 2051 человек. Ядро отряда дошло до Кронштадта. Сетевой заградитель и тральщик «Менжинский» подорвались на минах. Погибло 578 защитников Ханко и экипажи кораблей.

22 ноября в Кронштадт вышел минзаг «Урал» в сопровождении четырех «БТЩ» и пяти катеров «МО». Этот отряд доставил к месту назначения 4588 защитников Ханко, много продовольствия и боеприпасов.

После ухода с полуострова этого, пятого по счету, эшелона гарнизон базы насчитывал 13 180 человек. Отправки ожидали около 800 тонн продовольствия и 500 тонн боезапаса.

Времени оставалось мало. Надвигалась зима. Проливы между островами стали замерзать. Сильные штормы и снегопады очень затрудняли наши действия. Кроме того, выяснилось, что враг знает о том, что мы уходим, знает, но наступать пока боится.

23 ноября на Ханко прибыл новый отряд кораблей под командованием капитан-лейтенанта Г. С. Дуся. Это были транспорт № 548, сторожевик «Коралл», тральщик «Ударник» и два катера «МО». Не успели мы закончить их погрузку, как пришел отряд под командованием Д. М. Белкова. Он состоял из сторожевых кораблей «Вирсайтис» и № 18, тральщиков «Клюз», «ТЩ-42» и катеров «МО».

Вечером все эти корабли, кроме сторожевиков «Коралл» и № 18, вышли из Ханко в Кронштадт. На них было отправлено 2556 человек и 350 тонн продовольствия. Корабли прибыли к месту назначения, за исключением тральщика «Клюз», погибшего от взрыва мины.

Вслед за этим отрядом ушли шхуна «Эрна» с 22 защитниками Ханко, грузом продовольствия и боеприпасов, а также сторожевики «Коралл» и № 18, на борту которых было размещено 399 бойцов и 150 тонн угля для снабжения кораблей, участвующих в эвакуации. Они пришли в Кронштадт без потерь.

Море по-прежнему штормило, хотя вступала в свои права зима. В последние две недели ноября противник усилил обстрел гавани, рейда, города и батарей. На

подходах к базе не раз обнаруживались вражеские подводные лодки. Противник усилил воздушную разведку, но его самолеты предпочитали не появляться над полуостровом и вели наблюдение со стороны моря. На переднем крае сухопутной обороны Ханко участились попытки врага произвести разведку боем. Отдельные группы противника много раз безуспешно старались проникнуть в расположение наших войск. Противник предпринял высадку на острова, но и там был отбит.

В те дни началась эвакуация гарнизона Осмуссаара. Прежде всего к острову были отбуксированы канлодкой «Гангутец» три катера «КМ». Используя эти катера, мы могли производить посадку личного состава в любом месте, учитывая, конечно, состояние погоды и степень воздействия противника.

Всего на Осмуссааре находилось 1008 человек. Командованию гарнизона был послан пакет, содержащий указания о порядке эвакуации и уничтожения объектов. Канлодка вывезла с острова на Ханко раненых, больных и тех, кто не был необходим для обороны. В течение последующих четырех дней канлодка эвакуировала 649 бойцов с оружием, боезапасом и продовольствием. К 1 декабря на Осмуссааре оставалось еще 359 человек.

* * *

Ночь на 30 ноября проходила спокойно. Канлодка «Гангутец» только что вернулась с Осмуссаара, разгрузилась и вышла в дозор. Оповещения о выходе к нам нового отряда кораблей пока не было. Это возбуждало тревогу. Я понимал, что вследствие больших потерь в корабельном составе могло просто не оказаться средств для продолжения эвакуации.

Но опасения оказались напрасными. Утром 30 ноября на Ханко прибыл вице-адмирал В. П. Дрозд с большим отрядом кораблей, в числе которых были турбоэлектроход «И. Сталин» («ВТ-508»), эсминцы «Стойкий» и «Славный», базовые тральщики «205», «207», «211», «215», «217», «218» и семь катеров «МО». Валентин Павлович предупредил меня, что в течение суток ожидается еще один отряд тихоходных кораблей. Действительно, вскоре прибыли транспорт № 538, «БТЩ-210», сторожевик «Вирсайтис», тральщик «Ударник», канлодка «Волга» и два катера «МО».

За два часа мы составили план погрузки. Начался самый ответственный этап эвакуации — отвод частей с переднего края. Отход 335-го и 219-го стрелковых полков прикрывали 310 защитников Ханко, вооруженных 36 ручными пулеметами, при поддержке трех 152-миллиметровых батарей 343-го артполка, нескольких 76-миллиметровых полевых пушек, семи танков «Т-26» и одиннадцати пулеметных танкеток. Всеми этими силами прикрытия командовал начштаба 335-го полка майор С. М. Путилов.

На втором боевом участке генерала И. Н. Дмитриева прикрытие состояло из 200 бойцов с ручными и станковыми пулеметами.

Все береговые, железнодорожные и зенитные батареи теперь обслуживались сокращенными расчетами. С островов была снята половина десантных отрядов.

Для минирования дорог и объектов, которые нельзя было взорвать до отхода частей прикрытия, были выделены специальные группы саперов и подрывников. Бойцы этих отрядов предложили оставить несколько действующих дзотов с заминированными станковыми пулеметами. Наши умельцы изготовили хитроумные устройства для ведения периодической стрельбы без участия пулеметчиков. Все эти устройства были приведены в действие, когда начало отходить наше прикрытие.

Погрузка шла быстро и четко. В ночь на 2 декабря были сняты и доставлены на Ханко последние защитники Осмуссаара. Эту операцию выполнили «БТЩ-205» и катер «морской охотник» Г. И. Лежепекова. После ухода тральщика на острове осталось 17 подрывников, возглавляемых старшим лейтенантом В. М. Васериным, бывшим военпредом Артиллерийского управления ВМФ. Его помощником был командир отделения подрывников 46-го строительного батальона Г. Вдовинский. В ночь со 2 на 3 декабря эта группа подорвала все батареи Осмуссаара. «Морской охотник» доставил Васерина и его товарищей на Гогланд, минуя Ханко.

Во второй половине дня 2 декабря мы принялись за уничтожение материальной части артиллерии. Все батареи — береговые, полевые и зенитные — открыли огонь по заранее намеченным целям. Стоял оглушительный грохот. В процессе ведения огня одно за другим взрывались орудия. К 16.00 с батареями было покончено. Наступила тишина...

Последний наш командный пункт был организован на острове Густавсверн. Сюда перебрались командование базы, политотдел, штабы и тылы. В порт прибыли последние танки и автомашины с группами прикрытия. Люди перешли на корабли, а техника была сброшена в воду. С аэродрома взлетели курсом на восток наши «чайки» и «ишачки».

Эвакуация завершалась. В 17 часов 55 минут Ханко покинули транспорт № 538, «БТЩ-210», канлодки «Гангутец» и «Волга», сторожевой корабль «Вирсайтис», тральщик «Ударник», два катера «МО» и четыре буксира. Отрядом этим командовал капитан-лейтенант П. В. Шведов. На борту его кораблей разместилось 2885 защитников Ханко.

В 21 час 30 минут три торпедных катера «Д-3» вышли из гавани Густавсверна. Они приняли командование базы, стрелковой бригады, сектора береговой обороны, штабы и тылы. Никого мы не забыли, никого не оставили. Вывезли всех и все, что можно было вывезти.

...На рассвете показался Гогланд. На рейд острова вслед за нами стали втягиваться корабли последнего эшелона. И тут нам стало известно, что на минах подорвался турбоэлектроход «ВТ-508». Усталость, ощущение голода — все ушло. Всех охватило большое чувство горя, тревоги за своих боевых товарищей.

Я был приглашен вице-адмиралом В. П. Дроздом на эсминец «Стойкий», следовавший в Кронштадт. У острова Сескар мы вошли в лед. Из него нас и другие корабли сопровождения вывел ледокол «Ермак».

В 14.00 4 декабря мы прибыли в Кронштадт. Военный совет КБФ устроил гангутцам торжественную встречу. Все как будто было хорошо, но на сердце покоя не было. Меня волновала судьба тех, кто ушел с последним эшелонem. Только позднее, уже в Ленинграде, я узнал от Валентина Петровича Дрозда подробности этого перехода.

Вот как все было. Примерно около 1 часа 16 минут 3 декабря у борта турбоэлектрохода взорвалась мина. Взрыв вывел из строя рулевое управление. Корабль снесло вправо, он стал поперек курса. За первым взрывом последовал второй. У судна оторвало корму и гребные винты. Около терпящего бедствие турбоэлектрохода находились эсминец «Славный», базовые тральщики «205» и «217», четыре катера «МО» и ханковский катер

ИЗ ПРИКАЗА

ВОЙСКАМ ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА

№ 0241

Гор. Ленинград, 29 декабря 1941 г.

Военным Советом Ленинградского фронта Краснознаменному Балтийскому флоту была поставлена задача — провести эвакуацию гарнизона полуострова Ханко, пять с половиной месяцев героически боровшихся с фашистской нечистью.

Эта большая и ответственная задача Балтийским флотом решена. Несмотря на упорное противодействие противника, сквозь минные поля, артиллерийский огонь, шторм и туман, героический гарнизон полуострова Ханко доставлен на родину моряками-балтийцами.

Товарищи гангутцы! Вашим мужеством, стойкостью и упорством гордится каждый советский патриот. Используйте весь свой боевой опыт на новом участке фронта, в славных рядах защитников города Ленина.

За отличное выполнение поставленной задачи личному составу гарнизона Ханко и выделенному в операцию личному составу кораблей Краснознаменного Балтийского флота объявляю благодарность.

Желаю вам новых подвигов, новых боевых удач по разгрому и истреблению гитлеровских бандитов

*Командующий войсками
Ленинградского фронта
генерал-лейтенант ХОЗИН*

*Член Военного Совета
секретарь ЦК ВКП(б) А. ЖДАНОВ*

*Член Военного Совета
дивизионный комиссар А. КУЗНЕЦОВ*

*Начальник Штаба Ленинградского фронта
генерал-майор ГУСЕВ*

Из приказа войскам Ленинградского фронта.

«Ямб». Выполняя приказ командующего эскадрой, эсминец «Славный» и «БТЩ-217» пытались взять судно на буксир. Но в 1 час 26 минут под корпусом турбоэлектрохода раздался третий взрыв. На борту эсминца находились 602 защитника Ханко. Опасаясь за их судьбу в случае подрыва на mine, «Славный» был вынужден отойти.

В половине четвертого эсминец «Славный» вновь пытался завести буксиры и начать буксировку, но в это время произошел новый взрыв под носом турбоэлектрохода. Заведенные буксиры перебило. От последнего взрыва произошла детонация боезапаса, погруженного на судно. Лайнер резко погрузился в воду, палуба и надстройки его были разрушены...

Что послужило причиной первоначального взрыва — мина или попадание 305-миллиметрового снаряда, — неизвестно. На турбоэлектроходе находилось 5589 человек, не считая команды. Снятие личного состава происходило в необычайно трудных условиях. Три раза батарея Маккилуото открывала огонь по гибнущему транспорту и кораблям-спасателям. Стояла ночь. В студеной декабрьской воде люди быстро коченели. От четырех взрывов было много жертв и на самом корабле. Из всех находившихся на борту турбоэлектрохода удалось спасти лишь 1740 человек. Корабли-спасатели были перегружены сверх всякой меры и больше не могли принять ни одного человека.

Гибель турбоэлектрохода не была единственной бедой в те сутки. В 17 часов 55 минут взорвался на mine и затонул сторожевой корабль «Вирсайтис», вышедший из Ханко в отряде капитан-лейтенанта П. В. Шведова. Из 246 защитников полуострова, находившихся на борту, было спасено 96 человек.

Как выяснилось впоследствии, турбоэлектроход не затонул. Обладая еще значительной плавучестью, он дрейфовал у южного берега Финского залива, между мысом Суорте и Пакри. Там он сел на мель и был захвачен гитлеровцами.

Подводя итог всей этой сложной операции по эвакуации гарнизона Ханко, надо прямо сказать, что благодаря исключительному героизму и мужеству балтийских военных моряков было совершено нечто просто поразительное. Западногерманские и финские историки утверждают, что в этом переходе из Ханко в Кронштадт спаслось не более 10 тысяч из 27. Нет, неверно: пришли

и встали на защиту Ленинграда без малого 23 тысячи бойцов красного Гангута. Кроме того, корабли, осуществлявшие эвакуацию, доставили в блокированный город 1200 тонн продовольствия и 1000 тонн боезапаса.

Операция была высоко оценена Военным советом Ленинградского фронта, о чем свидетельствует приказ войскам фронта, изданный 29 декабря 1941 года за № 0241.

Где бы ни сражались потом воины, пришедшие с Ханко, везде они умело громили фашистов. Гангутцы бились с врагом на льду Финского залива, охраняя коммуникации Кронштадта с Ленинградом, держали оборону под Ораниенбаумом и на Невской Дубровке, несли вахту в небе над Ладогой, оберегая Дорогу жизни. Когда пришло время сокрушить гитлеровцев в наступательных боях — под Шлиссельбургом, при прорыве блокады Ленинграда в январе 1943 года, а потом на Синявинских высотах и под Пулковом, под Красным Селом и Дудергофом в январе 1944 года, — воины-гангутцы повсюду оставили о себе добрую славу. Они участвовали в освобождении Эстонии и Латвии. Они брали фашистский Берлин. На стене сожженного рейхстага среди других была и такая надпись: «Мы дошли сюда с Гангута».

На правом фланге обороны ● Двадцать четыре часа молчания ● Ни дыма, ни выстрела, ни единого звука ● „Резиновая флотилия“ у побережья Германсэ ● Три мили пути в лунном свете

Л. В. ШЛИХТЕР,
майор-инженер в отставке,
бывший начальник штаба 3-го батальона
219-го стрелкового полка

„МЕРТВЫЕ СУТКИ“

Наш гарнизон (штаб батальона, две стрелковые роты и хозяйственный взвод) занимал небольшой скалистый остров Германсэ, на правом фланге обороны Гангута. Противник просматривал и обстреливал этот остров с трех направлений.

Оборону Германсэ мы подготавливали прочно. На берегу было около тридцати дзотов. В них несли бессменную вахту пулеметные расчеты. В глубине острова стояли батальонные минометы. В любую минуту наши бойцы были готовы отразить попытку врага овладеть островом. В своих листовках и радиопередачах противник предлагал нам сдаться в «почетный плен». Но мы защищали остров до последнего дня, пока не пришел приказ об эвакуации.

Как была осуществлена эта сложная операция? Как удалось гарнизону уйти с острова незамеченным, почти без потерь?

Наше командование действовало очень предусмотрительно. В середине ноября штаб батальона получил шифrogramму, в которой содержался приказ провести так называемые «мертвые сутки». Никто не должен был в это время выходить из укрытий — дзотов, блиндажей и других убежищ. Запрещалось всякое передвижение по острову в дневное время. Нельзя было топить печи в землянках,

а также вести огонь по противнику. Стрелять разрешалось лишь в том случае, если бы враг попытался осуществить высадку на занятый нами остров...

Целые сутки остров Германсэ молчал. На следующие сутки боевые действия с нашей стороны возобновились, как будто ничего не произошло. Заговорили минометы, началась ружейно-пулеметная перестрелка.

Противник был уверен в том, что нам с острова живыми не выбраться. В своих листовках он упрямо твердил одно: Финский залив заминирован и контролируется немецкими подводными лодками и морской авиацией, спасения нам нет...

Через некоторое время поступил приказ о проведении вторых «мертвых суток». И снова Германсэ замер, не проявляя никаких признаков жизни.

Противник и на этот раз не разобрался, почему остров молчит. Возможно, ему показалось, что мы экономим боеприпасы (они, действительно, были у нас на исходе). О том же, что молчание — преддверие эвакуации, враг, как позже выяснилось, не догадывался.

И вот настал час ухода. Все затихло. Ни выстрела с нашей стороны, ни дымка, ни единого звука. Противник решил, что мы опять установили режим экономии, и сам решил передохнуть, прекратив на время интенсивный огонь. А мы тем временем действовали. К Германсэ скрытно подошли буксирный катер и тридцать надувных лодок для перевозки людей и военного снаряжения. Гарнизону острова предстояло погрузиться в эту «резиновую флотилию», чтобы на ней достичь полуострова Ханко. Морской путь составлял около трех миль.

В ночь на 30 ноября весь личный состав гарнизона сосредоточился на южной стороне острова, считавшейся у нас тылом. Минометы, станковые пулеметы и боеприпасы мы погрузили в буксирный катер, к нему прицепили вереницу резиновых лодок, в которых поместились наши пехотинцы, и необычный караван отчалил от Германсэ.

Как назло, стояла ясная лунная ночь. На заливе был полный штиль. Все водное пространство между Германсэ и побережьем Ханко отлично просматривалось. И все же противник проворонил наш уход. Через полчаса «резиновая флотилия» во главе с катером благополучно прибыла на материк, в бухточку у местечка Линдгрэнс.

*Противник не должен
знать... ● Главное ору-
жие—хитрость ● Пате-
фоны и пулеметы ● Трап
убран, отданы шварто-
вы ● Огни на пристани ●
Тральщик погружается
во тьму*

А. М. АНАНЯН,

*полковник-инженер в от-
ставке, бывший коман-
дир отдельной строи-
тельной роты*

В ОТРЯДЕ ПРИКРЫТИЯ

В начале ноября меня и некоторых других товарищей вызвал к себе командир 8-й отдельной стрелковой бригады Н. П. Симоняк. Он ознакомил собравшихся с решением об эвакуации гарнизона военноморской базы Ханко. Далее речь пошла о конкретных задачах. Командиру 219-го полка было приказано приступить к минированию тыловых позиций передовой линии обороны. Полоса минных полей должна была иметь ширину в один километр и тянуться от берега к берегу, через весь полуостров. Для вывода наших войск с переднего края обороны следовало оставить всего один-два прохода, которые потом также надлежало заминировать.

Отряд прикрытия из ста десяти красноармейцев и сержантов предстояло возглавить мне.

Войска не знали, когда и в какой последовательности им придется покинуть полуостров. Воины, входившие в состав отряда прикрытия, знали все. Но эти важные сведения мы, конечно же, сохраняли в тайне.

Нашим главным оружием была хитрость. Нельзя было позволить врагу распознать наш маневр. Что же делалось для этого?

По противнику интенсивно вела огонь наша береговая артиллерия. Комендоры батарей так пристрелялись, что чуть ли не с первого залпа уничтожали

огневые точки противника. Если бы противник пошел на группу прикрытия в атаку, батареи поставили бы перед ними непроницаемую огневую завесу.

Утром 2 декабря начался в полном смысле слова день психологической борьбы с противником, во много раз превышавшим наши силы, оставшиеся на передовой. На важнейших пятидесяти огневых точках находилось теперь всего по два бойца. Каждая из этих точек была соединена телефонным проводом с командным пунктом, на котором находились я и мои ближайшие помощники — заместитель, телефонист и связной.

Между огневыми точками накануне были протянуты куски проволоки. На них висели солдатские каски. Время от времени кто-либо из нас дергал за эту проволоку. Каски покачивались, и создавалась видимость движения солдат в траншеях. Рядом бойцы протянули провод с подвешенными на нем пустыми консервными банками. Три раза в день (время завтрака, обеда и ужина) мы трясли этот провод, и банки издавали звуки, похожие на стук ложек в котелках.

Пулеметные огневые точки должны были время от времени вести огонь очередями даже после нашего ухода с полуострова. Как это было сделано? Мы применили нехитрую технику — пять старых патефонов, найденных в пустующих домах. С помощью реле и специальных рычажков мне удалось изменить назначение патефонов. Теперь они могли воспроизводить не только музыку.

На самых больших граммофонных пластинках мы закрепили металлические клеммы. К адаптерам подвели электрический ток от аккумуляторов, снятых с грузовых автомашин. Подвели электричество и к пулеметам, снабженным дополнительным простым устройством. Пулеметы и патефоны были включены в общую цепь. Когда патефонные пластинки начинали прокручиваться, иголки касались клемм, электроцепь замыкалась, рычаги устройств, установленных на пулеметах, нажимали на гашетки, и раздавались короткие пулеметные очереди.

Не обслуживаемый бойцом пулемет мог работать почти полчаса и расходовать за это время до полутора тысяч патронов (пулеметные ленты были соединены).

Пяти таких огневых точек было маловато для всего участка передовой. К десяти пулеметам были привязаны собаки. На некотором расстоянии от животных висели

куски свежей конины. Псы рвались к мясу. Цепи натягивались, дергали за рычаги, а те нажимали на гашетки пулеметов. Шла стрельба короткими, прерывистыми очередями...

Уйдя с передовой и собравшись в условленном месте, бойцы моего отряда на слух проверили работу всех пятнадцати пулеметов. Все было в порядке, пулеметы вели огонь.

В порту группу прикрытия ожидал у стенки тральщик. Он принял нас на борт. Прозвучала команда отдать швартовы. Корабль покинул Гангут. На берегу горели автомашины, озаряя пристань трепещущими, как факелы, огнями. Тральщик, погружаясь в сгущавшуюся ночную мглу, уходил все дальше и дальше от берегов полуострова.

Знали только командиры и политруки ● На московской волне ● Все идет по плану ● Один в четырех капонирах ● От острова к острову ● „Вернемся победителями!“

Л. М. ТУДЕР,

полковник запаса, бывший командир 5-го оборонительного района военно-морской базы Ханко

ВТОРОГО ДЕКАБРЯ, В ШЕСТЬ ВЕЧЕРА...

О предстоящей эвакуации личного состава подчиненного мне района мы с комиссаром Степаном Александровичем Томиловым узнали в конце ноября на совещании у коменданта сектора береговой обороны генерал-майора Ивана Николаевича Дмитриева, где операция была разработана в деталях.

Пятый оборонительный район военно-морской базы Ханко, прикрывая ее с севера, располагался на островах Хорсен, Старкерн, Гуннхольм, Эльмхольм и еще на трех маленьких, скалистых островках, гарнизон каждого из которых состоял обычно из одного отделения (семь — десять бойцов).

Неподалеку находились острова, откуда враг обрушивал на наши позиции шквал минометного и артиллерийского огня. За узким проливом лежал полуостров Подваландет, с которого на занятые нами острова, и в особенности на Хорсен, противник ежедневно выпускал сотни снарядов среднего и крупного калибра.

Отряд моряков, составлявший гарнизон 5-го оборонительного района, насчитывал около четырехсот пятидесяти человек. Мы были хорошо вооружены автоматическим оружием, захваченным у противника в предыдущих боях. У нас имелась даже 45-миллиметровая пушка — предмет гордости старшего лейтенанта А. Ф. Иванова, заядлого артил-

лериста, до прихода к нам в отряд командовавшего железнодорожным артиллерийским транспортером.

О предстоящей эвакуации и порядке снятия гарнизонов с островов были поставлены в известность командиры и политруки рот. Заранее было определено, кто и с каким вооружением должен остаться на том или ином острове, чтобы прикрывать отход.

К пяти часам утра 2 декабря около четырехсот двадцати человек было отправлено на Ханко. На всех семи островах теперь оставалось лишь тридцать пять краснофлотцев и сержантов, хорошо вооруженных и неоднократно проверенных в боях.

Несмотря на бессонную ночь, ни Томилову, ни мне спать не хотелось. На столе штабной землянки то и дело пищал зуммер полевого аппарата. Краснофлотец Петр Минин (он исполнял обязанности телефониста и писаря, ведущего журнал боевых действий) снимал трубку и произносил: «„Лев“ слушает...»

С островов докладывали, что там все в порядке, ведется тщательное наблюдение за противником.

Рассвет декабрьского утра наступал медленно. Комиссар включил приемник, и в землянку ворвалась разноязычная речь. С трудом настроившись на нужную волну, мы прослушали сводку Информбюро о тяжелых боях под Москвой.

В дверях землянки показался краснофлотец Иван Зубачев, охранявший командный пункт.

— Противник начал минометный обстрел острова, — доложил он.

— С побудкой немного опоздали, — шутливо произнес комиссар, продолжая записывать сводку Советского информбюро.

— Усильте наблюдение за подходами к островам, — сказал я и посмотрел на Степана Александровича. Наши взгляды встретились. Мы без слов понимали, что оставшееся на островах прикрытие должно в случае наступления противника ценой своей жизни обеспечить успех общей эвакуации.

В нашем распоряжении имелось два катера с достаточным запасом горючего. На баке и на корме катеров стояли станковые пулеметы на треногах. Если бы эскадра с личным составом военно-морской базы вынуждена была уйти, не дождавшись нас, наш маленький отряд отправился бы в поход самостоятельно.

День 2 декабря прошел сравнительно спокойно. Как всегда на островах рвались снаряды и мины, и наблюдатель со скалы с отметкой 19,2 доносил, что стреляет цель номер такой-то...

Несколько раз выходила из строя телефонная связь с островами Старкерн, Эльмхольм и другими. И каждый раз матрос Иван Зубачев, схватив автомат и катушку с кабелем, бежал искать и устранять повреждение.

Около двух часов дня меня вызвал к телефону начальник штаба сектора и потребовал доложить обстановку. В свою очередь, я поинтересовался, как идут дела на полуострове. Подполковник Н. С. Кузьмин ответил донельзя кратко:

— Все идет по плану.

Томилов и я поочередно разговаривали с командирами оставшихся малочисленных гарнизонов. На вопрос «Как дела?» они отвечали столь же кратко:

— В порядке!

Мы обошли и осмотрели капониры и посты на острове Хорсен. Раньше здесь находились четыре роты — всего около двухсот пятидесяти человек. В каждой землянке размещался взвод, в каждом капонире — отделение. Теперь же на всем острове осталось только двадцать человек. Один часовой с автоматом и гранатами приходился на три-четыре капонира...

С моря дул сырой порывистый ветер, надвигались ранние декабрьские сумерки. Возвращаясь на свой командный пункт, я услышал знакомый окрик:

— Стой. Кто идет?

Бодрый голос Зубачева свидетельствовал о том, что связь со всеми островами и постами в порядке.

В восемнадцать часов поступил сигнал: следовать в порт на посадку. Я отправил катера снимать личный состав с островов, а всем, кто остался на Хорсене, дал распоряжение вынести пулеметы, заряженные ленты, магазины и телефонные аппараты на пристань.

На заранее подготовленном листе фанеры красным карандашом была сделана надпись: «Уходим непобежденными — вернемся победителями! Командир отряда Л. Тудер. Комиссар отряда С. Томилов».

**Взрывы у пирса ●
„ВТ-508“ выходит в море ● „Мины, мины!“ ●
Операционные в каютах
● Врач Ошкадеров не
покинул тонущего ко-
рабля ● Стихи дочери об
отце**

Н. В. ЧЕРНОВ,

*майор медицинской слу-
жбы запаса, бывший
младший врач 124-го от-
дельного инженерного
батальона*

НЕ ПОД- ВЛАСТНО ВРЕМЕНИ

Среди тех, с кем близко свела меня военная судьба, был начальник штаба 124-го отдельного инженерного батальона капитан Степан Петрович Маслов, человек необыкновенно преданный службе, энергичный, инициативный. Он отлично знал военное дело, как спортсмен-парашютист совершил около двухсот прыжков с самолета.

Мне запомнилась наша последняя встреча. В декабре 1941 года с полуострова эвакуировалась группа бойцов 101-го стрелкового батальона, в котором в завершающий период обороны Ханко довелось служить и мне. Этим батальоном командовал С. П. Маслов. Военный транспорт № 508 (турбоэлектроход «И. Сталин»), на который нас должны были принять, из-за большой осадки не мог подойти к пирсу. Решено было доставить к нему бойцов на буксирном пароходе. Но едва они появились на пристани, как противник начал очередной обстрел порта. Снаряды уже падали рядом с пирсом. Капитан Маслов приказал всем немедленно рассредоточиться.

— Ничего, ничего! — крикнул он. — Сейчас наши пушки дадут фашистам прикурить!

Так и вышло. Гангутские артиллеристы включились в контрбатареиную борьбу, и вражеские орудия вскоре замолчали. Буксир взял нас на борт и отвез на судно, стоявшее на рейде.

«ВТ-508» был переполнен людьми. По приказанию старшего начальника медперсонал собрался в кают-компании турбоэлектрохода. Врачи и фельдшера распределили между собой обязанности. Каждому было указано его место по боевому расписанию. В случае надобности мне надлежало явиться на запасной пункт медпомощи, во главе которого был поставлен военврач 2-го ранга В. И. Ошкадеров.

В ночь на 3 декабря, часов около восьми вечера, транспорт без опознавательных огней вышел в море. Корабль вела опытная капитанская рука. Турбоэлектроход двигался в кильватерной колонне за тральщиками, не выходя за пределы протраленной полосы. Среди пассажиров было много разговоров о минах. Находились и среди нас, медиков, сведущие товарищи. От них я узнал, что противник от берега к берегу залива понаставил минных полей и что поэтому нельзя ни на метр отклоняться в сторону от курса. Однако не все из нас в те минуты ясно представляли себе, что на нашем пути, в протраленном фарватере, могут оказаться мины, сорванные со своих минрепов во время шторма...

В середине ночи у борта транспорта произошел взрыв. Погас свет, но тотчас было включено аварийное освещение. Я схватил санитарную сумку и поспешил в кают-компанию, где был развернут запасной медпункт. От взрыва пострадало много людей, находившихся в кормовых помещениях турбоэлектрохода. Потом последовали новые взрывы. Число раненых, нуждавшихся в срочной помощи, увеличилось.

Обстановка была поистине трагической. Но на транспорте не было паники. Врачи, фельдшера, медсестры проявили высокую выдержку и самообладание. Люди в белых халатах продолжали напряженно трудиться в каютах, превращенных в операционные.

Мужественно переносили свои страдания раненые. Доныне видится мне раненый в голову мичман. Во время операции, несмотря на ужасную боль, он ни разу не застонал. Хотелось бы верить в то, что он не погиб в ту трудную ночь.

В медпункте вместе с сандружинницами помогал я врачам оперировать и перевязывать раненых. Всей этой работой руководил Валериан Иванович Ошкадеров. Он, казалось, не знал усталости, хотя ему приходилось тяжелее, чем кому бы то ни было из нас. Наконец

поступило распоряжение командира транспорта всему медперсоналу переходить с тонущего судна на подошедший к нему тральщик. Однако Ошкадеров отказался идти на тральщик. Он заявил, что долг врача — быть до конца с ранеными, которые останутся на судне...

Перейдя на другой корабль, врачи и сестры продолжали оказывать раненым медицинскую помощь. Мы делали первичную обработку ран, накладывали шины, извлекали осколки. На Гогланде всем нам, медикам, пришлось включиться в лечение больных воспалением легких. Сотни людей, побывавших в студеной декабрьской воде и получивших тяжкие простудные заболевания, метались в бреду.

На одном из транспортов прибыл на Гогланд и капитан С. П. Маслов. Через некоторое время ему было поручено сформировать Первый отдельный особый отряд автоматчиков-моряков. Как сложилась дальнейшая судьба Степана Петровича, мне удалось услышать лишь спустя три десятилетия. В одной из газет я прочел о том, что в феврале 1944 года на эстонское побережье был высажен отряд моряков, которым командовал майор С. П. Маслов. Сражаясь в тылу врага, у деревни Мере-кюля, почти весь отряд погиб. В жестокой схватке с гитлеровцами пал и командир.

Время от времени мне доводится встречать кого-либо из однополчан, с которыми я участвовал в обороне Ханко. От бывших сослуживцев по батальону мне стало известно, что хирург В. И. Ошкадеров погиб в фашистской неволе. Однажды я присутствовал на литературном вечере, на котором прочла стихи о своем отце дочь Ошкадерова — Нина Валериановна Королева. Она работает научным сотрудником в Ленинградском институте театра, музыки и кинематографии.

Пережитое нами в годы войны с фашистами не подвластно времени.

„Такие не боятся и не
гнутся“ ● Часть тира-
жа — противнику ● В
ожидании погрузки ●
Зарево над городом ●
Спят усталые ханков-
цы ● Взрывы в полночь ●
Как быть с ранеными? ●
Прыжок с фальшборта
● Второй попытки не
дано ● Снега и сосны
Гогланда ● Несколько
строк из Шиллера ●
Лицо блокады

Е В Г.
ВОЙСКУНСКИЙ

НОЧЬ, ДЕНЬ И ЕЩЕ ОДНА НОЧЬ

1 декабря вышел последний номер «Красного Гангута». На видном месте было заверстано прощальное стихотворение Михаила Дудина. Вот две строфы из него:

Не взяли нас ни сталью, ни огнем,
Ни с воздуха, ни с суши и ни
с моря.
Мы по земле растоптанной пройдем,
В других местах с другим врагом
поспоря...

Такие не боятся и не гнутся.
Так снова в бой!
И снова так дерись,
Чтоб слово, нас связавшее,—
гангутцы —
На всех фронтах нам было как
девиз.

Тираж последнего номера был намного больше обычного, потому что часть его предназначалась финнам. Нам дали грузовик, и мы — Пророков, Дудин, Шпульников и я — медленно проехали по улицам городка, оставляя газеты в уцелевших домах, расклеивая всюду листовки. Затем машина выехала за переезд, помчалась по дороге, и всюду мы разбрасывали газеты и листовки.

Справа лес расступился, открылась поляна — та самая, которую мы, молодое пополнение, столь усердно утапывали год назад. Здесь старший сержант Васильченко учил нас ходить в строю и отдавать честь, здесь он выкрикивал параграфы воинских уставов. Поляну теперь покрывал снежный наст, а дальше — дальше стоял, утонув почти по крышу в сугробах, темно-красный сарай, теплая наша казарма. Не

валил, как прежде, дым из ее трубы, и некому было теперь расчистить снег вокруг. Некому, да и не надо.

Машина повернула обратно, лишь немного не доехав до лесочка, на опушке которого стояло среди берез и сосен белое здание кирхи — бывший клуб 21-го железнодорожного батальона, где проходила моя служба.

Прощай, кирха. Жаль, что не увидел тебя напоследок.

Прощай, Ханко...

Между тем наборщики упаковали шрифт в пакеты. Каждый из работников редакции и типографии получил по два таких пакета, отчего вещмешки и чемоданы стали свинцово-тяжелыми в полном смысле этого слова.

Печатную машину взорвали, бросив в нее связку гранат.

Сборы закончены, оставалось только ждать погрузки. Мы сидели на мешках и чемоданах в штабном дворе. Странно было видеть наших наборщиков ничем не занятыми. Печатник Костя Белов снова и снова возбужденно принимался рассказывать, как погибла печатная машина, и было видно, что он с трудом удерживается от слез. Кандеров хмуро слушал его, а может, не слушал — думал о своем. Неторопливо покуривали наборщики Пименов, Ясеновый, Малахов, Федотов, Шохин, Гончаренко, Самохин, Еременко. Лица наборщиков были бледными, с желтизной. Им редко удавалось видеть дневной свет. Подвал наборного цеха отпускал их только на время еды и сна.

Но вот пришла машина. Последний взгляд на черный проем двери, ведущей в редакционный подвал. Все. Поехали...

В порту мы погрузились на тральщик, уже набитый другими группами гангутцев. Спустя час или два тральщик пошел на рейд, где стояли на якорях крупное транспортное судно и корабли конвоя — эсминцы, тральщики, торпедные катера. Снова ожидание у высокого борта транспорта. Это был красавец турбоэлектроход довоенной амстердамской постройки. Война переокрасила его в строгий серо-стальной цвет, переименовала в военный транспорт номер такой-то, послала в опасный рейс по кишасшему минами Финскому заливу.

Спущен трап, потекла наверх черношинельная река.

На борту транспорта нашей команде отвели четырехместную каюту. А было нас 20 человек — литсотрудники,

художники и вся типография. Возглавлял команду Борис Иванович Пророков. Остальные сотрудники редакции (А. Е. Эдельштейн, К. Л. Лукьянов, В. П. Войтович, К. Д. Золотовский, В. Беловусько) вместе с работниками политотдела были распределены по другим кораблям.

День был холодный, плотно затянутый тучами. Мы продрогли, дожидаясь погрузки в порту и на рейде. Но почему-то не сиделось в тепле каюты. Кинув чемоданы и поставив в угол винтовки, мы с Дудиным дотемна торчали на верхней палубе. Заснеженный берег Гангута как магнитом притягивал взгляд. А к транспорту все подходили и подходили тральщики и катера.

Караван стоял на рейде и весь следующий день, 2 декабря. Продолжалась погрузка. Судовые стрелы опускали в трюмы мешки с мукой и сахаром, ящики с консервами. После полудня корабли доставили защитников Осмуссаара. Судно было плотно забито людьми. Скрипели и стонали палубы и переборки. Не только в каютах, но и в трюмах, коридорах была страшная теснота. Спали, ели, дымили махоркой, гомонили вчерашние бойцы, столь неожиданно превратившиеся в пассажиров.

К вечеру Гангут опустел. Последними ушли с переднего края, с островов заслоны. В городе что-то горело. Это зарево было как бы последним отблеском шестидесятичетырехдневной обороны.

В двадцать один час транспорт занял место в походном ордере, и вскоре караван взял курс на восток. Счетчик лага отсчитал первую из двухсот двадцати миль, отделявших нас от Кронштадта.

Некоторое время было видно зарево пожара на берегу покинутого полуострова. Потом ночь поглотила его. Вокруг расстилалась беспросветная мгла. Ледяной норд-ост бил в лицо колючей снежной крупой. Транспорт шел, тяжело переваливаясь с борта на борт.

Больше делать на верхней палубе было нечего, я спустился вниз. Еще днем я встретил кого-то из знакомых мне бойцов 21-го батальона и узнал, что он тоже погружен в один из трюмов транспорта. Я пустился было разыскивать этот трюм, но все проходы были забиты — не пройти...

В каюте было душно и тесно, очень тесно. Ребята сидели и лежали на койках, на палубе вповалку. Шла обычная «травля». Некоторые из наборщиков ели консервы, утверждая, что качку легче переносить на полный

желудок. Другие посмеивались над едоками. Постепенно смолкли разговоры, уgomонились самые заядлые остряки. Я тоже забылся сном. Но ненадолго. Шел второй час ночи, когда я проснулся. Палуба подо мной мелко дрожала, вибрировала от работы судовых машин. Заметно усилилась качка. Духота была страшная. Мокрая от пота тельняшка прилипла к телу. Осторожно, чтобы не наступить на спящих, я выбрался из каюты. Было просто необходимо глотнуть свежего морозного воздуха. Но дойти до трапа, ведущего на верхнюю палубу, я не успел.

Прогрохотал взрыв, транспорт вздрогнул всем своим огромным телом. Погас свет. Я пошел назад по коридору, нащупывая и отсчитывая двери. Разбуженный транспорт заполнили встревоженные голоса. Кто-то с ходу налетел на меня, чуть не сбив с ног. Заплясали огоньки карманных фонариков.

Моталась раскрытая дверь нашей каюты. Никто в ней, конечно, уже не спал. Чиркали спички. И тут где-то в корме грохнул второй взрыв.

— Ну, конец, — негромко сказал Борька Волков.

— Заткнись! — рявкнул на него Иващенко.

Резко щелкнуло в динамике судовой трансляции, чей-то голос объявил:

— Всем оставаться на местах! — и несколько раз повторив это, добавил: — Никакой паники!

Снова вспыхнул свет. Тусклый, неживой, аварийный, он осветил напряженные, блестевшие от пота лица. Мы были дисциплинированными. Мы оставались на местах, хотя было непонятно, что произошло. Наскочил ли транспорт на мины или попал под обстрел береговых батарей? Идет ли он или стоит, потеряв ход? Все было непонятно и от этого — особенно тревожно.

Прогрохотал третий взрыв. Донесся чей-то отчаянный крик. Транспорт сотрясся и медленно начал крениться на левый борт. В коридоре затопали. Кто-то куда-то бежал. Кто-то стонал. Кто-то матерился...

Мы были дисциплинированными. Мы смотрели на старшего в нашей команде — Пророкова. Он был бледен. Он встал, натянул шинель, коротко бросил: «Пошли». Но прежде чем покинуть каюту, мы нацепили Коле Карапышу на спину вещмешок, в котором хранилась подшивка «Красного Гангута». Свое барахло мы бросили не задумываясь. Да и что там было у нас, разве

что консервы и галеты из сухого пайка. Но подшивку эту бросить было никак нельзя.

Трудно писать об этой нескончаемой ночи. Все как-то разбредись. Мы с Мишей Дудиным держались вместе. Была масса раненых. Уж не помню, где и как мы раздобыли носилки. Надо было переносить раненых в кают-компанию, в которой врачи развернули операционную.

Четвертый взрыв был особенно сильным и продолжительным. Крики и стоны после него усилились. В сознание входили обрывки фраз.

Говорили, что транспорт потерял ход, что нет никакой надежды, что только система водонепроницаемых переборок еще удерживает его на плаву, что взять транспорт на буксир не удалось, что тральщики подходят и снимают людей...

Помню: из какого-то люка вылез полуголый матрос и проговорил с отчаянием: «Вода... всюду хлещет...»

Были еще какие-то взрывы послабее.

Мы с Мишей вклинились в толпу у двери, ведущей на спардек, и наконец пробились наружу.

Светила луна, по ее диску проносились гонимые ветром рваные тучи. У борта транспорта, хотя и осевшего, накренившегося, но все еще высокого, плясал на штормовых волнах тральщик. С транспорта прыгали на него, сыпались люди, и некоторые оказывались в воде, потому что тральщик то отбрасывало, то снова накидывало, и рассчитать прыжок было не просто. А долго ли продержишься в ледяной декабрьской воде?..

Над нами, на шлюпочной палубе кричали и стреляли. У шлюпбалок чернели бушлаты. Кто-то в тельняшке, задрав кверху автомат, бил длинными очередями — расстреливал эту проклятую ночь...

Тральщик с лязгом ударил в борт транспорта. Вот его узкая, переполненная людьми палуба как раз под нами... Миша прыгнул. Я видел, как его подхватили на тральщике. Вскочив на фальшборт, приготовился прыгнуть и я, но какая-то подсознательная команда удержала меня, и в тот же миг тральщик резко отбросило...

Я еще слышал, как закричал Миша:

— Женька, прыгай! Прыга-ай!

Поздно, поздно. Тральщик уходил. Мишин голос удалялся...

Стоя на раскачивающемся фальшборте и вцепившись рукой в какую-то стойку, я висел над беснующейся

водой, над пропастью. «Все кончено,— мелькнуло в голове,— все наши ушли, остался я один...» Не помню, сколько времени я так висел — минуту, час или вечность. Какой-то провал в памяти. Вдруг я увидел в толпе, забившей спардек, Пророкова, Шалимова, Шпульникова, еще кого-то из наших ребят. Отлегло от сердца: значит, я не один...

Подошел другой тральщик, снова посыпались люди, прыгнул и я, чьи-то руки подхватили меня. Такой прыжок бывает раз в жизни.

Базовый тральщик «217» был последним из кораблей конвоя, подходивших к борту нашего транспорта. Начиная брезжить рассвет, когда этот тральщик отвалил и на полном ходу принялся догонять ушедший вперед караван.

Весь день «БТЩ-217» шел сквозь неутихающий шторм. Мы — Борис Иванович и несколько ребят из нашей команды — держались тесной кучкой. Нам было плохо. Мы жестоко мерзли. Около полудня налетел «юнкерс», но он был встречен таким яростным пулеметно-автоматным огнем, что вскоре отвязался. Ваня Шпульников заставил нас хлебнуть из фляги «бензоконьяку». Обжигающий, но милосердный глоток...

Под вечер встал из воды фиолетовый горб острова Гогланда. Промерзшие до костей, измученные качкой, потрясенные пережитым, мы сошли на причал. Куда идти? Где искать ночлег? Все домики небольшого поселка были забиты теми, кто пришел раньше нас. У какого-то сарая меня окликнули. В группке бойцов я узнал парня из бывшей моей роты. Сейчас уже не помню, кто это был. Он-то и рассказал мне, что мало кому из бойцов 21-го батальона удалось спастись: взрыв мины разворотил борт, и в трюм, в котором разместился батальон, хлынула вода. Я, еще цепляясь за надежду, выпытывал у парня, не видел ли он среди тех, кто выбрался из трюма, Лолия Синицына, Мишу Беляева, Диму Миркина, Мишу Рзаева, Генриха Местецкого...

— Да нет, говорю тебе! — крикнул он. — Сам их искал! Не вышли они...

Тогда я не поверил ему. Не хотел, не мог поверить. Припоминаю, что в ту же ночь на Гогланде встретился мне бывший мой начальник клуба Шерстобоев. Он тоже прыгнул с транспорта, но неудачно — угодил в воду. К счастью, его подобрал торпедный катер. Шерстобоев

тоже сказал, что батальон погиб. Но сам он в те минуты не был в трюме. Словом, я все еще не терял надежды, что мои друзья спаслись. Потом, в Кронштадте, я наводил справки в частях, в которые влились гангутцы. Все безуспешно. Наверное, прав был тот парень...

Утром 4 декабря шторм все еще бушевал, но было солнечно. Длинные тени от сосен лежали на снегу, и скалы Гогланда были так похожи на скалы Гангута...

Мы отправились разыскивать своих и вскоре увидели возле красного домика с белыми наличниками окон долговязую фигуру Дудина и не менее долговязую — Иващенко. Мы обнялись, как братья. Вся наша команда была снова в сборе, все 20 человек. Но всезнающий Иващенко, уже успевший побывать на кораблях, принес ужасную весть: погиб секретарь редакции Константин Лукич Лукьянов. Катер, на котором он шел, подорвался на mine. Будьте прокляты, мины Финского залива!

Война есть война. Трудно примириться с жестокой правдой. Не хватает слез, чтобы оплакать погибших. Но живым надо жить.

Более полутора суток — две ночи и день — мы, как говорится, маковой росинки во рту не держали. Прежде всего надо было добыть пищу — не простая задача, если учесть гогландскую неразбериху тех дней. Хорошо, что у Кольки Иващенко всюду были друзья: он принес с тральщиков несколько буханок хлеба, какую-то крупу, немного сахара. Потом, бродя по острову, мы наткнулись на лесной поляне на подвешенные к перекладине говяжьи туши, которые, впрочем, при ближайшем рассмотрении оказались кониной. Развели костер, разыскали ведро, и Еременко сварил в этом ведре такой суп с мясом, вкуснее которого мне в жизни не доводилось есть.

В красном домике с белыми наличниками мы истопили печку, натащали соломы и в таком неслыханном комфорте улеглись спать. Мы лежали рядом в темноте, сытые, спасшиеся, живые, и Миша Дудин на каждого сочинил экспромтом двестише, — ну, это не для печати. Мы хохотали, как дети. А потом, когда воцарилась тишина и кое-кто уже похрапывал, Миша вдруг начал с силой:

Кто, рыцарь ли знатный иль латник простой,
В ту бездну прыгнет с вышины?
Бросаю мой кубок туда золотой.
Кто сыщет во тьме глубины...

Странно было слушать здесь, на островке Финского залива, омываемом войной, старую шиллеровскую балладу. Кубок, думал я. Кубок, который надо испытать до дна...

Наутро Борис Иванович и Иващенко, как бы исполнявший роль комиссара при нем, пошли по начальству. А во второй половине дня, дохлебав свой первобытный суп, мы погрузились на базовый тральщик «БТЩ-218». Вечером караван двинулся дальше на восток, к Кронштадту. Еще долго был виден за кормой горбатый силуэт Гогланда на красноватом фоне угасающего закатного неба. Таким он и остался в моей памяти. Гогланд — маленькая неожиданная пауза в громящем оркестре войны.

У Толбухина маяка начался лед. Дальше караван шел за встретившим его у кромки льда «Ермаком». Оказывается, был еще жив дедушка русских ледоколов.

Пасмурным днем 6 декабря наш тральщик ошвартовался в Арсенальной гавани. Снова мы ступили на родную кронштадтскую землю. Колонны гангутцев потянулись к красным корпусам учебного подразделения. Непередаваемое чувство владело нами — чувство возвращения.

Сбоку к колонне пристраивались городские мальчишки.

— Здорово, пацаны! — гаркнул кто-то.

В ответ мы слышали:

— Дяденька, хлеба... Сухарей...

Колонна притихла. Мы были готовы все отдать им, голодным мальчишкам Кронштадта. Но у нас не было даже черствой корки.

— Дяденьки, хлеба...

Я всмотрелся в одного из подростков, в плохонькую его одежду, в прозрачные, обтянутые скулы, в недетские печальные глаза под надвинутым треухом.

Так впервые глянула на нас блокада.

Гангутцы в рядах участников прорыва блокады Ленинграда ● Бойцов ведет в атаку политрук ● Один против одиннадцати ● Фронт протягивает руку фронту ● Гвардейское знамя дивизии ● Боевым традициям жить!

А. К. БАРАНОВ,
подполковник запаса,
бывший рядовой 270-го
стрелкового полка

НАШИ С ТОБОЙ ПОБРАТИМЫ

Думая о той суровой поре, я прежде всего вспоминаю о людях, которых узнал на поле боя, у которых учился воинскому умению.

Заместитель политрука Анатолий Злобин был таким же молодым парнем, как и мы, рядовые красноармейцы. Он участвовал в войне с Финляндией (зима 1939—1940 годов) и потому обладал некоторыми боевыми навыками. Его политический кругозор был неизмеримо шире нашего. Он знал технику (перед войной учился в электротехническом институте). Заместитель политрука любил людей, понимал их характеры, умел безошибочно находить дорогу к сердцу солдата.

С Анатолием я соприкасался близко — мы оба состояли в комсомольском бюро роты. Батальон 270-го полка, в котором служил Злобин, первым из подразделений гангутцев был переброшен на Ленинградский фронт. Батальон этот воевал некоторое время на Ораниенбаумском плацдарме. Здесь Злобин был ранен. Из госпиталя он снова прибыл в наш 270-й стрелковый полк и был назначен политруком роты.

8-я отдельная стрелковая бригада, преобразованная в 136-ю стрелковую дивизию, стояла на важных рубежах ленинградской обороны. Один из наших однополчан — ведавший боепитанием старший сержант (фамилии его, к сожалению,

не помню) написал «Песню о сто тридцать шестой». На музыку ее положила композитор Наталия Николаевна Леви. Вот одна из строф этой песни:

Мы не привыкли под пулями гнуться.
Страх не зная, не зная преград,
Под Ленинградом дерутся гангутцы —
Встали стеной за родной Ленинград!

На нашу дивизию ханковцев штаб Ленинградского фронта возлагал немалые надежды. Рассказывали, что Военный совет фронта дал госпиталям и отделам комплектования специальное указание, чтобы гангутцев, выздоравливающих после ранения, направляли только в ту часть, где они раньше служили.

Воины, прибывшие с Ханко, выполняли свой патриотический воинский долг мужественно и беззаветно. Никогда не сгладятся в памяти их боевые дела. Особенно запомнились мне бои за расширение Ивановского плацдарма на левом берегу Невы, которые мы вели в сентябре 1942 года. О боевых действиях на этом участке фронта в сводках Совинформбюро не сообщалось. Но они сыграли существенную роль в обороне Ленинграда.

Гитлеровцы и в 1942 году тешили себя надеждой взять штурмом осажденный Ленинград. Для этого они подтягивали значительные силы с других участков советско-германского фронта. Затею врага надо было сорвать.

2 сентября 1942 года третий стрелковый батальон 270-го полка подошел на катерах к обрывистому берегу Невы. Было известно, что на небольшом клочке этого побережья противостоят противнику остатки полка майора Клюканова. Однако было ясно, что высадку придется проводить с боем.

Бойцы и командиры, оставив катера, быстро преодолели водную преграду, вскарабкались на берег и с криком «ура!» ворвались в траншеи немцев. Во время этого броска погиб комиссар батальона Илья Петрович Кузнецов. Был ранен командир батальона. Командование подразделением принял на себя парторг роты Каюм Ягудин.

Ожесточенная схватка с фашистами разгорелась между первой и второй линиями неприятельских окопов. Завязался рукопашный бой. Немцы оказывали ожесточенное сопротивление.

В сложном положении оказался взвод лейтенанта Герасимчука, прорвавшийся за вторую линию вражеских траншей. Слева и справа его контратаковали автоматчики. Впереди, из-под развалин церкви, бил вражеский пулемет.

Лейтенант был тяжело ранен. Теперь одной половиной взвода командовал старший сержант Петр Хоменко, а другой — младший политрук Анатолий Злобин. На Хоменко набросились два гитлеровца. Старший сержант заколол одного из них штыком, а второго уложил на землю ударом приклада. Раненный осколками гранаты, он продолжал драться. В общей сложности Хоменко уложил одиннадцать гитлеровцев, но в конце концов упал, потеряв сознание.

Группа бойцов во главе с младшим политруком Злобиным пробивалась к развалинам церкви, чтобы выбить оттуда гитлеровцев. Ряды смельчаков редели. Вражеский пулемет продолжал стрелять. Оценив опасность создавшегося положения, сапер-ханковец Иван Приступа вызвался пробраться в тыл врага и забросать расчет пулемета гранатами.

— Давай, дружище, выручай! — сказал Злобин.

Приступа пополз. Незаметно подобравшись к груде развалин, он вскочил и метнул две гранаты в фашистов. Пулемет замолчал, но через минуту возобновил стрельбу. Видимо, не весь расчет был уничтожен. Тогда Приступа кинулся на пулемет, изрыгавший огонь, схватился с наводчиком врукопашную и, умирая, задушил врага.

В песне нашей дивизии есть такие слова:

Будь в обороне всегда неприступен,
Грянем в атаке лихое «ура»!
Помним пример комсомольца Приступы,
Помним героя Хоменко Петра.

* * *

В январе 1943 года ханковцы принимали участие в прорыве блокады. 18 января, в одиннадцать часов тридцать пять минут, после 144-часового непрерывного сражения, бойцы батальона капитана Федора Собакина в районе поселка № 5 прорвали кольцо фашистской осады и встретились с воинами Волховского фронта.

За героизм, за успешное выполнение боевых заданий на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками

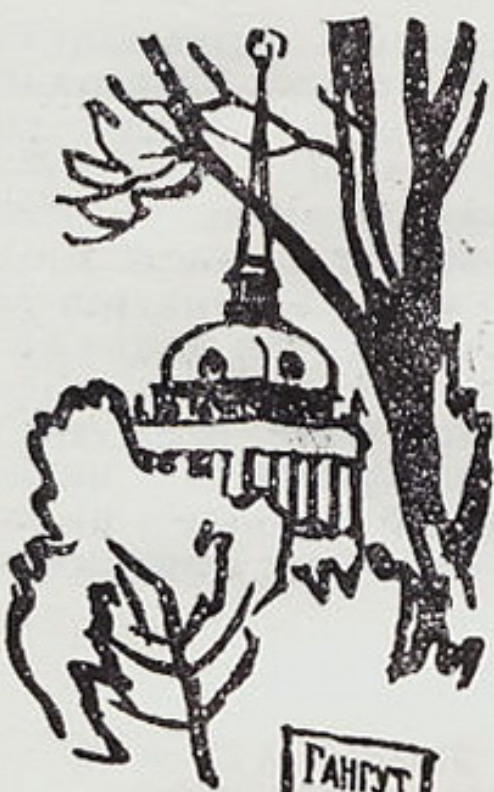
136-я стрелковая дивизия генерал-майора Н. П. Симоняка получила наименование гвардейской. 270-й стрелковый полк стал Краснознаменным.

Позднее в районе Красного Бора пал смертью храбрых заместитель командира батальона по политчасти Анатолий Георгиевич Злобин.

Через многие годы могилу Анатолия Злобина помогли мне разыскать красные следопыты отряда «Юнга» из Красноборской 8-летней школы. Анатолий был похоронен в деревне Чернышево. Эти места посетили мать Злобина, Пелагея Георгиевна, и его младший брат. Побывав у красноборских пионеров, Пелагея Георгиевна рассказала юным следопытам о детских и юношеских годах своего сына-героя.

Прах Анатолия Злобина и нескольких бойцов, похороненных в разных местах, не так давно перенесен в общую братскую могилу у железнодорожной станции Поповка.

Мне и другим ветеранам Гангута часто доводится бывать в военном городке Н-ского стрелкового полка и в его музее. Мы рассказываем солдатам, сержантам и офицерам о героических традициях нашей части, дравшейся с фашистами на полуострове Ханко.

БЫЛИ МЫ ТОГДА МОЛОДЫ. КАЖДЫЙ
МЕЧТАЛ О ПОДВИГАХ И БЕЗ КОЛЕБАНИЙ,
БЕСТРЕПЕТНО ШЕЛ В САМОЕ ПЕКЛО БОЯ.
НИКОГДА НЕ ЗАБУДЕТСЯ СУРОВОЕ ВРЕМЯ,
ОБЪЕДИНИВШЕЕ НАС, ЗАЩИТНИКОВ ХАН-
КО, В ДРУЖНУЮ БОЕВУЮ СЕМЬЮ.

*Из воспоминаний И. П. Сарафа-
нова, бывшего рядового 335-го стрелко-
вого полка*

**В СЕРДЦЕ
И В ПАМЯТИ**

Журналист Вячеслав Борисович Паллон ушел из жизни, не завершив обработку своих фронтовых записей. Заметки о Ханко и ханковцах из его личного архива. Год сорок первый, июнь, корабли у причалов Гангута. „Нам сверху видно все“. Сержанта звали Наташей. Гордо прожитый кусок жизни

В. Б. ПАЛЛОН,

бывший помощник начальника штаба 29-го артдивизиона КБФ, капитан-лейтенант в отставке

СТРОКИ, ЖИВШИЕ ВРАЗБРОС

В один из первых дней Великой Отечественной войны я был призван во флот. Ранним июньским утром 1941 года караван из трех небольших транспортов доставил меня и моих товарищей из Таллина к месту назначения — в порт Ханко. Он открылся передо мной во всей прелести северного курортного городка, окруженного сосновыми лесами. Ушли в сторону катера «МО», охранявшие нас на переходе. Мы причалили. Вокруг было тихо, спокойно.

Но едва я сошел с парохода, как услышал гнетущий звук летящего снаряда. Он сначала как бы шуршал, потом свистел и, наконец, взвыл, прежде чем разорваться. В гавани поднялись столбы воды. Один, другой, третий... Потом обстрел прекратился.

— Что же вы, товарищ лейтенант, не укрылись за скалой? — сказал мне один из матросов. — Тут нас часто долбают. Забудете об осторожности — пропадете. А нам ведь еще воевать надо...

Да, этот молодой матрос в белой застиранной робе, выскочивший из убежища, находившегося тут же, под скалой, которая как бы врезывалась в бетонный настил причала, оказался прав.

Через полчаса, когда я был уже в штабе базы, обстрел возобновился. Чувствовалось, что я нахожусь на переднем крае войны.

«Уддскатан» в переводе со шведского на русский означает «утиный нос». Так называется песчаный мыс, на котором я увидел вековые сосны и небольшой бугор. Бугор оказался блиндажом. Здесь-то я и познакомился с командиром дивизиона береговой артиллерии капитаном Б. М. Граниным. Коротко стриженный, коренастый, очень загорелый, он на миг оторвался от мытья.

— Здорово, лейтенант! Как тебя величают? — спросил он, продолжая окатывать свою бритую коричневую голову из жестяного рукомойника, прибитого к сосне.

Я назвал себя.

— Ну, что ж, будем служить и фашистов лупить! — заключил разговор мой новый начальник.

Капитан Гранин быстро и правильно определил назначение корабельного штурмана, попавшего по всяким мобилизационным неувязкам в береговую оборону. Он приказал мне корректировать артиллерийский огонь с самолета.

Уже на пятый день пребывания на Ханко я познакомился с летчиками отдельной эскадрильи гидросамолетов. Летали мы на неуклюжих воздушных машинах «МБР-2» со скоростью двести километров в час.

Мне предстояло корректировать артиллерийский огонь, который должен был подавить вражескую оборону лесистого острова Хорсен. В связи с этим я приехал опять к Гранину, чтобы согласовать наши действия, и тогда впервые увидел десантников, которые готовились к операции. Возле блиндажа стояли матросы и солдаты стрелковой бригады Н. П. Симоняка. С точки зрения военного, привыкшего следить за соблюдением формы, эти люди выглядели весьма странно. Но все на них — и патроны, и вещевой мешок, и каска — было пригнано ловко, удобно и, главное, так, чтобы в движении ничто не бряцало и не звенело.

Десантники захватывали острова обычно в самые темные ночные часы, неожиданно для врага. На весельных шлюпках они окружали очередной остров. По горло в воде первые бойцы подходили к берегу, затем быстро выбирались на сушу. Схватка начиналась с удара прикладом, ножом. Надо было действовать так, чтобы враг обнаружил нападение по возможности позднее...

Обстрел островов батареями дивизиона начинался

в разное время дня. В июле и августе по-северному знойное солнце светило нам с утра до вечера. И видимость с самолета почти всегда была отличной, если только не мешал дым лесных пожаров.

Я не могу сказать, что конкретно сделали мы, корректировщики, помогая десантникам захватывать окружающие Ханко острова. Всякий раз, получая приказание, я находил на карте необходимый мне район и часто спорил с Женей Корчаком (он был авиаштурманом) насчет того, как подходить к цели. Потом мы летели. Далеко под нами вспыхивали светлые искорки разрывов. Иногда по радио можно было хорошо корректировать огонь. Порой же я надрывался, кричал, а внизу, на командном пункте, меня почему-то не понимали...

Солдату, младшему командиру трудно определить цель и объем той или иной операции. Мы участвовали лишь в некоторых событиях, разыгрывавшихся на пространствах в десятки километров. А каков был их общий замысел? Это оставалось для нас неясным. Нам была известна только ближайшая частная задача.

Лишь спустя десятилетия, познакомившись с генерал-лейтенантом в отставке С. И. Кабановым, я узнал о том, как и по какому плану развивались все события на гранитных скалах Ханко.

* * *

«Вы, как человек военный...» Эту фразу я слышал в своей жизни неоднократно. Между тем она верна только отчасти. Военным в нашей семье был мой отец — врач. Он умер еще до первой мировой войны. Мне в ту пору исполнилось два года. Отчим, воспитавший меня, был инженером-путейцем, сугубо мирным тружеником. Учился я в одной из ленинградских школ. Потом продолжил образование на судоводительском отделении того морского училища, которое позже получило имя адмирала Макарова. Но училище это не военное. И в те годы, когда я в нем учился, и теперь оно выпускает штурманов, инженеров-механиков и радиоспециалистов гражданского морского флота.

И все-таки, как большинство мужчин моего поколения, я в какой-то степени вправе назвать себя военным.

Как моряк Балтийского морского пароходства, я побывал в республиканской Испании, куда наш теплоход

возил советских добровольцев и оружие. В 1939 году меня, как и многих командиров запаса, призвали в армию. Я возглавил тогда батарею 76-миллиметровых орудий...

И вот теперь Ханко... С глубокой благодарностью я буду всегда вспоминать моих друзей-летчиков. Иронического и всегда ровного Евгения Корчака. Спокойного и несколько флегматичного Сережу Волкова (он героически погиб, торпедируя на Балтике боевой фашистский корабль). Великолепного, душевного парня Петра Стрелецкого, удостоенного высокого звания Героя Советского Союза. Эти люди научили меня «видеть сверху». А это не так просто.

* * *

Стрелок-радист сержант Натан Золин. Круглолицый, темноглазый, загорелый, коренастый. Натана перекрестили в «Наташу». Говорили, что у нас на самолете «экипаж смешанный — три мужика и одна девка». Мы все, идя на нашу «эмберуху», старались не проявлять боязни. Но мы все-таки только старались. А Натан, кажется, действительно ничего не боялся. Впрочем, кто теперь знает? Он был всегда весел, шутил по любому поводу.

Командиры кораблей реагировали на это по-разному. Стройный, худощавый старший лейтенант Петр Стрелецкий строго приказывал «прекратить шуточки» и тотчас обнимал Золина за плечи. Другой командир, Сережа Волков, удивительно душевный, веселый парень, успокаивал: «Ладно тебе, Наташа. Спой-ка лучше «Челиту». Штурман-корректировщик тебе небось подтянет».

Речь шла обо мне. Сережа намекал на то, что я участвовал в испанских событиях.

И вот, когда мы однажды прилетели на гидродром и вылезли на плоскость, дверь в кормовом отсеке фюзеляжа почему-то не отворилась. Старшина катера сначала крикнул: «Наташка, открывай!», а потом сам распахнул дверь. Белый, как бумага, наш стрелок-радист лежал в кабине, залитой кровью. В воздушном бою Натан был сражен вражеской пулеметной очередью.

Помню, я стоял, привалясь к смолистому стволу сосны, весь во власти чувства горькой утраты.

— Полно, полно, лейтенант! — слышался чей-то голос. Я поднял голову. Передо мной стоял подполковник

с голубыми авиационными просветами между золотыми нашивками.

— Что разревелся? Может быть, уже летать не хочешь? — сухо добавил он.

Я заторопился, оправдываясь:

— Никак нет. Буду летать, товарищ подполковник. Хоть сейчас — в самолет и за планшет...

Тут рядом со мной встал еще один человек с широкими нашивками бригадного комиссара:

— Правильно, лейтенант. Что бы ни было, надо работать. Боя не боишься? Будешь молодцом. Давай пять!

То был Арсений Расскин, чудесный и отважный человек, достойный заместитель по политчасти командира базы.

Давным-давно высохли слезы. Друга Наташи нет. Погиб веселый Сережа Волков. Погиб чудесный мой боевой коллега штурман Евгений Корчак, которому постоянно попадало за то, что и в строю он носил рабочий комбинезон, болтающийся у пояса пистолет и тапки на босу ногу...

* * *

Ушел я с Ханко на эсминце «Славном». Позже служил на боевых кораблях, участвовал в нескольких морских операциях, был офицером штаба флота.

Четыре месяца на Ханко, — казалось бы, незначительный период войны. Но в сердце моем он остался как нечто очень дорогое, значительное, обогащающее жизнь.

Люблю иногда войти в большой, светлый музейный зал. В витринах и на стендах — многочисленные фотографии, документы, реликвии воинской, морской славы. На стенах — оригинальные, выжженные на дереве панно. Экспозиция, ее оформление выдержаны в определенном стиле. Трудно представить, что все экспонирующиеся здесь материалы о героической обороне Ханко собраны школьниками.

Ребятами, создавшими свой музей истории нашего флота, руководит один из ветеранов Ханко, подполковник медицинской службы в отставке Н. Н. Белоголовов. Там, в этом музее 224-й школы Фрунзенского района Ленинграда, я увидел на одной из фотографий знакомый мне домик. В нем помещалась госпитальная палата, в которой я лежал после контузии.

В клубе металлургического комбината на Урале, где с лекцией выступал Николай Николаевич Белоголовов, к нему подошел седой человек.

— Помню вас, доктор, — сказал он. — Сейчас я мастер-сталевар. На Ханко был связистом. В бою за остров Эльмхольм был тяжело ранен. Вы оперировали меня и спасли мне жизнь...

Святое воинское братство, родившееся в тяжелую годину, надежно объединяет ветеранов Ханко и поныне. Это хорошо почувствовала молодежь, сопроводившая аплодисментами неожиданный финал лекции.

Многие из ханковцев рассказывают молодежи о славных делах защитников героической базы.

Алексей Константинович Баранов был на Ханко рядовым минометчиком. Ныне он подполковник запаса. Почти все свое свободное время Алексей Константинович тратит на розыски однополчан, уточнение отдельных обстоятельств обороны полуострова, на выступления в заводских клубах, школах, среди призывников, в воинских частях.

Часто беседуют с молодежью офицеры в отставке С. С. Зинишин, Ф. С. Митрофанов, А. И. Шерстнев, Н. И. Теумин, Л. М. Тудер. Я говорю здесь о ленинградцах. А ячейки содружества ханковцев существуют еще в шестнадцати городах.

* * *

Как-то мне довелось идти на теплоходе по Финскому заливу. Слева по борту в зыбком мареве летнего вечера далеко на горизонте я увидел пологий горб острова Руссарэ. За островом виднелась темная черточка берега. Это был полуостров Ханко. Мне сделалось грустно, как это бывает всегда, когда вспоминаешь о трудном, но гордо прожитом куске жизни, который ушел безвозвратно.

Автор этого очерка в 1941 году был начальником радиостанции на полуострове Ханко ● Фронтовик—о фронтовике ● На кафедру поднимается ветеран войны ● Его краснофлотская юность ● Окропленные кровью камни Гуньхольма ● Переклика друзей

НИКОЛАИ
КОЛЕСОВ

У ИСТОКОВ ДИССЕРТА- ЦИИ

В очередной лекции для слушателей Военно-политической академии рассматривались вопросы воспитания и самовоспитания советских воинов. В первые минуты офицеры, заполнившие аудиторию, слушали капитана 1-го ранга, старшего преподавателя кафедры военной педагогики и психологии, несколько рассеянно. Но слова лектора все более властно входили в сознание слушателей. Каждый неожиданно открывал для себя в известном — неизвестное, в обыденном — увлекательное.

Когда же капитан 1-го ранга иллюстрировал то или иное положение примерами из опыта минувшей войны, слушатели невольно бросали взгляд на орденские планки на его кителе и на маленький, похожий на кусочек гранита, значок-шестиугольник с надписью: «Гангут. 1941 г.». Лектор в свое время был в числе героических защитников полуострова Ханко, участвовал в нашем первом в истории Великой Отечественной войны морском десанте.

* * *

В ночь на 22 июня сорок первого года на Краснознаменном Балтийском флоте была объявлена оперативная готовность № 1. Моряки 41-го отдельного пулеметного батальона и не думали, что на сей раз боевая тревога затянется

надолго. Не предполагал этого и пулеметчик старший краснофлотец Николай Кравчун. Директор школы, заочник пединститута, он, надев в ноябре 1940 года матросскую форменку, собирался после службы на флоте вернуться в свою Винницкую область к любимому делу. Но все сложилось иначе.

3 июля рота, в которой служили Николай Кравчун и его земляки Иван Гуменюк, Антон Сусиденко, Иосиф Прокопченко, Арон Дукач, морем была переброшена на полуостров Ханко. Пулеметчики влились в ряды защитников красного Гангута, ставшего на страже морских ворот в Финский залив. С первых же дней войны фашисты обрушили на Ханко шквал огня, пытались штурмовать его с воздуха, с моря и с суши. Чтобы предотвратить опасность высадки противника на полуостров, было решено сформировать специальный десантный отряд для захвата ряда окружающих базу островов.

Шестого июля пулеметчики высадились с катеров на остров Медэн. По нему беспрерывно вели огонь вражеские орудия и минометы. Но зенитчики держались стойко: задыхаясь в дыму, полуоглохшие от взрывов, они вели ответный огонь, гасили пожары, помогали раненым.

Ночью 10 июля командир в последний раз проверил готовность отряда, поставил перед ним боевую задачу. На рассвете по вражеским позициям нанесли удар самолеты, открыли огонь артиллерийские батареи. Катера с десантом рванулись к острову Хорсен.

Крутой берег как бы надвинулся на катера. Моряки бросились в воду. Весь мокрый, с тяжелым стволом пулемета в руках, Кравчун изо всех сил старался не отстать от головной группы. Рядом шел Прокопченко, второй номер, с коробками лент и станком. Вот и суша...

На правом фланге гремело «ура!» — там вели бой пехотинцы Вербицкого. Вслед за командиром на каменистую землю Хорсена ступили сержант Анатолий Бондарев, ефрейтор Петр Хоменко, старшина Солоницын. Минометчик Матвей Репин, стоя по пояс в воде, с рук вел огонь из миномета — поддерживал атаку товарищей...

На острове замелькали форменки и гимнастерки. Десантники обрушились на врага дружно, стремительно. Уже в 4 часа 30 минут утра командир отряда доложил в штаб о взятии Хорсена.

На очереди был остров Старкерн. Перед проливом в нерешительности остановились: узок, а какова глуби-

на? Тогда Иван Гуменюк, моряк богатырского сложения, взвалив на могучее плечо ствол станкового пулемета, решительно шагнул в воду. Вслед за ним весь отряд перешел пролив вброд.

Июльское утро застало десантников за будничным делом: рыли окопчики, набивали пулеметные ленты. И невдомек тогда было ребятам, что совершили они подвиг. В самые тяжелые дни сурового сорок первого своей дерзкой высадкой на вражеские острова они начали летопись славных морских десантов, которые в ходе войны сыграли большую роль.

Успех первой десантной операции укрепил намерение командования военно-морской базы Ханко расширить наступательные действия. В середине июля на Хорсен прибыли основные силы сформированного из добровольцев десантного отряда.

30 июля после трехчасового боя десантники захватили остров Гуннхольм. И вновь в рядах атакующих были пулеметные расчеты Николая Кравчуна, Ивана Гуменюка, Антона Сусиденко... Крещенные водой и огнем, по-будничному спокойные, они поспевали туда, где были всего нужнее.

Остров Гуннхольм похож на большую расплюсченную восьмерку. В северной его части на скалистом берегу — стволами на соседний, вражеский остров — установили свои пулеметы Кравчун и его боевые друзья.

Суровым испытанием солдатского мужества стал для Николая Кравчуна сентябрьский ночной бой. В документах тех лет он выглядит так: «4.09.41 противник с 22.00 вел интенсивный артиллерийский обстрел объектов базы с островов... Одновременно под прикрытием дымовой завесы на шлюпках и вброд на о. Гуннхольм был высажен десант, который занял северную часть острова. Гарнизон всю ночь вел бой и при содействии высланной с о. Хорсен поддержки к утру (3.09) стремительной атакой выбил противника с Гуннхольма...»

А было, конечно, совсем не так просто...

Первый артналет был коротким. Враг, видимо, хотел пристреляться. К Кравчуну подполз Иван Гуменюк:

— Микола! Кажется, зашевелились! Дай пару лент в запас...

Снова обстрел. Теперь уже более плотный. Снаряды рвутся по всему острову. Торопливо, резко заговорил пулемет Гуменюка и замолк.

— Иосиф! — крикнул Кравчун второму номеру. — Ложись к пулемету! Я узнаю, что с нашими...

То ползком, то перебегая от камня к камню, добрался он до позиции Гуменюка. У разбитого «максима» ничком лежали Иван и его второй номер: вражеский снаряд разорвался рядом...

В северной части острова бой затих. Перестрелка продолжалась южнее.

— Забирай ленты, Прокопченко! — скомандовал, вернувшись, Кравчун. — Будем пробиваться к нашим...

В темноте, почти на ощупь тащили они пулемет. Прислушивались к каждому звуку. Враг был где-то рядом! Вдруг послышалась чужая речь... Что делать?

— Стеганем? — шепотом спросил Кравчун у Прокопченко и лег за пулемет.

Длинная очередь хлестнула по лощинке, где сосредоточился вражеский десант. Послышались крики, затрещали ответные выстрелы. Воспользовавшись замешательством врага и пустив в ход ручные гранаты, пулеметчики прорвались на южную часть острова. Здесь, на скалистой высоте, Николай по-хозяйски пристроил между камней пулемет. Главное — не дать врагу подняться, сорвать его атаку!..

Лишь на рассвете где-то слева слышались разрывы гранат и залпы, а за спиной — раскатистое «ура!». Подспела помощь.

За отвагу и мужество, проявленные им в бою на Гуннхольме, краснофлотец Николай Сергеевич Кравчун был награжден орденом Красного Знамени.

Гангут был суровой школой для Николая Кравчуна: он не раз смотрел смерти в глаза, терял боевых друзей. В ноябре, когда по приказу Верховного Главнокомандования началась эвакуация гарнизона Ханко, Николаю Кравчуну в числе самых надежных бойцов было доверено прикрывать отход подразделений с боевых позиций. Там, на островах, комиссар десантного отряда Степан Томилов дал ему рекомендацию для вступления в партию.

Гангутцы вернулись в осажденный врагом Ленинград. Кравчун, как и многие его товарищи, пришел в бригаду морской пехоты. Потом он стал комсоргом дивизиона тяжелых минометов. Был во многих боях. В январе 1944 года в составе 2-й ударной армии шел

в наступление с Ораниенбаумского плацдарма, гнал гитлеровцев на запад.

А потом — курсы политсостава, первое офицерское звание...

После войны старший лейтенант Кравчун вернулся к любимому делу — педагогике. Работая с курсантами военно-морского училища, Николай Сергеевич и сам учился — заочно окончил педагогический институт. Ныне он преподаватель Военно-политической академии имени В. И. Ленина, автор ряда учебников.

Ветеран Гангута постоянно поддерживает связь с друзьями своей боевой юности. Живет в Одессе отважный комиссар Степан Томилов (после войны он много лет плавал на торговых судах).

Боевой соратник Кравчуна Борис Вербицкий подает вести с Украины. Недавно Николай Сергеевич встретился в Москве с Антоном Сусиденко, с которым не виделся почти три десятка лет. В памятном бою на Гуннхольме Сусиденко был тяжело ранен...

Тема диссертации капитана 1-го ранга Н. Кравчуна — «Теория и практика воспитания и самовоспитания советских воинов». Тема, очень близкая его сердцу. Ведь в тех, с кем довелось ему пройти по дорогам войны, воплотились лучшие качества советского воина — мужество и стойкость, отвага и воля, патриотизм и верность солдатскому долгу...

*Рисует Борис Пророков
● Карандаш, разящий
наповал ● Гангут смеет-
ся ● Блокадный сорок
второй ● Три картофе-
лины на двоих*

ЛЕВ
САМОЙЛОВ

ГЛАВНАЯ ТЕМА ЖИЗНИ

Мы познакомились в самом начале войны. Он прибыл на Балтику и в ожидании назначения некоторое время работал в нашей флотской газете.

В тот день, когда он пришел в редакцию «Красного Балтийского флота», в потоке получаемой нами информации было сообщение ТАСС, в котором говорилось, что гитлеровцы мародерствуют в оккупированных ими селах и деревнях и что немецкое командование издало приказ, запрещающий... стрелять кур. Пророков тут же, за моим столом, нарисовал двух фашистских солдат, подхвативших под крылья, как под руки, несчастного петуха. Петух изо всех сил сопротивляется, горько плачет наседка с цыплятами. Под рисунком Борис Иванович написал: «Взять живьем!» Улыбнулся и пояснил: «Стрелять ведь запрещено...»

Но такой добродушный, милый, незлобивый Пророков существовал недолго. По мере того, как появлялись новые сообщения о зверствах фашистских вандалов, его работы приобретали все более острый, непримиримый характер.

На полуострове Ханко, куда вскоре был направлен Пророков, он сразу же стал душою редакционного коллектива. Вместе с молодым поэтом красноармейцем Михаилом Дудиным, корреспондентом газеты «Красный Балтийский флот» Петром Звонковым

и другими журналистами Борис Иванович создал в газете гарнизона сатирический отдел «Гангут смеется!». И красный Гангут смеялся прямо в лицо озверелому врагу. Смеялся, несмотря на кровопролитные бои и тяжелые утраты, несмотря ни на что.

Пророков работал в любых условиях: в тесных, прокуренных редакционных помещениях, в залитом водой блиндаже, в обстреливаемой фашистами землянке. Он рисовал бойцов, чтобы те могли послать портрет домой, рисовал плакаты и карикатуры для газеты. Клише резал на линолеуме, добытом тут же, на полуострове, в разрушенных домах. Даже после тяжелой контузии, ставшей впоследствии для него роковой, Пророков не прекращал работы ни на один день. Гангутцы, видевшие знаменитую «прощальную» листовку, выпущенную доблестными защитниками Ханко перед уходом с полуострова, наверняка помнят и по сей день злой, беспощадно соленый, испепеляющий юмор, которым она была пронизана. От добродушного Пророкова не осталось и следа. Это была сама ненависть. Ненависть правая и непримиримая.

В голодную зиму сорок второго года я работал с Пророковым рядом, плечом к плечу, и это придавало в моих глазах особое значение делу, которым мы были заняты. Мы рисовали плакаты для серии «Балтийский прожектор», которые выпускало тогда Политуправление КБФ для кораблей, частей и соединений флота. Тираж их был невелик, но в условиях, в которых нам приходилось работать, и он казался большим. Мастера-литографы эвакуировались либо умерли от голода. Борис Иванович научил меня шлифовать камни, и мы выполняли свои плакаты только в черно-белых оттисках, а затем вручную раскрашивали весь тираж. Литографская мастерская, в которой мы работали, находилась за Марсовым полем. Отправлялись мы в нее с утра, не позавтракав, на обед в часть не уходили (чтобы вечером можно было больше поесть), весь день работали и возвращались поздно вечером. Однажды мне удалось раздобыть три картофелины. Мы испекли их в «буржуйке» и, разделив поровну, съели. Это был пир!

Но я не помню Пророкова, жалующегося на голод или усталость. Он был неизменно добрым, точнее — доброжелательным, сдержанным и корректным человеком. Глубоко мыслящим человеком, интеллигентным, много

знающим. От Бориса Ивановича узнал я в те дни о горестной и прекрасной судьбе Ван Гога (любимого художника Пророкова). Он открыл мне удивительный мир великого живописца, научил понимать его страстный и трагический язык. Он по-новому открыл для меня нашего великого Федотова. Книгу, подаренную мне тогда Пророковым с теплым дружественным автографом, я храню и сейчас как дорогую реликвию.

Кончилась война. Пророков после демобилизации некоторое время работал художественным редактором журнала «Крокодил». И надо сказать, это был настоящий, принципиальный, требовательный, бескомпромиссный, но неизменно доброжелательный и внимательный к товарищам редактор, которого и поныне вспоминают крокодильцы с глубоким уважением и любовью.

Но вскоре дали знать о себе результаты ханковской контузии. Болезнь подкралась коварно и навалилась безжалостно. Борис Иванович слег. Диагноз был неумолим и жесток: «Это надолго. Может быть, навсегда». Пророкову был предписан строжайший режим. Если ему и разрешалось изредка немного порисовать, то уж ни в коем случае не на военную тему, которая его всегда волновала.

Но ведь это же Пророков!

Не мог он забыть войну. Не мог уйти от военной темы, ставшей главной темой всей его жизни. Ни строгие запреты врачей, ни вконец изматывающие страдания не в силах были вырвать карандаш из рук художника, увести его в постельный покой, подчинить, заставить сдаться свирепому и безжалостному недугу.

Для Пророкова война продолжалась.

Один за другим с мольберта художника-гангутца сходили графические листы потрясающей публицистической и драматической силы. Его работы, созданные в промежутках между схватками с проклятой болезнью, неоднократно экспонировались на всесоюзных и международных выставках. Их знают во всех уголках нашей планеты.

Родился мальчик в дни войны ● Последний рейс эсминца „Сметливый“ ● Посылка от десантников ● Фронтовые фото рассказывают... ● Внуку — имя деда ● Выросли мы в пламени

КОНСТ.
ГРИЩИНСКИЙ И
НИКОЛАЙ
ШЕСТАКОВ

МАТЬ И СЫН

В октябре сорок первого у Любы Лариной, жены бойца гранинского десантного отряда, родился сын. Его отец — краснофлотец с базы подплава Александр Тихонович Ларин не увидел своего первенца. Он погиб в бою за Эльмхольм 16 августа, почти за два месяца до появления ребенка на свет.

Весть о рождении нового ханковца быстро облетела окопы, землянки и блиндажи на островах, занятых бойцами легендарного отряда. Во время коротких передышек между боями моряки, возвращавшиеся на полуостров, чтобы помыться и сменить белье, помогали молодой матери нянчить малыша. Бывал он и на руках капитана Гранина. Командир стремился морально поддержать Любу Ларину, тяжело переживавшую гибель мужа. И она, считая всех окружающих ее на базе подплава близкими и родными, старалась чем только можно облегчить их суровую жизнь. Слабая и больная, она хлопотала на камбузе, латала изодранные осколками и пулями бушлаты, ухаживала за ранеными.

Когда настало время эвакуации гарнизона полуострова, на одном из первых кораблей, отправлявшихся в Ленинград, поместили нескольких женщин. Среди них была и Ларина со своим полуторамесячным младенцем. Моряки собрали ее в опасный путь и по очереди

несли крохотного Бориса к пристани. Командир эсминца «Сметливый» отдал Любе и ее младенцу свою каюту. Под покровом ночи корабль взял курс на Ленинград. Плавание началось хорошо. Но в какой-то момент раздалась взрывы мин. Эсминец накренился, в его трюмы ворвалась забортная вода.

Женщина впопыхах завернула ребенка и полуодетая выбежала на палубу. Корабль медленно погружался. По палубе метались люди, многие прыгали за борт, в студеные волны. Ларина оказалась на корме в тот момент, когда с подошедшего к «Сметливому» тральщика перебросили на терпящий бедствие корабль узкий трап. С трапа прыгнул матрос. «Быстро за мной!» — крикнул он Любе, выхватил у нее ребенка и перевел женщину по качающемуся над водой мостику на борт тральщика. Там он передал кому-то младенца, а сам бросился снова на тонущий эсминец.

На тральщике ребенка укутали в одеяло, матери дали сухую одежду, горячего чая.

Корабль возвращался на Ханко. Люба по-настоящему пришла в себя только на суше, в знакомой землянке. На столе горела свеча. Около нее сидел Гранин с группой матросов. Маленького Бориса, завернутого в одеяльце, держал мичман Щербановский. Голова Ивана Петровича была обвязана бинтами. Командир отряда вполголоса утешал Любу:

— Не плачь, девка, выстоим!..

Набравшись сил, она снова взялась за работу.

В конце ноября опять уходили в Кронштадт корабли. И снова боевые друзья проводили Ларину с сыном в рискованное плавание. Теперь корабль дошел до места благополучно. И скоро Люба была уже в родном доме, на 14-й линии Васильевского острова, где жила ее мать. Осажденный город страдал от обстрелов, людей косили холод и голод. Никаких запасов продуктов у Лариных, конечно, не было. Последние крохи хлеба отдавали ребенку. Не выжить бы им, если бы не явились гости из Кронштадта. Матросы пришли не с пустыми руками. В вещевом мешке у них лежали консервы, сухари, галеты и несколько банок сгущенного молока.

— Сами-то, сами с чем остаетесь? — с тревогой спросила своих друзей Люба Ларина.

— Мы не пропадем. Вам тут нужнее...

Посылка была от гранинцев.

Люба поднялась с постели. Встала на ноги бабушка. Повеселел маленький Боря. Дистрофия отступила. Еще не раз квартиру Лариных навещали кронштадтцы. Пришел сюда однажды и политрук Василий Алексеевич Гончаренко, человек большого мужества и доброты. В пути, идя пешком через залив, он обморозился, но все-таки добрался до города. Почти весь свой паек он оставил Любе и ее семье.

* * *

В канун 1966 года в Ленинград снова съехались ханковцы. Было много волнующих встреч. Пожилые люди не стыдились слез. Бойцы из легендарного отряда десантников окружили Любовь Ивановну.

— Как наш питомец? Где наш Борис? Посмотреть бы на него!

Любовь Ивановна растроганно улыбалась:

— Борис? Теперь вы его не узнаете. Взрослый. В армии служил. Славный он у меня. Приезжайте к нам в гости. Запишите, пожалуйста, адрес...

Наличная, 35. Квартира Сергея Андреевича Бирюлева, офицера запаса, бывшего мичмана Балтийского флота. На острове Эзель повстречал он в дни войны сержанта Любовь Ивановну Ларину и стал ей другом на многие годы. Душевный, крепких нравственных устоев человек, он усыновил Бориса. Несколько позже в семье Бирюлевых появилась дочь...

Гости сидели за столом, и Любовь Ивановна, вспоминая события многолетней давности, открыла семейный альбом с фотографиями военных лет. Снимки как бы рассказывали биографию Любви Ивановны. Как она после Ханко добровольцем пошла во флот и служила санинструктором в Осиновце, на Дороге жизни. Как потом окончила курсы, стала командиром отделения связи и вместе с солдатами Советской Армии и моряками Балтики участвовала в боях против фашистов. Был здесь и снимок, присланный Боре Б. М. Граниным. С фото глядел бородатый, с двумя орденами Красного Знамени на кителе, мужественный человек. На обороте снимка видна была выцветшая шутливая надпись: «Дорогой кумушке. Крестнику на память посылаю свою «харю». Борис Митрофанович. Кронштадт. 12/1 1943 г.».

Только в сорок шестом Любовь Ивановна вернулась опять в Ленинград. Еще не войдя в дом, увидела она

своего Бореньку. Сын бежал к ней в объятия. Маленький человечек — уроженец Ханко.

Недавно мы снова побывали у Любви Ивановны. Особых изменений в ее жизни нет. Она, как и раньше, трудится на обойной фабрике. А вот у Бориса новостей много: окончил техникум, женился, отец двоих детей. Мальчику молодожены дали имя деда — Александр. Родившуюся совсем недавно девочку назвали Леной. Работает Борис на Балтийском заводе механиком цеха. Его сестра Татьяна — инженер одного из предприятий Ленинградского оптико-механического объединения.

Борис Бирюлев был уже взрослым человеком, когда познакомился со своим «крестным», Борисом Митрофановичем Граниным. Навсегда запомнил он слова, сказанные ему героем Гангута:

— Помни, парень, родился ты в пороховом дыму. С таких, как ты, — особый спрос!

Дни и часы среди минных полей ● Трудное решение ● Шестеро на плоту ● Тиф, голод, фашистские пули ● Во всем помогая друг другу

А. С. МИХАЙЛОВ,
лейтенант-инженер в отставке, бывший начальник штаба 93-го отдельного строительного батальона

ДАВНЕЕ, ПЕРЕЖИТОЕ

Как выяснилось впоследствии, взрыв первой мины вывел из строя на транспорте № 508 автоматику управления рулями. Судно, продолжая двигаться по кривой, оставило протраленную полосу и вошло в минное поле. Никогда не забыть нам, находившимся на борту транспорта, тех тревожных минут.

К терпящему бедствие судну стали подходить другие корабли. Первыми были сняты раненые. Эта операция прошла сравнительно организованно, но потом на переполненные людьми тральщики стали в давке прыгать все, кому только удавалось приблизиться к борту.

«ВТ-508» медленно оседал в воду. Эсминец «Славный» сделал попытку взять его на буксир, но трос оборвался. При другой попытке завести трос возле транспорта раздался новый взрыв мины, и «Славный» был вынужден отойти. После четвертого взрыва отошел последний тральщик. Находившиеся поблизости корабли были перегружены до предела, но все же смогли принять с терпящего бедствие судна около 1700 человек.

Транспорт стал быстро погружаться. На верхней палубе его находилось около двух тысяч человек...

Затем произошло нечто удивительное. Опустившись до верхней палубы, судно неожиданно перестало погружаться

и приобрело состояние неустойчивого равновесия, которое нужно было удерживать. И вот, чтобы не допустить опрокидывания судна, люди, оставшиеся в живых, в течение многих часов, подчиняясь общей команде, переходили от одного борта к другому.

Перед рассветом по терпящему бедствие транспорту начала бить немецкая береговая батарея. Она взяла «ВТ-508» в вилку, но затем обстрел почему-то прекратился.

На рассвете 3 декабря командир «ВТ-508» созвал оставшихся на борту судна командиров, комиссаров и начальников штабов частей.

Собралось около двадцати человек. Было внесено два предложения: первое — открыть кингстоны и пойти вместе с судном ко дну; второе — всем покинуть транспорт, вплавь добраться до берега (8—10 км), включиться в партизанскую борьбу.

Тем временем транспорт все в том же неустойчивом положении дрейфовал в районе минного поля и в любую секунду мог снова столкнуться с «гремучей смертью». Благодаря самоотверженной работе двух судовых механиков, которые продолжали свою вахту, на судне еще работали помпы.

Командир принял решение кингстоны не открывать. Часов в 10 утра мимо транспорта прошел немецкий тральщик. С него спросили по-русски: «Может ли корабль двигаться самостоятельно?» На «ВТ-508» никто не сказал в ответ ни слова. С несколькими бойцами-строителями я стал делать плот из дверей, спасательных кругов, чемоданов и прочих плавучих предметов, скрепляя их вместе веревками и штыками.

Многие из находившихся на судне пытались достичь берега вплавь на спасательных кругах или со спасательными нагрудниками, которых на «ВТ-508» было вполне достаточно. Однако достичь берега вряд ли кому удалось: пловцы замерзали. Ни одна шлюпка на транспорте не уцелела. Большая часть из них вместе с людьми погибла в первые же часы трагедии.

Правда, я узнал впоследствии, что одна шлюпка с «ВТ-508» была подобрана нашим тральщиком на пути к Гогланду, а другая сумела достичь этого острова.

Когда плот был готов, мы спустили его на воду. Это не составило особого труда, так как верхняя палуба корабля находилась уже почти на одном уровне с морем.

На плот сразу же прыгнули десятки людей. Большинство не смогло удержаться на этом хлипком сооружении.

Когда плот отнесло от судна метров на двадцать, я увидел, что на нем осталось всего одиннадцать человек. В течение восьми часов, при волнении на море в три балла, плот дрейфовал в заливе. Несколько раз он опрокидывался, и людей на нем становилось все меньше и меньше.

Берега достигли только шесть почти полностью окоченевших людей. Неизвестные, вооруженные автоматами, подобрали нас, доставили в теплое помещение, отогрели кипятком, а потом передали немцам.

В таллинском лагере военнопленных я встретил нескольких своих сослуживцев. Они рассказали, что вскоре после того, как был спущен плот, к транспорту подошел немецкий тральщик и снял с него в первую очередь командный состав. Через три дня, после того как дрейфующее судно наскочило на банку и застряло на ней, к борту подошли шесть фашистских тральщиков и сняли остальных ханковцев, в том числе моих товарищей Войташевского, Мартьяна и Молчанова.

Тяжелая участь постигла всех оказавшихся в плену. Были расстреляны гитлеровцами комиссар батальона Гвалия и политрук Еременко, умерли от тифа Молчанов и Мартьян. Многие военнопленные погибли от болезней и голода, многие — от фашистских пуль «при попытке к бегству».

Около трехсот пленных гангутцев гитлеровцы доставили на Ханко для восстановительных работ. Они в большинстве своем дождались победы и возвратились на Родину.

И в плену советские люди держались стойко, во всем помогали друг другу.

Когда по лагерю распространилась весть, что погибает известный многим ханковцам Миша-морьяк, каждый пленный выделил ему из своего скудного пайка немного хлеба, и Войташевский благодаря этой помощи выжил.

Я побывал в нескольких лагерях военнопленных. В июне 1945 года был репатриирован. До 1961 года работал начальником экспедиции по изысканиям для строительства железных и автомобильных дорог. В настоящее время — главный инженер проекта в Московской организации «Промтрансниипроект».

*Живет в Баку бывалый
воин ● О боях-пожари-
щах ● Связные не ждут,
когда прекратится об-
стрел ● Чтобы раны не
болели...*

И. П. САРАФАНОВ,
бывший рядовой 335-го
стрелкового полка

ДРУЗЬЯ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Как и другие наши ребята из второго батальона 335-го стрелкового полка 8-й отдельной стрелковой бригады, я попал на Ханко в 1940 году, после завершения боев на Карельском перешейке. Вместе с бойцом по фамилии Покинньчереда я в течение нескольких месяцев нес караул на пограничном посту у бывшей дачи Маннергейма. Потом мы оба вернулись в свой второй взвод четвертой роты, которым командовал лейтенант Панасюк.

Когда подразделения полка заняли оборонительные рубежи на передовой, командир роты старший лейтенант И. П. Хорьков назначил меня связным с КП батальона капитана Я. С. Сукача.

От штаба батальона до четвертой роты добираться было очень тяжело и небезопасно. Обеспечивали круглосуточную связь на этом участке два красноармейца. Моим напарником сначала был боец Михаил Кочетков, потом — Иван Покинньчереда, несколько позже — Дмитрий Лядецкий. Местность вокруг простреливалась, люди выходили из строя. Напарники мои менялись, а мне везло — я оставался связным почти до последних дней обороны...

После эвакуации гарнизона базы Ханко я в составе той же четвертой роты защищал Ленинград. На фронте стал коммунистом. В боях на реке Тосне в сентябре 1942 года

был тяжело ранен. При прорыве блокады получил контузию и опять попал в госпиталь. После выздоровления зачислен в другую часть — 141-й полк 85-й стрелковой дивизии. Воевал на Пулковских высотах. В 1944 году участвовал в боях, завершившихся снятием блокады, после чего наш полк несколько месяцев стоял в обороне, в так называемом «Псковском мешке». Затем — Прибалтика, освобождение Риги, бои в Курляндии. В марте 1944 года я, в ту пору командир противотанкового орудия, снова был ранен и до конца войны находился на излечении в разных госпиталях. В ноябре 1945 года, как ограниченно годный к военной службе, демобилизован. Получив свои награды — орден и боевую медаль, приехал в Баку, поступил на работу и без отрыва от производства окончил институт народного хозяйства.

Это было в 1949 году. С тех пор я работаю в системе Центрального статистического управления Азербайджанской ССР. Как главный инженер вычислительного центра направляю в республике всю работу по внедрению в учет и статистику современной техники. За образцовое проведение переписи населения в 1959 году награжден медалью «За трудовую доблесть».

Состояние здоровья, надо признать, неважное. Сильно болят израненные осколками руки. Впрочем, и боль переносится легче, когда занят любимой работой. Свободного времени у меня мало. Но когда ко мне домой заходит старый фронтовой друг — бывший боец шестой роты второго батальона 335-го стрелкового полка Григорий Агаджанов, я откладываю все дела. Наступают счастливые часы воспоминаний.

Мы с Григорием вместе поступали в Бакинский институт народного хозяйства, вместе были призваны в Красную Армию. В одном товарном вагоне новобранцами ехали в Новгород. В составе одного пулеметного расчета воевали с белофиннами на Карельском перешейке. В одном батальоне служили на Ханко. Под Ленинградом Агаджанов, как и я, был тяжело ранен.

Встретил я своего друга в эвакогоспитале № 13/59, в батальоне выздоравливающих. Там наши фронтовые пути опять разошлись до следующей встречи в родном Баку.

Мы часто вспоминаем, как отмечали наступление 1940 года в прифронтовой землянке — воронке, прикрытой еловыми ветками, как шли в первый бой с пулеме-

том, установленным на лыжах, как воевали на полуострове Ханко.

Были мы тогда молоды. Каждый мечтал о подвигах и без колебаний, бестрепетно шел в самое пекло боя. Никогда не забудется суровое время, объединившее нас, защитников Ханко, в дружную боевую семью.

В нашей четвертой роте в первые дни Великой Отечественной войны совершил свой подвиг и получил звание Героя Советского Союза П. Т. Сокур. У нас отличились снайперы Исаев и Филимонов. К нам в роту, чтобы заменить погибшего бойца Иванова, пришел служить его младший брат. Герои-ханковцы — наша гордость, наша слава.

Защитники Ханко знали красноармейца Мишу Дудина. Он был артиллерийским разведчиком и вдохновенным певцом подвигов героев Гангута. Некоторые из его стихотворений той поры вы прочли в этом сборнике. В заключение книги — слово известному советскому поэту Михаилу Дудину

МИХАИЛ
ДУДИН

ЭСТАФЕТА МУЖЕСТВА

Память есть память, и от нее никуда не денешься. Она хранит опыт нашей жизни, и с высот этого опыта мы оцениваем сегодняшний день и смотрим в будущее.

Идет время, мы стареем, и воспоминание становится для человека утешением, и надо обязательно поддержать человека в этом его воспоминании, по праву оценить его достоинство, его долг, исполненный перед народом и перед своей совестью.

Не вспоминать — нельзя. И жить только одними воспоминаниями — тоже. Связь Вчера и Завтра наполняет смыслом сегодняшний день, наш труд, наши размышления, наше назначение в жизни.

Живет навсегда в памяти моей души полуостров Гангут. На этом полуострове мы стояли насмерть, оказавшись в глубоком тылу врага, и он не смог сломить и уничтожить нас ни с воздуха, ни с моря, ни с суши.

Первый бой... Он был жестоким, этот бой. Врагу даже удалось прорваться через передний край, но редким его солдатам довелось вернуться обратно, на свою сторону. Да, мы не зря потрудились, не зря полили своим потом каждый клочок земли. Оборона оказалась на редкость основательной, и у нас не было почти никаких потерь. Мы обрели уверенность в том, что нас сковырнуть с полуострова нельзя.

Началась изнурительная позиционная война, длившаяся без малого все сто шестьдесят четыре дня. Не было на Ханко ни одного метра, куда бы не попали бомба, снаряд или мина...

История скажет о том, что гангутская эпопея была одной из первых побед стойкости в Великой Отечественной войне.

Мы вернулись в Ленинград в начале декабря 1941 года непобежденными. Наша дивизия под командой генерала Симоняка среди вымотанных боями и изможденных голодом частей Ленинградского фронта оказалась одной из самых боеспособных. В этих словах есть, конечно, доля пристрастия, но они продиктованы правдой. Потом гангутцы были участниками далеко не легких операций так называемого местного значения, грандиозных битв по прорыву блокады в 1943 году, боев по окончательному разгрому немцев в январе 1944 года.

Тяжелые бои легли тогда на наши плечи. Бой по прорыву блокады под Шлиссельбургом, где батальон Собакина, входивший в наш полк, первым соединился с волховчанами, бой у Синявинских болот, бой под Красным Бором и Поповкой, бой по окончательному снятию блокады в январе сорок четвертого года, начатый нашей гвардией на Пулковских высотах. Освобождение Пушкина, Гатчины, Вороньей горы и Нарвы, молниеносный бросок от Белоострова до Выборга и освобождение Прибалтики.

Сколько столбов с алыми пятиконечными звездами, вырезанными из солдатских котелков, встало и истлело от времени на тех дорогах, где мы прошли через пепел и кровь, молнии и гром. Забывать об этом нельзя, потому что Человеку с каждым днем на земле нужно будет больше мужества. И забывать нашей кровью оплаченный опыт — преступление перед будущим.

Лет девять назад оставшиеся в живых гангутцы впервые собрались в Ленинграде, в кирпичном красном здании матросского клуба на площади Труда. Во время блокады здесь размещался флотский театр. Мы собрались поговорить и вспомнить о былом. Мы говорили о создании нашей общей книги о Гангуте, о необходимости передать эстафету героизма, опыт наших душ новому поколению.

Набрасывая эти строки, я думаю о том, что книга

о Гангуте создана, что вместе со мной ее будут читать мои боевые друзья и все те, кому бесконечно дороги славные традиции борьбы и героизма многих поколений советских людей.

Я смотрел в тот вечер на крепкую плечистую фигуру Сергея Ивановича Кабанова, который разговаривал с бывшим комиссаром Лейтманом, и припоминал, каким был командир нашей базы там, на Ханко.

В дни обороны Гангута ему было сорок лет, нам, солдатам, — по двадцать. Мы тогда еще не знали о том, что наш генерал — коренной питерец, сын столяра-краснодеревщика, раненного на баррикадах 1905 года, сосланного в Сибирь и умершего после ссылки от скоротечной чахотки. Мы еще не знали тогда о том, что наш генерал ходил добровольцем против Юденича, воевал против Махно, бежал из-под расстрела и бредил на соломенных тюфяках в тифозных бараках, потом учился, стал краскомом, вооружал кронштадтские форты, строил вокруг Ленинграда оборону. Политруки нам не успели всего этого объяснить: тогда было не до изучения биографий своих командиров. Мы тогда, готовясь к войне, зарывались в каменную землю полуострова, а с приходом генерала начали укреплять свои позиции так, что перед отбоем сил жаловаться на свою судьбу и усталость у нас уже не оставалось. Зато потом, когда на полуострове не было ни одного метра, куда бы не попал снаряд, мы оценили по достоинству требовательность нашего генерала. Мы любовались им, когда он приходил на позиции, любовались его богатырской фигурой, открытым лицом с прищуренными глазами, широким размахом плеч, на которых бушлат с золотыми шевронами сидел как влитой...

Я с великим удовольствием читал книгу нашего генерала «На дальних рубежах» не только потому, что встретил там сотни имен своих друзей-гангутцев, а скорее потому, что в книге захватывал мое дыхание воздух высокой нравственности и чувство верной до последнего биения сердца любви к Родине, к ее людям, к их труду и подвигу.

За месяц до эвакуации с полуострова кому-то из политотдела (не комиссару ли Ивану Говгаленко — он мастак на выдумки!) пришла в голову мысль сделать что-то памятное для всех о нашей жизни на Гангуте. Помню, сначала решили сделать памятный знак, даже,

по-моему, нашли тогда и чеканищика для этого дела. Но, видимо, не хватило подходящего материала, и знак не получился. И вот с той поры прошли, пролетели десятилетия. И Коля Кутузов, разведчик нашей батареи, окончивший после войны Академию художеств, сделал рисунок почетного гангутского знака. Нам отчеканили его на Монетном дворе. Наш совет ветеранов уже отыскал более тысячи двухсот гангутцев и вручил им эти знаки. И у Коли Кутузова рядом с пятью медалями «За отвагу» красуется на груди металлическая пластинка, на которой рельефно проступают профили пехотинца, моряка и летчика и под ними светятся буквы «Гангут, 1941 г.». А осталось нас, гангутцев, в живых тысячи три, не больше.

И все-таки племя гангутцев неистребимо. В Ашхабаде я встретил бывшего командира полка Никанорова и штабиста Жемкова-Костяева. Жемков-Костяев директорствует в интернате. В Черновицах объявился парикмахер нашего полка — Дима Вайсман. Правда, у него нет обеих ног, но он молодец, держится, работает, даже приезжал в Ленинград на нашу встречу.

Я знаю, что жив командир полка Александр Иванович Шерстнев. Жив и Алеша Бровкин, герой Вороньей горы, — это он сменил смертельно раненного Владимира Масальского, и под его командой гвардейцы водрузили на Вороньей горе исхлестанное пулями красное знамя. Вероятно, не раз приедут на встречу командир батальона Яков Сукач и командир роты Иван Хорьков, приедет комсорг Алеша Баранов и, может быть, заглянет из Москвы радист, ставший видным журналистом, Николай Колесов. Может быть, откликнется из Челябинска металлист Плеханов, бывший заряжающий нашей батареи. Может быть, приедет и Петр Сокур, первым получивший на Гангуте звание Героя Советского Союза. Может быть, я снова увижу чудо-человека Леонида Белоусова. У него не было ступней и лицо было обожжено так, что веки не могли закрываться. Он так и спит до сих пор с раскрытыми глазами, прикрывая их полотенцем...

Что может быть вернее и чище солдатского братства, где наивысшая способность человека в трудную минуту жертвовать собой ради жизни других, ради своего единственного Отечества была неписаным законом!

Мы люди, а не каштаны. Мы помним, к счастью нашему, о прошлогодней листве. Мы не можем жить без этой памяти.

Несколько лет назад я побывал в одной латиноамериканской стране. Мне довелось посетить самый роскошный город этой страны, расположенный на обрывисто-холмистом побережье Тихого океана. Он бьет в набережную, дробя на волнах отражение отелей и особняков. Курортный сезон кончился. Город был пуст. Величественные пеликаны медлительно взмахивали крыльями, цепочкой летали у самого берега, выскивая рыбу.

Гуляя по городу, мы заметили вывеску ресторана «Берлин» и почему-то зашли туда. То, что я увидел, меня ошеломило. За столиками сидели в мышиного цвета мундирах при всех регалиях и знаках различия настоящие фашисты. Сидели, раскачиваясь, и слаженно пели «Дойчланд, Дойчланд юбер аллес», пристукивая в такт песне пивными кружками по столикам.

Оказывается, они, палачи Клооги и Освенцима, серые, как человеческий пепел, живы, и стрелять в них нельзя. Они удрали от расплаты и помышляют о реванше. И это омрачило и насторожило меня. Я реально увидел ту слепую животную силу, которая жаждет поставить человека на четвереньки...

Этого тоже забывать нельзя. И я сожалел о том, что меч нашей справедливой мести не всех фашистов-палачей покарал по заслугам. Иным удалось улизнуть. Будем же внимательны...

Воспоминание становится для нас праздником, а для тех, кто идет за нами, хотят они того или не хотят, — школой, той вечной эстафетой, которая оборачивается живой историей народа, его памятью, его сутью.

Мы вовсе не хотим, чтобы то, что было с нами, повторилось с новым поколением, с нашими детьми. Нет! Но мы знаем, что жизнь усложняется. Мы чувствуем, как растет ответственность человека за свои поступки, за свой народ, Родину, за прародительницу всего живого и разумного — нашу Землю. Значит, новому поколению нужен будет наш опыт мужества, обязательно нужен.

Это, наверное, извечное свойство человеческого характера — хранить в памяти самое трудное, что пришлось преодолеть в жизни. Этим мы не без основания гордимся. И мы передаем своим детям как пример исполнения человеческого долга, как эстафету свою память.

Слава Гангута должна и будет жить! Залог этого — эстафета мужества, передаваемая в надежные руки.

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Г. Кузнецов. Суровые были войны	5
--	---

Перед грозой

Г. Р. Кетлеров. Накануне больших событий	11
С. Ф. Меньшиков. В Або-Аландских шхерах	16
И. О. Бондаренко. Граница на прочном замке	23
Б. З. Левин. Одеты железобетоном	27
И. П. Хорьков. Полковые будни	31
А. С. Коровин. Вдалеке от родных берегов	35

В пламени, в пороховом дыму

Всеволод Азаров. Тем, кто на Ханко	43
С. И. Кабанов. Хроника легендарной обороны	45
Григорий Правиленко. Комиссар Арсений Раскин	61
И. Н. Дмитриев. «Мы в фортеции живем»	67
П. И. Власов. Коммунисты всегда впереди	73
Всеволод Вишневский. «Не чувствуем себя оторван- ными»	76
Петр Звонков. Репортаж из крепости	79
С. А. Томилов. Уроки стойкости	85
Владимир Рудный. Из военной тетради	90
Б. М. Гранин. Пусть только сунутся!	99

У Петровской просеки

Г. Р. Кетлеров. Крушение вражеских замыслов	107
И. П. Хорьков. Бой разгорелся в полночь	113
Петр Звонков. Солдаты переднего края	115
А. П. Митрохин. «Связист, на линию!»	117
А. К. Баранов. Стреляют минометчики	121
И. П. Павлов. На скалах Крокана	124
Б. З. Левин. Огнем проверены	126
Ф. А. Ситов. Весомое слово	128

Они штурмовали острова

Б. Я. Бархатов. В отряде Бориса Гранина	133
Петр Звонков. Позывные Большой земли	139
Л. Богданов. Первый десант	145
В. С. Желтов. С винтовкой снайпера	147
С. А. Томилов. Никогда не забудется	150
Евг. Войскунский. На Хорсене и на Эльмхольме	159
С. Н. Ставцев. Сквозь чащу лет	170
В. И. Кибис, И. А. Шварц, П. Перссон. Помнят камни Бенгтшера	173

Самолеты взлетают с Ханко

Всеволод Вишневский. Встречи на аэродроме	185
Леонид Соболев. Всегда вместе, всегда втроем	187
Л. Г. Белоусов. Над морем и над сушей	191

П. И. Бискуп. Грохочущее небо	194
М. С. Фридман. Они сражались по-гвардейски	204

На них равнялись, ими гордились

Конст. Грищинский. В дозоре Петр Сокур	211
Героям посвящается	218
Виктор Ганшин. Всем смертям назло	224
А. Петров. Выстрелы Григория Исакова	230
К. Золотовский. Надежные парни	232
Н. Имшенецкий. Вслед за командиром	235
Петр Звонков. О таких говорят: «Орлы!»	237
И. А. Шварц. Один против шести	246
С. А. Турин. Морское счастье	250

Всюду передний край

М. Е. Шпилев. Неуловимая «катюша»	255
Ф. Ф. Калугин. Семнадцатая железнодорожная	263
А. С. Михайлов. Труженики аэродрома	265
Е. К. Вержбицкий. Флаг над Осмуссааром	269
И. П. Скалиух. Тральщики идут на запад	277
Б. В. Румянцев. Штурман прокладывает курс	279
П. Г. Карузе. На сторожевом корабле	282
С. Ф. Меньшиков. Огни далеких маяков	291
А. Н. Башкиров. Люди и мины	294
Борис Пророков. Листовки «Красного Гангута»	300
А. С. Коровин. Главная операционная	310
Л. И. Першанин. Рабочая косточка	323
Н. Ф. Кудрин. По форме и по норме	326

В ряды защитников Ленинграда

С. И. Кабанов. Мы ушли непобежденными	331
Л. В. Шлихтер. «Мертвые сутки»	344
А. М. Ананян. В отряде прикрытия	346
Л. М. Тудер. Второго декабря, в шесть вечера	349
Н. В. Чернов. Не подвластно времени	352
Евг. Войскунский. Ночь, день и еще одна ночь	355
А. К. Баранов. Наши с тобой побратимы	363

В сердце и в памяти

В. Б. Паллон. Строки, жившие вразброс	369
Николай Колесов. У истоков диссертации	375
Лев Самойлов. Главная тема жизни	380
Конст. Грищинский, Николай Шестаков. Мать и сын	383
А. С. Михайлов. Давнее, пережитое	387
И. П. Сарафанов. Друзья на всю жизнь	390
Михаил Дудин. Эстафета мужества	393

**Г19 Гангут. 1941. Сборник. Составитель К. К. Гри-
щинский. Лениздат, 1974.**

400 с.; с илл.

В суровую осень первого года Великой Отечественной войны, когда армиям фашистской Германии удалось прорваться к Ленинграду, в глубоком тылу противника, на далеких рубежах Балтики, 164 дня стойко и самоотверженно отбивал все атаки врага гарнизон советской военно-морской базы Ханко. Непобедимые гангутцы вписали славные страницы в летопись бессмертной битвы за город Ленина.

Сборник воспоминаний защитников Ханко — волнующая повесть о мужестве, о братстве, о безграничной преданности Родине.

11202—220
М 171 (03)—74^{79—74}

9(с)271

**„ГАНГУТ.
1941“**

Составитель Константин Константинович Грищинский

*Редактор В. П. Цеханович
Художник В. Н. Адаев
Художник-редактор О. И. Маслаков
Технический редактор Л. П. Никитина
Корректор Н. Г. Ковенская*

Сдано в набор 3/IX 1973 г. Подписано к печати 14/II 1974 г. М-28842.
Формат 84×108¹/₃₂. Бум. тип. № 1. Усл. печ. л. 21,0+вкл. Уч.-изд. л.
20,18. Тираж 100 000 экз. Заказ 337. Цена 93 коп.

Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59

Ордена Трудового Красного Знамени типография
им. Володарского Лениздата, Ленинград, 191023, Фонтанка, 57.

